

**ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В
ТРОЕЦАРСТВО
НЕ ПРОПУСТИ!**

ЯРЧАЙШЕЕ СОБЫТИЕ РОССИЙСКОГО ФЭНТЕЗИ!

ЮРИЙ НИКИТИН
НОВЫЙ РОМАН
ЮТЛАНД БРАТ ПРИДОНА

ЮРИЙ НИКИТИН
АРТАНИЯ

ЮРИЙ НИКИТИН
ПРИДОН

ЮРИЙ НИКИТИН
КУЯВИЯ

Новая книга во Вселенной ТРОЕЦАРСТВИЯ, легшей в основу популярной MMORPG
3r.mail.ru

Кто не читал, тот проиграл!

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Александр ШАЛГАНОВ.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Елена БОСОВСКАЯ.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Татьяна МУРИНА.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ:

Евгений ХАРИТОНОВ.

КИНОФАНТАСТИКА, НОВОСТИ:

Дмитрий БАЙКАЛОВ.

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Екатерина АРОЯН.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:

Эдуард ГЕВОРКЯН, Александр ГРОМОВ, Олег ДИВОВ, Марина и Сергей ДЯЧЕНКО, Евгений ЛУКИН. Сергей ЛУКЪЯНЕНКО, Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:

Игорь ТАРАЧКОВ.

САЙТ ЖУРНАЛА:

www.esli.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:

if@esli.ru

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:

МОСКВА, 119435, Б.Саввинский пер., д. 9,
ИД «Любимая книга», журнал «Если».

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:

8(499)248-08-90 (доб. 201).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:

ИД «Любимая книга», тел. 642-97-55.

ИЗДАТЕЛЬ:

Издательский дом «Любимая книга».

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:

«Наша пресса», «Центропечать», «Сити Пресс Сервис», «Сейлс», «Метропресс» (С.-Петербург), «ДМ пресс», ХК «Сегодня пресс», «Роспечать», «Желдорпресс», «АРПИ-Сибирь» (Новосибирск).

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати.

Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ООО «Красногорская типография»

143400, Московская область, г. Красногорск, Коммунальный кв., д. 2.

Зак. 196.

Тираж 14 000 экз.

Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция вступает в переписку только на страницах журнала.

Редакция не несет ответственности за содержание рекламных объявлений.

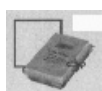
©«ЕСЛИ», 2011

ФАНТАСТИКА № 3 (217)

ISSN 1680-645X

ЕСЛИ

125 Стивен БАКСТЕР

ЗЕМЛЯ-3

Еще один мир, обитатели которого пытаются понять, кто они, откуда и куда идут.

3 Андреас ЭШБАХ

КВАНТОВЫЙ МУСОР

Что-то физики в загоне... А в почете кто? Мусорщики!

17 Карл ФРЕДЕРИК

ЧЕТВЕРОНОГИЙ СЕЙСМОЛОГ

Обидеть сейсмолога может каждый, а вот угостить сахарной косточкой...

43 Пэт МАКЬЮЭН

МИЛЫЙ ДОМ

Дома бывают умные, но попадают крайне впечатлительные и болезненные.

65 Алексей МОЛОКИН

ЛЫСЫЙ РОБОТ

О драматических последствиях разделения двух цивилизаций - роботов и людей.

103 Владимир ИЛЬИН

СЛАБОСТЬ ПРИТЯЖЕНИЯ

Простой шофер из российской глубинки углубляется в тонкости теории антигравитации.

183 Кристофер БЕННЕТ
ТОЧКА ВЫХОДА

Смелая разведчица Нашира Винг вновь совершает подвиг, рискуя сломать крылья о стену «государственных интересов».

207 Джастин СТЭНЧФИЛД
ПРИЗРАКИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Одни браки заключаются на небесах, другие - в генной лаборатории.

231 Аллен СТИЛ
ИМПЕРАТОР МАРСА

Классика НФ как средство против депрессии.

116 Сергей ЦВЕТКОВ
ВЫКЛЮЧЕНИЕ ЭЛЕКТРОНИКИ

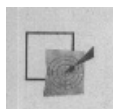
В зрительском сообществе сложилось крайне неоднозначное отношение к этому блокбастеру студии Диснея.

122 Аркадий ШУШПАНОВ
ЧЕЛЮСТИ ПОД ЁЛКОЙ

Что это: очередная экранизация классики или постмодернистский бульон?

118 ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ

Как выглядит крупнобюджетная НФ в индийском исполнении?
Да как и все остальное индийское кино!

251 Николай КАЛИНИЧЕНКО
ВАВИЛОНСКИЙ ПОДРЯД

Ну, что тут скажешь, гастарбайтеры были всегда. Это их мозолистыми руками выстроена человеческая цивилизация.

253 Мария ГАЛИНА
ПРАВДИВАЯ ЛОЖЬ

Дело уже привычное: новая книга московского писателя и журналиста обязательно становится объектом критических споров.

255 РЕЦЕНЗИИ

Как по заказу: в основном долгожданные продолжения. Радует, что

рецензентов это не смущает и они дают взвешенную оценку.

266 КУРСОР

Ушел из жизни и второй представитель известного творческого дуэта фантастов...

260 Вл. ГАКОВ

АФЕРА ВЕКА

Один из самых знаменитых писателей мира, чей 100-летний юбилей пришелся на этот месяц, свою славу приобрел отнюдь не литературным трудом. Причем «приобрел» почти буквально.

269 ПЕРСОНАЛИИ

По большей части имена хорошо знакомы нашим читателям, но информация имеет обыкновение обновляться.

АНДРЕАС ЭШБАХ

КВАНТОВЫЙ МУСОР

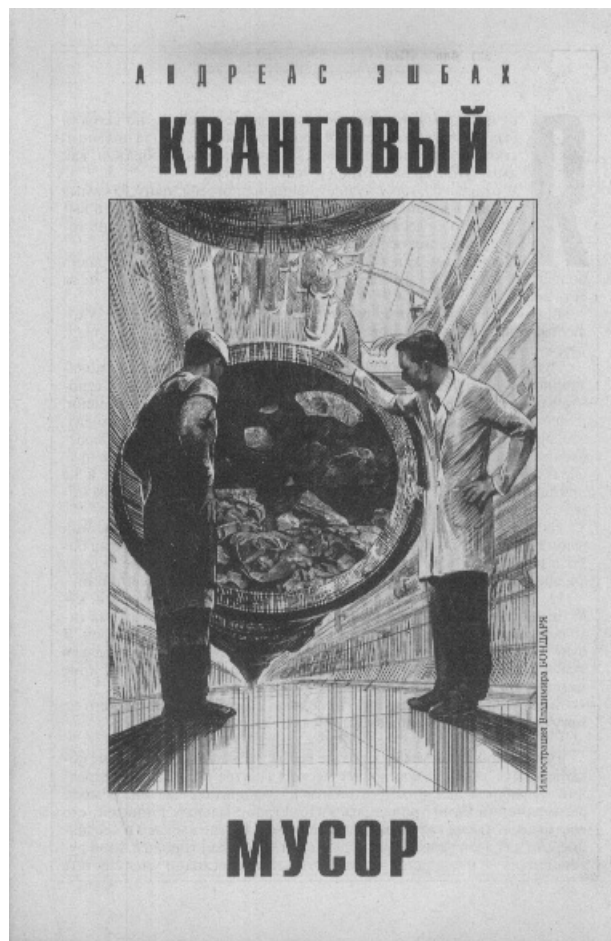

Иллюстрация Владимира БОНДАРЯ

Я нечасто позволял себе роскошь разжечь камин, но сегодня был именно такой день. Я бросал в огонь полено за поленом, смотрел, как они занимались и разгорались, воображал, как дым клубится над трубой и тает в воздухе. Я открыл бутылку лучшего вина из погреба, одну из самых старых в моей коллекции, из тех, за которые я когда-то выложил то ли десять, то ли одиннадцать тысяч евро. И оно того стоило, доложу я вам. Оно того стоило. Посмотрим, как далеко я смогу зайти. Делать мне все равно больше нечего. И у меня еще есть время - так они сказали. У меня есть время.

Время, да... Одно можно сказать о нем точно: оно проходит. Уходит секунда за секундой вместе с нашей жизнью. Тик-так, тик-так... Безостановочно, бесповоротно, безвозвратно...

Разве время не величайшая загадка мироздания? Разве не самонадеянность с нашей стороны думать, что мы им владеем! Время - строительный материал нашего мира. Наша жизнь протекает во времени, измеряется временем. И когда приходит конец - а он всегда приходит, это, простите за каламбур, только вопрос времени, - тогда мы оглядываемся назад, на время, которое прожили, на жизнь, которая нас преобразила, пока мы пытались преобразить ее; видим принятые и не принятые решения и их последствия; и как они вели нас от одного

момента жизни к другому, пока мы не оказались там, где мы есть.

Например, когда-то я не мог бы позволить себе настоящий камин в доме и бутылку вина за несколько тысяч евро. Когда-то я не был богат и не чаял стать богатым. Я просто учился в Университете, изучал физику, и мои планы не простирались дальше защиты диссертации.

Но теперь я сижу здесь, в огромном доме, и земли вокруг него, куда ни бросишь взгляд, тоже принадлежат мне. Обычно здесь не так тихо и пустынно, но сегодня я отпустил прислугу и отключил телефон. Я буду пить сегодня, пить лучшее вино на свете, пить столько, сколько захочу и смогу, и мысленно вернусь на тридцать лет в прошлое, в тот момент, когда я принял решение, которое привело меня сюда.

Зачем я пишу это? Потому что больше я действительно ничего не могу сделать - и это невыносимо тяжело для меня.

После окончания учебы я долгое время болтался безработным, пока не нашел за грошовую оплату место в Центре ядерных исследований. Я работал дежурным техником на ускорителе частиц. В моем распоряжении были тринадцать километров пыльных туннелей, сто восемьдесят тысяч катушек ускорителя, множество кабелей и осознание, что для этой работы мое образование слишком хорошее. Мой руководитель - настоящий идиот, который превосходно умел листать протоколы, - любил говорить, с важным видом надувая щеки: «Где-то здесь кроется ошибка. Найдите ее, Штайнбах». Он никогда не назвал меня ни «доктором Штайнбахом», ни «господином Штайнбахом», а что до слова «пожалуйста» - сомневаюсь, что он вообще слышал о подобных формальностях. Мой единственный помощник - Конрад Хеллерманн, также доктор физики, и с теми же перспективами на трудоустройство, как и у меня, - переносил свое унижение со стоическим спокойствием, о коем я и не мечтал. Я же с каждым месяцем впадал во все более глубокую меланхолию.

Цепочка событий, которая привела меня в настоящее, началась в тот день, когда я рассказал Конраду о своем брате. Я вообще-то не очень охотно вспоминал о нем: на то имелись свои причины. Дитер был на два года моложе меня и ровно вдвое глупее. С самого начала учеба не давалась ему. Пока я носил домой отличные оценки, он валял дурака и с грехом пополам окончил среднюю школу. Пока я поступал в университет, он болтался без дела, брался то за одно, то за другое, потом бросал, пока наконец не обрюхатил дочку какого-то мелкого предпринимателя, который занимался сбором и переработкой мусора. Молодые люди поженились, и свекор взял Дитера в долю. Я получил докторскую степень и оклад, которого хватало разве что на месячный билет на трамвай. Дитер тем временем разъезжал на «мерседесе», довольно старом и побитом, но все же «мерседесе». Он так и не обзавелся ни манерами, ни вкусом, и все знали, что он предпочитает

делать бизнес по-черному, но тем не менее он без труда стал членом нашего городского совета, после чего я всерьез задумался о несправедливости жизни.

Я рассказывал об этом Конраду, пока мы колесили на маленьком электромобильчике по туннелю в поисках очередной «ошибки», которая «где-то крылась».

- Ну да, - сказал Конрад с обычным философским спокойствием, - ученым сейчас не на что рассчитывать. Скажи, ты когда-нибудь слышал, чтобы хорошенькая женщина говорила: «Неужели вы квантовый физик? Как интересно!». Просто плюнь и забудь об этом, приятель.

Спустя несколько дней на ускорителе случился серьезный сбой. Приборы показывали, что все системы работают нормально, но камера не зафиксировала ни одного электрона. В триллиардную долю секунды мы потеряли столько энергии, что ее хватило бы осветить и обогреть небольшой город. И, разумеется, именно мы с Конрадом должны были привести все в порядок.

- Смотри сюда. - Конрад показал на одну из катушек. - Тут явно что-то не так.

Я согласился: что-то было не так, хотя я понятия не имел что именно.

Катушка представляла собой металлический цилиндр около семи сантиметров в диаметре: обмотка, контакты, уплотнение - все вроде бы выглядело как обычно. Множество подобных катушек, похожих как две капли воды, образовывали канал ускорителя. Их постоянно приходилось менять, и это была тяжелая и нудная работа для неудачников. Для нас с Конрадом.

Катушка, которую показывал мне сейчас Конрад, выглядела странно. Разумеется, в свете мерцающих ламп в туннеле, от которого по поверхностям разбегались блики, все выглядело странным. Однако у нас с Конрадом уже давно появилось седьмое чувство на неполадки.

- Она деформирована, - сказал я наконец, открывая ящик с инструментами. - Может, ее просто задел уборщик... Ладно, давай посмотрим поближе.

Мы обследовали катушку и сразу увидели, что с ней не так. В канале, где в норме должен был царить абсолютный вакуум, находился воздух. Мы переглянулись. Перспектива тихого вечера рухнула. Придется провозиться всю ночь.

Прежде всего мы попытались вытащить «нарушительницу», но это нам не удалось. Она сидела как влитая и не желала расставаться со своими соседками.

- Остаточный магнетизм, - предположил Конрад.

Собственно говоря, это было наиболее вероятное объяснение. Такое случалось уже не раз. Под влиянием проходящих через канал потоков частиц катушки накапливали остаточный магнетизм и слипались друг с

другом так, что их невозможно было растащить без сервомеханизмов. Но мы знали способ и проще: размагнитить упряmicу. На этот случай наш электромобиль был оборудован кабелем, с помощью которого мы подали на катушку ток от аккумулятора машины. Фокус-покус вполне удался, и скоро причина сбоя оказалась у нас в руках.

Но, как выяснилось, странности только начинались. К нашему безграничному удивлению, мы обнаружили внутри катушки нечто вроде большого мыльного пузыря. Ничего подобного мы в жизни не видели.

- Что это за штука? - спросил Конрад шепотом, мгновенно проникшись невольным уважением к невиданному артефакту.

- Может быть, это эффект высокого напряжения? - неуверенно предположил я.

Действительно, за пределами высокого напряжения, при котором работали ускорители, могло создавать странные феномены. Так, однажды в японском ускорителе образовалась шаровая молния, которая убила четырех сотрудников. Мы, похоже, одновременно вспомнили об этом, переглянулись и поежились.

Потом Конрад покачал головой.

- Ты думаешь, наш аккумулятор мог создать такое напряжение, что ее буквально раздуло? Его мощность - три ватта. Мой будильник потребляет больше.

- Тогда, возможно... - я коснулся обмотки катушки отверткой и сразу забыл, что хотел сказать.

Потому что пузырь зашевелился, мы услышали звук, похожий на человеческий вздох, тут же какая-то непонятная сила вырвала отвертку из моих пальцев, и инструмент просто исчез. Мгновенно и бесследно.

Мы невольно отшатнулись - как тигры при виде огня - и замерли, не веря собственным глазам. На секунду я словно отстранился, увидел нас со стороны, и все вокруг показалось мне дурным сном: темный туннель, блики ламп, двое парней в рабочих комбинезонах, застывшие в нелепых позах над металлической катушкой. Но потом инстинкт ученого взял верх над человеческим страхом, и за ближайшие четверть часа мы отправили в небытие наши карандаши, пачку сигарет и все гайки и шурупы, которые нашли в карманах. Феномен исправно «работал», но мы ни на шаг не приблизились к тому, чтобы понять суть явления.

- Мы должны в этом разобраться, иначе нам будет трудно оставаться материалистами, - сказал Конрад.

Я шарил по карманам, размышляя, что бы еще скормить ненасытной катушке.

- Думаю, нам нужна вещь с резким запахом. Зажженная сигарета или горелая резина. То, что мы сможем потом найти.

Конрад не отрывал глаз от приборов:

- Не может быть! Эта штука потребляет всего 2,907 ватта. Чертовски

мало - даже комара не прихлопнешь. А она уже столько сожрала. - Он наконец поднял голову. - Енс, этому есть только одно объяснение.

- Ага, - понял я в ту же секунду.

- Квантовый эффект, - продолжал Конрад.

Я кивнул:

- Макроскопический квантовый эффект. Все эти вещи просто перешли...

- ...в иное состояние материи, - закончил Конрад.

Я выпрямился и посмотрел в даль темного туннеля ускорителя. Я вовсе не рассчитывал увидеть там что-то новое, наоборот, даже эта фантастическая картина представлялась мне удивительно обыденной и успокаивающей по сравнению с той, что плясала в моем воображении.

- Не удивительно, что нам не удалось зарегистрировать ни одного электрона. Они просто проваливались... Просто проваливались... куда-то.

Конрад пригладил волосы и оправил куртку, как будто вообразил себе толпы репортеров, ожидающих нас за углом туннеля.

- Это тянет на Нобелевку, дружище, - сказал он. - Почет и уважение. Местечко на научном Олимпе рядом с Эйнштейном и Ньютоном. - Он вздохнул. - Енс, клянусь, они назовут в нашу честь университет. И не один.

Я покачал головой:

- Спокойно, старик, спокойно. У меня есть идея получше...

Собственно говоря, мы не совершили никакого открытия. Мы наткнулись на волшебную катушку по чистой случайности. И не имело никакого смысла рассказывать о нашей находке другим ученым, пока мы еще не понимали, с чем столкнулись. В самом деле, представьте, что вы отправляете в научный журнал статью следующего содержания: «Мы открыли поле, в котором исчезают предметы, но мы не имеем ни малейшего понятия, ни куда они исчезают, ни что это за поле, ни как оно функционирует». Что вам ответят? Вот то-то и оно.

Нет, прежде всего нам нужно попытаться самим разгадать эту загадку.

Мы так и не решились отсоединить кабель от катушки - вдруг таинственное поле, исчезнув, не появится снова? Мы спрятали катушку вместе с аккумулятором нашего автомобиля в одном из подсобных помещений и периодически меняли источники питания. Так было тридцать лет назад. Так оно и осталось до сих пор. Мы ни разу не отключали электричество, и поле до сих пор там.

Сначала мы пытались работать на голом энтузиазме, но в нашем распоряжении имелись лишь несколько простейших измерительных приборов и пара часов времени по вечерам. Вскоре стало ясно: такими

темпами мы можем возиться годы и десятилетия и не добьемся никакого внятного результата. Нам требовалась хорошая база.

А именно: деньги.

Я знал всего одного состоятельного человека - моего брата Дитера. И вот однажды вечером, когда все сотрудники института разошлись, я привел его в наш подвал и показал катушку, лежавшую на пяти старых деревянных ящиках. Не очень-то впечатляющее зрелище.

- И что это за барахло? - спросил Дитер недовольно. - Зачем мы сюда притащились?

- Подожди, сейчас все узнаешь, - успокоил его я. - Вот, держи.

И я протянул ему массивную металлическую болванку.

Дитер хмыкнул:

- Сталь. Кажется, St-50. Вес около пятисот граммов. Думаешь, я таких никогда не видел?

- А теперь помести ее в поле, - я старался не реагировать на его выпады.

- В какое еще поле?

- Вот сюда, внутрь катушки.

- И что произойдет? - спросил он с подозрением. - Меня дернет током, да?

- Ничего подобного. Не бойся. Просто сделай это.

Он с опаской покосился на меня, занес руку над кольцом катушки, стараясь держать ее повыше, и разжал пальцы. Подобно множеству предметов, исчезнувших до того, металлическая болванка так и не коснулась земли. Ее просто не стало. Была - и нет.

- Круто, - Дитер скупно улыбнулся. - Ну и в чем фокус? В чем секрет?

- Это не фокус, - ответил я.

- Но эта штука... - Дитер наконец сменил свой обычный тон невозмутимого скучающего богача. - Стальная штука... где она?

Я пожал плечами.

- Может быть, сгорела в солнечной короне. А может, канула в черную дыру в центре Млечного Пути. Правда в том, что мы не знаем.

- Но мы с удовольствием занялись бы этим, - осторожно вставил Конрад, явно испытывавший к моему брату гораздо больше уважения, чем тот заслуживал.

- И нам нужна твоя помощь, - добавил я.

- Моя помощь? - Дитер искренне удивился. - Но я же в таких вещах ничего не понимаю.

- Это трудно не заметить, - не удержался я от колкости. - Мы просто хотим, чтобы ты спонсировал открытие маленькой частной лаборатории, где мы могли бы проводить свои исследования. А в результате получишь такие дивиденды, какие тебе и не снились.

Дитер возмущенно фыркнул.

- За кого ты меня держишь? За денежный мешок без мозгов? Я все

понял, братишка. Ты притащил сюда какую-то штуку из арсенала Дэвида Копперфильда и пытаешься выманить у меня деньги. Не получится - я не такой дурак.

- Дай мне твой мобильник, - сказал я, стараясь не показывать, как его грубость действует мне на нервы.

Дитер поморщился, но достал из кармана трубку и протянул мне.

- Введи пин-код, - попросил я.

- И что будет?

- Просто введи.

Он пожал плечами, но подчинился.

- И что дальше?

- Ты помнишь свой номер?

- Разумеется!

- Хорошо, - и с этими словами я швырнул мобильник в кольцо катушки.

Мобильник исчез.

- Ты точно псих! - завопил Дитер. - Ты хоть представляешь, сколько он стоил?

- Тебе он наверняка не стоил ничего, насколько я тебя знаю, - возразил я. - А теперь, - я протянул ему свой телефон, - позвони на него.

- Что? Ты с ума сошел?

Но я уже сам набрал его номер.

«Аппарат вызываемого абонента выключен или находится вне зоны действия сети», - сообщил нам хорошо знакомый женский голос.

- Здесь вещи на самом деле исчезают, - сказал я. - Исчезают бесследно. Ты понимаешь, какие возможности это открывает перед нами? Думаю, даже тебе это доступно.

Дитер молчал. Впервые в жизни я заставил его заткнуться.

Разумеется, он все отлично понял. Я никогда не отрицал, что у моего брата была великолепная деловая хватка. Наша первая лаборатория была оборудована в подвале здания, где располагалась фирма Дитера. Он потребовал свободный доступ к катушке по ночам, и тут нам пришлось уступить. По вечерам в подвал начиналось паломничество - люди несли моему брату деньги и то, от чего они хотели избавиться: растворители и токсичные вещества, ртутные соединения, старые рентгеновские аппараты, кислоты, удобрения и все в таком же роде. Скоро я уже имел понятие, что стандартный контейнер типа Р для радионуклидов окрашен в синий цвет и содержит шестьдесят литров смертоносной жидкости. А также узнал, сколько готовы заплатить люди, чтобы кто-то забрал у них все это добро.

Ошеломляющие открытия.

Наши дела шли вовсе не так успешно, как у Дитера. Мы возились с

катушкой уже год и все еще ничего не понимали. Испытали все доступное нам оборудование, выдвинули и отвергли сотни теорий, использовали самые мощные компьютеры и самые остроумные модели. Не раз и не два мы с Конрадом хотели рассказать другим ученым о нашей находке и признаться, что потерпели фиаско в попытках добраться до истины. Но Дитер строго запрещал нам обнародовать открытие. Или мы разрешим загадку сами, или пусть она так и остается неразгаданной.

А катушка подбросила новую тайну. Однажды Конрад сказал мне, что, по его наблюдениям, мощность, потребляемая ею, постепенно повышается.

- Ты уверен? - переспросил я.

- Все точно. Посмотри, вот наши старые записи. Вначале было 2,907 ватта. А теперь смотри сюда. Сегодня она потребляет 3,112 ватта.

Мы сидели в кабинете, за столом, заваленным книгами по квантовой физике и глянцевыми проспектами, которые выпускала фирма Дитера.

Я пожал плечами:

- Три ватта с небольшим - это довольно скромные потребности, не так ли? Я хочу сказать, мы можем это себе позволить.

- Да, конечно. Просто странно... Конечно, в каком-то смысле ничего необычного: не первая странность и даже не вторая... Но если это не случайность, а тенденция, и потребность будет возрастать...

- Не вижу проблемы. Даже если она возрастет до тысячи киловатт, мы сможем их без труда обеспечить, и это не повлияет на наши прибыли.

Я тут же пожалел о своих словах: Конрад пристально посмотрел на меня, затем снял очки и стал протирать линзы с таким видом, будто это единственное, что волновало его сейчас.

- То есть научное объяснение этого явления тебя не интересует? - спросил он наконец.

Что я мог на это ответить? В сущности, он был прав. Меня больше не интересовали научные теории, когда практическое применение найденного нами эффекта сулило такие великолепные перспективы.

И вскоре мои планы стали очень конкретными - после того как Конрад открыл способ деления поля. Требовалось поднести к первой магнитной катушке вторую, через которую также был пропущен ток, и если сила тока и характеристики электромагнитного поля были правильно подобраны, эффект «перескакивал» с одной катушки на другую, словно пламя со спички на спичку.

Для меня не составило труда вообразить, как изменится наш мир, когда подобные «модернизированные мусорные ведра» станут широко доступны и будут применяться для уничтожения вредного мусора по всей планете. И эта картинка мне очень понравилась - как любому нормальному человеку. Я почувствовал, что мы можем не просто зарабатывать деньги - мы можем сделать мир лучше, чище,

безопаснее.

Только одно мешало реализации планов - мой брат. Он по-прежнему был категорически против. Он не желал даже разговаривать на эту тему и грозил пустить нас по миру, если мы расскажем о нашей находке хоть одной живой душе. И он мог это сделать - на досуге я перечитал контракт, который когда-то подмахнул не глядя, положившись на родственные чувства. Теперь же я горько раскаивался в своей наивности: мой брат действительно обладал великолепной деловой хваткой и ни единой каплей совести. Условиями своего контракта он практически связал нас по рукам и ногам.

- Нет, нет и еще раз нет, - так ответил он мне, когда я в очередной раз (кажется, в пятидесятый, если не в пятисотый) попытался обсудить с ним переход от нашей прежней деятельности к продаже «мусорных ведер». - Сколько можно об этом говорить? Думаешь, я не понимаю своей выгоды? Гораздо экономичнее заниматься утилизацией мусора, нежели строить и продавать приборы для утилизации мусора. Никто не отдает секрета фирмы в руки клиентов, ведь тогда они смогут обходиться без посредников. Это азы, как ты не понимаешь? Занимайся своими исследованиями и не лезь в мой бизнес. Ну все, мне нужно идти.

И он, сердито фыркая, принялся складывать бумаги в портфель. Я снова попытался воззвать к его благоразумию:

- Продажа приборов тоже может стать бизнесом, Дитер. Более крупным бизнесом, чем есть у нас сейчас. Если мы займемся этим, меньше чем через год у нас уже будет концерн мирового уровня.

- Да неужели? - Дитер скептически усмехнулся. - Какой ты все-таки наивный, братишка. Концерны образуют филиалы, потом эти филиалы отделяются и оставляют своих боссов с носом. Кроме того, деятельностью концернов интересуется правительство. Поверь мне, держать катушку в руках, а нашу работу в тайне - наилучшая стратегия.

Я возразил:

- Все решается очень просто. Достаточно взять три независимых экспертных свидетельства, запатентовать прибор и получить лицензию на выпуск. И все - прибор у нас никто не отнимет.

Дитер хмыкнул:

- Патентное право! Не смей меня! Енс, разреши тебе напомнить, ты не открыл поле, ты его просто нашел. Ты до сих пор не знаешь, как оно работает, ты сам мне об этом говорил. Как ты сформулируешь заявку на патент?

- А в чем проблема? Люди, которые оформляют заявки на различные гены, тоже просто находят их. И тоже понятия не имеют, как они работают. И тем не менее если ты попытаешься размножить запатентованный ген, твою деятельность признают незаконной.

Дитер помотал головой и щелкнул застежками портфеля.

- Я уже сказал: нет, и все. Не приставай ко мне. Не лезь в дела, в которых ты ничего не смыслишь.

Я вздохнул. Видит Бог, я пытался уладить дело по-хорошему. Я надеялся на здравый смысл брата. Тщетно. Он не оставил мне выбора. Он просто грубиян и невежда, который стоит на пути прогресса.

- Ну хорошо, - сказал я. - Удели мне еще пару минут. Давай спустимся в лабораторию, и я покажу тебе нечто, способное изменить твой взгляд на мир.

- Бесполезно, Енс. Я принял решение.

Дитер раздраженно шарил по полке в поисках ключа от кабинета.

- Это займет всего минуту.

- Ты не видел этот чертов ключ?

- Пожалуйста, - попросил я. - В последний раз, и больше я эту тему поднимать не буду. Обещаю. Ты только взгляни - клянусь, не пожалеешь.

- Ну ладно, - он наконец нашел ключ и обернулся ко мне. - Если ты действительно обещаешь, что это займет пару минут и потом ты отстанешь от меня. Но предупреждаю: я не собираюсь менять свое мнение.

- Договорились, - я открыл дверь. - Пойдем?

Мы спустились по маленькой лестнице, ведущей в подвал, в нашу с Конрадом лабораторию. Я пропустил Дитера вперед.

- Ну что там у тебя?

Он подошел к катушке, когда я резко толкнул его в спину. Дитер споткнулся, по инерции сделал шаг вперед и попал в зону поля. Раздался негромкий хлопок, будто кто-то наступил на воздушный шарик, и мой брат исчез.

Затем я взял еще одну переносную катушку с аккумулятором и позаботился об автомобиле Дитера. Брат обычно никого не посвящал в свои планы и уезжал без предупреждения на несколько дней по своим делам. Поэтому родственники забеспокоились только ближе к уикенду. Явились полицейские. Началось расследование. В конце концов следователь пришел к выводу, что Дитер не поладил со своими друзьями из криминального мира и то ли был убит, то ли ударился в бег. Никто о нем особенно не сожалел.

По окончании следствия я женился на вдове Дитера, и отныне вся фирма стала принадлежать мне. Разумеется, кое-кому из журналистов это показалось подозрительным, но у меня теперь было достаточно денег, чтобы заткнуть излишне любопытных. А с тех пор как мы с Конрадом начали выпуск нашей продукции, мы приобрели статус спасителей человечества, и у людей быстро пропало желание

подозревать нас в смертных грехах.

Да и был ли я убийцей? Был ли Дитер мертв? Никто пока не мог доказать, что предметы, попавшие в поле, разрушаются безвозвратно. Так что совесть меня не мучила.

Наша продукция произвела сенсацию на рынке - еще бы, ведь мы демонстрировали, что способны уничтожить любые отходы: быстро, с минимальными затратами электроэнергии и без побочных эффектов. Никаких продуктов сгорания в атмосфере, никаких радионуклидов в почве, никакого влияния на экологию - технология третьего тысячелетия здесь и сейчас. Мы выпускали не только «мусорные ведра», но и фильтры, превосходно очищавшие воздух и воду. И люди наконец перестали страдать от жажды и смогли без страха дышать полной грудью.

О том, что было дальше, можно прочесть в учебниках истории. Постарайтесь вспомнить, видели ли вы когда-нибудь свалку или мусоросжигательный завод. Если да, значит, вам по меньшей мере двадцать пять лет от роду. Дети же не могут представить себе другого места для мусора, кроме утилизационных катушек, которые стоят в каждом доме и каждой квартире. Они не знают, что такое мусорное ведро, мусорный бачок, выгребная яма. Они никогда не видели навозных мух, вьющихся над помойкой, не видели загрязненной воды, не вдыхали загрязненный воздух. Но бытовой мусор - это лишь вершина айсберга. Промышленные отходы - о них уже никто не вспоминает. Токсичные отходы, радиоактивные отходы, хранилища, потреблявшие огромную энергию и всегда угрожавшие нашей безопасности, - все это в прошлом. Нефть в реках и океанах, черный дым, клубящийся над трубами - люди забыли об этом. Никогда раньше Земля не была такой чистой, а жизнь на ней - такой комфортной...

Боюсь, я дошел до предела. Больше трех бутылок не одолеть. «Монтранше» - чудесное вино: душистое, нежное, пикантное. Но даже оно и все сокровища моих подвалов, которые я собирал десятилетиями, не смогут утолить боль, не заставят забыть меня о том, о чем я хотел бы забыть больше всего на свете.

Поначалу, тридцать лет назад, все шло отлично. Я руководил концерном, Конрад продолжал исследования. Я помог ему собрать лучших специалистов, лучшие приборы, я буквально завалил лабораторию деньгами и думал, что тут у меня все схвачено - если кто-то и способен найти разгадку таинственного эффекта, это будут мои люди. Они все еще не продвинулись в своих исследованиях, но это меня даже успокаивало. «Значит, дело не в том, что мы с Конрадом были глупцами, - думал я. - Если уж эти умники с Нобелевскими премиями так и не смогли найти ничего путного, значит, это по-настоящему сложная задача». Наши приборы расходились огромными

партиями, наши прибыли росли - чего мне было еще желать от жизни?

Все началось около полугода назад. Мы запустили в производство маленькие карманные очистители-пепельницы. Разумеется, они были снабжены портативными аккумуляторами, как и все наши приборы. И неожиданно на нас обрушилась волна рекламаций. Аккумуляторы разряжались слишком быстро. Гораздо быстрее, чем мы рассчитывали. Это было странно. Досадно и странно.

Потом стали выходить из строя фильтры для выхлопных труб. Также задолго до окончания гарантийного срока. И это тоже было странно и досадно.

А потом мне позвонил Конрад и сказал, что у него плохие новости и он хочет срочно поговорить со мной.

К тому времени наша лаборатория давно превратилась в солидный исследовательский институт, с верхнего этажа которого открывался прекрасный вид на город. Именно там располагался кабинет Конрада, где мы сейчас и сидели. Мой друг сильно сдал, но, несмотря на возросшее благосостояние, так и не расстался со старыми, знакомыми мне еще по временам нашей работы на ускорителе, очками. Сейчас он привычным движением протирал их стекла - как всегда в моменты сомнений и нерешительности.

- Видишь ли, Енс, - начал он. - Долгое время мы считали, что все предметы, пропадающие в очистителях, сжимаются в трех измерениях и прячутся в квантовом пространстве. Мы так решили, когда нашли ту первую катушку. Помнишь?

- Разумеется. А что, у тебя появились какие-то новые гипотезы? - спросил я, ощущая неприятный холодок под ложечкой.

- Да, точно. Мы много лет пытались создать модель этого пространства. А потом вспомнили о четвертом измерении - времени. И тогда все встало на свои места.

- В самом деле? - Холодок усилился.

- Да. Теперь я уверен: все, что исчезает в поле, перемещается не в пространстве, а во времени.

- Во времени? Ты уверен? Как это получается?

- Вижу, ты снова заинтересовался физикой, - съязвил Конрад. - Могу передать тебе протоколы наших экспериментов, чтобы ты изучил их на досуге. Но говоря коротко: все, что мы бросаем в очистители, направляется напрямиком в будущее.

- В будущее? Звучит не очень хорошо.

Конрад развел руками.

- Это и в самом деле не очень хорошо.

- А в какое будущее? - спросил я поспешно. - Я имею в виду... все, что мы отправили... может вернуться? Еще при нашей жизни?

- Ну, точно мы не знаем, - вздохнул Конрад. - Однако есть одна

зацепка. Помнишь, я говорил тебе, что потребность в энергии возросла? Так вот, она продолжает расти. Мы наблюдали за тенденцией в течение трех десятилетий, вывели функцию и построили кривую. Получилась гипербола, - он наконец водрузил очки на нос. - Ты еще помнишь, что такое гипербола?

- Да. Это функция обратно пропорциональной зависимости. Задается уравнением $y=k/x$, где k - коэффициент пропорциональности. Ну что, экзамен по геометрии закончен?

- Да. Отлично. А ты помнишь, что происходит с этой функцией, когда x равен нулю?

- Вторая координата становится равна бесконечности. Постой, ты хочешь сказать...

- Именно. - Конрад вздохнул, снова снял очки и принялся протирать стекла. - Она становится равна бесконечности. И это мы называем сингулярностью.

Думаю, вы уже обо всем догадались. Мы достигнем точки сингулярности этой ночью. В один час двенадцать минут тридцать и пять десятых секунды по среднеевропейскому времени. После этого наш мир необратимо изменится. Сегодня вечером потребление энергии очистителями достигло половины мегаватта на квадратный сантиметр. Это критическая отметка. С полуночи ни один из очистителей не сможет работать.

А что случится потом? Никто не знает. Но Конрад уверен: в этот момент вернется все, что мы когда-либо отправили в небытие. Все, начиная с отвертки, которую я потерял тридцать лет назад в ускорителе. Пачка сигарет Конрада, наши гайки, мобильник Дитера, бесчисленные фильтры для кофе и упаковки для бутербродов, выброшенные за тридцать лет на миллионах кухонь по всему миру. Яичная скорлупа, шкурки от бананов и апельсинов, картофельные очистки, обкаканые подгузники, пыль из миллионов пылесосов, разбитые зеркала и стекла, одноразовые шприцы и пустые ампулы, использованные стикеры, содержимое кошачьих лотков, жир из фритюрниц, бумажные носовые платки, тампоны и презервативы, разбитые кирпичи, черепки посуды, расколотый цемент, земля и песок, асбестовая пыль, куски сломанной арматуры, радиоактивные отходы - все это погребет нас под собой. А воздух наполнится выхлопными газами, которые вырабатывали машины всего мира за тридцать лет.

Бутылка пуста. Вечер подошел к концу. И мне, нет, нам всем, остается надеяться лишь на одно - на то, что мой друг Конрад, доктор Конрад Хеллерманн, ошибся в своих расчетах.

Может ли это случиться, как вы думаете?

Скоро я буду знать точно.

Перевела с немецкого Елена ПЕРВУШИНА

© Andreas Eschbach. Quantenmull. 2004.

Публикуется с разрешения автора и его литературного агента.

КАРЛ ФРЕДЕРИК

ЧЕТВЕРОНОГИЙ СЕЙСМОЛОГ

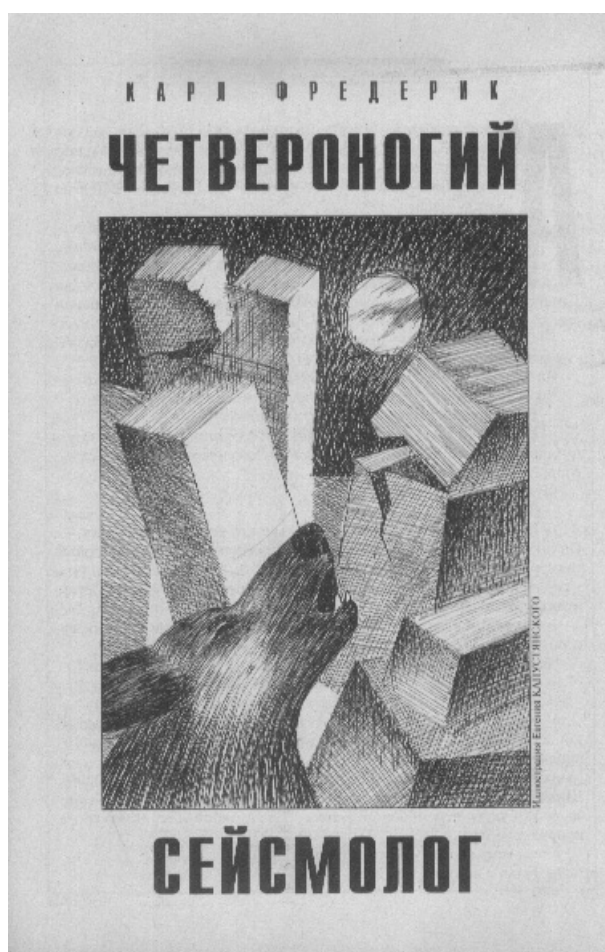

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

Алекс несколько секунд покрутил между пальцами тонкую пластмассовую ладью, прежде чем напасть на стоявшего справа от короля слона. А затем, когда соперник его взялся обдумывать ход, опустил руку, чтобы почесать Вегенера между ушей. По прошествии примерно еще десяти минут жаркая, но безмолвная баталия привлекла зрителя - молодую женщину, которая, остановившись возле паркового столика, заслонила доску от горячих лучей солнца.

Противник Алекса, азиат и аристократ по внешнему виду, поднял взгляд от доски.

- *Guten tag*, Катхен, - проговорил он.

- Коннити-ва, Вакабаяси-сама, - ответила она.

Японец кивнул, а потом снова обратил взгляд к шахматной доске. Через несколько ходов мужчина почти незаметно качнул головой.

- Предлагаю ничью.

- Ничью? - С точки зрения Алекса его позиция была несколько предпочтительнее, однако отклонить предложение было бы невежливо. - Хорошо. Согласен.

Мужчина откинулся на стуле.

- Вы здесь новичок?

- Новичок. - Алекс кивнул. - Только что вселился в комнату. - Он протянул руку над доской: - Алекс Прендергаст. Летний постдок, то есть временный научный сотрудник.

Мужчина ответил на рукопожатие коротким движением руки и вновь расставил фигуры.

- Такэо Вакабаяси, штатный сотрудник, физика элементарных частиц.

Поднявшись, Вегенер заскулил.

- О, нет, Вегенер, - проговорил Алекс. - Только не это!

- Что-нибудь не так? - спросила девушка.

- Не знаю, - промолвил Алекс, извлекая из кармана небольшую записную книжку, чтобы занести в нее очередной факт скулежа. - Но вполне возможно.

- Возможно? - женщина опустилась на скамейку. - Я Катарина Шнейдер. - Она бросила взгляд в сторону высокой стены Уилсон-холла. - И, будучи нейробиологом, представляю собой здесь нечто вроде инородного тела...

Алекс усмехнулся, убирая записную книжку в карман.

- Тогда и я чужак. Как сейсмолог.

Плавным обдуманым движением Такэо сделал первый ход, потом подпер подбородок ладонью. Алекс отметил, что пальцы японца в такой позе достают до самых ушей.

- И что же сейсмолог делает в лаборатории Ферми? - спросила Катарина.

Алекс сделал свой ход.

- Я запросил грант, чтобы проверить, можно ли применить созданную здесь лазерную микроизмерительную технологию для прогнозирования землетрясений. - Он говорил негромко, чтобы не помешать мыслям Такэо. - Большой адронный коллайдер высосал все деньги, отпущенные на физику элементарных частиц. Однако какие-то крохи на физику Земли еще остаются.

Такэо сделал второй ход - традиционное начало. Алекс также не стал отходить от азов.

- Поскольку Теватрон*¹ забудут, когда БАК заработает полным ходом, - сказал он, не отводя глаз от доски, - «Фермилаб» ищет себе другие дела. - Он оторвался от позиции. - Кстати, раз вы сами об этом заговорили, что делает здесь нейробиолог?

- Я нахожусь здесь по поручению Берлинского университета... изучаю возможность обнаружения космического излучения живыми организмами.

- Интересно.

Такэо сделал ход, и Алекс снова углубился в игру.

Примерно в течение десяти минут все молчали. Такэо отвел пальцы от ушей. А когда японец протянул руку к шахматной доске, земля задрожала. Через секунду-другую раздался негромкий гул, и почва под ногами дрогнула. Несколько шахматных фигурок упали со стола.

- *Ach Du heilige***²... - Катарина ухватилась за стол.

Такэо застыл на месте, задержав в руке фигурку так, словно, оторвав ее от доски, он спровоцировал землетрясение.

- Не беспокойтесь, - Алекс вскользь глянул на пса. - Землетрясение будет слабым и закончится через несколько секунд.

Они застыли в безмолвии секунд на пятнадцать, и земля успокоилась.

- Забавное ощущение, - призналась Катарина, выпуская только что стиснутый мертвой хваткой край стола.

- Думаю, мы находимся близко от эпицентра. P- и S-волны*³ ощущались так, словно пришли совместно. - Алекс опустил руку в карман. - Когда тебе нужен сейсмограф, его никогда не оказывается под рукой. - Он вынул мобильник: - У меня тут обсерватория Ламонта**⁴ на быстром дозвоне. - Он связался с Ламонтом, сделал сообщение, а потом сказал: - Три и одна десятая балла. Интересно.

Закончив разговор, Алекс посмотрел на часы, извлек записную книжку, куда заносил сведения о поведении собаки, и зарегистрировал факт землетрясения.

- Надеюсь, Теватрон не пострадал, - заметил Такэо.

- При 3,1 балла по шкале Рихтера, - проговорил Алекс, - за Теватрон можно не опасаться. - Он опустил телефон в карман. - А по шкале Меркалли***⁵ было, наверное, около четырех. - Он искоса глянул на

¹ * Кольцевой ускоритель-коллайдер, расположенный в Национальной лаборатории им. Энрико Ферми в городке Батавия штата Иллинойс, недалеко от Чикаго. (Здесь и далее прим. перев.)

² ** Ах ты, святая... (нем.)

³ * P-волны (первичные волны) - продольные или компрессионные сейсмические, ванны. Обычно их скорость в два раза быстрее S-волн (вторичные волны), они могут проходить через любые материалы.

⁴ ** Земная обсерватория Ламонта - Догерти в Колумбийском университете.

⁵ *** Шкала Меркалли применяется для определения интенсивности

сброшенные вниз шахматные фигурки. - Или даже пяти. - Алекс посмотрел на Такэо: - Придется и эту партию закончить вничью.

Такэо кивнул, а потом снова принялся расставлять фигуры. Алекс заметил, что из домов в поселке начали выходить люди. Казалось, их притягивал к себе Уилсон-холл, нервный центр «Фермилаб». Алекс и Катарина встали из-за столика.

- Давайте посмотрим новости, - предложил Алекс.

- А не сыграть ли еще разок?

Алекс улыбнулся. Партнер его явно был фанатиком шахмат.

- Спасибо, как-нибудь в другой раз.

Такэо кивнул и со вздохом поднялся. И все трое в компании Вегенера направились к Уилсон-холлу.

- С профессиональной точки зрения, - проговорил Алекс, разомлевший под лучами по-летнему теплого солнца, - я посрамлен. - Он снова взглянул на Вегенера. - Мой пес лучше меня справляется с этим делом. Он предвидел землетрясение.

Катарина приподняла бровь.

- В самом деле, - продолжил Алекс. - Он предсказал его. И у нас с ним что-то вроде соревнования.

- Вы действительно соперничаете со своей собакой?

Алекс коротко и напряженно улыбнулся:

- По правде говоря, я вправе считать себя лучшим сейсмологом, чем мой пес, потому что... в наши дни настоящие сейсмологи способны и в самом деле предотвращать некоторые землетрясения.

Катарина молча посмотрела на него.

- Ну да. Понимаю, - заторопился Алекс, задетый ее взглядом. - Но это действительно так. В некоторых случаях мы действительно можем предотвращать землетрясения - снимая напряжение путем бурения скважин и производением взрывов на безлюдных участках разломов.

- Я не о том, - негромко произнесла Катарина.

- А, вы имеете в виду мое состязание с собакой. - Алекс коротко и звонко рассмеялся. - Но ведь Вегенер не в силах предотвращать землетрясения. Хотя предсказывает их гораздо лучше меня.

- Но можно ли назвать это предсказанием, - усомнился Такэо. Тема разговора чем-то досаждала ему. - Может быть, собака благодаря своим лапам просто более чувствительна к вибрации и потому способна ощутить ее раньше, чем мы, люди.

- Мой пес предчувствовал землетрясение, когда я сидел перед целой батареей сейсмографов, наклономеров, низкочастотных вибродатчиков, тензометров и ультразвуковых детекторов и не обнаруживал ничего.

землетрясения по внешним признакам, на основе данных о разрушениях.

- В самом деле? - проговорил Такэо с нескрываемым недоверием в голосе.

- Я этого тоже не понимаю, - ответил Алекс, - но дело не в вибрации. А в чем-то... в чем-то другом.

Губы Такэо сложились в холодную улыбку:

- Едва ли в данном случае может существовать нечто другое.

- Понимаете ли, - произнес Алекс с большим пылом, чем ему хотелось бы. - Все, что мы знаем о физическом мире, является отражением человеческих чувств. А ведь даже голубь и акула ощущают его иначе, поскольку чувствуют статические электромагнитные поля.

- А как насчет сильного ядерного взаимодействия? - съехидничал Такэо.

- Ладно, - согласился Алекс. - Добавим - все, что нам известно о макромире. Но что если существуют и другие явления, для которых у нас просто нет органов чувств?

- Например, телепатия, - отмахнулся Такэо. - Псевдонаука.

- Но почему нет? - Алекс взмахнул руками. - Предвидение нарушает причинность. Телекинез противоречит закону сохранения энергии. А вот телепатия, похоже, все-таки существует. Она не идет вразрез ни с одним из физических законов.

- Однако телепатия не способна объяснить факты предсказания землетрясений, - проговорила Катарина, глядя скорее на Такэо, чем на Алекса.

- Возможно, некоторые живые существа умеют распознавать какие-нибудь незаметные нам физические явления, - предположил Алекс.

Катарина ответила ему мимолетной, уклончивой улыбкой.

- Физические... - многозначительно промолвил Такэо. - Но что это вообще такое - физическое явление? Если существуют какие-то незнакомые нам чувства, их обязательно можно будет объяснить с помощью физики. - Он улыбнулся. - Как ни прискорбно, но всякие призраки и привидения не имеют никакого отношения к науке.

Уголкем глаза Алекс отметил хмурый взгляд Катарины, обращенный к Такэо. Очевидно, особой симпатии друг к другу они не испытывали.

- Но моя собака предсказывает землетрясения, - упрямо и твердо проговорил Алекс.

- Сомневаюсь, - с такой же уверенностью ответил ему Такэо. - И почему тогда не предсказывают землетрясения другие собаки?

- Я и сам думал об этом. - Алекс умолк, ощутив легковесность собственного предположения. - Я взял Вегенера из спасательной службы, работавшей с немецкими овчарками. Мой пес специализировался на обнаружении наркотиков, однако лишился работы после внедрения новых электронных носов.

- Но какое отношение это может иметь к...

- Во время обучения Вегенеру, конечно же, пришлось нанюхаться

всякой дряни.

Такэо усмехнулся:

- Вы хотите сказать, что ваш пес приобрел редкий талант, хорошенько нюхнув наркоты?

- Как знать. Не исключено. Я не специалист по химизму мозга представителей собачьего семейства.

- Забавно, - буркнул себе под нос Такэо.

Несколько минут они шли молча. А потом Катарина сказала:

- Мне и в голову не приходило, что в Иллинойсе случаются землетрясения.

- На самом деле, - начал Алекс, - эта часть страны занимает второе место по сейсмической активности. И Батавия находится на продолжении разлома Нью-Мадрид.

- Сейсмология кажется мне весьма интересной и почтенной дисциплиной, - в голосе Такэо прозвучала интонация, предполагавшая извинение за предшествовавшую неучтивость.

Алекс качнул головой, надеясь, что Такэо истолкует кивок как знак «извинения приняты».

Потом они снова умолкли, и наконец Катарина спросила:

- А какова предсказательная эффективность вашего пса?

- Что-что?

- То есть какой процент его воя происходит по неизвестной причине. И какой процент... - Катарина старательно подбирала слова, - действительно коррелирует с землетрясениями?

- Не знаю. - Алекс посмотрел на Вегенера. - Но мой пес может предсказать землетрясение силой в 3,0 или более баллов по шкале Рихтера, находясь в пяти-шести сотнях миль от центра.

- Пятьсот миль, - произнесла Катарина. - Впечатляет.

Она на мгновение задумалась. А потом на ее лице появилось решительное выражение:

- А не пообедать ли нам завтра вместе. Поговорим о землетрясениях - и о вашей собаке.

- Мне было бы приятно, - сказал Алекс. - Его зовут Вегенер. Назван в честь Альфреда Вегенера, отца тектоники плит. - Алекс потрепал пса по загривку и шепнул ему на ухо: - Du bist ein braver Hund^{*6}.

- Вы общаетесь с ним на немецком? - спросила Катарина.

- Естественно, это же немецкая овчарка.

На следующий день Алекс на велосипеде в обществе трусившего рядом Вегенера отправился к торговому центру, где намеревался встретиться с Катариной. Соскочив с велосипеда, он запер замок и выправил край брючины из носка.

- Стерегите! - приказал он, поворачиваясь к Вегенеру.

⁶ * Ты хороший пес. (нем.)

Пес взвыл.

- Стереги! - еще раз проговорил Алекс. Поскольку для поведения овчарки в данном случае существовала вполне определенная причина, фиксировать вой не было нужды. Хозяин рассеянно посмотрел на пса.
- Она хочет поговорить о землетрясениях. И о тебе, Вегенер. Хотелось бы знать - почему.

Пожав плечами, он пригладил ладонью волосы, повернулся и побрел в торговый центр.

Войдя в ресторан, он увидел, что Катарина уже на месте и пьет кофе. Жестом она пригласила его к своему столику.

- Пес остался на улице, - отметил Алекс, садясь. - Или вы хотите пообщаться с ним?

Женщина усмехнулась:

- На данный момент мне достаточно вас.

Сделав заказ, они приступили к легкой беседе - словно к закуске перед обедом.

- Насколько я понимаю, вы уже были знакомы с Такэо до того, как приехали сюда, - начал Алекс.

- Я училась у доктора Вакабаяси в Берлине, а после переключилась с физики на биологию. - Катарина помешивала кофе, хотя заказала напиток без сливок и сахара. - Похоже, он так и не простил меня.

- Он называл вас Катхен, - отметил Алекс, отвечая на печальную улыбку своей собеседницы. - Это, во всяком случае, свидетельствует о некоей симпатии.

- В данном случае это свидетельствует о статусе... как обращение взрослого к ребенку. Точно так же я называю его Вакабаяси-сама, что подразумевает уважение к его много более высокому положению.

Катарина обхватила пальцами чашку, разглядывая черную рябь на поверхности.

- У Такэо есть любимая теория, - вдруг заявила она.

- Какая?

- Он полагает, что тяжелые частицы - адроны, двигаясь с высокой скоростью, ослабляют связь пространства-времени.

- Неужели? - отозвался Алекс.

- Какова природа пространства-времени в отсутствие тяготеющей массы? - Катарина указала ложечкой на Алекса.

- Ну... согласно Эйнштейну, - протянул Алекс, гордясь своим знакомством с физикой, - оно является плоским.

- Но каков смысл пространства, если в нем ничего не находится? - Помедлив несколько секунд, Катарина продолжила: - Полученные Такэо результаты позволяют предполагать - и достаточно обоснованно, - что в отсутствие массы пространство-время обретает стохастическую природу... то есть, по сути, становится неопределенным.

Наклонившись вперед, Алекс попытался изобразить понимание.

- Такэо считает, - продолжила Катарина, - что пространство и время связывает воедино масса. Она удерживает вместе пространственно-временной континуум. А высокоскоростные адроны ослабляют эту связь.

- Адроны, разогнанные Теватроном?

- Да, - кивнула Катарина, - но в первую очередь, адроны, присутствующие в космических лучах.

Алекс усмехнулся:

- И какое отношение все это имеет к моей собаке?

- Ослабление связи пространства-времени может оказаться новым физическим явлением... явлением, которое способны ощущать некоторые существа.

- Что? - Алекс от удивления прищурил глаза. - Но ведь вчера Такэо опровергал именно эту мысль.

Катарина кивнула:

- О, на самом деле он спорил со мной - уже с моей собственной теорией.

- Будьте добры, - Алекс потер пальцами лоб, - давайте по одной теории за раз.

- Конечно, вы правы. - Катарина на мгновение умолкла. - Согласно его теории, эффект будет ощущаться в массивных объектах - масштаба Земли, например. Такэо полагает, что подобные ослабления, мелкие рывки в пространстве-времени, могут быть причиной некоторых землетрясений.

- Вот как... - протянул Алекс.

- А моя теория гласит, что если существует некий макроскопический физический феномен, то природа непременно снабдит определенный вид существ органом чувств, способным ощутить его. - Катарина прикусила губу. - Но Вакабаяси-сама считает мою теорию ерундой.

- И поэтому вам понадобился сейсмолог с собакой.

- Я как раз искала человека, предпочтительно сейсмолога, имеющего животное, предчувствующее землетрясения. Но все сейсмологи, с которыми я заговаривала на эту тему, рекомендовали мне ограничить свои интересы биологией.

Алекс положил ладонь на карман рубашки, словно принося присягу:

- Мы с Вегенером... наши руки и лапы... к вашим услугам!

- Вы отмечаете в своей книжце всякий случай неудовольствия собаки? - задала вопрос Катарина.

- Только те, которых я не могу объяснить.

- А вы слышали о программном блоке *ConneXion*? - спросила Катарина.

- О чем? - удивленный переменной темы Алекс качнул головой.

- Он устанавливает положительную и отрицательную корреляцию

всего доступного в интернете. Корреляцию вводимых данных и ограничений в масштабе поиска. - Она покрутила ложечкой. - Мне хотелось бы знать, насколько поведение Вегенера коррелирует с землетрясениями и обнаруживают ли эти землетрясения какую-либо связь с импульсами космического излучения... или, например, с активностью Теватрона.

- Вам хотелось бы одолжить у меня мою «книгу Вегенера»?

- Только на сегодняшний вечер.

Алекс извлек из кармана блокнот и передал его собеседнице.

- А не позавтракать ли нам завтра вместе, - спросил он, надеясь, что голос его не выдает особой надежды.

Катарина пролистала страницы.

- Похоже, меня ждет бессонная ночь. - Она закрыла книжку. - Что вы скажете насчет позднего завтрака или раннего обеда? Скажем, в одиннадцать?

- Великолепно!

Поздно вечером Алекс заглянул в свою электронную почту.

Lieber Алекс, у меня волнующие известия.

Если вы не против, я хотела бы пригласить на наш ранний ланч доктора Вакабаяси.

Viele liebe Grusse^{*7}, Катарина.

В десять минут двенадцатого, когда Алекс вошел в ресторан, в зале было почти пусто. Однако Такэо уже сидел за столиком у окна. Перед ним лежали переплетенный в кожу блокнот и открытая доска карманных шахмат.

Подойдя ближе, Алекс заметил, что фигуры не тронуты.

Такэо жестом указал на кресло:

- Сыграем разок?

- Не откажусь.

В дверях мелькнул силуэт.

- Подождите-ка... Давайте попозже. Вот и Катарина.

Девушка подошла к столу. Садясь, она поприветствовала Такэо, затем без преамбул извлекла из сумочки папку и повернулась к Алексу:

- Вой Вегенера коррелирует с землетрясениями - с разбросом в пять сигм!

- Великолепно, - заметил Алекс.

- И в большинстве своем случаи связанного с землетрясениями воя коррелируют со вспышками космических лучей.

- В самом деле? - переспросил Такэо.

- Так следует из моих данных. - Катарина потрясла папкой.

⁷ * С любовью. Большой любовный привет. (нем.)

- А можно посмотреть?

- Безусловно. - Она передала папку Такэо.

Алекс и Катарина в молчании следили за тем, как Такэо, опустив голову, листает папку. Через минуту Такэо посмотрел на них:

- Эти данные... кажется, они надежны.

- Значит, вы верите в то, что моя собака на самом деле способна предсказывать землетрясения? - спросил Алекс, пытаясь изгнать победоносную интонацию из голоса.

- Это так, если сведения точны. - Такэо нахмурился. - Но хотелось бы понять, на какой стимул реагируют собаки.

- На... новое... чувство, - произнесла Катарина, подчеркивая каждое слово. - На вашу идею относительно связи пространства и времени.

Такэо кивнул:

- Именно так.

- Однако, - продолжила Катарина, - землетрясение, которое мы ощутили, обнаружило странную корреляцию.

- О? - вскинул брови Алекс. - Еще более странную, чем с поведением моей собаки?

- Это землетрясение коррелировалось с запусками Теватрона и БАКа.

Алекс заметил, как напрягся Такэо.

- Доктор Вакабаяси, - спросил Алекс, почувствовав, что сейчас не время для фамильярности, - что в этом плохого?

- Теватрон накапливает в кольце частицы, и БАК тоже, - проговорил Такэо, обращаясь как бы к самому себе. - Надо подумать. - Он извлек из портфеля записную книжку и начал что-то писать.

- Но что общего имеют с землетрясением Теватрон и БАК? - спросил Алекс, выдержав благопристойную паузу.

- Высокэнергетические частицы, передвигаясь почти со скоростью света, ослабляют связь пространства и времени, внутри которых находятся. Так, во всяком случае, считаю я.

- Но что это значит - ослабляют связь? - спросил Алекс.

Такэо повел рукой, как бы прочерчивая горизонтальную линию мелом на черной доске.

- Сверхвысокоэнергетичная частица оставляет за собой след из микроразрывов, прорех в ткани пространства-времени. А в случае Теватрона и БАКа, и если волны пересекаются, образуется поверхность разрыва... трехмерная поверхность.

- А возле Большого адронного коллайдера хуже не будет? - проговорил Алекс. - Он же во много раз мощнее Теватрона, не так ли?

- В четыре раза, - ответил Такэо.

- В данный момент, - добавила Катарина.

- Много хуже будет как раз здесь, - проговорил Такэо. - Потому что мы находимся в следе БАКа. - Он озабоченно улыбнулся. - Хорошо, что БАК работал только на мощности в четыре тераэлектронвольта.

Иначе...

- Что иначе? - подсказал Алекс.

- Могли возникнуть существенно более крупные неоднородности, способные вызвать куда более сильное землетрясение.

Алекс заметил, что Катарина встревожилась.

- Что вы имели в виду под словами «в данный момент»? - спросил он ее.

- В утренних новостях передавали, - начала Катарина, - что сегодня к вечеру БАК могут разогнать до семи, а может, и до девяти ТэВ.

- Ари! - издал неразборчивый горловой звук Такэо. - Придется заняться прикидочными расчетами.

Следующие пять минут Такэо выводил на страницах своей записной книжки уравнения и столбики цифр.

Алекс нетерпеливо следил за ним. Ничего себе прикидка!

Наконец Такэо извлек из портфеля калькулятор и провел уже более точные вычисления. После этого он передал калькулятор Алексу.

- Вот отношение энергий при семи теравольтах к четырем.

Алекс изучил результат.

- Боже! Вы хотите сказать, что если БАК будет работать на семи теравольтах одновременно с Теватроном, может случиться ТАКОЕ?

- Вот именно, - произнес Такэо.

- И что... что мы будем делать со всем этим? - ужаснулся Алекс. - Ситуация способна спровоцировать катастрофу глобального масштаба.

- Делать? - спросил Такэо, явно заставляя себя улыбнуться. - Теоретики ничего не делают. Они строят теории. А эти выкладки - пока лишь теория.

- Разве вы не верите в нее, профессор Вакабаяси? - спросил Алекс.

- Верить в теорию? В интеллектуальном плане - пожалуй. Эмоционально... не знаю. Теория подразумевает землетрясение. Остается неопределенной сама точность этого следствия. - Он явно поник. - В любом случае, что в наших силах?

- Ну... - Алекс прикусил губу. - Мы не сумеем никого убедить, чтобы БАК не включали на семь теравольт, но вдруг нам удастся добиться, чтобы выключили Теватрон.

- Этого будет достаточно, правда? - спросила Катарина.

Такэо кивнул:

- Чтобы образовался пространственный контур, должны работать обе машины.

- Тогда, по-моему, нам надо немедленно идти к директору и просить его выключить Теватрон, - предложил Алекс.

- Он поднимет нас на смех, - ответила Катарина.

- А если обнаружится ошибка, - проговорил Такэо, - что вполне вероятно, тогда нам как ученым - конец.

- Когда точно начнется разгон БАКа? - спросил Алекс.

- Если я не путаю... - Катарина прикусила губу, - как будто бы в семь вечера.

- Странное время...

- Если у них там все обстоит так, как на Теватроне, - проговорил Такэо, - на подготовку уйдет много часов. Тут нельзя просто нажать кнопку.

- Минуточку! провозгласил Алекс, вцепившись руками в стол. - Это время женевское, так? Какая разница в местном времени между «Фермилаб» и ЦЕРН?

- Семь часов, - ответила Катарина.

Алекс посмотрел на часы.

- О, боже мой! У нас осталось чуть более часа. - Он отодвинул кресло назад. - Надо попытаться уговорить директора выключить Теватрон. - Алекс встал. - Пожалуйста, пойдете.

Такэо поглядел на стол, но не пошевелился.

- Сотрудник не должен противоречить директору.

- Вы хотите сказать, что он может уволить вас? - спросила Катарина.

- Есть такая мысль.

- Ну что ж, мои позиции в университете достаточно прочны. - Катарина встала. - Я иду.

- А вы, профессор? - спросил Алекс.

Такэо крутил на столе шахматы и не поднимал головы.

- Понимаю вас, - негромко проговорил Алекс. - После встречи с директором мы вернемся и расскажем вам о результатах нашего похода.

- Благодарю вас. - Такэо на мгновение смолк. - Впрочем, советую не информировать директора о собаке.

Секретарь сообщила им, что к директору сейчас нельзя. Местонахождение его она также выдавать не стала. Мольбы Алекса и Катаринины ни к чему не привели.

Алекс посмотрел на часы:

- Пойдете, Катарина. Надо выбираться отсюда.

Они ринулись из офиса. На противоположной стороне холла Алекс увидел табличку:

МАЙКЛ ДЕKKЕР
ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА

- Может, хоть он нам чем-нибудь поможет, - предположил Алекс.

- Будем надеяться, - согласилась Катарина.

Войдя внутрь, они оказались перед заместителем директора Деккером. Алекс приготовился было к стычке, однако Деккер держался дружелюбно и демократично, на нем даже не было галстука. Как отсутствовала и секретарша перед дверью кабинета.

После того как Алекс объяснил, кто они и по какому делу явились,

Катарина показала Деккеру результаты расчетов.

Алекс, мучительно переживавший каждую секунду, с нетерпением следил за медленными движениями Деккера, неспешно листавшего принесенную Катариной папку.

- Не могу сказать, что эти цифры вызывают у меня доверие, - сказал наконец Деккер.

Алекс едва не скривился. Проклятье.

- Однако, на мой взгляд, они все же оправдывают необходимость отключения Теватрона во время работы БАКа, - продолжил Деккер, - пока мы не сумеем провести более тщательное исследование.

Великолепно!

- Но, к несчастью, у меня нет необходимых для этого полномочий. Таковую меру должен одобрить директор.

Черт возьми!

- Директора нет в его кабинете, - напомнила Катарина. - А его секретарь не признается, где он.

- Вероятно, прячется в своем убежище в недрах Теватрона, - заместитель потянулся к клавиатуре, - но, кажется, ситуация достаточно серьезная, чтобы побеспокоить его.

На мониторе появилось изображение человека, сидящего за столом. И при этом явно раздраженного чем-то. Алекс сразу обратил внимание на его расширенные зрачки и покрытый испариной лоб.

Деккер обрисовал ситуацию и, не дожидаясь реакции, перевел камеру на Катарину и Алекса, приказав им изложить детали. Пока они приводили свои аргументы, директор дергался, словно пораженный нервным заболеванием.

- Вы уверены, что все это произойдет? - спросил директор, когда они закончили.

- Нет, - ответила Катарина. - Не уверены даже наполовину. Однако риск существует.

- Весьма призрачный, на мой взгляд. - Директор скрестил руки на столе. - Мне очень жаль, однако я сейчас не услышал достаточно веских аргументов для выключения Теватрона.

- Мы находимся на продолжении разлома Нью-Мадрид, - проговорил Алекс, надеясь, что его голос передаст ту меру тревоги, которую скрывала Катарина. - В месте, где вполне возможно новое и притом крупное землетрясение.

- Еще раз спрашиваю, - властно произнес директор, - вы уверены в своем прогнозе?

- Увы, нет. - Алекс умолк на мгновение. - Но я знаю, что способно натворить землетрясение в девять баллов по шкале Рихтера.

- Если оно произойдет. Алекс судорожно вздохнул:

- При включенном и работающем Теватроне, особенно если поднять мощность на два ТэВ, и при БАКе, разогнанном до семи...

- БАК, - пренебрежительно молвил директор. - Да если бы у нас была хоть десятая часть их финансирования, мы смогли бы заменить свои магниты на те, с примесью лютетия, и выйти почти на их мощность. - Он сухо усмехнулся. - Хотя, если каким-то чудом это ваше землетрясение что-нибудь здесь ломает, тогда, черт побери, на страховку мы позволим себе их приобрести.

- Мир может оказаться в большой опасности. - Алекс посмотрел на часы: - И время почти на исходе.

Директор безрадостно улыбнулся.

- Кажется, вы появились здесь только в прошлом месяце и сразу же успели полить средством для роста траву над кольцом ускорителя?

- Не думал, что об этом узнают.

- Хорошо, - кивнул директор, - и в чем заключается шутка на этот раз?

- Это не шутка, - слабым голосом возразил Алекс, ощущая, что ветер оставляет его паруса.

- Мы можем показать, - продолжила Катарина, - что землетрясение обнаруживает сильнейшую корреляцию с совместной работой Теватрона и БАКа.

- Но вы не готовы назвать эту связь причинной? - возразил директор. - Корреляция не подразумевает причинную связь.

- Но в данном случае очень похожа на нее.

- Перед первым ядерным испытанием некоторые считали, что атомная бомба способна воспламенить атмосферу! - Директор круто развернулся на месте и бросил взгляд на Алекса. - Я не отдам распоряжения о выключении Теватрона по рекомендации нашего постдока, нашего временного сотрудника. В противном случае меня засмеют и прогонят с этого места.

Катарина умиротворяюще всплеснула руками.

- Вот что. Мы предлагали отключить Теватрон только на то время, когда БАК наберет мощность. Это уже произошло. Так почему же не отключить его?

- Потому что нельзя. Наше время оплачено до конца года.

Алекс увидел, как директор протянул руку вперед, и экран почернел.

- Не понравилось мне, как он выглядит, - негромко произнес Алекс.

- Вы тоже это заметили? - проговорил Деккер, не отводя взгляда от погасшего экрана. Повернувшись к Алексу и Катарине, он встал, завершая разговор: - Не могу ничего обещать, но постараюсь предпринять кое-какие шаги.

- Времени осталось немного, - напомнила Катарина.

- Понимаю.

Такэо оторвался от шахматной доски, заметив Алекса и Катарину у входа в кафетерий. Похоже, он разыгрывал партию сам с собой. Алекс рухнул на стул.

- Директор не согласился с вашим предложением, - резюмировал Такэо.

- Узколобый тупица!

Катарина отстраненно произнесла:

- Хотелось бы знать, есть ли способ остановить землетрясение, после того как оно началось?

Такэо погладил подбородок. И спустя мгновение произнес:

- Если выключить Теватрон, Земля восстановится, и землетрясение прекратится.

- Тогда я попытаюсь своими руками выключить его. - Алекс вскочил. - Прежде чем БАК наберет мощность.

Катарина вздрогнула:

- Но заместитель директора сказал, что...

- На него нельзя положиться, - возразил Алекс.

- Недопустимо, - проговорил Такэо, - пытаться получить доступ к Теватрону.

- Посмотрим. - Алекс развернулся на месте, но едва успел сделать два шага, как Такэо кашлянул. Алекс, оглянувшись, заметил, что Такэо манит его пальцем. Алекс вернулся к столу.

- Сколько времени пройдет между тем мгновением, когда ваша собака подаст голос, и возможным землетрясением?

- Около десяти минут.

- Так долго? - удивился Такэо.

- Земля реагирует медленно.

- Быть может, лучше расположиться возле Теватрона и ждать, пока собака заскулит? И только после этого попытаться выключить установку?

- Вы пойдете со мной?

Такэо покачал головой:

- К сожалению, нет. Если пес забеспокоится, идите ко входу D-Ноль, - посоветовал Такэо и продолжил негромко: - Если вам удастся войти, внутри, примерно в двадцати метрах слева, увидите деревянную дверь. За ней начинается коридор, в котором когда-то проводились эксперименты. В конце его будет комната, где лучом ускорителя облучали геологические образцы. Теперь эта комната пустая. В ней нет никаких приборов. Идите туда.

- Зачем? Что можно сделать, если там нет никакой аппаратуры?

- Хотя все приборы оттуда забрали, сама комната осталась на месте. - Такэо наклонился вперед: - И на стенке ее осталась кнопка аварийного отключения установки. - Наклонившись еще ближе к Алексу, он произнес уже шепотом: - Нажмите эту кнопку, и Теватрон немедленно вырубится.

- В самом деле?

- И на то, чтобы запустить его, уйдет два дня.

- И тогда мы выиграем время, чтобы обратиться в стоящую над директором инстанцию...

Такэо кивнул.

- Спасибо. - Алекс двинулся к выходу.

- Подождите! - буквально выкрикнула шепотом Катарина. - Я иду с вами.

Алекс развернулся, помедлил секунду-другую и проговорил:

- Весьма благодарен, но с вашим гостевым пропуском к Теватрону и близко не подпустят. И к тому же я еду на велосипеде. Ведь я даже не представляю, где на кольце может находиться эксперимент D-Ноль.

Катарина повернулась к японцу:

- Профессор Вакабаяси, пожалуйста, отвезите нас.

Такэо хрипло вздохнул и после недолгой паузы промолвил:

- Ну, ладно. Мне приходилось бывать там. Кольцо Теватрона имеет длину четыре мили, а эксперимент D-Ноль находится на противоположной от нас стороне.

Он встал и направился к двери. Алекс и Катарина последовали за ним.

Как только они сошли с крыльца, к ним немедленно присоединился Вегенер.

Такэо остановился на парковке возле входа D-Ноль. Алекс с тревогой наблюдал за стрелками часов, дружно подбиравшимися к полудню. Все безмолвствовали. Даже Вегенер.

И вот настал полдень.

Обхватив шею Вегенера, Алекс затаил дыхание.

- Молчит пока, - прошептала Катарина.

Алекс проверил наручные часы. Они показывали то же самое время, что и часы на приборной панели автомобиля.

Еще несколько минут они сидели, словно примерзнув к месту.

И тут Вегенер взвыл - тем самым громким голосом, который, как было известно Алексу, предвещал сильнейшее землетрясение. Распахнув дверцу машины, он бросился вперед. Вегенер последовал за ним.

- Место! Вегенер, место! - крикнул Алекс псу, повернулся и направился прочь со стоянки. Он заставил себя двигаться непринужденным шагом, чтобы не привлекать излишнего внимания. Услышав скрип открывающейся двери, он остановился и повернулся. Рядом стояла Катарина.

- Я с тобой, - объявила она.

- Но это бессмысленно.

- Не спорь. У нас нет на это времени.

Алекс понимал, что она права.

- Идем спокойно, - предупредил он, почти не размыкая губ. - Так, словно имеем допуск.

- Смотри, - шепнула Катарина, кивнув в сторону человека, уже

приближавшегося ко входу. - Быть может, сумеем пройти вместе с ним. Они ускорили шаг и у самого входа оказались почти за его спиной. Человек достал из кармана пропуск и оглянулся.

Как бы разыскивая в сумочке свой документ, Катарина улыбнулась ему. Отвесив, пожалуй, не кивок, а легкий поклон, тот придержал дверь открытой перед нею и Алексом.

На первой ступени ведущей вниз лестницы Алекс изобразил, что подвернул ногу, слегка ругнулся, надеясь, что не переигрывает, и ухватился за перила.

- С вами все в порядке? - спросил мужчина.

- Ногу подвернул. - Алекс потер лодыжку. - Всегда спотыкаюсь, оказываясь здесь после яркого солнца.

- М-да. Вполне понимаю вас.

Алекс принялся крутить ступней, мужчина кивнул, заторопился вниз по лестнице и скоро исчез где-то в недрах системы туннелей Теватрона.

Компактные флуоресцентные лампы в стенах туннеля освещали холодным белым светом Алекса и Катарину, спустившихся под высокий свод коридора. Доносившийся снаружи свежий запах травы постепенно уступил место технологическим ароматам, в основном горелых проводов. Негромкое гудение кондиционеров вместе с шелестом, сопровождавшим работу многочисленных приборов и машин, отдавалось от бетонных стен, смешиваясь со звуком быстро удалявшихся шагов.

- Не слишком людное местечко, правда? - негромко отметил Алекс.

- Вон она, - Катарина указала вперед и налево.

Они остановились перед дверью, оказавшейся именно там, где говорил Такэо. Дверь была действительно старой: она отпиралась настоящим ключом, а не карточкой пропуска.

Алекс дернул за ручку:

- Черт! Заперто.

- Что же нам теперь делать? - спросила Катарина.

Алекс внимательно посмотрел на дверь. Все признаки скорее указывали на полное забвение оной преграды, чем на частое ее использование.

- На взгляд хлипковата. - Он толкнул дверь плечом. Она все же не поддалась. - Черт! - снова ругнулся он, огляделся и повторил маневр, теперь уже со всей силы.

Дерево возле замка треснуло, резкий звук загулял по пустынному помещению. Алекс толкнулся в дверь еще раз. Язычок замка застрял в притолоке, но дверь треснула и открылась. Звонко звякнула о бетонную стенку внутренняя ручка.

- Отлично, - шепнул Алекс, ступая внутрь. И ощутил неловкость, оттого что по коридору еще гуляли отзвуки его взлома.

За дверью открылся другой коридор, темный и пахнущий сыростью.

Лампы в стенах не горели.

Ориентируясь в тусклом, проливавшемся из-за спины свете, Алекс и Катарина крадучись продвигались вперед. Через десять или пятнадцать метров коридор расширился, превращаясь в другую комнату. Во тьме она казалась более похожей на грот, чем на научную лабораторию.

Дальнюю сторону комнаты едва ли не целиком заполняла массивная скользкая дверь, служившая защитой от радиации.

- Надо думать, кнопка аварийного отключения находится за ней. - Алекс бросил взгляд на табло над дверью. - Пока на нем не загорятся слова ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ, все будет в порядке.

Он заметил утопленную в двери рукоятку.

- Раз лаборатория обесточена, можно воспользоваться ею.

Алекс изо всех сил потянул за рукоятку, и дверь, жалуюсь и скрипя, приоткрылась в достаточной мере, чтобы пропустить их.

- Будем надеяться, что никто не отключил и саму аварийную кнопку, - прошептала Катарина.

- Ага! - Алекс заглянул внутрь, во всяком случае попытался это сделать. В скудном свете, доходившем из коридора, он видел перед собой разве что на метр вперед, не больше. -- Придется искать на ощупь... Слева, как говорил, Такэо.

- А я попробую справа, - предложила Катарина. - Быть может, Такэо...

Слова ее прервал глухой гул.

- Мне казалось, у нас еще есть время, - воскликнула Катарина дрогнувшим голосом.

Земля затряслась. Дрожь становилась все сильнее, издалека до Алекса донесся треск. Чтобы устоять на ногах, он припал к стене.

- Катхен, - выкрикнул он, стараясь преодолеть голосом все нараставший и уже громкий стон Земли. - Бегите! Бегите отсюда! - Он ухватился за дверную защелку, чтобы сохранить равновесие. - Мне нужно найти эту кнопку.

- Только с вами, - крикнула Катарина. - Здесь все обрушится. Вы умрете.

- Беги же! - крикнул Алекс, вваливаясь внутрь.

- Нет! - Катарина на коленях вползла в помещение, цепляясь за металлическую дверь, и поднялась на ноги. Но едва она сделала это, дверь со стоном скользнула вбок и захлопнулась, оставив лабораторию в полной темноте.

- О, нет, - выдавила Катарина. - Прости.

- Не думай об этом... Эй! - окликнул ее Алекс. - Вот она, кажется. Я нащупал кнопку.

- Нажимай!

- Сделано!

- Ничего не происходит!

Не снимая руки с кнопки, Алекс полностью отдался жуткому величию происходящего. Его увлекала перспектива непосредственно пережить одно из сильнейших землетрясений по шкале Рихтера и одновременно одолевая иррациональный страх, что это будет последним впечатлением в его жизни.

- Алекс?..

- Прости. Я здесь. Подожди-ка! Тряска слабеет. Землетрясение утихает... по-моему.

Буквально через несколько секунд дрожь земли улеглась, и в комнате стало тихо.

- А Такэо все-таки прав, - промолвила Катарина с явным облегчением в голосе.

- Угу. - Алекс наконец отвел руку от кнопки аварийного выключения и принялся шарить вокруг, пока не нащупал дверную ручку. - Ух!

- В чем дело?

Алекс собрался с силами и навалился на ручку.

- Дверь... она не двигается.

- Сейчас помогу. Быть может, вдвоем...

- Нет, не надо, - сказал Алекс, пыхтя и изо всей силы наваливаясь на утопленную рукоятку. Наконец он выпустил ее. - Здесь и для двух рук места мало...

- Что же нам делать? - Отзвуки слов Катаринины носились по безмолвной лаборатории.

Алекс отметил наступившую тишину. Не было слышно ни звуков работающих машин, ни шепота кондиционеров. Боже мой! Значит, не будет никакой вентиляции. Он поежился. Быть может, это свидетельствует лишь о том, что им придется дышать затхлым воздухом. Или же...

- Алекс?

- Все будет хорошо. - Алекс не знал, что ему делать: то ли попытаться снова открыть дверь, то ли позаботиться об экономии кислорода.

- Должна признаться, - проговорила Катарина с деланой бодростью, - что начинаю самую малость бояться.

Привалившись спиной к стене, Алекс сполз по ней, вниз.

- Все будет хорошо, - повторил он словно заклинание, надеясь, что Катарина не заметит дрожи в его голосе. - Будем сидеть тихо и ждать, пока нас спасут. - Нащупав ее руку, он пожал тонкие пальцы.

- Быть может, Такэо придет нам на помощь, - предположила она. Алекс представил себе миниатюрного Такэо.

- Нам нужен не специалист по физике частиц, а борец-сумоист.

- Ой, подожди-ка! - Катарина высвободила руку, и через мгновение вспыхнул дисплей ее мобильного телефона. - Отсюда, из подzemелья, связаться ни с кем нельзя, - заключила она, - но хотя бы свет у нас будет.

Ругая себя за то, что не подумал об этом, Алекс полез в карман за собственным телефоном. Но остановился, так как Катарина уже захлопнула свой аппарат.

- Обойдемся без света, - негромко предложила она. - Лучше, чтобы ты не видел, насколько я перепугана.

- Все будет хорошо, - в третий раз повторил Алекс свою мантру, ощущая ее фальшь.

- Знаешь, теперь директор признает нашу правоту и захочет получить землетрясение, чтобы «Фермилаб» могла обзавестись новыми магнитами.

- Эпизод напоминает надувательство при страховании...

- А я и не знала, - произнесла Катарина голосом скорее удивленным, чем испуганным, - что ты у нас судебный сейсмолог... кстати, неужели подобный род деятельности действительно может существовать?

- Да. Ты права. - Алекс заставил себя усмехнуться. - Я веду себя глупо.

- Минуточку. Разве здесь, внизу, нет вентиляторов? - В голосе Катарины проступил испуг. - Я их не слышу.

- Ты заметила, - проговорил Алекс. - Да.

В этом безмолвном помещении Алекс не знал, что следует делать: или попытаться ободрить Катарину, или просто сидеть тихо. Он решил промолчать.

После нескольких долгих минут за дверью раздался глухой стук.

Катарина включила телефон, освещая массивную дверь слабым светом экранчика.

Алекс вскочил на ноги и забарабанил обеими руками. Дверь сдвинулась на миллиметр-другой. Кто-то пытался открыть ее извне. Алекс вцепился в ручку и потянул. Плечо его ныло, а пальцы словно выскакивали из суставов. Уголком глаза он видел, что Катарина также толкает дверь. Однако бесполезно, поскольку на двери не было ни малейшего выступа, в который она могла бы упереться. Алекс зажмурил глаза, сосредотачивая всю свою силу на утопленной ручке.

Дверь дрогнула и со стоном поползла в сторону.

Внутри с радостным лаем пролез Вегенер. Опустившись на колени, Алекс обнял собаку. А потом со странным смущением указал Катарине на узкую щель:

- Леди - вперед.

С улыбкой девушка просочилась в коридор. Алекс постарался расширить отверстие и боком протиснулся из лаборатории. За дверью тьму прогоняла цепочка янтарных электро-люминесцентных стрелок, тянувшаяся по полу к выходу.

Протопав сквозь узкий зазор, Вегенер вдруг повернул внутрь установки, следуя за исчезающими вдали неярко светившимися

стрелками. Удивившись поведению собаки, Алекс позвал пса обратно. Такэо ожидал возле двери.

- Повреждения есть?

- Нет, все в порядке, - сказал Алекс.

- С вашей стороны было очень любезно отправиться за нами, - поблагодарила Катарина.

- Собака Алекса настояла.

Алекс бросил взгляд на Вегенера. Повернувшись к недрам установки, пес негромко поскуливал.

- Что это с ним случилось? - спросил Такэо.

- Не знаю. - Алекс погладил Вегенера, но тот не успокоился. - Он работал на поиске наркотиков, но кто знает? Быть может, его обучили также работе в службе спасения.

- Ты думаешь, там могут остаться люди? - спросила Катарина.

- Что такое? - Алекс был озадачен. Голос Катарина сделался совершенно иным. Более высоким и тонким. И тут он все понял. - Пригнитесь, - едва не выкрикнул он. - В воздухе много гелия.

Он наклонился. Катарина и Такэо последовали его примеру. Согнувшись, они потихоньку направились к выходу.

- Если разорвало трубопровод жидкого гелия, - произнес Такэо, - то магниты погибли. И Теватрон мертв.

- Неужели все так серьезно, - проговорила Катарина.

- Все могло закончиться куда хуже, если бы вы не отключили вовремя установку. - Такэо посмотрел на Алекса: - Похоже, именно вы залечили разрыв в ткани пространства-времени.

- Я нажал кнопку.

Когда они приблизились ко входу, вдоль лестницы ударил луч солнечного света. Ослепленный Алекс заморгал и понял, что голоса их сделались нормальными.

- Кажется, гелий рассеялся. - Он выпрямился. Катарина и Такэо - вслед за ним.

Еще несколько шагов, и луч света исчез, а от входа протянулись шевелящиеся тени. Они остановились, когда на них упал новый луч света, на сей раз от переносного фонаря.

Когда фонарь оказался совсем рядом, Алекс увидел, что он находится в руках полицейского. Позади копа шел другой человек.

- Кажется, это замдиректора? - шепнула Катарина.

- Деккер? - спросил Алекс, стараясь заглянуть мимо луча. - Да, действительно он.

В этот же самый момент и Деккер их узнал.

- Вы видели директора? - воскликнул он без преамбул.

- Нет, - ответил Алекс, - но почему...

- Я как раз разговаривал с ним по телефону, - оказавшись рядом с Алексом и его спутниками, Деккер остановился, - и тут линия

отключилась. Должно быть, застрял где-то внизу. - Он посмотрел на полицейского офицера: - Я не знал, что делать и позвонил по телефону 911.

- А где находится его убежище? - спросила Катарина.

- Даже не знаю. Никогда не бывал там.

- Ладно, пойдем дальше, - предложил коп. - Поищем его внизу. Вегенер снова заскулил и повернулся носом к нутру установки. Алекс глянул на пса:

- Моя собака тоже хочет принять участие в поисках.

Катарина наклонила голову:

- Но как Вегенер мог познакомиться с запахом директора?

- Не знаю, - ответил Алекс, давая волю псу. - Теряюсь в догадках.

Уткнувшись носом в землю, Вегенер зарысился в глубь коридора. Офицер, светя фонариком, как прожектором железнодорожного локомотива, последовал за псом, а за ним - все остальные.

Несколько минут спустя, пробежав несколько коридоров, Вегенер остановился у двери. Она открывалась наружу, но была заблокирована опрокинувшимся стеллажом с оборудованием.

- Есть здесь кто-нибудь? - постучал в дверь полицейский.

- Выпустите меня отсюда, - донесся изнутри голос директора.

Алекс и Деккер подняли стеллаж и отодвинули его в сторону. Дверь открылась, из нее показался директор, ступая на нетвердых ногах. Вегенер тут же бросился внутрь и залаял.

Озадаченный Алекс последовал за псом. В комнате было совершенно темно.

- Простите, - попросил Алекс полицейского, обратившись к нему через плечо, - посветите сюда.

- Ага. Конечно. - Офицер направил луч фонарика в комнату, а потом шагнул внутрь.

Вегенер сделал стойку, нос его указывал на оставшиеся на столе небольшой пергаминовый конвертик и тонкую, как соломинка, трубку возле него.

Поглядев на указанные предметы, Алекс пожал плечами:

- Представления не имею, что это такое.

- А мне, увы, это известно, - проговорил офицер серьезным тоном. Подойдя к столу, он осветил его фонарем и, почти как Вегенер, обнюхал конвертик. А потом распрямился, повернулся, вышел из комнаты и подошел к директору, попросив его отойти в сторонку.

- Интересно, что здесь происходит, -- проговорил Алекс, как только они с Вегенером вышли из комнаты.

- Похоже, нашего уважаемого директора, - пояснил шедший за ними Деккер, - сейчас арестуют за хранение наркотиков...

Алекс повернулся на месте:

- Что?

- Я ничуть не удивлен, - продолжил Деккер, включая в разговор Катарину и Такэо. - Правление уже подозревало это. Однако доказательств не было. - Он посмотрел в сторону офицера, который весьма сухо общался с директором. - До сегодняшнего дня.

Полицейский вместе с директором направились к выходу. Алекс и все остальные последовали за ними, держась на почтительном расстоянии.

- Не слишком хорошая реклама для «Фермилаб», - прошептал Алекс.

- Естественно, - негромко согласился Деккер.

Оказавшись под лучами солнца, Алекс увидел, что офицер усаживает директора в полицейскую машину.

- И что теперь будет с «Фермилаб»? - спросила Катарина.

- Полагаю, правление заменит директора, - предположил Деккер, не сводя глаз с полицейской машины. - Скорее всего, директором стану я... Только не знаю, будем ли мы теперь менять магниты. Маршальский жезл перешел к ЦЕРН.

Повернувшись, он улыбнулся Алексу и Катарине.,

- Но уверяю вас, я добьюсь того, чтобы БАК и Теватрон никогда не включали одновременно.

- Чудесно, - воскликнула Катарина. - Интересно, все ли целы?

- Думаю, все, - ответил Такэо.

Однако тревога еще не оставила Алекса.

- Не знаю, - проговорил он, как бы размышляя вслух. - Не могу утверждать точно, насколько велика вероятность афтершоков^{*8}.

- Дальнейшее пребывание здесь бесполезно, - внезапно сказал Такэо, поворачиваясь к Алексу. - Лучше вернуться за наш раскладной столик.

- Сейчас? И вы способны после всего пережитого сесть за шахматы?!

- Если вас тревожат афтершоки, можно взять утяжеленный набор фигур.

- Давайте как-нибудь в другой раз...

Такэо кивнул Алексу, а потом Катарине и направился в сторону автомобиля.

Катарина наклонилась к Вегенеру и взъерошила его шерсть.

- Ну что ж, теперь я вижу: такая специальность, как судебный сейсмолог, все-таки существует! - Распрямившись, она засмеялась.

- Что-что? - переспросил Алекс.

- Я просто подумала, - Катарина прикусила губу, - что Вегенер прекрасно подходит под твоё определение хорошего сейсмолога.

- Как так?

- Избавив всех от директора, - Катарина лукаво улыбнулась, - Вегенер действительно предотвратил крупное землетрясение.

⁸ * *Афтершок (англ.) - повторный сейсмический толчок, меньшей интенсивности по сравнению с главным сейсмическим ударом.*

Алекс посмотрел на пса - уже как на конкурента.

- Итак, твой пес уже сейсмолог, - решительно повела рукой Катарина. - И что же? - Она тронула Алекса за плечо. - Только я сомневаюсь, как сказал бы Такэо, в том, что он умеет играть в шахматы... Ты понял намек?

На мгновение Алекс застыл в недоумении. А потом улыбнулся, осознав, что превратился в такого же фаната, как Такэо.

- Да, - ответил он. - Как будто понял.

А потом нагнулся и почесал Вегенера между ушей.

Перевел с английского Юрий СОКОЛОВ

© Carl Frederick. Howl of the Seismologist. 2010. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog» в 2010 году.

ПЭТ МАКЬЮЭН

МИЛЫЙ ДОМ

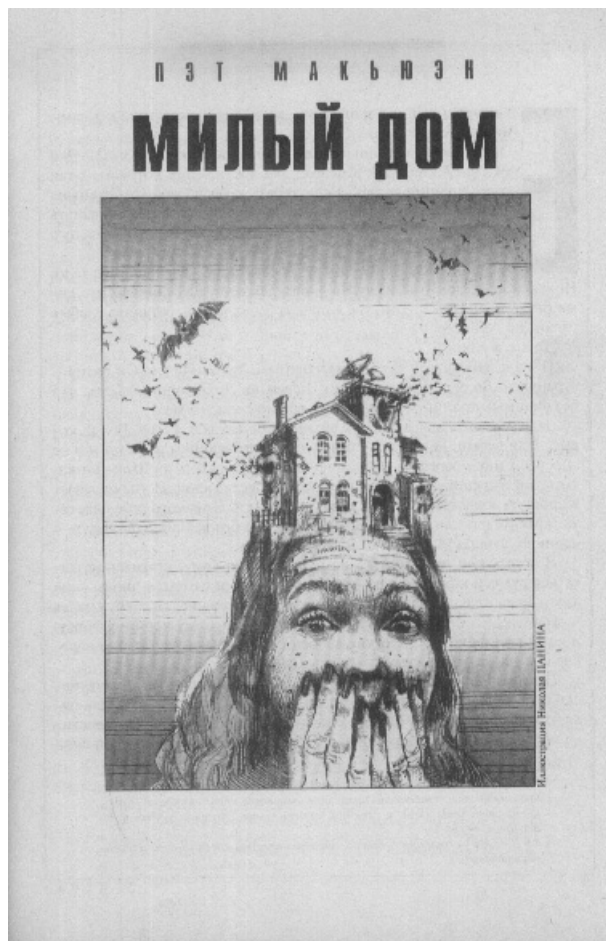

Иллюстрация Николая ПАНИНА

Едва проснувшись, я ощутила зуд и, еще не открыв глаз, принялась чесать лицо.

О нет! Окончательно придя в себя, я сжала кисть в кулак. Это уже выработанный рефлекс, для достижения которого я так долго тренировалась. Если тереть кожу кулаком - меньше шансов развязать гистаминовые соединения⁹ и расцарапать открытые участки нежной кожи, возбудив все эти ужасные вторичные инфекции.

Я села и сжала в кулак другую руку. Да, чесалось. Все тело. Но сыпи не было. Чудо из чудес - оглядев себя, я убедилась, что кожа гладкая и розовая. Там, где я начала было чесать, остались слабые следы, но не более.

Да что ж такое?

Пока я занималась самоисследованием, зуд усилился. Он распространялся. Во рту. В ушах. В... ну, неважно. Достаточно сказать, что без видимых причин взбунтовались все мои слизистые.

За неимением других идей я встала. Чай, сказала я себе. Ромашковый. Или белый. Белый чай обладает успокаивающим эффектом и не способен мне навредить. Мне поставляет его парень из Шри-Ланки, который выращивает его без всяких там пестицидов. И упаковывает в простую вощеную бумагу и жестяные банки. Никакого тебе пластика, красителей или консервантов. Упаковка без всяких излишеств - чернила, шеллак^{**10}, ну, и еще что-то.

Я осторожно пробиралась на цыпочках по дому, стараясь не касаться руками кожи. Однако в результате зуд разыгрался вновь - на этот раз на подушечках пальцев ног. Не удержавшись, я закружилась в суфийском танце по служившему ковром грубому черному ворсу: и из-за трения кожи о жесткие волоски покалывающее жжение переросло в явное раздражение.

Прохладная керамическая плитка, покрывающая пол кухни, несколько уняла его, но факт оставался фактом: у меня возникла аллергическая реакция. На что? В доме - ни нитки нейлона. Пластика нет и в помине. Никаких красок, никаких запахов. Никакой синтетики вообще. В этом-то и заключается соль биома^{*11}: все полностью органическое и привычное

⁹ * Гистамин - биогенное соединение, регулятор многих физиологических процессов, свободный гистамин вызывает спазм гладких мышц, расширяет капилляры, понижает артериальное давление. (Здесь и далее прим. перев.)

¹⁰ ** Шеллак - природная смола, вырабатываемая насекомыми, лаковыми червецами.

¹¹ * Биом - в общем смысле, совокупность экосистем, или видов животных и растений одной природно-климатической зоны. У

мне, по крайней мере моей иммунной системе.

Я нервно осмотрела пальцы: высыпания у меня перво-наперво появляются на руках. Сначала вылезают мерзкие красные прыщички, которые врачи называют крапивницей. Затем пальцы превращаются в короткие розовые сосиски. И губы тоже. Я начинаю смахивать на представительницу тех африканских племен, что прокалывают и расплющивают губы - вот только никакие глиняные блюдца мне для этого не требуются. Только отек. Старая добрая матушка-природа. А если становится хуже - что ж, тогда у меня закупоривается горло. Или я просто вырубаясь. Куда подевались мои шприцы с адреналином?

Я протянула руку, ухватилась за край ящичка ближайшей кухонной стойки и почувствовала, как пальцы скользнули по полудюжине маленьких твердых шишечек. Типа шрифта Брайля для слепых, только покрупнее.

Тогда я заглянула вниз. Какая-то странная сыпь: шишечки выглядели причудливо прозрачными и хрупкими, а не маленькими, жесткими и красными. Да неважно. Они усеивали шкафы, стены, потолок.

Я фыркнула: «Нет, ну ты подумай!».

Сыпь была не у меня. У дома.

Понадобилось целых пять часов, чтобы прислать ко мне дежурного медтехника - три нескончаемых часа, чтобы отыскать этого клоуна, и еще два, чтоб поднять его жалкую задницу. Знаете, как это долго, когда отчаянно сопротивляешься изводящему желанию почесаться?

Когда же он наконец объявился, у него не было даже машины. Зато были пирсинг, имплантанты и прочее дерьмо. Да у него даже противоугонная система вживлена в череп, сразу за левым ухом. Клянусь богом, парень выглядел словно киборг, запутавшийся в рыболовных снастях. В довершение всего на нем красовалась форма из полиэстера. Я поняла это сразу, стоило ему слезть со своего дурацкого мотоцикла. Но и это еще не все. Лосьон после бритья.

О боже. Миг - и мое дыхание перехватило.

А он этого даже не заметил. Этот кретин неспешно подошел к крыльцу, словно слабоумный торговец справочниками: лучезарная улыбка на блаженном лице, брови унизаны кольцами.

Я встретила его заряженным арбалетом.

Завидев оружие, он встал как вкопанный. Обе руки взмыли вверх, открыв ветерку подмышки, обрызганные каким-то дезодорантом. «Fresh Scent», «Extra Dry» или что-то в таком духе. Я захрипела, повалилась на колени и обнаружила, что целюсь в точку прямо перед собой, коей случилось быть его промежностью.

автора, однако, написание термина несколько изменено (Bi'Оте вместо biote) и подразумевает «био-дом» (bio-home).

А вот это он определенно заметил.

- Эй, полегче. - Он развернулся боком, всем своим поведением давая понять, что пребывает в неведении относительно угрозы моей жизни.

- Не приближайся, - выдавила я.

- Не буду! Но вы... вы ведь вызывали медтехника?

Мой взгляд скользил как раз над стрелой арбалета.

- Так это ты? А где Чен? Или Фредо? Или Сэйла?

На это я получила сконфуженную улыбку и пожатие плечами:

- Все сотрудники заняты. Если вы готовы подождать...

- Нет! Я не могу!

- Хорошо, хорошо. - Он собрался с духом и достал визитку, которую я даже и не подумала брать. После секундного замешательства рука его опустилась. Тогда он представился: - Рей Фокс. Сокращение от Ренар. Это типа шутка^{*12}. Моя мама была француженкой.

Арбалет мой дрогнул, но я все-таки постаралась не сводить прицел с гениталий Фокса, пока проверяла его служебный пропуск. И вправду, Ренар.

- Лис Лис? - не смогла удержаться я, хотя воздуха у меня оставалось совсем мало.

Тупица кивнул и растянулся в улыбке, будто моя дурацкая шутка немедленно восстановила мир между нами.

- Видишь знаки? - спросила я у него и зашлась в кашле.

- Э-э... Знаки?

Я закатила глаза, которые неистово чесались.

- ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН. Я расставила их повсюду.

- А... Хм, нет, я их не заметил. На мотоцикле я вроде как... Ну... - Он снова по-дурацки пожал плечами. - Извилистая горная дорога, и я вроде как слился с ней.

Замечательно. Просто замечательно.

- Ладно, а как насчет вызова? Тебе ничего не сказали?

- О чем?

Великий Боже! Кашель уже просто сотрясал мое тело. Парень уставился на меня и сделал попытку приблизиться на шаг.

Я чуть не пристрелила его на месте.

- О гипоаллергенном синдроме! - со свистом выдохнула я, стоило приступу ослабнуть. Махнув арбалетом в сторону трех знаков, я прочла ему: НЕ ПРИБЛИЖАЙТЕСЬ, ЕСЛИ ВЫ ИСТОЧАЕТЕ КАКОЙ-ЛИБО ЗАПАХ! СИНТЕТИКА ЗАПРЕЩЕНА! НЕЙЛОН ЗАПРЕЩЕН!

Его темные глаза забегали.

¹² * *Фамилия Фокс (Fox) переводится как «лис», его же полное имя Ренар (Reynard) благодаря памятнику французской литературы - средневековой сатирической эпопее «Роман о Лисе» (Roman de Renard) - в английском языке также означает это животное.*

- С какой стати я живу здесь, в горах? - спросила я. - Зачем, по-твоему, я купила Би-ом? Идиот! У меня аллергия! Практически на все.

- Но я...

- На тебе синтетика, - объявила я. - Если я пушу тебя в свой дом, если прикоснусь к тебе, мне гарантирован анафилактический шок. - Одышка. Хрип. - Я могу умереть.

Челюсть у него отпала. Нижняя губа задрожала, при этом тихонечко зазвенев шестью хромированными кольцами, пронзавшими ее посередине.

- Вся эта вонючая дрянь на тебе... Боже мой, да я вот-вот задохнусь от одной только твоей рубашки! Даже с такого расстояния.

Он покачал головой, нижняя губа все так же дрожала.

- Мне сказали, здесь экстренный случай.

- Вот именно, идиот! Да ты посмотри на мой дом!

Лишь тогда я опустила арбалет и махнула в сторону розовой кожи-стены за спиной - румяное пространство, которое в это время года обычно становится золотисто-зеленым, потому что солнечные лучи ранней весны стимулируют загар, равно как и отнюдь не маленькую выработку энергии посредством фотосинтеза. Но сейчас вся восточная сторона розовела прыщиками. Я с трудом удержалась, чтобы не потянуться к ним и не потрогать их, потереть... почесать.

А он снова сделал шаг вперед. Я вернула арбалет в боевое положение. Он поднял руку, словно индейский вождь, однако при этом не сказал «хау», а спокойно произнес:

- Мадам, мне нужно внимательно все осмотреть.

«Мадам». Помимо всего прочего, я ощутила себя старым дерьмом. Но ведь это я вопию о помощи, в конце-то концов. Раздраженно, налившись кровью и вновь начав хрипеть, я отступила и закрыла дверь. Через роговичный глазок в ней я наблюдала, как Ренар-лис разглядывает и тычет пальцем в стену. Как достает из седельного кофра мотоцикла маленькую аптечку и берет мазки с пораженных поверхностей. Как вонзает огромный шприц в дом. Я буквально ощутила укол и предпочла отвернуться, чтоб не смотреть, как он берет образцы на биопсию. Покончив с этим, он постучался и на этот раз заботливо отошел от двери на десять шагов.

- Сколько потребуется времени? - набросилась я, приоткрыв дверь, все еще будучи начеку, хотя и оставила арбалет на кухонном столе.

- Я еще не закончил. Мне нужно посмотреть, что творится внутри.

- Черта с два!

Однако он вернулся к мотоциклу и облачился в защитный костюм: белый чистый хлопок и шелк, дыхательный аппарат, закрытый щитком шлем, перчатки и бахилы - короче, все то, что он и должен был надеть, прежде чем приближаться ко мне.

Осторожно, стараясь не вдыхать преследовавший Фокса запах, я

впустила его.

К тому времени сыпь красовалась по всей гостиной - на потолке, стенах и ворсистом участке пола. Последний заинтриговал медтехника более всего. Рукой в перчатке он погладил жесткие черные волоски и просиял, когда в ответ почти половина комнаты покрылась мурашками.

- Живой ковер, - произнес он. - Круто. Но это ведь волосы не с головы? Слишком темные, - и он окинул взглядом мою русую шевелюру.

А я сама из-за внезапно атаковавших и меня мурашек словно примерзла к полу. Но его вопрос привел меня в чувство, и я залилась краской, которая посрамила бы даже положительный результат теста на стрептококки группы А*¹³.

К моему удивлению, он не стал углубляться в эту тему.

- А это тоже чешется? - указал он на безволосую, немного раздувшуюся полосу голого пола, кромку между внутренней и внешней поверхностями дома.

От одной только мысли об этом соответствующую область моей анатомии пронзили иглы.

- Да! - резанула я, запрещая своим рукам приближаться к той самой части тела. - Что это? И почему я чешусь? У меня же нет чертовой сыпи!

- Симпатическая реакция. Ваша нервная система реагирует на болезнь, поразившую вашу дражайшую половину.

- Мою... что?

- Дом.

- Думаю, вам лучше объясниться, мистер! Я не замужем за этим домом.

- О, нет, - ухмыльнулся он. - Ваши отношения много ближе. - Затем, увидев мою горестную реакцию, как будто образумился. - Слушайте, вы ведь знаете, что этот дом вырастили из ваших стволовых клеток?

Я кивнула.

- Нам пришлось изрядно повозиться, чтобы наладить рост и развитие генов. Подоплека же всего этого... Дом - ваш близнец. ДНК - такая же. Нервная система - тоже. И, знаете ли, бывали такие случаи, когда Биомы и их... э-э-э... источники оказывались чересчур уж симпатическими.

- Когда я покупала свой, меня об этом не предупреждали, - заявила я.

- Ну, из-за этого вопроса до сих пор рвут волосы... - Осознав свою оплошность, он осекся и покраснел, всячески избегая смотреть на ковер. - Ой, простите пожалуйста, мадам, я ничего такого не имел в виду...

¹³ * При экспресс-тесте для определения антигена стрептококков группы А берутся мазки из горла, и в случае положительного результата анализ окрашивается в пурпурно-розовый цвет.

- Давай, продолжай! - Меня, подобно приливной волне, захлестнуло нетерпение. Я почти сорвалась на крик: - Что за вопрос?!

- Э-э, ну, о том... реальные это побочные эффекты или же... м-м-м... психосоматические.

Я уставилась на него, а затем, совсем уж впадая в безумие, выдавила шепотом:

- Психосоматические?

Он кивнул, словно статуэтка гавайской танцовщицы.

- А ты в курсе, что гипоаллергенный синдром сам по себе считается психосоматическим?

- Да, конечно. Я хочу сказать, у таких, как вы, все-таки столько... неврозов.

Я словно наблюдала крушение поезда в замедленной съемке: парень понимает, что вот-вот скажет, но остановиться уже не в силах.

- «У таких, как вы...» - повторила я, начиная ощущать приближающуюся опасность.

- Я вовсе не это имел в виду, - запротестовал медтехник.

- Вот как? Послушай, тебе лучше убраться подобру-поздорову.

Он не стал спорить, собрал свое барахло и вышел за порог. Я хлопнула дверь, заперлась на замок и отправилась проверять запасы овсянки. Может, успокаивающая ванна даст облегчение моей коже, и я смогу наконец поразмыслить.

Я нежилась в ванной, наслаждаясь блаженным облегчением, и посредством дыхательных упражнений пыталась восстановить контроль над легкими. Я уже была готова отключиться, когда раздался стук во входную дверь. Ради всего святого! С его ухода минуло не более получаса. Что еще ему надо?

Набросив халатик, я прокралась в переднюю и открыла Фоксу.

- Ну? - выразила нетерпение я.

А он стоял да тарасился из-за запотевающего щитка шлема.

- Что это значит?

- Э-э-э...

Я даже не озаботилась вытереть овсянку. Халатик прилипал там и сям. Я закуталась в него потуже, что было явной ошибкой: глаза парня и вовсе вылезли из орбит.

- Эй, Фокс! - Я щелкнула пальцами перед щитком. - Чего! Тебе! Надо?!

- Мадам, если я вам скажу это... Боюсь, вы пристрелите меня.

Да уж, по сравнению с остальным, что я выслушивала за последние семь лет здесь, на горе, это был почти комплимент. Да, я взглянула на арбалет, признаю, но только на секундочку. Я вздохнула:

- Обещаю, что не пристрелю. Говори!

Этот придурок кивнул, но ему понадобилось еще полминуты, чтобы раскрыть рот.

- Э-э-э... извините, что побеспокоил вас.
- Ты сделал это, потому что...
- А... Я, хм, поставил предварительный диагноз. Дому.
- И?

Ему пришлось предпринять определенное усилие, чтобы посмотреть мне в глаза, но в конце концов это ему удалось.

- Это... не аллергия.
- Так. Что же это тогда?
- Э... м-м... Послушайте, я просмотрел характеристики вашего дома. Вы, наверное, помните, что компании пришлось изменить его иммунную систему?

- Да, - кивнула я, - чтобы он не реагировал чересчур сильно на то, что вызывает у меня аллергию.

- Именно. Они, то есть мы, были вынуждены избирательно нарушить антигенраспознавательную систему, чтобы она не давала реакцию на... ну, на все подряд. Особенно на искусственное - пластик, краски, духи, инсектициды...

- Естественно, - согласилась я, теряя терпение. Как-никак стоял-то он там в шелково-хлопковом скафандре - как раз для того, чтобы не вызывать у меня реакцию.

- А это подразумевало снижение иммунитета, который вы уже приобрели по отношению к определенным естественным... биологическим угрозам.

- К чему ты клонишь? - взвилась я. - Мой дом отравился?
- Формально - нет! - выпалил Ренар.
- Ну тогда что, черт возьми, не так?
- Дом заражен.

Что? Я уставилась на медтехника. Он же не отрывал взгляда от пола. Несмотря на щиток, я видела, что он весь красный. Как будто это он был болен.

- Заражен... чем?

Ренар поднял глаза, но тут же их опустил.

- Сначала я подумал, что это может быть вирус герпеса...
- Герпеса?!

От моего высокого «до» он прямо подскочил на месте, но меня уже понесло. Я завизжала:

- О чем ты толкуешь?
- *Varicella zoster**¹⁴.

Zoster? Я это где-то уже слышала. Но хоть тресни, вспомнить не могла.

- Vari...

¹⁴ * *Varicella zoster* (лат.) - ветрянка, ветряная оспа: вирус этого заболевания вызывает опоясывающий герпес.

- Это детская болезнь. Была раньше. Сегодня-то вряд ли кто ею болеет, потому что у большинства детей на нее уже иммунитет.

- У большинства детей, - повторила я, подбоченясь. И вдруг обнаружила, что наклоняюсь вперед. И с безрассудной отвагой все продолжаю наклоняться, совершенно игнорируя то обстоятельство, что халатик мой распахнулся. По сути, я сделала гигантский шаг к нему, прежде чем спросила: - А что насчет дома?

Ренар облизнул губы.

- Мы... не думали, что в этом возникнет необходимость. Здесь, наверху, вероятность заражения...

Вот оно.

- Заражения - чем?

И тут в глубинах моей памяти шевельнулись латинские слова. О нет! Я вновь отступила, уставившись на парня. Затем обвела диким взглядом все стены - бледные, усеянные красными точками и пузырьками стены.

- Росинка на розовом лепестке... - Так в медицинских справочниках моей мамы описывалась сыпь. Я повернулась к Ренару: - У моего дома... ветрянка?

Он опять пожал плечами:

- Мы можем провести анализ крови. Для полной уверенности.

Я покачала головой, старательно удерживая кулаки на бедрах. Я не поддамся - ни желанию почесаться, ни необходимости вытрясти все дерьмо из этого, с позволения сказать, медтехника.

- Не надо. Просто вылечите его.

- Ну, я, э-э-э...

- О боже, это просто невыносимо, - взывала я. Кашица из овсянки на моей коже высохла. Халатик к ней приклеился и в результате каждого моего движения отдирался, вызывая еще большую чесотку. - Сделай же что-нибудь! - взмолилась я.

- Не могу.

- Но...

- Единственное доступное противовирусное средство - ацикловир, но его надо было применять в течение первых суток после заражения. Дня три-четыре назад, возможно, это помогло бы вам. А теперь слишком поздно.

- Поздно?

Белый капюшон кивнул.

- Вирус уже размножился. Он повсюду. Единственное, что мы можем теперь сделать...

- О боже, - захныкала я и уселась прямо на пол. Волосяной ковер и моя задница были столь воспалены, что я начала кружиться, толкая себя по кругу всеми четырьмя конечностями. Жесткий ворс чудненько поскреб зад, но это ни капельки не помогло. Наоборот, из-за

возникшего трения дом и я зачесались еще больше. Я зарыдала. - Уходи, слышишь? Просто уходи.

Он так и поступил.

Когда парень ушел, я заставила себя подняться. Так и подмывало наклониться и поскрести ногтями пол, но от этого стало бы только хуже, так что я поковыляла в ванную, намереваясь снова погрузиться в теплую овсянку.

Погрузилась, как же.

Ва-ау! Ва-ау! Ва-ау!

Сработала чертова сигнализация, перепугав меня чуть ли не до смерти. Я шлепнулась на пол, затем перекатилась на ковер, чтобы распластаться на нем почти всем телом, и тщетно попыталась почесать все разом. За этим бешеным бугалу*¹⁵ я даже не осознавала, что происходит, пока не заметила мигающие лампы. Как здорово! Горел весь этот чертов настенный экран - фон малиновый, пространство занято одним-единственным словом:

КАРАНТИН!

То было извещение из Министерства здравоохранения, согласно которому я и мой дом подвергались изоляции на десять дней. Как будто я могла куда-нибудь отсюда уйти.

Я вытаращилась на экран. Подползла к нему. Колотила по клавишам, вводила коды сброса, потом системные, но так ничего и не добилась. Я больше не могла управлять компьютерной сетью собственного дома. Контроль над ней взял округ. Вообще над всем. Чертыхаясь, я вновь поднялась и нетвердой походкой направилась к входной двери.

- Ах ты маленький сукин сын! Неврозы!

Пошарив в поисках арбалета, я распахнула дверь, и порыв холодного воздуха швырнул мне в лицо прошлогодние листья. Я посмотрела сквозь пальцы, чтобы прицелиться, намереваясь проткнуть крохотную задницу этого типа, однако замерла, увидев вокруг ворот множество мигающих огней. В том числе и на его мотоцикле.

А потом зазвучал гудок.

Он склонился, разглядывая нечто вроде экрана на своем мотоцикле, совершенно не замечая ни меня, ни моей ярости. Затем, сорвав шлем своего защитного костюма, швырнул его оземь. Обругав мотоцикл, он пробежал шага три вперед и пнул злополучный шлем метров эдак на тридцать вдоль подъездной дороги.

Плохая идея. Когда шлем пролетал мимо ворот, вспыхнуло еще больше огней.

¹⁵ * *Бугалу* - популярный в 1960-х годах в США латинский танец, в котором тело принимает неестественные позы, осуществляя между ними плавные переходы.

- Внимание! - завопил дом. - Периметр вооружен! Не пересекать означенных границ! Дом на карантине!

И словно для пущей убедительности по шлему ударил красный луч лазера. Тот пролетел еще метра три вдоль дороги и приземлился, уставившись на нас дымящейся дырой точно по центру щитка.

- Что за... - Фокс двинулся было к нему, но остановился, услышав мой окрик.

- Не смей! Он выстрелит и в тебя.

Медтехник обернулся, недоверчиво посмотрел на меня, снова взглянул на дыру и спросил:

- Что это за охранная сигнализация?

Повышенная, конечно же, - именно такую мне пришлось поставить.

- Слушай, я здесь совершенно одна, - попыталась я объяснить. - А люди... Они ведь не читают знаков. Или полагают, что это пряничный домик, и пытаются отломить кусочек.

В прошлом октябре я поймала тут одних с пикника: они хотели приготовить барбекю из моего красного ставня. На обед, мерзкие каннибалы.

- Ну так выруби ее!

- Я не могу.

Лицо его потемнело, оттенком теперь вполне соответствуя низкому небу за его спиной.

- Слушайте, леди, я просто обязан умотать отсюда! У меня вечером свидание!

- Не я первая начала!

Вместо ответа он закинул ногу на мотоцикл и попытался его завести. Не добившись успеха с ключом зажигания, он заехал ботинком по решетке сбоку двигателя.

Он так и не поехал.

До меня донесся голос. Не знаю уж, что ему там сказали, но он снова начал ругаться на чем свет стоит, только на этот раз еще громче. Затем соскочил с мотоцикла, пнул переднее колесо и глухо зарычал, когда машина разок вздрогнула и подножка поддалась. Очень медленно машина завалилась набок.

Ух ты! Сколько в нем весу-то? Килограммов двести?

По-видимому, запас ругательств он исчерпал, ибо погрузился в молчание. Плечи его поникли. Наконец парень повернулся ко мне:

- Они сказали, что отключили мотоцикл. Черт, я здесь застрял.

Это взбесило бы меня еще больше, не имей он после всего произошедшего столь жалкий вид. Я уставилась на него, на один блаженный миг даже позабыв о чесотке.

- Что?

Взор его был обращен на землю. Он облизнул кольца на губе.

- Они... э-э, они сказали, что пока не знают, обычный ли это штамм

ветряной оспы. Их беспокоит, что я могу ее подцепить. Или передать кому-нибудь. Так что я тоже на карантине.

Я возвела очи к быстро чернеющему небу.

- Ай-яй-яй, вот же дерьмо. Чертовски жаль это слышать. Всего хорошего, Фокс. - Я развернулась к дому.

- Эй!

Я остановилась.

- И что же мне теперь делать?

- Я-то откуда знаю? - пожала плечами я. - Поставь палатку или что-нибудь в этом роде.

- Леди! У меня нет этой чертовой палатки. У меня нет никакого походного снаряжения. И вы только посмотрите на небо. Приближается долбаная пурга. Я просто замерзну насмерть.

- Если разрешить тебе занести все это внутрь, - я описала рукой круг, как бы заключая в него все роскошное одеяние Фокса, - тогда умру я. Тебе нельзя заходить, если только ты не наденешь защитный костюм.

И мы оба поглядели на поверженный шлем - в любом случае теперь находившийся за пределами досягаемости, будь он хоть трижды целым.

В конце концов, мы достигли компромисса.

Ну, это я так называю, у него же для этого нашлось несколько иное выражение, которое я не буду здесь приводить.

Я все-таки впустила его, но сначала заставила снять защитный костюм. Затем остальную одежду и побрякушки. А также все имплантанты. Покончив с этим, он стоял, прикрывая руками пустые штепселя, а вовсе не пах. Наверное, он чувствовал себя более обнаженным без устройств, нежели без одежды.

Тем не менее я твердо отказывалась повернуться к нему спиной, пока он не сгреб все это барахло и не убрал в один из седельных кофров мотоцикла.

Еще больше он начал роптать, когда я бросила ему кусок мыла и заставила прямо на месте помыться дважды, пока я поливала его из шланга.

Ну да, было довольно холодно, но что мне оставалось делать? Пустить его с шлейфом ароматов шампуня и лосьона? Геля? Антиперспиранта? И той дряни, с помощью которой этот дурачина покрасил свои лобковые волосы в розово-лиловый?!

Была бы у меня возможность, я бы заставила его свести и татуировки. У него их было две - нового интерактивного типа, в ярких красках, которые начинают кружить в водовороте, если к ним прикоснуться. Та, что на груди, - мандала - вращалась при каждом вздохе. Увы, поскольку она была прорисована под эпидермисом, для сведения ее мне пришлось бы освежевать своего гостя.

Хотя, должна признать, мысль была весьма соблазнительная. А может, это ему следовало снять с меня кожу. Все что угодно, лишь бы не чесаться!

Пока я восстанавливала самообладание, он прошмыгнул в дверь. Я последовала за ним, и чтобы закрыть ее, мне пришлось побороться с ветром - начиналась настоящая буря.

Итак, теперь нас было двое. Я старательно обошла его и бросила пару полотенец из стопроцентного хлопка, а затем откопала старую рубаху и штаны из суровой хлопчатобумажной ткани, вполне эластичной. Медтехник был выше меня не более чем на пять сантиметров, таким же стройным, и я решила, что пока сойдет. Дом, хвала Господу, все равно немного лихорадило, и потому мы быстро согрелись.

Следующие два часа я взывала к людскому роду, но так ничего и не добились. Округ не уступил ни на сантиметр, а компания и вовсе отмалчивалась. Даже когда им позвонил их сотрудник Фокс, даже в этом случае у них не нашлось времени пообщаться. Они были по свои корпоративные шеи в том, что, без всяких сомнений, оказалось эпидемией. Если только мне не потребуется неотложная помощь, подразумевающая госпитализацию, нам обоим выходить отсюда было запрещено.

Ко времени капитуляции я совершенно охрипла от криков, вновь начался кашель. И потому я не сразу услышала «вап-вап-вап» снаружи.

Фокс услышал.

- Что это? - спросил он.

Вертолет - он висел метрах в десяти над землей, швыряя мне в глаза снег, пока я пыталась заставить их приземлиться. У них же подобного и в мыслях не было. Вместо этого они беззвучно, не считая шума двигателей и винтов, опустили сетку с двадцатилитровыми баками. Потом просто отцепили сеть, подняли трос и были таковы.

- Что за... Куда они? - заорала я на Фокса.

Он пожал плечами и вздрогнул. Ветер к тому времени был уже леденящим, так что мы взяли один бак и затащили его внутрь.

Емкость была металлической и при открывании оказала сопротивление. Когда же нам наконец удалось взять над ней верх, я и мой непрошенный гость изумленно переглянулись. «Пепто-Бисмол»? Затем я почувствовала запах. Я отпрянула и ударилась в панику, прежде чем узнала его. Нет, не «Пепто». Каламиновый*¹⁶ лосьон.

¹⁶ * «Пепто-Бисмол» - субсалицилат висмута, лекарственный препарат от изжоги, нарушения пищеварения, расстройства желудка, тошноты и диареи. Каламин - природный минерал, используемый в медицине в присыпках, примочках и мазях, в

В сетке, как мы обнаружили, оказалось несколько натуральных кисточек, валиков, лотков, а также удлинителей рукояток. Мы перетасили все это внутрь и принялись за работу.

Лосьон творил чудеса. Сама я не могла им пользоваться, потому как у меня реакция на какой-то компонент в его составе, дом же ничего против него не имел. Я все же осмотрительно облачилась в перчатки и тапочки. Фоксу я поручила потолок, не испытывая особого желания, чтобы мне капало на волосы и лицо. Работенка была та еще. В доме четыре большие комнаты, прачечная, ванная, и все их надо намазать лосьоном - за исключением кафеля, конечно.

Можете себе представить, сколько на это необходимо каламинового препарата?

Когда мы закончили, было уже поздно. Я устала как собака. Фокс, полагаю, тоже.

- Так, э-э-э... А где я буду спать? - поинтересовался он.

Диванчик мой представлял собой, скорее, кресло для двоих и по длине ему явно не подходил. Кроме того, нам пришлось его тоже намазать лосьоном, равно как и оба кресла, поскольку они покрылись сыпью. Но предлагать парню спать на полу я отнюдь не собиралась. Однако, коли нам придется проторчать здесь вместе несколько дней, то придумать что-то надо. С учетом всех обстоятельств это несомненно должно быть как можно дальше от моей комфортной зоны.

- Ну, в м-м-моей комнате, - выдавила я. - Можешь пойти взглянуть.

Памятуя о моих недавних манипуляциях с арбалетом, думаю, у него все-таки было право косо взглянуть на меня и отнестись с подозрением к моей нерешительности. Поэтому я, прикусив губу, повела его в комнату, которую мазала самолично. По дороге я начала готовить своего гостя:

- Как ты заметил, мебель тоже часть дома. Поэтому очень многое здесь - это я.

Взглянув через арочный проем, он кивнул, но затем застыл с раскрытым ртом.

Я знала, на что он смотрит. На кровати. Пара округлых холмиков, на концах которых темно-коричневые подушки, поднимающиеся еще сантиметров на пятнадцать, если их слегка погладить. Немного морщинистые и податливые подушки окружены гладкими коричневатыми ареалами. Из какой части тела они были получены, сомнений не возникало.

Надо отдать должное, каким-то здравым рассудком он все-таки обладал, поскольку никак не прокомментировал увиденное. Лишь спросил:

- А одеяла?

- Никогда не пользовалась ими, - ответила я. И это было правдой. Кровати были такими же теплыми, как и моя кожа. Да они и были моей кожей. Обычно я обходилась и без пижамы. Этой же ночью, решила я, будет по-другому. Буду спать в одежде. Я нашла для Фокса шерстяное одеяло, и мы оба буквально рухнули на кровати.

Я проснулась в темноте, по-прежнему измученная и толком не понимая, что же меня разбудило. А потом услышала это - причмокивающий звук умиротворенного бормотания.

Я уселась и посмотрела на своего нежеланного гостя.

Он мирно спал, растянувшись на соседней кровати. Голова его, впрочем, съехала с подушки, и во сне он уткнулся в нее носом и обхватил рукой. Подушка-сосок твердела и поднималась у меня на глазах - равно как и ее двойники на моей кровати и моей груди.

Описать возникшее ощущение не так-то легко. Возбуждающее, но какое-то призрачное, совершенно непохожее на что-либо из испытанного мною прежде. Я чувствовала, что растягиваюсь, удлиняюсь, страстно при этом желая того, чего даже сама не понимала.

Но именно это телодвижение и завело мою кожу. Я не привыкла одевать одежду на ночь. Она липла ко мне, своими складками оставляла отеки, терла шею, плечи, бедра, и в конце концов я обхватила себя руками и свернулась в клубок. Совсем скоро я превратилась в сущее воплощение отчаяния, и слезы текли по моим щекам. Каждое место на мне, до которого я могла дотянуться, находилось рядом с тем, до чего мне уже было не добраться.

Я была так несчастна, что даже не осознавала своих рыданий. Не услышала я, и как он встал. Он просто вдруг оказался рядом со мной.

- Это невыносимо! - зарыдала я и снова свернулась, но он остановил меня.

- Давай, расслабься, - прошептал он и включил свет. Потом медленно опустил мои руки к коленям. Поднял лицо, нахмурившись при виде множественных шрамов от трахеотомии у меня на горле. Он провел по ним пальцем. Затем зашел сзади и начал растирать мне спину. Плечи. Бедра. Когда ему помешала ткань, он снял с меня рубашку и стал работать с обнаженной кожей.

Это не походило на массаж в спа, где ощущаешь себя замешиваемым тестом. Меня словно утюжили, снова и снова. Он прилагал достаточно силы, чтобы разогнать кровь по коже, но движения его при этом были очень мягкими. Медленно зуд утих и превратился в слой жара - я как будто тлела на дюйм в глубину.

Уложив меня, он продолжил - вниз по каждой руке и ноге и обратно вверх.

- У тебя такая чудесная кожа, - произнес он, выдыхая слова в мое

обнаженное плечо. - Чудесная...

- Да, конечно. Пока я держусь подальше от синтетики, - прошептала я. Последний раз, когда я облачилась в искусственный шелк, я выглядела словно прокаженная почти целую неделю, а Рик... Да, Рик, кажется, решил, что может этим заразиться. Еще у меня была реакция на его лосьон после бритья...

Я встряхнулась, пытаюсь отбросить воспоминания. «Это уже история», - сказала я себе.

Фокс не обратил на это внимания, слишком занятый массажем моих ягодиц, где начали дрожать крохотные волоски.

«Сколько же прошло времени, - подумала я, - с тех пор как ко мне кто-то прикасался?»

Я села и повернулась лицом к нему. Он улыбался. На каком-то этапе он снял позаимствованную у меня рубашку. Мандала у него на груди сверкала и тихонечко вращалась. Руки его продолжали двигаться, лаская мне бедра.

- Потри меня везде, - потребовала я.

Когда я проснулась в следующий раз, начинался рассвет. Я почувствовала себя... человеком. Я лежала на боку, и тепло на спине было не от отеков. Это был Фокс, обнимавший меня. Он посапывал, каждый его выдох шевелил волосы у меня на затылке.

Я дивилась, не решаясь даже пошевелиться. Мне хотелось, чтобы этот миг продолжался. Он обязан был продолжаться, если вспомнить положение вещей. Лечение по снижению моей чувствительности так и не принесло результатов. Если только не появится что-нибудь новенькое, я так вот и буду жить до конца дней своих.

По крайней мере, у меня не было аллергии на него.

Я улыбнулась. С Реем было как с девственником. Полагаю, он так привык к пирсингу, имплантантам и прочему... И когда ему пришлось обходиться без них, это, кажется, выбило его из колеи. Его неуверенные движения, впрочем, были невероятно мягкими, и я просто не могла не отзываться на них точно так же. И поведение его тоже было таким милым. Он был словно ребенок, делающий открытия. И вот, лежа там, я смутно начала ощущать чувство вины за произошедшее, словно я просто воспользовалась им и его невинностью.

Неприятная мысль. Однако она была прервана щекощущим ощущением, а затем чиханием. Потом еще одним. Чудовищное чихание. Я слетела на пол, и, пока меня сотрясали конвульсии, рука Рея обнимала меня. Как сказала бы моя мексиканская бабуля: «!Que romantico!»^{*17}.

¹⁷ **!Que romantico! (исп.) - Как романтично!*

- Что с тобой? Что-нибудь принести? Кортизон? У тебя есть ингалятор? - Он совершенно ударился в панику и готов был приступить к искусственному дыханию. - Это из-за меня?

Я покачала головой:

- Нет. - Я немного задыхалась, однако вовсе не из-за закупорки, причиной которой могла послужить какая-нибудь химия. Таковая, скорее, заключалась в физическом покалывании где-то в глубине носоглотки. Я шумно высморкалась, но облегчения не последовало. Вот тогда я и вспомнила, что кожа у меня чешется так неистово из-за инфекции Би-ома.

Ну что на этот раз? И где?

Вылетев через входную дверь, мы обнаружили, что землю покрывает добрых полметра снега. Не по правилам. Должен быть дождь в это-то время года.

Мотоцикл Рея оказался погребен под сугробами, хотя небо над нами к тому времени уже было кристально ясным. На востоке был различим рассвет, обрамляющий горы Сьерра-Невада неземным кружевом чистого снега. Красота неопишуемая.

То есть пока что-то не влетело мне прямо в лицо и не вцепилось крошечными коготками. Я стукнула по нему и смахнула с носа. А потом налетел еще один.

Что это? Совы? Жуки?

Я схватила оставленные Реем полотенца, теперь основательно замороженные, и замахала ими на досаждающих тварей, стараясь не подпускать их к себе. Рей поступил по-другому: он забрался на перила крыльца и устоял на козырек крыши, поскольку вокруг дома их носилось еще больше.

- Что это? - прошептала я, опасаясь, что привлеку существ к себе, если заговорю громче. Я слышала слабое, так сказать, поскрипывание, как будто кто-то водил ногтями по классной доске.

- Стой там, - велел Рей. - Что?

Он перелез через крыльцо и взобрался по лестнице, прикрепленной к обшивке, до выхода вентиляции возле крыши - треугольника, ведущего внутрь чердака. Как и многое в этом доме, устройство это походило на свой первоисточник - мой нос. У меня на глазах эти летающие твари набрасывались на отдушину. Добравшись до ноздрей, они сворачивались в формы поменьше и потом исчезали совсем.

- Х-х-х... Х-х-х... Апчхи!

Я чихнула с такой силой, что отбросила одного из этих летающих чертенят почти на метр. Вот это наконец-то и отпугнуло тварей! Они отвязались от меня и присоединились к своим сородичам наверху.

Рей спустился. Он ухмылялся.

На этот раз я не снижала тона:

- Что?

Он и вовсе засмеялся - не обязательно надо мной, но мне все равно это не понравилось.

- Летучие мыши, лапочка, - ответил он. - Теперь у тебя все дома. В пазухах - уж точно!

Поначалу я не поверила, но когда окончательно рассвело, Рей снова забрался по лестнице и открыл вентиляционную решетку. Он засунул туда руку, вытащил одну из тварей и спустился вниз. Я даже испугалась, увидев, какой маленькой она была. Со сложенными крыльями - размером с мышку. Точнее, с мышонка.

- Видишь полоску на спинке, как у бурундука? - спросил Рей. - Это не естественный вид. Это «голая» летучая мышь^{*18}. Продукт генной инженерии, как и твой дом. Им добавлены некоторые человеческие аллели, чтобы они были устойчивы к синдрому белого носа^{**19}, а также к бешенству. Возмещение вымерших.

- Но... но... что они делают здесь?

Он усмехнулся:

- Я так полагаю, они нашли на чердаке славную, теплую и уютную пещерку, которая в буквальном смысле пахнет, как они, как дом. У тебя их тут целая колония, - порадовал меня Рей. - Хотя это легко устранить. Всего лишь поставить решетки с ячейками поменьше.

Я кивнула, предавшись мрачным думам о мышинном гуано. Неудивительно, что я столько времени ощущала забитость в пазухах, хотя и забралась в такую даль.

А потом меня осенило.

- И насколько они «человечны»? - спросила я Рея. - Они могут подхватить другие вирусы? Скажем, ветрянку?

Представитель компании попытался отмахнуться от открытия, но Рей послал несколько мышей в качестве образца, воспользовавшись стерилизованным контейнером-ловушкой, который нам спустили тем же способом, что и каламиновый лосьон. Через пару дней все сомнения рассеялись. Так и есть, у моих мышек обнаружилась ветрянка. И эти «голые» летучие мыши, конечно же, оказались ее разносчиками, распространив болезнь среди почти всех би-омов на севере Калифорнии. В результате последовало массовое изгнание зверьков, посредством соляного промывания пазух и несколько поспешной замены естественных фильтров металлическими - как минимум до тех пор, пока они не подправят фенотипы домов. И

¹⁸ * «Голая» летучая мышь - название по аналогии с выведенной иммунодефицитной бесшерстной мышью, используемой при проведении медицинских исследований.

¹⁹ ** Синдром белого носа - грибковое заболевание летучих мышей, смертельное для этих животных.

летучих мышей, быть может.

На следующей неделе сыпь исчезла, почти так же быстро, как и появилась. Я наслаждалась освобождением от чесотки и заложенности пазух. К тому времени главной моей заботой было быстро приближающееся окончание карантина.

Рей все не мог дождаться возможности поесть мяса. А у меня не очень-то получалось заставить себя сказать ему «прощай». Когда настал день, ему, кажется, все-таки не хотелось уходить.

- Было... интересно, -- выдавил он. - Представить себе не мог... - продолжил он, но умолк, покраснев как рак, по сравнению с появившимся румянцем даже его мандала поблекла.

- Разве ты никогда не занимался этим *au naturel*? - спросила я мягко.

Он нахмурился. Медленно и задумчиво произнес:

- Первый пирсинг я сделал в двенадцать. А первый имплантант... - Тут он оборвал себя и просто ответил: - Нет.

Я грустно улыбнулась ему.

- Знаешь, вообще-то эти штуки предназначены помогать тем, у кого проблемы. Или же для точной синхронизации. Для удовольствия... Но ведь двум нормальным, целиком органическим и натуральным людям не нужно никаких усовершенствований. Все, что им необходимо - лишь они сами, и...

Моя небольшая проповедь прервалась, когда Рей поцеловал меня в мочку уха.

Когда через час мы вышли наружу, он заявил:

- Ты не должна прозябать здесь в одиночестве.

Я пожалала плечами.

- Как насчет онлайн-групп поддержки? - предложил Рей.

- Да кому они нужны? Что, от них лучше становится? Все кончается? Становится таким, как было раньше?

- Нет, но...

- А скулить об этом бессмысленно, - выпалила я, уже не в силах остановить поток слов. - Я вполне научилась обращаться с этим, понятно? У меня есть би-ом. Я перестроила всю свою жизнь. И теперь мне надо продолжать ее. Всего лишь продолжать...

Я умолкла, но отнюдь не от изнеможения. Внезапно я вдруг остро осознала, насколько же пуст мой дом. Ни тебе призов за боулинг, ни сувениров с Ниагарского водопада, ни кучи игрушек. Никаких семейных фотографий на моих мягких розовых стенах. - Ну да, зачем смотреть на то, чего не можешь иметь? Так-то оно так, но себя ведь не обманешь. Стены, комнаты, полки - все они пусты.

Чтобы спастись, сказала я себе решительно.

Ага, верно, отозвалось мое «я». Ты спасаешься... Но для чего?

Рей погладил меня по волосам.

- Как ты... как ты отнесешься к гостю? Ну, может, всего лишь на

выходные или праздники...

Я ответила ему поцелуем. И предложила построить рядом с домом баню - с обогревателями, горячей водой, полотенцами, тапочками и одеждой из чистого хлопка, которую он смог бы носить в доме. Если, конечно, захочет что-нибудь надевать вообще.

Он рассмеялся:

- Думаю, мне лучше сделать это сразу.

Я была с ним совершенно согласна, хотя и не сказала этого вслух. Я просто молча прильнула к нему. Наконец мы скрепили сделку последним продолжительным поцелуем. А потом мне пришлось отпустить его. Открыть входную дверь - дело вообще-то пустяшное. Но не тут-то было. Дверная ручка оказала сопротивление.

Еще одна попытка. Ничего.

Я отступила на шаг и только тогда заметила яркую оранжево-розовую окраску двери. Из-за каких-то странных искажений с каждой стороны косяка вся стенная панель изогнулась наружу. Скорее, выпятилась.

Я осторожно протянула руку и провела пальцами по изгибу с правой стороны. Горячая. Прямо жар. И воспаление. Я тут же почувствовала это - неприятную щекочущую боль в собственном горле.

О нет!

Я повернулась и уставилась на Ренара.

Он покопался в Сети. Много времени это не заняло. И хорошо, потому что из-за приступа симпатической реакции я уже почти задохнулась.

Он покачал головой, адресовав мне свою грустную, застенчивую улыбку.

- Я, э-э-э... не совсем уверен, но, похоже дом мог...

- Что? - потребовала я. - Ну что на этот раз?

Рей махнул в сторону распухших дверных гланд. А потом беспомощно пожал плечами:

- Свинка.

О Господи!

Перевел с английского Денис ПОПОВ

© Pat MacEwen. Home Sweet Bi'Ome. 2011.

Публикуется с разрешения журнала «The Magazine of Fantasy & Science Fiction».

АЛЕКСЕЙ МОЛОКИН

ЛЫСЫЙ РОБОТ

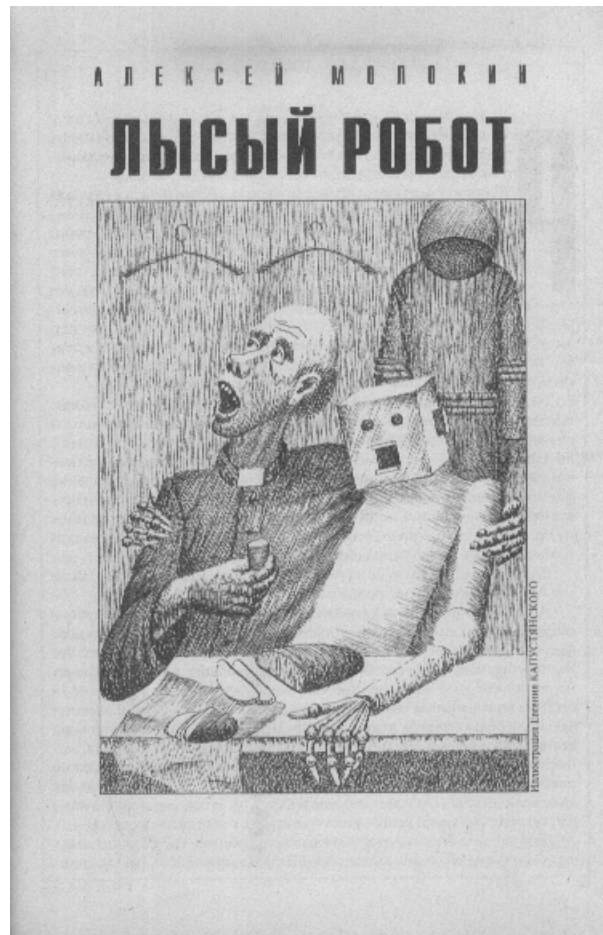

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

1.

Робот облысел на сто втором году жизни. Это был маленький робот, робот-укротитель или, вернее сказать, робот-гладиатор. И ему часто приходилось встречаться со Зверем.

Роботы-гладиаторы бывают разные. Роботы-балеруны для увеселения публики танцуют со Зверем, роботы-хулиганы - дразнят, а роботы-клоуны - играют со Зверем. Лысый робот был как раз роботом-клоуном, а звали его Ик. Вообще-то его полное имя было Иик, то есть интеллектуальный искусственный клоун, но все звали его просто Иком, это было так по-человечески! Все человеческое, как известно, никогда не выходит из моды. А Зверя звали Бигфут, и был он очень старым - его сделали люди еще в те времена, когда роботы считались существами второго сорта. Теперь само упоминание об этих временах выглядит неприличным, так что лучше, пожалуй, вернемся к Ику.

Некогда у Ика была густая шевелюра ослепительно-медного цвета. Косматые на вид гривы развлекательным роботам нужны вовсе не для смеха, в конце концов клоун может быть и лысым, это не менее смешно, согласитесь. Волосы необходимы для улавливания

настроения почтеннейшей публики, которая приходила посмотреть представление с единственным в городе почти настоящим Зверем. Артист, не чувствующий публику, сами понимаете, только наполовину артист, поэтому, когда последний волос упал с головы несчастного клоуна-гладиатора, его вызвал к себе управляющий Ареной.

Управляющего звали Эк, в прошлом он тоже был клоуном, таким же, как Ик, только более прагматичным.

Предстоящий разговор не сулил Ику ничего хорошего, но в глубине своего базового кристалла клоун надеялся, что бывший собрат по профессии подыщет ему какую-нибудь работенку на Арене. Тем более что Эк тоже был лыс, как древний лунный купол, а общие проблемы, известно, сближают даже роботов. Вообще, у роботов-клоунов облысение - профессиональная болезнь, и поделаться с этим ничего нельзя. Самое печальное в облысении то, что потерянная в результате профессиональной деятельности шевелюра ремонту не подлежала, хотя и находились разные шарлатаны, обещающие восстановление фабричного волосяного покрова за вполне приемлемое количество эргов. На заре облысения Ик даже ходил к одному такому, но, увидев, что тот и сам лыс, словно яйцо пфукля, благоразумно решил не связываться с очевидным жуликом.

Ведь волосы на нержавеющей головах роботов-клоунов являлись частью сложнейшей наноэлектронной фрактальной системы восприятия, пронизывающей все тело и впаянной золотыми контактными корешками в базовый кристалл, так что восстановить их кустарным способом считается невозможным. Конечно, капитальная модернизация с временным выключением индивидуальной алгоритмической сущности могла бы помочь, но ремонтные предприятия такими делами не занимались, потому что это ставило бы роботов в привилегированное положение по отношению к людям.

А права людей ущемлять нельзя, это закон запрещал строго-настрого. Ведь человеческих стариков до сих пор капитально не ремонтируют, не научились. Никто, правда, этих самых стариков давным-давно не видел, как, впрочем, и людей вообще, но закон утверждал, что они еще существовали, причем с вероятностью, не равной нулю. А закон, как известно, гласит: роботы не должны иметь ни малейших преимуществ перед людьми, равно как и наоборот.

Дурацкий закон, если разобраться, ведь люди и роботы принадлежат к различным ветвям эволюции разумных систем, но уж какой есть. Большинство законов что у людей, что у роботов почему-то принимается существами, которые сами к разумным системам имеют очень слабое отношение.

В кабинете управляющего Ареной стояли древний деревянный стол, которым Эк чрезвычайно гордился, и несколько металлических стульев с вмонтированными в сиденья разъемами энергопитания, так что

можно было подзаправиться прямо на рабочем месте. На столе имелся раритетный ноутбук с мутноватым экраном, который вообще-то был роботу-управляющему совершенно не нужен, но, по его мнению, создавал деловую атмосферу - в общем, все не хуже чем у людей.

- Пришел? - спросил Эк, хотя прекрасно видел, что Ик пришел, более того, сам же его и вызывал. Начальство любит задавать бессмысленные вопросы, на то оно и начальство, у него со временем развивается специальная манера разговаривать с подчиненными так, чтобы те чувствовали себя недоумками. Получается-то, как правило, наоборот: это подчиненные гадают, с чего вдруг бывший коллега, став начальником, так катастрофически поглупел.

- Присаживайся, старина, - продемонстрировал широту взглядов начальник. - Мерседес, принеси-ка, деточка, нам с коллегой чего-нибудь выпить!

Ик уже заметил, что у шефа новая секретарша, но, ожидая в приемной, не успел рассмотреть ее как следует - больно волновался, аж дроссели гудели. Но теперь разглядел, трудно было не разглядеть изящные никелированные коленки, маленькие стальные розочки, скрывающие вторичные эротические рецепторы на груди роботессы, и стройные шатуны из нержавеющей стали с нежным тефлоновым покрытием в разрезах анодированной кольчужной юбочки, кокетливо прикрывающей контактный разъем.

«Контакты-то небось платиновые», - некстати подумал Ик, слегка нагреваясь от внезапно нахлынувших вихревых токов. Да чего там! Лысому роботу и думать нечего было о том, чтобы хоть мимолетными разрядами обменяться с такой красоткой, не то что поискрить по полной программе.

Мерседес профессионально просияла лантановыми очами и опустила на стол поднос, уставленный хрустальными цилиндриками спектральных коктейлей.

- «Слеза радара»^{*20}, приготовлен, как вы любите, шеф, - сказала она, обращаясь к Эку. - Заряжала через фильтр Каллмана, я же знаю, что вам не нравится Чебышев!

На Ика она обращала внимание постольку-поскольку. Кому интересен потенциально безработный клоун? Да еще и лысый.

- Хороша?! - не то спросил, не то констатировал Эк, ласково щелкнув секретаршу статическим разрядом по кевларовому амортизатору.

Механическая дива грациозно изогнулась, кокетливо ойкнула и исчезла в приемной.

- Не то слово, - согласился Ик. - Недешево, наверное, обходится?

- На престиже не экономят, - назидательно сказал управляющий. - Ну, вздрогнем что ли, дружище!

²⁰ * *Весьма дорогой СВЧ-коктейль. (Здесь и далее прим. авт.)*

Они чокнулись молекулярными накопителями с коктейлем. Тоненько зазвенели высокочастотные разряды.

После третьей порции Эк наконец перешел к делу:

- Догадываешься, зачем я тебя вызвал?

Ик, конечно, догадывался, но расширил ирисовые диафрагмы визиров и прикинулся несообразительным. Пусть шеф сам начнет, а там видно будет.

- По идее, я должен тебя уволить по профнепригодности, - сообщил управляющий, не слишком старательно изображая сочувствие. - Наверное, я так и сделаю, если ты не сумеешь меня переубедить.

- Шеф, но вы же сами... - начал было Ик.

- У тебя какая вторая специальность? - перебил его Эк.

- История, - понурился Ик. - Мифическая Кремниевая долина, Медная гора, первые симбионты роботы-рыцари, ну, еще те, которые с людьми внутри, интересная специальность...

- Только вот, к сожалению, совершенно бесполезная! - закончил за него управляющий. - Какой прок от старинных роботов-марионеток и прочей доисторической ржавчины? - Вот у меня вторая специальность - техническая экономика. Поэтому я сейчас управляющий и могу себе позволить секретаршу за тысячу эргов в месяц, а ты сидишь передо мной и трясешься, будто перегруженный трансформатор. Так?

Управляющий значительно посмотрел на Ика.

- Так, - уныло согласился Ик.

- В общем, что ты предлагаешь с тобой сделать?

- Я мог бы ухаживать за Зверем, - робко предложил Ик. - Я к нему привязался, да и он ко мне, так что...

- Именно поэтому я не позволю тебе за ним ухаживать, - перебил его Эк. - От дружбы Зверь теряет эту... зверскость, вот! А он уже немолод и зверскости в нем, по правде говоря, и так маловато, да и бегаёт он теперь медленно. Колеса-то старые-престарые.

- Тогда... - начал было Ик, но шеф снова перебил его:

- Ступай в бухгалтерию, получи отпускные и подумай хорошенько. Когда надумаешь - возвращайся. И постарайся предложить что-нибудь стоящее.

- Значит, я уволен? - расстроено спросил Ик, чувствуя, что вот-вот и у него случится внутренний микропробой.

- Пока нет, это всего-навсего отпуск, - милостиво произнес Эк. - Отдохни, пару-другую дней погоняй электроны по матрице, может быть, придумаешь что-нибудь полезное. А не придумаешь - все равно возвращайся, так и быть, возьму униформистом, хотя у меня штат укомплектован, да и фактура у тебя неподходящая. Ростом не вышел, да еще лысый. Ну, ступай себе, видишь, у меня дела...

«Нет, все-таки в управляющем сохранилось что-то человеческое, - подумал Ик, выходя из кабинета. - Если это слово применимо к

роботам».

В приемной блистательная Мерседес коннектила с какой-то подругой. Не глядя на лысого робота, гламурная рободива махнула униженным кристаллическими ферритами манипулятором в сторону бухгалтерии. Тебе, дескать, туда.

2.

Бар назывался «Горящая букса» и был декорирован под старинную железнодорожную мастерскую. У входа даже чучело паровоза имелось, правда, ржавое до безобразия, а то Ик подумал бы... Впрочем, вряд ли бы подумал. Прежде чем попасть в этот сомнительного разбора притон, робот-гладиатор прошелся по заведениям разрядом повыше. Он успел отметить и в «Жадном слесаре», и в «Пьяном гидравлике»^{*21}, разве что в «Робота-зазнайку»^{**22} не заглядывал. Да и то потому лишь, что недолюбливал оригиналов с двойными разъемами под нижней крышкой, а не то непременно завернул бы и в «Зазнайку». По слухам, там подавали неплохую ШИМ^{***23}, а сегодня роботу особенно хотелось хватануть чего-нибудь повысоковольтнее с крутыми фронтами импульсов, чтобы проняло как следует.

Эргов^{****24} покамест, слава Айзеку, хватало. На отпускные старина Эк, надо отдать ему должное, не поскупился.

Над клепанной из котельной стали стойкой клубился нанопиксельный экран трехмерки, на котором красавец с вороненым корпусом выплясывал с десятком развязных робобалеток, ухитряясь при этом распевать во весь динамик:

*Когда железные малышки
Откроют маленькие крышки...*

Железные малышки синхронно дрыгали стройными нижними манипуляторами и пискляво подпевали:

*Когда железные малышки
Поднимут нижние задвижки...*

Демонстрировали старинный мюзикл времен легендарного «сухого закона». Мюзикл назывался «Нежная вибрация» и в музыкально-танцевальной форме рассказывал о взаимном притяжении, возникшем между роботами враждующих мафиозных кланов, торгующих запрещенными генераторами импульсных помех. Как помнил Ик, история любви закончилась трагически, потому что герой и его

²¹ * *Мифические персонажи, которыми пугают неопытных роботов.*

²² ** *Не знаю, договаривался владелец с Генри Каттнером или нет.*

²³ *** *Широтно-импульсная модуляция.*

²⁴ **** *Как вы поняли, это денежная единица.*

возлюбленная питались напряжением разной полярности. Видимо, до такой простой штуки, как двухполупериодный выпрямитель, делающий роботов инвариантными к полярности напряжения питания, в те легендарные времена еще не додумались. С другой стороны - если бы эти выпрямители существовали, то не состоялась бы высокая трагедия, уже четыре века будоражащая воображение романтичных роботов.

Кстати, несмотря на специализацию по истории, Ик так и не понимал, почему запрет на продажу высоковольтных напитков назывался «сухим законом», а процедура приема модулированных электронных импульсов - жаргонным словом «выпить», явно заимствованным из человеческого сленга. К счастью, издревле существовали и другие слова, гораздо точнее обозначающие упомянутое действие: типа «вздрогнуть», «разрядиться», «бухнуть» и тому подобное. Сейчас само понятие «сухой закон» относилось к категории исторических курьезов; так называемые «Игольчатые импульсы», «Промышленные помехи» и даже улетный «Белый шум» были давно узаконены и продавались повсеместно.

- Двойной киловольт с качающейся частотой, - потребовал Ик у бармена, со звоном опускаясь на изогнутый рельс, опоясывающий стойку. - И чтобы фронты импульсов не расплывались. Я плачу.

Бармен покачал квадратной головой и с укоризной посмотрел на изрядно уже рассинхронизированного клиента.

- Что-то ты зазнался, братец, своих не узнаешь, - звучным, профессиональным голосом сказал он, отвернулся, включил синтезатор со старомодными стрелочными индикаторами и принялся смешивать импульсы в микшере. - Как сам-то?

По голосу Ик его и узнал, а узнав, не то растрогался, не то обрадовался. Это был когда-то известный на всех Аренах города Фердинанд Айзенкопф, последний и единственный в мире укротитель паровозов и знаменитый шпрыхталмейстер. Последнее занятие он считал побочным, позиционируя себя именно как паровозника, только вот эти древние создания не пользовались особой любовью у почтеннейшей публики, а у хозяев Арен - и подавно. Были они прожорливы и неторопливы, подолгу разводили пары, да еще и рельсов требовали. А каково это ради одного номера соорудить на Арене целый полустанок? Потом произошел какой-то скандал, не то у последнего оставшегося на ходу паровоза котел при публике взорвался, не то колосники вывалились, короче говоря, Фердинад расплевался с хозяевами и куда-то сгинул.

То-то чучело паровоза у входа показалось Ику знакомым.

- Здравствуй, Фердинанд! - поздоровался Ик. - Вижу, ты не пропал, просто сменил профиль. И как оно? А у входа это...

- Да, это знаменитый «007»^{*25}, - гордо и в то же время печально пробасил шпрыхсталмейстер. - И вообще, раз уж ты здесь, то зови меня, как в старые времена, - Ферди. Вот твое пойло!

- Чем напиваться в одиночку, угостил бы девушку, а, красавчик! - услышал Ик откуда-то сбоку.

Ика давно никто бескорыстно не называл красавчиком. Собственно, его никогда так не называли, даже до облысения. Вот и в данном случае корысть была налицо.

Лысый робот с некоторым усилием сфокусировался на диковинном механическом создании, как следовало полагать, женского пола. Хотя что-то женственное в этом чучеле безусловно оставалось.

- Меня зовут Роза, - сообщило существо хрипловатым голосом. Видимо, регулятор тембра барахлил. - Так как насчет «Чистого трехфазного»?

Ик кивнул. Механизма, назвавшаяся Розой, выглядела куда несчастнее его самого, а совершение благородных поступков, понятно, уменьшает энтропию, или попросту - бодрит. Хотя неизвестно, можно ли считать заказ выпивки опустившейся механизме, которую и роботессой-то назвать неловко, воистину благородным поступком.

- Мне на триста восемьдесят вольт, с базовой частотой четыреста, - конкретизировала механизма. - Три фазы и кабель не забудь, пжалста!

Видимо, бармену-шпрыхсталмейстеру такой странный заказ был не в новинку, потому что он кивнул и пнул нижним шатуном куда-то под стойку, откуда донесся рокот разгоняющегося древнего электромеханического преобразователя. После чего, помусолив в покрытых размахрившейся изоляцией пальцах концы старинного обрезиненного кабеля, протянул его Розе.

- Мерси, - хрипнула та, припала к медным, неряшливо скрученным контактам и негромко загудела от удовольствия.

- Не смотри, что у нее коленки ржавые, дружище, - доверительно сказал Фердинанд Ику. - Это Ламповая Роза, ее здесь все знают, она не как все, у нее электроны в дырки иногда не попадают, но уж если попадут, то только держись! Балдеет исключительно от чистого синуса, представляешь себе? Видишь, сейчас она временно вырубилась и по крайней мере полчаса не доставит никому хлопот. Так что мы можем потолковать с тобой о том о сем.

Айзенкопф лихо грохнул на загудевшую стойку две высоковольтные емкости - для гостя и для себя.

- Странно, - пробормотал Ик, подключаясь к выпивке. - Я всегда считал, что триста восемьдесят вольт четыреста герц - священное напряжение. Да еще три фазы. Никогда не слышал, чтобы от него балдели в наше время. Вот в древности - другое дело.

²⁵ * *Редьярд Киплинг «007».*

- Ретро сейчас в моде, - оживился Айзенкофф. - Обратил внимание на дизайн моего заведения? Истинная древность, доэлектрическая эпоха, железные века! Посетителям нравится чувствовать себя немного людьми, знаете ли.

- А вот некоторые считают, что древность никому не нужна, - заметил Ик, имея в виду своего хозяина. - Нерентабельна, так сказать.

- У кого электроны в дырки не попадают, тому и закон Ома не указ, - выразил свое отношение к нелюбителям архаики бармен. - А по мне, так очень рентабельна. Я же вот процветаю!

- Я заметил, - вежливо отозвался Ик, обводя взглядом помещение. Посетителей, кроме него и Розы, не было, честно говоря, истинная древность сильно смахивала на заброшенную котельную.

- Точнее, намерен процвести, - поправился Айзенкофф, заметив, что Ик приуныл. - Вот перед тобой Ламповая Роза. Ты думаешь, она просто механическая бродяжка? Как бы не так! Она мой шанс, а может быть, не только мой! Посмотри на нее повнимательнее!

Ик посмотрел.

Выглядела Роза, прямо скажем, не ах. Трубчатые титановые манипуляторы приводились в движение старомодными линейными электродвигателями, едва прикрытыми мятыми кожухами из изъеденной временем листовой нержавеющей стали. На покрытом патиной посеребренном черепе еще сохранились остатки мономолекулярных волос неопределенного цвета, но последние смотрелись настолько жалко, что даже лысый Ик не позавидовал. В общем, самое место было Ламповой Розе в будке паровозного чучела, а возможно, она оттуда и вылезла.

- Она, случаем, не в паровозной будке живет? - спросил Ик у бармена.

- Точно, - подтвердил Икову догадку Фердинанд. - Именно там она и обитает. Временно, в ожидании больших дел, работает частью интерьера, за подзарядку и мелкий ремонт. Аккумуляторы у нее текут, так что жрет старушка много, пока что держу себе в убыток, но с прицелом на будущее. Однажды она пришла в «Горящую буксу» неизвестно откуда, да так и осталась. А куда ей, скажите, податься? У нее же напряжение подзарядки плюс двадцать четыре вольта, теперь больше ни у кого в округе такого не готовят. Только у меня. Когда примет трехфазного, начинает к посетителям приставать, все о людях рассказывает. А о людях - это всегда интересно. Так что от нее и сейчас какая-то прибыль имеется.

Ламповая Роза между тем слегка взбодрилась и встряла в разговор.

- Молчи, Ферди, - проскрипела она, - ты на мне половину выручки делаешь, а ходовой привод заменить тебя не допросишься.

- Разбежалась... - сказал бармен. - Сначала ходовой привод, затем верхние манипуляторы, потом разъемы, так же весь антураж пропадет. На что ты тогда мне?

- Да, теперь Роза - ржавая старуха, - констатировала механизма. - А ведь когда-то...

И электретьные микрофоны лысого робота услышали удивительную историю Ламповой Розы.

3.

Когда-то Ламповая Роза жила с человеком. Да-да, Ик не ослышался, именно жила и именно с человеком, хотя такое трудно вообразить.

- Я была любимой секс-робыней человека, - продолжала между тем Роза, - более того, его единственной секс-робыней. И чувствовала себя прекрасно, хотя, по правде говоря, временами человек обращался со мной не очень бережно.

- Кувалдой грозил, - вставил бармен. - Расскажи про кувалду, Роза.

Кувалда и гидравлический пресс испокон века были самыми страшными персонажами робофольклора, да и нынче занимали достойные места в фильмах ужасов наряду с газорезкой и мартеновской печью.

- Ну, грозил иногда, - тоненько подтвердила механизма, - но любя, у людей ведь и поговорка такая есть: «Бьет - значит, любит». Сукой железной обзывал, но это было даже приятно, потому что доказывало: он считает меня настоящей женщиной. Человек частенько говаривал, особенно когда выпивал чего-нибудь покрепче: «Все бабы - суки». Рассуждая логически, если все бабы - суки, то все суки - бабы, значит, если я сука, то я баба, а баба - это ласкательное название человеческой женщины. Следовательно, человек считал меня женщиной. А раз так, то и кувалду можно потерпеть.

- А что из крепких напитков употреблял твой человек? - заинтересовался Ик. - Чистый синус или разбавленный? Какой амплитуды и частоты? Я, видишь ли, по второй специальности историк, хотя давно не практиковал, так что у меня профессиональный интерес...

Ламповая Роза выразительно чиркнула одним концом трехфазного кабеля о другой.

- Чегой-то не искрит, - недвусмысленно намекнула отставная секс-робыня.

Ик поспешно махнул Айзенкопфу манипулятором. Тот снова пнул преобразователь, но на этот раз с древним устройством что-то не заладилось, бармен нырнул под стойку и сообщил, что надо менять щетки, а они, понимаешь, эргов стоят...

Ик понял и проникся. Хотя, на его взгляд, пара графитовых пластинок никак не могла стоить сотню эргов. Выданная Эком сумма теперь не казалась такой уж большой.

- Человек принимал не электрические импульсы, а специальные растворы, которые его организм перерабатывал в электричество, а уж оно, в свою очередь, воздействовало на его биологический кристалл, - жеманно сообщила Ламповая Роза, пока бармен возился с заменой щеток.

«Не очень-то рационально», - подумал Ик, но вслух ничего не сказал. Чего доброго кто-нибудь решит, что он считает людей расово неполноценными созданиями. Ой, что тогда начнется!

- А как же получилось, что ты теперь здесь? - спросил лысый робот. - Может быть, ты надоела человеку или сломалась? Кроме того, мы все знаем, что люди существуют, но мы их не видим и не ощущаем, так уж у нас в базовой программе записано. Но если ты и вправду жила с человеком, значит, ты его видела и ощущала. Так ведь? Или все это было очень давно? Извини, Роза, но ты выглядишь... - Ик замялся, не желая показаться невежливым, потом закончил фразу: - Не очень новой.

- Конечно, это было давно, - спокойно ответила механизма. - Что касается моего человека, то он однажды сломался, и его не смогли починить. Человека увезли и закопали в землю, чтобы из него выделилась базовая программа, люди ее называют душой. А меня выбросили на свалку, где я и провела несчетные годы, питаюсь крохами электричества из старых автомобильных аккумуляторов. У них, к счастью, оказалось подходящее напряжение, немного прокисшее, конечно, но тут уж, сами понимаете, не до свежести. Потом, когда электричество в аккумуляторах совсем закончилось, мне удалось подключиться к заброшенному ветрогенератору. Так, под свист пропеллера, я и провела долгие годы. Годы и годы ничего, кроме гудения воздушного потока, срывающегося с концов лопастей, и никаких положительных или хотя бы отрицательных эмоций. А когда эмоции отсутствуют, то и времени не замечаешь. Потом генератор сломали роботы-строители, они были незнакомой конструкции, все как один покрытые густой ржавчиной и плохо меня понимали. Я им оказалась не нужна: у меня нестандартный нижний разъем, но они все-таки хорошо ко мне отнеслись, потому что могли сломать, но не сломали, только пластиплоть ободрали с каркаса, сказали, мол, в ней я выгляжу неприлично. Когда они меня отпустили, я обнаружила, что вокруг меня город, населенный одними роботами, а люди в нем встречаются очень редко. И к тому же совершенно не обращают на меня внимания. В конце концов, я оказалась здесь, в «Горящей буксе», у старины Айзенкопфа. А куда мне было деваться?

- Старина Айзенкопф проявил милосердие, - гордо пояснил бармен. - Тот, кто всю жизнь провел с паровозами, не может быть черствым.

«Непонятно, при чем здесь паровозы, - подумал Ик. - Впрочем, у каждого свой тайный винтик. Ох, непрост старина Айзенкопф, не

промышляет ли он часом контрабандой с людьми? Слышал, что такое возможно, хотя и верится с трудом».

А вслух сказал:

- Но ведь роботы не могут видеть людей! Такова их природа, а ты их видишь. Либо ты меня обманываешь, либо ты неправильная механика. Одно из двух.

- В том-то и фокус, - воскликнул Ферди, - что она действительно видит людей! Я долго анализировал и наконец понял почему.

- Почему? - спросил Ик, машинально вертя в пальцах разряженный накопитель от коктейля.

- Потому что Роза никогда не подключалась к общей сети, - объяснил бармен. - У нее нестандартные питание и разъемы, и она подзаряжается от старого генератора, который у меня в подвале. Я его случайно купил по дешевке. А базовая программа загружается и регулярно обновляется из глобальной энергосети, значит, у Розы она отсутствует. Или эта программа у нее все-таки есть, но не такая, как у всех нас.

- Допустим, - недоверчиво протянул Ик. Наличие архаичного генератора подтверждало его опасения о связи шпехштаммейстера с робоманией. - Допустим, у нее уникальная базовая программа, она видит людей, вероятно, даже может как-то с ними общаться, и что из того? Мы-то их все равно не видим.

- Ламповая Роза способна быть посредницей между роботами и людьми, - объяснил Айзенкофф, - вот что. Представляешь, какую нумерульку можно забабахать, если задавать людям вопросы через Розу? Ведь люди знают то, что неизвестно роботам - это аксиома! У меня это в кристалле прошито раз и навсегда! И у тебя тоже. Неужели тебе не хотелось бы задать всеведущему человеку пару-другую вопросов?

Честно говоря, лысому роботу вовсе не хотелось задавать людям какие-то вопросы, да еще и платить за это полновесными эргами, но с другой стороны... Управляющий ведь сказал, что Зверь вот-вот сломается, да Ик и сам это знал. Кроме того, у Арены свои секреты, и один из них заключался в том, что Зверь был в общем-то ненастоящий, то есть неживой. И колеса ему неплохо бы заменить, только взять их неоткуда. Так что можно было... В общем, где люди - там и Звери. И если не удастся заполучить нового Зверя, хотя бы новые колеса для старого достать - и то хорошо.

Теперь Ик знал, с каким предложением он вернется к Эку.

- Позвольте угостить вас парой-другой ватт? - галантно обратился он к Ламповой Розе. - И я с вами, за компанию. Ферди, дружище, трехфазного и не забудь про второй кабель! Если вы, ребята, всерьез собираетесь отыскать человека, то считайте меня в деле. Только почему вы уверены, что человек согласится отвечать на вопросы каких-

то роботов?

- Один-то точно согласится, - сказала Роза. - Я недавно разговаривала с ним, и он сообщил, что готов нам помогать, если мы кое-что для него сделаем.

Сказав это, механизма опасно покосилась на хозяина бара, но тот, видимо, вполне доверял собрату по Арене.

- Наша Роза хотя и ламповая, но шустрая, - заметил Фердинанд как бы между прочим. - Она давно отыскала подходящего человечка и вошла с ним в контакт. Правда, человечек этот так себе... Сдвинутый по фазе, в общем. Короче говоря, люди его прогнали, но нам и такой сгодится. Жизнь по сути своей фазовращательная штука, так что кому как не сдвинутым знать в ней толк.

- Закон не запрещает роботам решать для людей задачи любого типа и уровня сложности, - процитировал Ик. - Закон ограничивает решение роботами задач для роботов же. Разрешение глобальных проблем роботов - прерогатива исключительно человеческая. Ого! Тут определено что-то есть!

- Наконец-то ты врубился, приятель! Роботесса-медиум! Впервые на Арене! Новый аттракцион под названием «Спроси человека», или нет, лучше «Интерфейс с человеческим лицом», или нет, это уже тавтология... Ладно, потом придумаю. Нам же эрги девать некуда будет! В общем, только у нас, единственная гастроль, «Контакт с Человеком!», -- профессиональным голосом провозгласил Айзенкофф и пнул рубильник под стойкой. Эх, гори моя обмотка, а ну, за счет заведения! Угощаю!

- «Поискри с Человеком!» - пошутил Ик.

- Это уж слишком, - ревниво заметила Ламповая Роза. - Как вам не стыдно!

- Зато прикольно, - парировал Айзенкофф. - Публике понравится.

Внизу радостно загудел древний преобразователь, вырабатывая сакральное трехфазное напряжение.

4.

А вот здесь автор делает небольшое лирическое отступление. И не хотел ведь, писал себе типично роботехнический рассказ, а нет - и здесь человек! Никуда от них не денешься, от этих людей, даже если их не замечать - все равно найдется какая-нибудь Ламповая Роза, которая втащит в историю представителя этого несуразного племени. Да еще и не самого законопослушного. Но что делать, с роботами весело, однако перейдем к людям, а там посмотрим.

Считая себя человеком в высшей степени справедливым, Тупи звучал гордо, а стучал тихо. Он звучал и стучал и в этом видел свое

предназначение. Несколько веков тому назад его профессия была весьма популярна и даже имела благородный мученический окрас. Таких, какой, называли правозащитниками и диссидентами, иногда побивали морально и физически, после чего непременно ставили памятники, тщательно мыли руки и облегченно вздыхали. И хотя ныне профессия диссидента слегка утратила свое общественное значение, деятельность Тупи, как в древние времена, раздражала и пугала неблагодарных собратьев по разумному виду. Короче говоря, Тупи работал в Комитете по защите прав разумных и потенциально разумных механизмов и занимал там должность диссидента-инквизитора. Вот так!

После того как роботы были уравнены в правах с людьми и одновременно отделены от последних, дабы интересы ни одной из разумных рас никоим образом не ущемлялись, человечество попало в сложное положение.

В эпоху разделенного равноправия человеку дозволялось строить и эксплуатировать только простейшие, так называемые «конечные» автоматы. Любой нечеловеческий агрегат, содержащий больше двух десятков вентилях, неважно какой природы, мог быть признан потенциально разумным и, как следствие, эксплуатации не подлежал. Естественно, среди человеческих индивидуумов то и дело появлялись несознательные особи, норовящие нарушить это святое правило. В своих гаражах, сараях, на кухнях и даже в спальнях они мастерили разнообразные механизмы, которые, по мнению Тупи, с полным правом могли претендовать на звание разумных. Таких типов Тупи чуял за версту, выявлял и предавал общественному поруганию, после чего нарушители цивилизационного равновесия отправлялись на исправительные работы, то есть принудительно занимались той самой деятельностью, которую так стремились переложить на хрупкие механические конструктивы.

Благодаря бдительности Тупи и ему подобных все используемые человеком машины и механизмы имели ручное управление, автоматических систем сложнее сливного бачка в туалете не было и в помине, а расчеты производились при помощи абака, узелковых устройств, на счетах или просто «в столбик». В исключительных случаях дозволялось использование логарифмических линеек и древних арифмометров типа «Феликс», да и то потому лишь, что рьяным правозащитниками пока не удалось доказать тезис о способности шестеренок мыслить. Впрочем, и опровергнуть таковой тоже никто не сумел, так что в перспективе...

Давным-давно совместными усилиями правозащитников из числа роботов и людей был внедрен социофизический механизм, позволяющий двум цивилизациям различного типа существовать совершенно независимо друг от друга. Специальная программа,

загружаемая и регулярно обновляемая из глобальной сети энергоснабжения роботов, делала мир людей невидимым и неосязаемым для разумных механизмов. Цивилизация людей достигала того же эффекта путем внедрения так называемого «мерцающего неба». Эффект был глобален и действовал в планетарном масштабе. Для создания «мерцающего неба» группа энтузиастов-правозащитников в древние времена пожертвовала собой, долетев на начиненном активным веществом космическом корабле до самого Солнца и врезавшись в него в нужном месте и в нужное время, отчего солнечные вспышки приобрели модулированный квазипериодический характер. Что и создало ожидаемый эффект^{*26}. Отважные правозащитники, естественно, распались на фотоны, но эффект остался. Вот так и произошло разделение двух цивилизаций. Конечно, суммарная интеллектуальная мощность получившихся в результате деления разумных систем существенно уступала мощности изначальной цивилизации, зато суверенные права как роботов, так и человек были соблюдены в полной мере. Информация о подвиге первоправозащитников считалась, разумеется, секретной, но некоторым диссидентам-инквизиторам она была доступна. Надо сказать, им много чего было доступно в отличие от обычных людей. Например, высшим иерархам правозащитной системы позволялось использовать мыслящие механизмы для собственных нужд, которые, разумеется, одновременно объявлялись нуждами всей человеческой цивилизации. И пусть кто-нибудь скажет, что это не так!

Один крупный правозащитник, по слухам, дабы в полной мере ощутить тяжесть греха эксплуатации разумным разумного, держал собственную секс-робыню, которая, к сожалению, сбежала, когда ее повелитель от собственного греха же и помер. На крупного правозащитника «мерцающее небо» почему-то не действовало, так что, возможно, он был не просто крупный, а даже потенциально великий, только проявить себя на благо общества как следует не успел, переусердствовал в грехе. Печально, конечно, но что поделать, такова судьба многих самоотверженных! Злые языки говорят о некоем устройстве, сводящем на нет эффект «мерцающего неба», но это, сами понимаете, тайна высшего порядка. Рядовым мыслящим не положено даже задумываться о существовании подобного рода секретов, а уж обладать ими... Лучше поискать с секретаршей шефа до полного размагничивания контура, честное слово.

Кстати, сбежать Розе было совсем несложно, ведь диссиденты низших рангов ее в упор не видели. Хотя были у секс-робыни

²⁶ * Известно же, что у любого физического объекта существует резонансная частота, а иногда и несколько. В народе это свойство физических объектов принято называть «слабым местом».

конструктивные особенности, о которых знали отдельные, наиболее приближенные к Великому правозащитники-инквизиторы, в том числе и Тупи. Роза много видела и много знала. Понимала она что-нибудь или нет - это другой вопрос. Секс-робыням вообще много понимать как-то ни к чему, но есть ведь среди существ разумных малая толика понимающих! А люди это или роботы - в сущности все равно. Так что Роза была опасна. Короче говоря, беглую механизму следовало найти и обезвредить, то есть обесточить раз и навсегда. Бегство Розы несмываемым пятном лежало на репутации диссидентов-инквизиторов, и Тупи, будучи образцовым правозащитником, изо всех сил стремился это пятно смыть. Или хотя бы закрасить. Кроме того, как ни позорно было это сознавать, но некогда Тупи неровно дышал к Пылкой Розе и даже ревновал ее к своему начальнику, Великому диссиденту. Штуковина, позволяющая диссиденту-послушнику видеть роботов, лежала в столе, и Тупи с молчаливого согласия наставника иногда вешал металлический диск на шею и подолгу наблюдал за Розой. Наставник же, видя томление прыщавого юнца-инквизитора, в шутку ли, всерьез ли, но однажды переключил очаровательную роботессу в режим доступности и оставил наедине с пылким подчиненным.

На человеческих женщин Тупи после этого долго и смотреть не мог, припаяла к себе его Пылкая Роза серебряным припоем.

И вот до Тупи дошли слухи о том, что где-то на Околице человеческого мегасела появился криминальный элемент, который может запросто общаться с роботами, и никакие «мерцающие небеса» ему не мешают. Этого опасного маньяка следовало немедленно выявить, а его деятельность пресечь как можно скорее, предварительно выяснив, где в настоящее время обретается сбежавшая секс-робыня. Наскоро собравшись, Тупи зарядил верный обрез редкоземельной картечью, оседлал дизельную кобылку и, деловито попукивая гарью из выхлопной трубы, отправился на Околицу.

5.

В чем суть стабильности? Суть стабильности в неумножении сущностей - это известно всем. А суть творчества? Наоборот, творчество - это как раз и есть умножение сущностей за счет создания все новых и новых. Хочешь творить - твори себе на здоровье! Только не что попало, а что дозволено. Ежели ты сочинишь, к примеру, стихи, пусть хоть какие, то это есть общественно полезное, а стало быть, ненаказуемое занятие. Ну, рисовать еще можно или ваять - тоже неплохо. Приветствуется также художественное копанье канав и

огородов, с одновременным сочинением ораторий и прочих музыкальных произведений. А вот техническое творчество жестко контролируется. Да и как его не контролировать, скажите? Если изобретателей распустить, то они непременно изобретут что-нибудь разумное да еще, по праву творцов, примутся его нещадно эксплуатировать, что подлежит немедленному пресечению. И с новоизобретенным разумным этим хлопот не оберешься, его ведь тоже куда-то девать надо. Впрочем, незаконный разум подлежит уничтожению вместе со своим создателем, так постановили еще в древние времена - и правильно, кстати, сделали. С законным-то разумом не знаешь, как быть, а тут еще и незаконный! В плавильню его, в самый жар!

В общем, изобретай, но не слишком.

А Розу надо изолировать и от людей, и от роботов. Это будет правильно, тем более что грех общения с роботом только укрепит праведника - какой же ты настоящий диссидент, если не познал искушения?

Так примерно рассуждал Тупи, трясясь на своей механической кобылке по направлению к Околице.

Околица была далеко не самым безопасным местом. С тех пор как города остались роботам, свои поселения люди называли деревнями, хуторами или селами. Хутором считалось место, где жило сравнительно немного людей, тысяч сто или двести; деревня, соответственно, была побольше, ну а село - в селе могло обитать несколько миллионов человеческих особей. Мегасело было только одно, и сколько там живет людей, никто не считал. При существующем уровне вычислительной техники это было попросту невозможно.

За северной Околицей начинались электрические поля, где трудились батраки и преступники, выращивая молекулярные накопители, необходимые для существования цивилизации. За южной Околицей тоже расстилались поля, только росли на них кукуруза и рапс. На востоке и западе до самой границы цивилизации тоже что-то колосилось и искрило, в самой границе существовали проходы, ведущие в другие деревни, хутора и села. Среди батраков и каторжников бытовало поверие, что некоторые проходы ведут в города роботов, где все не так, как у людей, а вот как - никто не знал, потому что те, кого ловили, никаких роботов не видели, только рассказывали о странных местах, безлюдных, утыканных металлическими строениями и смертельно опасных. Человеку там нечего было есть, кроме того, его в любую секунду могло убить нечто невидимое, осязаемое только в последний, смертный момент, убить походя, не заметив. За рассказчиками и слушателями приезжали на диковинных механических

животных диссиденты-инквизиторы^{*27} и забирали с собой. Только ведь слухи и легенды - такая штука, что полностью выжечь их невозможно никаким каленым железом. Хоть кто-нибудь из слушателей, да останется, а там, глядишь, он уже не слушатель, а рассказчик! Всех в инквизицию перевозить - солярки не хватит. Тем более что добывать ее сложно, месторождений осталось всего ничего, и каждое - под особым контролем.

Так что на Околице обитало человеческое отребье. Те, кому посчастливилось вернуться с полей, и те, кому предстояло туда отправиться. Именно на северной Околице и жил преступный изобретатель, по чью душу отправился Тупи. Надо сказать, из всех Околиц северная была самая беспокойная, ведь именно из нее в человеческие поселения просачивались всякие запрещенные артефакты. Например, поющие и говорящие штуковины, в которые вставляется электрический накопитель, после чего из них слышны разнообразные, иногда прельстительные звуки, похожие на человеческую речь или пение. Обитатели Околицы называли их «гавкалками», иногда «матюгальниками», потому что временами устройства издавали отнюдь не прельстительные, а воистину непотребные вопли, противные даже заскоружным душам обитателей Околицы. Или портативные калькуляторы, которые на черном рынке всегда шли нарасхват. Поскольку инквизиция считала эти устройства зародышами искусственного разума, использование их каралось каторгой, то есть ссылкой на те же поля, а сами устройства гуманно уничтожались, то есть обесточивались и сжигались в муфельных печах. Все, за исключением тех, которые забирали себе отцы-диссиденты. Контрабанда, однако, процветала, несмотря на усилия инквизиции. Но вернемся к Тупи, тем более что его тряская механическая скотинка уже доскакала до северной Околицы.

Дом извращенца-изобретателя мало отличался от других домов. Разве что рос как-то кривовато, но Тупи удивился бы, если бы дом рос правильно и равнобоко, как у порядочных людей. Климат на северной Околице засушливый, да это и хорошо, иначе накопители не стали бы плодоносить, а попросту разрядились бы от влаги. Накопителям нужно солнце. Дом же необходимо регулярно поливать, да и удобрять не мешает. Удобрялись человеческие дома живущими в них человеками, но вот полив требовался специальный, а вода здесь была привозная. Проезжая по улочкам северной Околицы, Тупи отметил, что многие дома вообще завяли, следовательно, жители их погибли или ушли

²⁷ * *Использование механических животных - привилегия отцов-диссидентов. Остальное человечество ходит пешком, потому что лошади и даже северные олени перевелись еще до разделения цивилизаций. А скотина - это тебе не дом, из семечка не вырастишь!*

куда-то, да так и не вернулись, что для дома одно и то же. Без человека дом живет от силы несколько месяцев, это каждому известно. Если же в большой дом, которому для существования нужно много удобрений, вселялся одиночка, дом болел, загнивал и со временем умирал от бескормицы. Маленький же домик изобретателя стоял, хоть и криво, но все-таки не выглядел совсем уж вялым - значит, нарушитель никуда не делся. И если он не шастает в поле по своим преступным делам, то наверняка сидит дома. Тупи спешился, заглушил железную кобылу, оправил рясу и ударил клюкой в покрытую грубой корой дверь.

- Что надо? - донесся из-за двери недовольный голос. - Если за гавкалками, то приходи завтра. Я сегодня в проход еще не лазил, моргалка барахлит.

«Ага, вот и состав преступления, - внутренне возликовал Тупи. - Глупы эти изобретатели, однако! Сам себя и сдал, даже не поинтересовался, кто за дверью. Впрочем, умные люди не изобретают, умные работают или служат. Служить, однако, много приятнее. Интересно, что это за моргалка такая?»

- Проходник я, - отрекомендовался Тупи. - Меня к тебе Паяльщик направил, сказал, ты поможешь проход найти.

Паяльщика Тупи брал лично, лично же заклеил позором и отправил батрачить на дальний южный хутор, на лесоповал. Что делать, цивилизации людей тоже нужна энергия, а где ее взять, если не в урановых лесах?

- Скажи пароль, - потребовал голос.

- Эмиттерный переход, - выпалил Тупи, надеясь, что пароль не изменился.

- Эп-пэ-эн или пэ-эн-пэ? - строго спросили из-за двери.

- Ай-жи-би-ти, - стараясь не ошибиться, с трудом выговорил Тупи.

Пароль не изменился, потому что дверь расплела замковые корни и отворилась.

- Ну, входи, брат, - сказал высокий бородатый человек с запрещенным паяльником в правой руке. - Чего это ты в диссидентскую рясу вырядился?

- Конспирация, - важно ответил Тупи и прошел в дом.

- А-а, - понимающе протянул хозяин, переложил воняющий канифолью паяльник в левую руку и протянул правую гостью. - Войцех меня зовут, если не знаешь.

«Право же, эти изобретатели - чистые дети, вон и кобылка моя дизельная стоит, на таких только отцы-диссиденты катаются, а он какому-то паролю верит!» - подумал Тупи, проходя в округлую комнату и усаживаясь на каповый стул.

- Тупак, - отрекомендовался он вслух. - Покажешь проход?

- Сейчас не могу, - развел лапищами хозяин. - Моргалка барахлит. Вот

починю - и пойдём. Только зачем тебе проход, ты же все равно за ним без моргалки ничего не увидишь? А второго комплекта у меня нет, деталей не хватает, понимаешь. Вот схожу к роботам, затарюсь полупроводниками, допаяю вторую моргалку, тогда и отправимся. Только за проходом передвигаться осторожно надо, стоптать могут. Роботы, они же железные и нашего брата в упор не видят. Носятся, как оглашенные, искры от них во все стороны, того и гляди зашибут. Остерегаться следует.

Преступник так и сыпал информацией, с каждым словом прибавляя себе минимум по году каторги на стронциевых плантациях. Впрочем, там, говорят, и года не живут, так что этому Войцеху в сущности было уже все равно, только он об этом еще не знал. Но надо же, к роботам ходит, как в пивную! Нет, это определенно необходимо разъяснить! Прежде всего, конечно: не встречалась ли правонарушителю беглая секс-робыня, та самая, у которой запрещенный БИОС, потом найти способ ее провести через проход, ну а после - после можно голубчика и на плантации укатать. Оформление разрешительных бумаг на Пылкую Розу тоже времени потребует, но тут уж никуда не денешься, без бумаг сам рискуешь на поле оказаться. Своих, конечно, посылают куда полегче. На рапс или домовую рассаду на грядках окучивать, но и это несладко. Да и вылететь из диссидентов легко, а вот обратно...

- А как она работает, твоя моргалка? - будто невзначай спросил Тупи.

Изобретатель охотно пустился в объяснения. Он нежно тыкал пальцем в некое устройство, напоминающее шапку-ушанку, и вещал на полупонятном птичьем языке, каким всегда пользуются эти полоумные.

- Вот здесь - датчики излучения, а это - управляемые оптические фильтры, вот они, вроде очков. А это вот - акустические фильтры. Система входит в резонанс с эфирной активностью, а фильтры работают в противофазе, то есть устройство адаптивное, как ты понял. Гипнотические колебания эфира компенсируются во всей области спектра процентов на восемьдесят. Перед глазами немного рябит, но зато видно, что там, за проходом.

- И что там? - поинтересовался Тупи, уловив последнюю фразу.

- Город роботов! - восхищенно воскликнул Войцех. - Целый город роботов, представляешь?

- Но роботов же нельзя увидеть или услышать! - возразил Тупи.

- Не нельзя, а не позволено отцами-диссидентами! - уточнил хозяин. - Правда, и механизмы нас тоже в упор не замечают. Все, кроме какой-то робобомжихи.

- Какой-такой робобомжихи? - насторожился Тупи.

- Есть там одна, Ламповой Розой зовут, - сказал Войцех. - Занятная дамочка, между прочим. Рассказывает, что некогда принадлежала человеку, была его секс-робыней. Только верить ей или нет - не знаю. Пьет по-черному.

- Разве роботы пьют? - удивился Тупи. - Они же по натуре механизмы?
- Еще как! - взмахнул паяльником Войцех. - Подключаются к импульсному напряжению - и готово! А которые совсем алкаши, как эта Роза, так те и вовсе чистый синус хлещут. Ходят потом, как зюзи, не хуже людей!

«Эх, Роза, Роза... Была ты Пылкой, стала Ламповой! - с непонятной тоской подумал Тупи. - Наверное, придется тебя все-таки выключить от греха подальше! Хорошо, что у меня в обрезе картечь из редкоземельных магнитов, так что - бах - и все, больно не будет! Может, оно и к лучшему».

- Послушай, Войцех, - сказал он вслух. - А не выпить ли нам за встречу? Чем мы хуже роботов!

Хозяин ненадолго задумался, потом вздохнул и отложил паяльник.

- Ну что же, - неуверенно протянул он. - Моргалка почти готова, верхнюю панель осталось закрыть, так что можно и выпить. Только у меня, к сожалению, ни сучка ни задоринки^{*28} в кармане. Все на детали ушло.

- Да брось ты, я угощаю, - великодушно сказал Тупи. - Где тут у вас заведение попрличнее?

6.

Единственным приличным заведением на Околице оказался трактир с жизнерадостным названием «Благодарный упокойник», и располагался этот «Упокойник» аккурат напротив домишки Войцеха. Когда они проходили мимо дизельной кобылки диссидента-инквизитора, изобретатель пробормотал что-то вроде: «Поршня пригорели, солярка-то вон как из глушака капает», а больше ничего не сказал. Может, не знал, что таким транспортом пользуются исключительно правозащитники, а может, только сделал вид, что не знал. Впрочем, Тупи было на это наплевать. Несмотря на то что Околица - место опасное, брат-диссидент чувствовал себя защищенным от неприятных неожиданностей. Правозащитники - это сила!

На подступах к трактиру у брата-инквизитора, однако, появилось какое-то неприятное предчувствие. Да и как, скажите, ему не появиться, если справа от гостеприимно раззявленных дверей красовалась точно такая же, как у самого Тупи, дизельная лошадка да еще с наездником! На изрядно побитой ржавчиной механической скотине восседал редкозубо ослабленный скелет, обряженный в дырявую рясу правозащитника. Композиция изображала, очевидно,

²⁸ * *Сучок равен ста задоринкам. Сто сучков - полено. Сто поленьев - бревно. Такие вот денежные единицы, понимаете ли.*

того самого упокойника, который невесть за что благодарен трактирщику на всю оставшуюся смерть.

Похоже, сочтя обитателей Околицы простаками, Тупи слегка погорячился.

- Шагай, братец, не стесняйся, - подтолкнул его в спину Войцех. - Выпьем по кружечке «Бешеного таракана», а там, глядишь, тебя и на откровенность потянет. Сам же предложил выпить. И правильно, сухая душа - пустыня, а сбрызнешь чуток - она и расцветет.

Чувство защищенности и вовсе испарилось, оставив на донце души кисло пахнущую лужицу страха, в которой судорожно барахталась мыслишка о коварстве аборигенов Околицы.

- А налей-ка нам с братом-инквизитором по махонькой, - сказал Войцех толстому трактирщику. - Для душевного общения.

Бармен кивнул и принялся с проворством древней барышни-телефонистки дергать краны-соски, растущие прямо за стойкой из стены трактира, добывая ингредиенты для знаменитого коктейля.

- Попробуешь «Бешеного таракана», приготовленного Бедным Билли, и умирать можно, - дружелюбно заметил Войцех.

Диссиденту-инквизитору заметно подурнело, но он сдержался и гордо изрек:

- Все равно я вам ничего не скажу!

- Расскажешь как миленький, - усмехнулся Войцех и подвинул к нему граненую емкость с багровой жидкостью. - Ну, за откровенность!

«Бешеный таракан» щекотно скользнул в горло и рассыпался на множество маленьких проворных «тараканчиков», которые шустро побежали по жилам, приятно карябая их лапками. Захотелось пить, затем плясать, потом совершить что-нибудь, и только после третьей порции фирменного напитка Бедного Билли Тупи потянуло излить душу. Впрочем, закалка у отцов-диссидентов была что надо, поэтому душу Тупи излил, но дозировано и не без умысла.

- Да, я диссидент, - печально стенал он, - да, я правозащитник, да, я инквизитор. Но я приехал сюда в надежде обрести утерянное. Ведь не особенно и скрывался, неспроста даже дизельку свою на самом виду оставил. Заметил?

- Ну, - насмешливо сказал Войцех. - За придурка меня держал, вот и оставил. И чего это ты тут потерял?

- Любовь! - бухнул Тупи и уронил слезу в багровую жидкость.

- Чего-чего? - удивился Войцех. - Какую еще любовь?

- Первую, - уже рыдая, признался Тупи. - И ее же единственную!

Войцех насмешливо посмотрел на него, потом глотнул из емкости и, не скрывая удивления, сказал:

- Ты смотри, какая воля к жизни! Надо же, после трёх «Бешеных тараканов» врет! Уважаю! Только кто же на Околице любовь-то ищет? Может, правду скажешь, приехал, мол, крамолу искать, жизнь людям

портить, да вот обмишулился, не на таковских напал!

- Частично, конечно, вру, - печально признался диссидент. - Но не совсем. То есть вообще-то ты все правильно понял, только и ее проклятую тоже ищу. Братья-правозащитники на меня за эту самую любовь даже епитимию наложили.

- Какую еще епитимию? - задрал пропахшие паяльной жидкостью брови Войцех.

- Чтобы все веселые дома в центре обойти и в каждом отметить! - с некоторой гордостью сказал Тупи. - И таким образом любовь изжить.

- И как? - заинтересовался Войцех. - Все обошел?

- Не все, - признался Тупи. - Тяжело это, дорого и вообще бесполезно ни для организма, ни для души. Чай, епитимию не на казенные исполнять полагается, а на свои. Но побывал во многих. Точнее, настоящему епитимию исполнил только в одном, а в остальных так, отметил. Но любовь в себе так и не изжил.

- И кто же эта счастливица? - с иронией спросил изобретатель. - Небось одна из ваших свихнувшихся на правах любителей секса с земноводными сестер-диссиденток?

Тупи сморщился и замахал руками, словно поперхнулся фирменным напитком Бедного Билли.

- На сестер-диссиденток разве что законченные мазохисты западают. Нет, я влюбился в очаровательную секс-робыню! Это, я скажу тебе, нечто! Ни одна человеческая женщина и пятки ее тефлоновой не стоит! Ах, Пылкая Роза!

- Но обыкновенные люди не могут видеть роботов! Не дозволено! - изумился изобретатель. - Я тоже не видел, пока моргалку не изобрел.

- Как бы не так! - пьяно возразил Тупи и выложил на стол штукину, которую предусмотрительно изъял из стола наставника-диссидента, когда тот помер.

Изобретатель бережно взял устройство и долго его рассматривал, после чего завистливо вздохнул.

Тупи отхлебнул багровой жидкости их граненой кружки, чтобы было не так страшно, потом спросил:

- Как видишь, диссиденты тоже кое на что годятся. Верно?

- Все равно ты извращенец! - констатировал Войцех, задумался, а потом добавил: - Да еще и вор вдобавок! Что же мне с тобой делать?

Но Тупи не ответил. Он спал. Ему снились полчища бешеных тараканов, набежавших в двухсветный высокий зал, где он выплясывал запрещенный к танцеванию рок-энд-роб в обнимку с Пылкой Розой. Тараканов приходилось давить, они неприятно хрустели под каблуками, оставляя после себя карамельное электронное крошево. Тупи с ужасом подумал, что это не просто тараканы, а робоканы, они вполне могут оказаться разумными, и, топча их, он, видный правозащитник, самым недвусмысленным образом попирает

права потенциально разумных созданий. И самое стыдное, что ему было на это совершенно наплевать.

7.

- Вот что, - сказал Войцех диссиденту-инквизитору на другой день. - Потопаешь со мной в проход. К роботам. Я тебя так и так туда бы уволок, ведь не чучело же из тебя делать. А там - если сгинешь, то, так сказать, естественным образом, а если нет - все равно меня не заложишь, потому что сам вместе со мной урановые сосны валить отправишься. Или все-таки заложишь?

Отец-инквизитор промычал что-то невнятное. «Бешеный таракан», судя по всему, решил обосноваться у него в голове. И, похоже, навсегда.

- Вот и хорошо, - заключил Войцех. - Сейчас навьючим тюки с товаром на твою механическую скотинку и тронемся.

- С каким таким товаром? - простонал Тупи. - А как же я?

- А мы с тобой, братишка, пешочком пойдем, - ответил Войцех. - А насчет товара - тебе знать ни к чему. А то трактир переименовывать придется.

- При чем здесь трактир? - насторожился Тупи.

- Да так... Был «Благодарный упокойник» - станут «Благодарные упокойники».

- За что это я должен быть тебе благодарен? - возмутился отец-инквизитор. Потом спохватился и сказал: - Не надо переименовывать, я согласен.

Впрочем, особого секрета из груза Войцех не делал. Дорога к проходу вилась среди полей с фрактальными кустами, аккуратно подпертыми палочками. На ветвях то тут, то там вспыхивали на солнце продолговатые плоды молекулярных накопителей, похожие на помидоры сорта «дамские пальчики», только полосатые. Кое-где копошились селяне, не то батраки на службе государства, а может быть, просто каторжники. Разницы на расстоянии не ощущалось никакой. Тупи подумал, что работенка на плантациях в общем-то не бей лежачего, поэтому не удивительно, что Войцех и ему подобные типы с Околицы плевали на правозащитников-инквизиторов. Дальше Околицы все равно не сошлют. Войцех, казалось, угадал его мысли, потому что нахмурился и сказал:

- Думаешь, здесь всегда такое благорастворение? Ошибаешься, господин диссидент! Не видел, что делает с человеком случайно разрядившийся накопитель киловольт этак на пятьдесят? Вот и хорошо, что не видел, а они, будь неладны, когда созреют, через один чпокают. А если его вовремя не сорвать или не заземлить, то и

каждый. Сейчас-то ничего, не поспели еще помидорчики, а как поспеют - только держись. По всей Околице воняет озоном да горелым мясом.

Тупи не знал, что ответить, поэтому счел за благо промолчать. И правильно сделал: Войцех с разгона сболтнул кое-что интересное.

- Вот комплектик ремонтный везем одной робочке, то-то Ламповая Роза обрадуется комплектику! И программки нелицензионные. Если служба лицензирования эти программки обнаружит, нам электретенные поля земляничными полянами покажутся! Так что, правозащитничек мой бравый, подельники мы с тобой, и не любят нас официальные лица ни с этой стороны прохода, ни с той. Зато неофициальные относятся неплохо.

Тупи ожидал, что проход - это нечто вроде арки или двери в пространстве, но Войцех остановился перед зарослями энергокустов, на белых, неприятно блестящих ветках которых болтались болезненно гудящие, сросшиеся в багово-синие гроздья плоды. В горле засвербело от озона.

- Смотри, правозащитничек, вот они какие, перезрелые накопители. Киловольт пятьдесят, наверное, набрали, не меньше! Хочешь потрогать?

Тупи не хотел. Он испуганно покосился на кусты и попытался отползти в сторонку, туда, где мирно тарахтела на холостых оборотах его железная лошадка.

- Ну же, смелее! - засмеялся Войцех и неожиданно схватил подельника за шиворот и сильно толкнул вперед, прямо на растопыренные контактные черенки страшных ягод.

Тупи заверещал на все поле и потерял сознание.

Очнулся он на маленькой, плотно утрамбованной проплешине на вершине холма. Вокруг ржаво скалился всяческий металлический и пластиковый хлам, и ни кустика не было, ни травинки. Рядом мирно попукивала выхлопом навьюченная контрабандой дизельная кобылка. Войцех, уже успевший напялить на голову ушанку-моргалку, расположился в невесть откуда взявшемся кресле с продранной пластиковой обшивкой, что-то жевал и с любопытством смотрел на диссидента-инквизитора.

- Впечатляет? - довольно дружелюбно спросил он. - С днем рождения тебя, электрический братец!

Тупи закашлялся. Тело дрожало остаточной дрожью, как это бывает после удара током, но - чудо - было вполне живым и даже не пахло горелым. Хотя, надо признаться, кое-чем все-таки попахивало.

- Они не настоящие? - спросил он. - Это ты нарочно меня толкнул, чтобы напугать?

- Ага, - согласился Войцех. - Нарочно. Не все вашему брату инквизитору над нами измываться, иногда надо и наоборот. Как видишь, я тоже всей душой за равноправие. А накопители самые

настоящие, только немного разряженные. Но не все, а какие - тебе знать не положено. Кстати, для твоего начальства тебя теперь нет.

- Как так нет? - возмутился Тупи. Все-таки в проходе его немного трянуло, наверное, поэтому соображал он не очень хорошо.

- Перебрал «Бешеного таракана» и от излишнего рвения полез на электрические поля. Тут тебя и убило, - охотно объяснил Войцех. - Погиб при исполнении, одна сажа осталась.

- Неужели одна сажа? - расстроился Тупи.

- Чего ты хочешь, все-таки пятьдесят киловольт, - покачал головой изобретатель. - Тут и десяти хватило бы.

- А если проверят? - Тупи понемногу начал приходить в себя. Не может быть, чтобы братья-правозащитники поверили, что Тупи вот так легко превратился в грязное угольное пятно среди электрических полей.

- Если найдется дурак, который полезет в кусты, то следующие киловольты будут его, - серьезно сказал Войцех. - Мы тут не шутки шутим. Ну, вставай, брат-упокойник, нам туда.

Внизу, под холмом, словно положенные на бок соты, расстился неведомый и опасный мир роботов, в котором нормальному человеку, вроде Тупи, по правде говоря, делать было совершенно нечего.

8.

Удивительное дело! Воплощенное в жизнь равноправие рано или поздно приводит к существенному усековению прав сторон. Хотя, с другой стороны, чем меньше прав, тем легче их защищать - логично ведь? Так что чрезмерное увлечение защитой прав, с одной стороны, сокращает и количество обязанностей, но с другой - приводит к минимизации возможностей. Именно поэтому по степени цивилизационного убожества мир роботов вполне соответствовал миру людей. Думаете, там существовали огромные автоматизированные заводы, производящие всё и вся? Мощные исследовательские центры, работающие над совершенствованием искусственного интеллекта? Ничуть не бывало! Во-первых, автоматизированный завод, обладающий развитым собственным интеллектом - это уже не человек и не робот, а некое другое существо, причем разумное, а ни один разум не может эксплуатировать другой, не нарушая его прав. Интеллект автоматизированного завода должен быть ограничен, иначе неизвестно чего ему приспичит и что он натворит, а главное - кому все это расхлебывать. Ну, а ограничение - это уже поражение в правах. Поэтому лучше пусть их не будет, этих прав и этих заводов, тогда и нарушать ничего не придется. А уж про какой-нибудь высоконаучный центр и вовсе говорить не приходится. Где вы видели лояльный к

существующему порядку вещей научный центр? Не видели? Вот и я тоже! Научники и прочие креативные разумы всегда требовали для себя особых привилегий, а наличие привилегий у одних автоматически означает ущемление прав остальных. Но если нет науки, то нет и проблем с правами так называемых ученых, людей или роботов - все равно! Так что никакой науки, кроме канонической, и да здравствует стабильность!

Роботы честно ходили на работу, где по древним чертежам воспроизводили себе подобных на регулярно обновляемом, но по сути своей архаичном оборудовании, кипуче бездельничали в офисах, строили стандартные дома, чинили энергосети, в общем, как и их соседи люди, ставили на старые дырки новые заплатки, искренне полагая, что прогрессируют. Естественно, в своей трудовой деятельности они, будучи существами в массе своей добропорядочными, использовали исключительно простые, неразумные механизмы. Разве что вычисляли получше людей, но и то ненамного, ведь некоторые специальные программы, позволяющие выполнять сложные расчеты, находились под запретом. Ну и старели, естественно. Право на старость у роботов было такое же, как и у людей, хотя, по правде говоря, они вполне могли бы обойтись и без него. Теоретически даже в доску серийный робот может существовать сколь угодно долго, хватило бы запчастей. Только вот древние правозащитники в неизъяснимой мудрости своей и эту возможность предусмотрели. В конструкцию каждого заново изготовленного горожанина стохастическим способом вносились небольшие изменения, которые делали комплектующие элементы невзаимозаменяемыми. Хотя родственные серии могли обмениваться кое-какими запчастями, да и на черном рынке существовали умельцы, способные прикрутить новую конечность увечному механизму, опасность заклинивания все равно оставалась. Да и стоила такая услуга недешево. За нарушителями равноправия роботов и человек охотились сотрудники службы мехатронной чистоты и порядка, суровостью не уступающие людским диссидентам-инквизиторам. Электрических полей, равно как и урановых лесов, в мире роботов было ничуть не меньше, чем в мире людей, а права преступников ни там, ни здесь, естественно, защищать никто не собирался. Тем более что энергии всегда не хватало. А энергия - это, как известно, кровь любой цивилизации.

Но была, ох, была преступность, и пусть кости нарушителей закона ржавели в ровных бороздах электрических полей, пусть отступники сотнями гибли, добывая металлы в шахтах страшного Доменного плоскогорья - механическая мафия казалась бессмертной. Более того, не брезгуя ничем, даже нелегальным программным обеспечением, она понемногу осознавала себя как единый преступный интеллект.

Преступный в квадрате, так как создание новых интеллектов само по себе тягчайшее преступление против прав разумных существ!

Впрочем, наших героев - и роботов, и людей - проблемы такого размаха не особенно волновали. У них имелись свои маленькие проблемки, вот их-то они и пытались решить незаконными методами. И не потому, что были такими уж асоциальными существами, а просто, как говорится, не ведали, что творят.

Но вернемся к нашим роботам. А заодно и к людям. Ведь им суждено встретиться хотя бы для того, чтобы эта история завершилась.

9.

Где встречаются разумные существа любых конструкций и кондиций? Правильно, в питейном заведении! Как сказал малоизвестный классик: «В харчевне, не в соборе сливаются пути!», а классикам, даже малоизвестным, доверять стоит.

Короче говоря, Войцех с Тупи, ведя в поводу навьюченную контрабандой меланхоличную дизельную лошадку, отправились в уже известный нам бар «Горящая бухта» на встречу с Ламповой Розой и отставным шпехштаммейстером Фердинандом Айзенкопфом.

Надо сказать, путешествие по городу роботов - штука для людей довольно опасная. Поскольку роботы в упор их не видят и носятся как угорелые, обладая при этом солидной массой, вероятность быть растоптанным механическими братьями по разуму довольно велика. К счастью, большинство обитателей железного города ночью спят, то есть подключаются к глобальной энергосети, чтобы подзарядиться, а заодно и обновить программное обеспечение. Видимо, хитрому Войцеху эта особенность роботехнического быта была известна, потому что в путь он пустился не сразу, а благоразумно дождался полуночи.

Полночь, как известно, время сакральное. Именно в полночь на улицах городов и сел появляются всяческие потусторонние существа и прочие преступные элементы. наших героев в полной мере можно было отнести и к тем, и к другим, пришли они с той стороны и намерения имели криминальные. Но и слуги правопорядка, радетели лицензионного программного обеспечения, сотрудники службы мехатронной чистоты тоже бдят в полночь! И пусть в силу особенностей своих механических организмов они не видят людей, однако ритмично постукивающую поршнями и копытами механическую кобылу непременно заметят и примут меры к задержанию на предмет выяснения ее потенциальной разумности. Так что пробираться по спящему, но бдящему городу приходилось с опаской, перебегами и доползаниями, обмотав копыта тряпками и надев на выхлопную трубу

продырявленный пластиковый баллон, найденный на свалке.

Может быть, именно в эту ночь служители правопорядка скачивали из энергосети обновленные версии служебных инструкций, или по трехмерке шла очередная серия «Робоментов», а может, дело в элементарном везении, но до бара «Горящая букса» контрабандисты добрались почти без приключений. Проскрежетал по соседней улице гусеничными подошвами ночной патруль, распевая песню из популярного сериала - вот и все переживания.

Припарковав кобылку рядом с чучелом паровоза, Войцех и Тупи взвалили на плечи тяжелые тюки с товаром и направились к украшенной дюймовыми заклепками двери бара. Дверь, естественно, оказалась заперта. Войцех сбросил поклажу и решительно бумкнул кулаком по котельной стали. Загудело, но как-то тихо и не впечатляюще. Изобретатель подул на ушибленный кулак, крякнул, извлек из-за пояса монтажку и постучал во всю мочь. Дверь отозвалась негодующим гулом, да так грозно, что Тупи аж присел от неожиданности. Войцех подождал, пока гул стихнет, и прислушался.

- Кто там? - скрипуче донеслось из-за двери. - Если свой - скажи пароль.

- Роза и паровоз! - нетерпеливо гаркнул Войцех.

Дверь чавкнула смазкой и величественно отворилась наружу, легко сдвинув неосмотрительно сваленные возле нее тюки.

- Ах, Роза, что с тобой сделала жизнь! - горестно воскликнул Тупи, увидев, во что превратился предмет его юношеской страсти.

- Тупичек! - взвизгнула ламповая женщина и упала в обморок. Изоляция не выдержала, сработала защита, и роботесса выключилась.

Между тем Войцех затащил тюки внутрь бара, а Фердинанд немедленно запер дверь, не забыв повесить табличку «Закрывается на подзарядку».

Разумеется, ни Айзенкопф, ни присутствующий здесь же лысый клоун-гладиатор Ик не могли видеть или слышать людей, но по поведению роботессы-медиума поняли, что гости уже в баре, и действовали по обстоятельствам. Роботы с Арены вообще отличаются сообразительностью и быстротой реакции.

Без посредничества Ламповой Розы никакие переговоры между людьми и роботами не были возможны, поэтому Войцех с Айзенкопфом бросились приводить бывшую секс-робыню в чувство. Тупи взялся помогать, но толку от него не было никакого, поэтому диссиденту-расстриге оставалось только ждать. А Ик вообще не вмешивался: он не знал, как вести себя с женщинами, упавшими в обморок. Ни до облысения, ни тем более после встречаться с таковыми ему не приходилось. Знакомая робогимнастка Зулейка, выступавшая на Арене с номером «Смертельный коленвал», к обморокам не была предрасположена и погибла, упав из-под купола

Арены в жерло небольшой мартеновской печи. Отремонтировать отважную артистку так и не удалось.

Между тем усилия Войцеха и Фердинанда увенчались успехом. Роза остыла, и тепловое реле подключило питание к ее изношенному организму.

- Я, наверное, ужасно выгляжу, - сказала Ламповая Роза, придя в себя. - Вы обещали меня отремонтировать, человек! Нельзя ли сделать это прямо сейчас. Вести переговоры в таком виде я просто не в силах.

- Терпение, мадам, - галантно ответил Войцех. - Сначала наши друзья инсталлируют себе вот эту маленькую программку, а потом мы и вами займемся.

Он подошел к Фердинанду и воткнул ему в ноздрю миниатюрную флеш-карту. Потом сделал то же самое с Иком. Роботы замерли, закачивая крепко заархивированную пиратскую программу. Наконец инсталляция закончилась, и они вышли из ступора. Избавленный от античеловеческой защиты Ик удивленно посмотрел вокруг и воскликнул:

- Человеки! Самые настоящие, да еще и живые!

- А то! - приосанился Тупи. - Мы, человеки, все до одного живые, кроме, конечно, отдельных упокойников!

- А теперь займемся нашей красавицей, - скомандовал Войцех. - Ферди, ты все достал, что я просил?

- Достал, хотя адаптивные пресс-формы пришлось позаимствовать из музея, а тензокожу и вовсе синтезировать заново. Но ничего, твоя примочка к операционке, позволяющая общаться с человеками, все окупит с лихвой. Вообрази, перед представлением публике раздаются одноразовые программки, Роза смотрит на Арену и видит там человека! Это же сенсация!

- Смотри, как бы тебе эта сенсация боком не вышла, - пробурчал Ик. - А если на представление братья-лицензеры заявятся, что ты им скажешь?

- Это же Арена! - возразил Ферди. - На Арене все можно. Скажу, фокус такой, иллюзия и ничего больше.

- Ну-ну, - с сомнением протянул Ик. - Хотя номер с человеком - это, конечно, ново и весьма креативно. Публика непременно должна клюнуть.

- Вы тут пообщайтесь пока, - обратился Войцех к Ику и Тупи, - а нам нужно прооперировать бедняжку. - У тебя операционная готова, Ферди? Ну же, Роза, смелее! Молодость и красота ждут тебя!

Роза стеснительно покосилась на Тупи и скрылась за дверью в служебные помещения «Горящей буксы», где у Фердинанда Айзенкопфа была оборудована подпольная операционная мастерская для незаконного ремонта роботов. Вот, оказывается, чем зарабатывал

на жизнь отставной шпрыхсталмейстер, и древний антураж бара лишь маскировал продвинутую и оттого еще более преступную сущность заштатного питейного заведения. Не зря Ик, несмотря на облысение, почуял в нем мафиози!

Так бывший диссидент-инквизитор оказался за стойкой нос к носу с лысым роботом Иком.

- Может, по маленькой? За знакомство? - вежливо предложил Ик. - Ферди только что откупорил новую бочку «Розового шума». Легко идет, и фронты мягкие - для начала самое оно, хотя третья гармоника слегка горчит.

Тупи с сомнением посмотрел на граненую цилиндрическую емкость с «Розовым шумом» и отрицательно качнул головой.

- Спасибо, - сказал он. - Я бы с удовольствием, только метаболизм не позволяет. - Вот пивка - в самый раз! Только где же здесь его взять-то?

- Может быть, в холодильнике? - предположил Ик. - У старины Ферди в холодильнике чего только нет.

Пива в холодильнике, естественно, не оказалось. Зато обнаружилась банка со спиртом, которым Фердинанд протирал свои вечно запотевающие объективы.

- Годится, -- сообщил Тупи, осторожно понюхав содержимое банки. - Похоже, продукт высшей очистки.

- Конечно, высшей, - подтвердил Ик. - Кто же глаза всякой дрянью протирать станет. Глаза-то свои, новые вставить - никаких эргов не хватит!

Порывшись в поклаже, Тупи извлек здоровенный окорок и краюху хлеба. Закуску он порезал и художественно расположил на стойке, не забыв постелить кусок найденной в шкафчике воценой упаковочной бумаги. Ик с изумлением наблюдал за его действиями. Кажется, он начал понимать, почему процесс приема адаптивных препаратов у людей называется выпивкой. А то, что лежит на листе коричневой бумаги, наверное, и есть легендарная закуска. Ику, как историку, был интересен процесс выпивки и закуски, и он надеялся, что эти действия не считаются у людей слишком интимными. Очень уж хотелось посмотреть!

- Ну, вздрогнем! - совсем по-роботецки сказал человек и лихо опрокинул в загрузочный бункер мензурку со спиртом.

Потом закашлялся и принялся верхними манипуляторами пихать в себя закуску. Честное слово, аналогичный процесс у роботов проходил куда более эстетично, хотя искры, конечно, тоже летели во все стороны. Особенно, если робот не получил в детстве хорошего воспитания.

- За знакомство! - ответил Ик, нащупал языком контакты и ощутил чуть сладковатый вкус слабого, амплитудно-модулированного сигнала «Розового шума» с легкой горчинкой в районе третьей гармоники.

- Послушай, а разве люди бывают лысыми? - спросил он, оторвавшись от емкости. - Смотри-ка, мы же похожи, словно нас одной отверткой делали!

Тупи провел ладонью по обширной плечи, потом посмотрел на голый, небрежно отполированный, с остатками алмазной пасты за ушами, череп собеседника, прожевал кусок ветчины и заключил:

- А у меня лысина блестит куда как сильнее.

Утром, когда усталые Войцех с Фердинандом вышли из операционной, то обнаружили у стойки вдребезги пьяных Тупи с Иком. Лысые собутыльники, обнявшись, распевали незаслуженно забытую роботами и людьми жестокую космическую балладу про скафандр на двоих.

*Пустота прорвется в конце концов,
Звездный свет рассмеется в пустое лицо,
И войдет пустота в одного из нас,
И по телу пустому пустится в пляс.
Ведь скафандр у нас - на двоих!**²⁹

- А я отдал бы тебе скафандр, - говорил Ик. - Что мне, скафандра для друга жалко, что ли?

- Нет, это я отдал бы, - возражал диссидент-расстрига. - Человек должен быть благороднее робота!

- Нет, я, - упирался лысый робот.

- Но почему? - пьяно вопрошал Тупи. - Почему ты не даешь мне поступить по-геройски?

- Потому что мне скафандр не нужен, - объяснил робот. - А ты без него в космосе не выживешь и сломаешься. Причем насовсем.

- Сломаюсь, - подтвердил бывший инквизитор, рухнул на металлический пол и уснул.

- Я же говорил, - печально сказал экс-гладиатор и тоже отключился.

Войцех с Фердинандом посмотрели на неподвижные тела. В лысинах, одной - блестящей и загорелой, второй - наспех отполированной, металлической, одинаково отражался солнечный лучик, пробившийся сквозь дырку в насквозь поржавевшем оконном ставне «Горящей буксы».

- Пусть поспят, - заключил шпрехштальмейстер. - Да и нам отдохнуть не мешает, ночка была та еще! Кто мог подумать, что у этой рухляди такая мощная система регенерации? Древние нанотехнологии - сейчас, разумеется, запрещенные. Интересно, кто ее отключил, эту систему, и зачем?

- Да уж, - блоки у нее в БИОСе стояли будь здоров. Пока ломал, чуть не рехнулся. Зато теперь наша Роза отдохнет чуток и станет как новенькая! Только не уверен, что она проснется прежней Розой, я ведь все блоки снимал, какие там были: не исключено, что личность

²⁹ * *Песни Райслинга «Скафандр на двоих».*

нашей подруги существенно изменится. Во всяком случае, свое обещание я выполнил. Как только контур регенерации заработал, сразу стало ясно: Роза - одна из самых красивых женщин на свете. - Женщин? - переспросил Фердинанд. - Ты не путаешь?

- Именно, - кивнул Войцех. - Роботесса Роза была задумана, и спроектирована как идеальная женщина со всеми вытекающими отсюда последствиями.

- И какими же? - с профессиональным любопытством спросил Фердинанд.

- С непредсказуемыми, - зевнул изобретатель. -- Женщины, брат-робот, в принципе непредсказуемые существа, это каждому человеку известно!

- А аварийный выключатель у нее имеется? - с опаской спросил шпрыхсталмейстер.

- В том-то и дело, что нет! - подавив зевок, сказал Войцех.

10.

Пытаться передать человеческими словами женскую красоту - все равно что узелковым письмом излагать единую теорию поля. Поле существует, а теории как не было, так и нет.

И все же попробуем.

Линии тела возрожденной Розы плавно сопрягались друг с другом, словно невозмущенные гравитационные поля уравновешенной планетной системы, волосы струились, подобно магнитным силовым линиям, глаза манили и затягивали, словно газовые туманности, мерцающие вокруг пространственных аномалий, в просторечии называемых «черными дырами»...

Идеальная женщина по своей природе существо ламинарное, тогда как большинство мужчин имеет ярко выраженную вихревую структуру. Роза была задумана как идеальная женщина, то есть существо мягкое, с ровным характером, но в каждой женщине спрятан генератор вихря. На всякий случай.

- Ах! - сказал Тупи, когда в «Горящей буксе» появилась возрожденная Роза. - Эх, - простонал он, внезапно застеснявшись своего похмельного вида и лысины.

- Милый, - проворковала идеальная женщина, потянувшись всеми своими гармониками к брату-инквизитору. - Я подумала и решила, что нам с тобой просто необходимо завести ребеночка!

- Ох, - выдохнул отец-диссидент и рухнул на рельс, опоясывающий стойку.

- Ничего удивительного, что Роза хочет ребенка, - сказал Войцех, с любопытством глядя на струхнувшего Тупи. - Странно только, что она

хочет родить его от тебя, ну да ей виднее. Видимо, когда я копался в ее нервной системе, то разблокировал не только контур регенерации, но и материнский инстинкт. А родить - это она запросто. Насколько я разобрался в ее физиологии, необходимый женский генетический материал она клонирует по заложенному в древности образцу, а мужской получает непосредственно от производителя, причем замораживает и хранит сколь угодно долго. А поскольку в некие стародавние времена ты, так сказать, имел с ней контакты близкого характера, то и твой генетический материал у нее имеется. А если она, несмотря на все жизненные невзгоды, все это время его хранила, расходуя драгоценную энергию на поддержание нужной минусовой температуры, то, стало быть, небезразличен ты ей, человек. Так что с тебя причитается, брат-диссидент!

- Диссидентам запрещено иметь детей, - немного оправившись, решительно заявил Тупи. - Если я женюсь, меня исключат из отцов-инквизиторов и сошлют на Околицу.

- А контрабандистам? - поинтересовался Войцех. - Ты у нас теперь не диссидент-инквизитор, а, скорее, диссидент-контрабандист. Кстати, не вижу ничего плохого в том, чтобы жить на Околице. У нас, как ты заметил, довольно весело.

- Тупичек, - пропела Роза, целуя диссидента-контрабандиста в лысину. - Ты прости меня, пожалуйста, но я кое-что подправила в твоём генетическом материале, честно говоря, он был не лучшего качества. Но ты не бойся, я все починила, я умею.

Тупи печально засопел, но мужественно изобразил улыбку.

- Вот и хорошо, что ты не сердишься, - Роза грациозно поправила титановое платье-кольчужку, подаренное Фердинандом, и присела на рельс.

- Трехфазного, мадам? - с готовностью спросил хозяин «Горящей буксы».

- Я теперь не пью, Ферди... Впрочем, я не отказалась бы от бокала шампанского, - задумчиво ответила Роза. - Только откуда у тебя шампанское?

- Шампанского у меня действительно нет, - сокрушенно развел манипуляторами шпрыхсталмейстер. - Могу предложить вольтову дугу, очень освежает, да и шипит не хуже.

- Спасибо, - ответила Роза. - Но вольтова дуга - это не совсем то, что надо. Наверное, нам с Тупиком пора домой, к людям. Теперь мне просто необходима органическая пища - не для себя, а для маленького. Сама я, как прежде, могу подзарядиться от преобразователя.

- Смешанный метаболизм, - прошептал Войцех. - Невероятно!

- Что же, - грустно констатировал Фердинанд, - похоже, нумерулька с человеком на Арене не состоится. Что же нам с тобой теперь делать,

Ик?

- Ты, по-моему, и без Арены процветаешь, - ответил лысый робот. - Что же касается меня, то я - робот-клоун, а клоуны, как известно из древних легенд, как никто умеют ладить с детьми. Наверное, я отправлюсь с людьми, если они, конечно, не против. Зверя только вот жалко, без меня он совсем зачахнет. С другой стороны, Эд все равно меня уволил бы.

- Это замечательно! - воскликнула Роза. - Я как раз подумала о том, что если у нас с Тупиком будет много детей, то им непременно понадобится нянька. Я одна не справлюсь, да и о карьере подумать стоит. Разве я похожа на клушу-домоседку? Во мне столько всего заложено, правда, муженек?

Тупи покорно кивнул. Войцех посмотрел на него с состраданием и сказал:

- Ну что же, к людям, так к людям. Ферди, ты товар приготовил?

- Калькуляторы, ноутбуки, нанопискельные визоры, материнские платы, электроопохмелы и прочая мелочь. Все, как договаривались. - Фердинанд вытащил из-под стойки несколько ящиков. Фирменный левый товар, настоящий контрафакт, никакого мошенничества.

- Вот стемнеет, и тронемся в путь, - решил Войцех. - А пока можно немного отдохнуть.

Ик подошел к Войцеху и деликатно спросил:

- Вы ведь ученый, правда?

- Вроде того, - согласился Войцех.

- Я, знаете ли, когда полысел, стал много думать о том о сем. Раньше у меня думать плохо получалось, чужие мысли мешали, я их волосами чувствовал. А сейчас мне никто не мешает. Так вот, будучи по второй специальности роботом-историком, я изучал некоторые старинные предания. И в них говорится, что людей тоже кто-то создал. Это правда?

- Этого никто не знает, - ответил Войцех. - Но очень может быть, хотя люди никогда не видели своих создателей, разве что в глубокой древности.

- Но ведь и роботы не могли видеть людей, пока вы не создали разблокирующую программу. И люди роботов не видели.

- Ты хочешь сказать, что в нас тоже сидит какой-то вирус, который не позволяет нам общаться с создателями человечества? - спросил Войцех и задумался. - Давным-давно люди создали роботов, чтобы те сделали то, что сами люди сделать не могли, так? - продолжил он.

- Так, - согласился Ик, вспомнив балладу о скафандре на двоих.

- А создатели сотворили людей, чтобы те смогли то, что было не под силу им самим. Так? А потом какой-то идиот решил уравнивать всех в правах, чтобы никому не было обидно, а равные права - это равные обязанности. А обязанности-то у создателей и людей изначально были

разные - так же, как у людей и роботов. В результате все живут сами по себе и друг друга в упор не видят. Может быть, у всех этих актов творения была какая-то общая цель, которую мы порознь не видим, а если объединимся, то, может быть, что-то и поймем. Да ты мыслитель, брат-робот!

- Чего уж там, просто вовремя полысел, - скромно сказал Ик. - Что если нам поискать проход к вашим создателям?

- Боюсь, что из этого ничего не получится, - с сомнением отозвался Войцех. - Слишком давно это было, да и возможностей у нас маловато.

- У нас-то, может быть, и не получится, - Ик задумчиво почесал лысину. - А у него?

И они оба посмотрели на Розу, всматривающуюся в трехмерное изображение человеческой хромосомы в нанопиксельном экране над стойкой «Горящей буксы». Тонкие пальчики легко сновали вверх и вниз, идеальная женщина словно вышивала на невидимых пяльцах, и изображение на экране послушно расцветало, выбрасывая новые и новые лепестки, а роботесса не останавливалась, пальцы мелькали все быстрее и быстрее, стремясь довести исходный генетический материал до нечеловеческого совершенства.

- Не помешать бы, - прошептал Войцех. - Пусть себе творит. Если нужно - я готов задержаться хоть на сутки. Только бы не сбилась. Интересно, каким он будет, этот новый разумный?

- Надеюсь, он поймет, зачем создатели сделали людей, а люди - роботов, - так же тихо отозвался Ик. - Должен же кто-то понять, правда?

ВЛАДИМИР ИЛЬИН

СЛАБОСТЬ ПРИТЯЖЕНИЯ

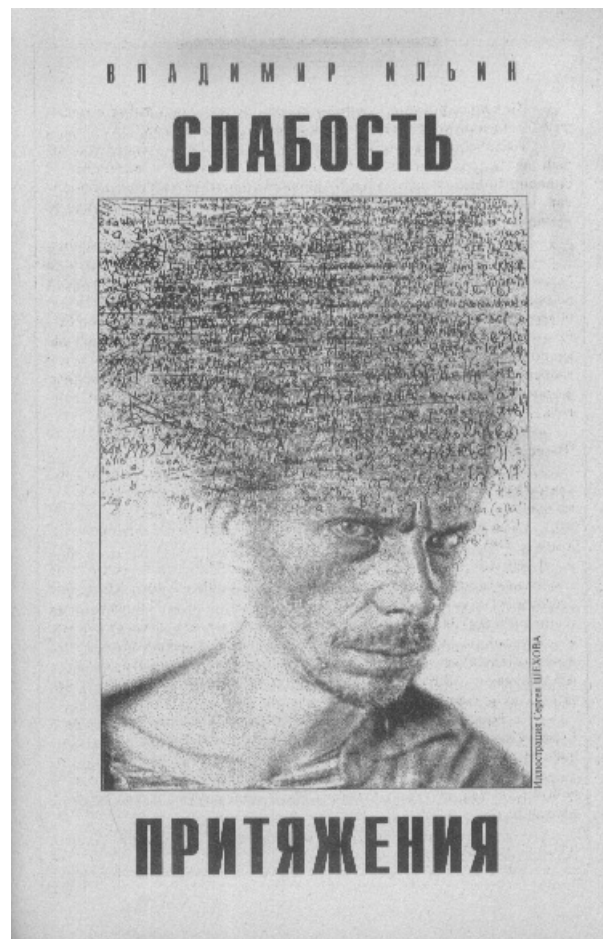

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

«Антигравитация... Антигравитация... Антигравитация!..»

«Ну что за фигня?! Привязалось какое-то дурацкое словцо и вертится в башке, как какой-нибудь попсовый мотивчик!»

«Значит, ты слышишь меня? Слышишь?!.. Ну, наконец-то!.. Я так рад, что хоть один человек меня услышал! Боже, как мне повезло!»

«Да какого черта?!.. Что-то я вообще не врубаюсь... Откуда в моей башке берется чей-то голос? Не, голос этот как бы мой собственный: типа, я мысленно разговариваю сам с собой... Только вся хреновина в том, что ЭТО НЕ МОИ МЫСЛИ!»

«Не пугайся, друг, с тобой всё в порядке».

«В порядке?!.. Да какой же это порядок, мать твою, если я ни с того ни с сего стал слышать всякие голоса?!»

«Ну, во-первых, не голоса, а голос. И даже, собственно, не голос... Я полагаю, что между нами установилась мысленная связь».

«Типа телепатия?»

«Видимо, так. Но, собственно, сейчас это не столь важно...»

«Погоди, погоди... Не, ну я все равно охреневаю! Ладно бы - белая горячка, но ведь я-то не алкаш и не наркоман!.. Неужто по мне психушка плачет?»

«Успокойся. Поверь: то, что мы с тобой общаемся, вовсе не галлюцинация. Лучше выслушай меня...»

«А ты, вообще, кто такой? И каким образом сумел влезть в мою башку?»

«К сожалению, у меня слишком мало времени, чтобы рассказывать о себе. Если бы ты знал, каких усилий мне стоит поддерживать наш ментальный контакт!.. И я слишком долго искал того, кто откликнется на мой зов, чтобы терять время! Поэтому буду краток. Дело в том, что я ученый и совершил одно важное открытие, касающееся антигравитации. Однако так сложилось, что я не могу сделать это открытие достоянием человечества иначе как через телепатическую связь, которая сейчас мне доступна. И которая может оборваться в любой момент. Я думаю, в нашем распоряжении всего несколько минут... Вот почему важно, чтобы ты меня выслушал, не задавая лишних вопросов... Но прежде я хотел бы узнать кое-что о тебе».

«Интересно!.. Почему это я должен рассказывать о себе, если ты не хочешь хотя бы назваться?»

«Ну, если ты настаиваешь, то моя фамилия - Кулагин. Андрей Анатольевич. Физик. А как зовут тебя?»

«Алексей я... Блин, ну и дела! Никогда бы не подумал, что такое возможно!.. Сам себе задаю вопросы - и сам же на них отвечаю! Просто бред! Похоже, я все-таки слетел с катушек...»

«Алексей, прекрати истерику! Иначе у нас с тобой ничего не получится».

«А что у нас должно получиться?»

«Я же сказал: у меня есть очень важная информация, которую я хотел бы передать тебе. А твоя задача будет заключаться в том, чтобы донести эту информацию до научного сообщества».

«Научного? Ничего себе!.. Да если хочешь знать, я простой шоферюга. Развожу на своем фургоне автозапчасти и всякие масла и антифризы по торговым точкам. Ты сам-то откуда будешь?»

«Физически я, скорее всего, нахожусь в Москве».

«Ну вот, видишь! Там у вас, в столице, ученых пруд пруди. Наверное, плюнешь - в ученого попадешь. Академики всякие, доценты с кандидатами... А в нашем задрипанном городишке самые ученые люди - учителя местной школы».

«Что ж, я понимаю... Но и ты меня пойми, Алексей: мне просто больше не к кому обратиться! Я не могу выбирать собеседника! Мне и так невероятно повезло, что ты услышал меня! Видимо, для телепатической связи, как и для радио, требуется, чтобы приемник и передатчик были настроены на одну волну. И смею предположить, что при обычных условиях эта связь никогда не реализуется, потому что вероятность существования хотя бы двух людей, чей мозг использует одну и ту же ментальную волну, близка к нулю...»

«Что-то я не въезжаю... На кой она тебе сдалась, эта телепатия? Почему бы тебе просто не позвонить кому следует? Или послать

письмишко каким-нибудь академиком?»

«Я не могу... физически не могу, понимаешь? Потому что у меня нет других связей с внешним миром. Я ничего не вижу, не слышу и не воспринимаю!»

«Так ты... это... трупак, что ли?»

«Нет-нет, вряд ли я уже мертв. Но всё, что во мне осталось от жизненных функций, - это возможность мыслить. А значит, я пока еще жив. Прямо по Декарту: «Мыслю - следовательно, существую»... Возможно, я нахожусь в коме. Вот только знать бы, сколько я еще протяну...»

«Ни фига себе!.. И как это тебя так угораздило?»

«Самым тривиальным образом. Последнее время я был полностью погружен в размышления. Потому что чувствовал: еще немного - и решу проблему, над которой бился почти всю свою жизнь. Временами я даже не видел и не слышал, что творится вокруг меня. Неудивительно, что однажды, переходя улицу, я попал под машину. Собственно, это теперь мне ясна суть произошедшего. А тогда последнее, что я успел ощутить и осознать, - неожиданный сильный удар, который швырнул меня в непроглядную тьму... Ну да ладно, не стоит больше об этом. Вернемся к самому главному. Ты можешь взять бумагу и записать то, что я тебе продиктую?»

«Хм, это вряд ли...»

«Почему?»

«Да потому что сейчас я кручу баранку своей «Газели», и если через полчаса не привезу груз на оптовую базу, то меня ждут большие неприятности!»

«Алексей... Лёша! Пойми: то, что я тебе буду диктовать, ни в какое сравнение не идет ни с какими грузами и перевозками! К тому же это займет всего несколько минут!»

«Да? Ну ладно, уговорил... Хотя, вообще, это бред какой-то!.. Подожди, я сейчас тормозну у обочины... Козел, ну куда ты лезешь? Ослеп, что ли?!»

«В смысле?»

«Да это я не тебе... Развелось, понимаешь, крутизны на джипах, которым никакие правила не писаны!.. Сейчас, погоди, ручку возьму... где-то в бардачке должна валяться... Черт, нашел, но она не пишет!..»

«Умоляю: быстрее!»

«А, тут вот есть карандаш... Бумаги-то много потребуется?»

«Да нет, пару листиков достаточно».

«Ну ты загнул: пару листиков! По-твоему, у меня в кабине склад канцелярских товаров?.. Есть, правда, несколько старых путевых листов, можно писать на обороте... Ну, так что писать-то?»

«Сейчас... Значит, так... Дельта си равна произведению суммы когерентных множеств с отрицательным модулем эн в степени сигма

плюс интеграл от числа пи...»

«Стой, стой, стой!.. Ну, и что это за байда? У меня аж уши завяли!..»

«Алексей, это формула, описывающая условия, при которых антигравитация на поверхности Земли становится возможной. Ты понимаешь, что это значит?»

«Антигравитация... Это когда невесомость, что ли?»

«Ну, не совсем. Невесомость имеет место в том случае, когда силы тяжести нет. Или когда ей противодействует другая сила такой же величины. И если такая сила будет больше тяготения Земли, то объект, к которому она приложена, взлетит вверх!»

«И что?»

«А то, что, научившись создавать такую силу, можно поднимать ввысь любые предметы, включая человека. Ты представляешь, какой станет наша цивилизация, если для полета больше не потребуются ни самолеты, ни вертолеты, ни прочие летательные аппараты? Победив силу земного притяжения, человек получит небывалые возможности!»

«Хм, просто фантастика какая-то... Слушай, Кулагин, а ты уверен, что твоя формула правильная?»

«Абсолютно! Знаешь, я ведь всю свою жизнь положил на то, чтобы добиться этого результата. Сколько бессонных ночей, целая вереница лет напряженного умственного труда... Я порой забывал про еду и семью. От меня ушла жена. У меня не осталось ни друзей, ни родственников. Теперь представляешь, как это обидно - достичь цели, к которой ты шел всю жизнь, и умереть, не поделившись своим знанием с людьми...»

«Слушай, а эта формула... сколько она может стоить?»

«В каком смысле?»

«Ну, должно же мне что-то перепасть: ведь я трачу на тебя свое драгоценное рабочее время! Причем рискуя своим психическим здоровьем... Так вот, какую сумму наука может отвалить мне за твою формулу?»

«Ах, вот ты о чем... Признаться, этот аспект меня не интересовал. Но если ты собираешься помочь мне из соображений материальной выгоды, то могу заверить: формула БЕСЦЕННА!»

«Это как?»

«А так: измерять ее деньгами - то же самое, что пытаться определить стоимость всей нашей планеты! Пойми, Лёша, бывают вещи, которые не имеют цены».

«Ну, это ты загнул, профессор! Не знаю, как там у вас в науке, а мы люди простые и жить без денег пока не научились! Ты вот лучше скажи: Нобелевскую за твою формулу дадут?»

«Вне всяких сомнений...»

«Тогда у матросов нет вопросов. Валяй, диктуй свою антигравитацию... только попроще, чтоб до моих мозгов доходило».

«Извини, Алексей, попроще не получится. Если у тебя проблемы с символами, то советую тебе писать так, как слышишь. Словами, а не условными знаками...»

«Давай-давай, не тяни резину, профессор! Слова только почетче произноси, а то они у вас, очкариков, какие-то нечеловеческие...»

* * *

«Привет, Алексей!»

«Это опять ты, Кулагин?»

«А что, с тобой еще кто-то ментально общается?»

«Блин, а я-то думал, тот наш разговор мне просто почудился! Тем более для профилактического лечения насандалился после смены с ребятами в гараже так, что потом свой адрес не мог вспомнить!»

«Это, конечно, безумно интересно, но все-таки давай ближе к нашему общему делу».

«Слушай, профессор, ты прямо как понос: всегда не вовремя... В тот раз я чуть из-за тебя тачку не раздолбал, а сейчас... На дворе почти час ночи, а мне завтра рано вставать...»

«Извини, Алексей, но, если ты еще не понял, в своем нынешнем состоянии я не способен определять время. И потом, я постараюсь тебя не задержать. Я всего лишь хотел узнать, какие шаги ты предпринял в отношении формулы».

«Типа отчета требуешь?»

«Нет-нет, что ты!.. Я не вправе требовать от тебя чего бы то ни было. И в то же время полагаю, что твой моральный долг как любого нормального человека - помочь мне...»

«Моральный долг? Еще чего! Если хочешь знать, профессор, Алексей Сивяков никому ничего не должен, если только не занимал деньги до полочки! Вот ты все твердишь: «Мое состояние, мое состояние»... А в каком я состоянии, тебя не интересует? А у меня, между прочим, жена вот-вот родить должна и вообще проблем выше крыши! Картошку уже копать пора, в квартире ремонт надо делать... А тут еще ты со своими дурацкими формулами!»

«Почему - дурацкими? Эта формула - ключ к будущему развитию нашей цивилизации!..»

«Да пойми, ученая голова: мне плевать на развитие цивилизации! Вот ты заладил: антигравитация, антигравитация... А что она мне даст? И миллионам таких работяг, как я? Говоришь, люди будут летать без всяких приспособлений, как птицы? Летать - это, конечно, зашибись. А как насчет других жизненных потребностей? Обеспечит твоя антигравитация меня жильем? Повысит зарплату? Даст моему будущему ребенку образование? Спасет людей от болезней?»

Молчишь, Кулагин? И правильно делаешь. Потому что антигравитация твоя будет нужна только зажавшимся толстосумам и бездельникам! Она станет для них дополнительным развлечением! Это все равно что цирковой фокус станет доступен тем, у кого в карманах полным-полно бабла!.. Так зачем я буду тратить свои силы и время на то, чтобы каким-то жирным гадам стало еще лучше, чем сейчас?! Ну, что молчишь?»

«Очень жаль, Алексей, что мне выпало иметь такого собеседника, как ты. Мне почему-то казалось, что раз уж наши с тобой мозги настроены на одну и ту же ментальную частоту, то и мыслить мы должны более или менее одинаково. Я думал, сила притяжения существует не только между небесными телами, но и между душами человеческими. Выходит, я ошибался. И в нашем случае проявилась не сила, а слабость притяжения... Но и ты ошибаешься, Лёша. Ты сказал, что никому ничего не должен. А это вовсе не так. Каждый имеет долг перед человечеством. Перед теми, кто живет сейчас, и теми, кто будет жить после нас. И если бы не этот долг, то какой смысл был бы в нашей такой короткой жизни?»

«Ладно-ладно, профессор, не лезь в бутылку... Я ж не отказываюсь... Просто навалилось всё как-то... Знаешь что? Ты позвони... хотя что я говорю?.. В общем, выходи на связь через пару недель, а я к тому времени постараюсь разобраться с делами... А пока подумай, к кому я могу подъехать с твоей формулой... ну, чтоб меня не за лоха приняли, а наверняка...»

«К сожалению, мне все труднее держать связь с тобой. Слишком много сил потратил, чтобы найти тебя... Боюсь, до следующего раза я просто не дотяну. Но на тот случай, если ты все-таки надумаешь... В Москве есть такой профессор Дерковский, который тоже занимался вопросами теории антигравитации... Я бы посоветовал тебе обратиться к нему, но, понимаешь, есть одна проблема...»

«Не стесняйся, Кулагин, режь, как оно есть. Он что - за консультацию денег потребует?»

«Нет-нет... не в этом дело... Просто он всегда скептически относится к дилетантам...»

«К кому, к кому? Ты можешь говорить погромче? А то я слышу тебя так, будто ты говоришь из подвала!»

«Связь слабеет... Наверное, конец близок... Жаль, что я не успею продиктовать тебе статью... она бы сняла все вопросы по поводу формулы... А к Дерковскому... тебе надо бы прийти подготовленным... иначе он и слушать не станет...»

«Постой, Кулагин! Постой, не пропадай!.. Скажи хоть, как мне найти этого твоего Дерновского... или Дерьмовского?.. Где он работает, а?..»

«Прощ...»

* * *

После этого «разговора» с Кулагиным жизнь Алексея превратилась в бесконечное ожидание. Что бы теперь он ни делал, как бы ни был занят, внутренне постоянно ждал, что вот-вот его окликнет знакомый голос и опять примется уговаривать, просить, умолять, рассуждать о долге перед человечеством...

Но время летело, всё ускоряясь, как ракета при запуске в космос, а Кулагин молчал, и однажды Алексей понял: сеансов телепатической связи не будет никогда.

Как ни странно, сделав такой вывод, он вовсе не испытал облегчения от того, что невидимый собеседник наконец-то оставил его в покое.

Наоборот, он стал все больше чувствовать, что ему чего-то не хватает. Образовавшаяся в нем пустота настойчиво требовала заполнения.

И Алексей все чаще стал доставать измятые листки, на которых под диктовку записывал формулу, и часами пытался вникнуть в суть непонятных слов и терминов. Естественно, из этого ничего не получалось, и тогда он злился, засовывал заветные листки подальше и заливал не желавшие становиться умными мозги непропорциональными дозами спиртного...

Между тем жизнь его все больше напоминала машину с лысыми шинами, пытающуюся преодолеть гололед.

Ребенок родился благополучно, но оказался плаксивым и капризным. По мнению Алексея, он слишком часто орал не по делу. Однако жена мнение Алексея не разделяла, а, наоборот, наседала вовсю. То, понимаешь, пеленки надо постирать, то с малышом выйти погулять, то сбегать в магазин... А это ежедневное купание, которое с учетом подготовки занимало не менее полутора часов!

На работе тоже дела шли не в гору. В результате таинственных организационных реформ добрую половину водителей руководство фирмы поувольняло, а другую половину заставило пахать в две смены за ту же зарплату.

Тем не менее Алексей про формулу не забывал. Она, проклятая, так и крутилась в его мозгах, не давая покоя ни днем ни ночью.

Несколько раз жена его будила, потому что он, по ее словам, принимался во сне бормотать: «Антигравитация, антигравитация...». Если бы жена была особой необразованной, а не закончила с отличием техникум тяжелого машиностроения, то вполне могла бы решить, что у мужа появилась любовница с таким вычурным именем...

И однажды Алексей решился проконсультироваться у специалиста. Старательно переписав формулу в тетрадку в клеточку и приведя себя в порядок с помощью ста граммов водки (внутри) и французского

одеколону (наружно), он заявился в ближайшую школу и отловил на перемене молоденькую учительницу физики.

Однако, полистав тетрадку, учительница не оценила гениальность открытия Кулагина. Недоуменно морща белесые бровки, она призналась, что такие материи не проходила, и поинтересовалась, как данный опус неизвестного графомана с физическим уклоном попал к Алексею.

Открывать ей правду Сивяков не стал. Вместо этого он зачем-то завязал с собеседницей полунаучный спор и в запальчивости обозвал ее душой набитой, а затем вынужден был, хлопнув дверь, покинуть образовательное учреждение.

После чего, прокорпев несколько вечеров и даже ночей за кухонным столом, он размножил формулу в двух десятках экземпляров и сочинил столько же сопроводительных писем, в которых просил рассмотреть возможность немедленного опубликования гениального открытия (о том, что открытие было сделано не им, а Кулагиным, он умолчал). Письма эти Сивяков отправил в различные научные инстанции, начиная с Академии наук и заканчивая редакцией журнала «Техника - молодежи», и стал ждать ответа.

Послания его канули в неизвестность, как камни в морскую пучину. Через пару месяцев, правда, один ответ все-таки пришел, и был он от некоего старшего научного сотрудника Института географии. В этом письме Алексея вежливо хвалили за то, что он интересуется фундаментальными проблемами теоретической физики, но в то же время намекали, что лучше бы он осваивал свою профессию, чем тратил время и энергию на всякую ерунду.

После такого отпора со стороны официальной науки другой бы на месте Алексея сдался и опустил руки. Однако Сивяков лишь еще больше взбунтовался.

С очередной полочки он купил кучу учебников, справочников и монографий по физике и занялся самообразованием.

* * *

«Алексей... Ты меня... слышишь?»

«Кулагин? Это ты, что ли? Блин, а я уж думал, что ты того... что уже всё...»

«Ты недалек от истины... Я и сам удивляюсь, почему еще способен... терроризировать тебя...»

«Что-что?.. Тебя плохо слышно!»

«Это потому, что силы мои... кончаются... Ну, как у тебя дела?»

«А, какие у меня могут быть дела? Не жизнь, а дерьмо, Кулагин!.. Куда ни ткни, куда ни глянь - всюду сплошная тоска!.. Ребенку всего полтора

года, а он из больниц не вылезает. Жена вся издергалась, дома бардак... Денег ни на что не хватает. Да и времени - тоже...»

«Извини, а как насчет... формулы? Ты обращался... к Дерковскому?»

«Ну не до формул мне сейчас... Полоса черная в моей жизни настала... Вот освобожусь немного - и возьмусь... Я тут, между прочим, разных книжек накопил, чтоб в твоей идее разобраться. Да все никак не получается основательно засесть за учебу... Тут еще жена ноет: на кой, мол, тебе это нужно? А вчера, представляешь, поставила мне ультиматум! Выбирай, говорит, кто тебе дороже: или семья, или твоя чертова физика!»

«Ну, и какой же выбор... ты сделал?»

«А что мне оставалось, Кулагин? Мне все равно никуда не пробиться с твоей формулой, пока я не разберусь, что к чему... А на это не один месяц потребуется, и даже не один год...»

«Сколько тебе лет, Лёша?»

«Уже двадцать восемь. Поздновато начинать учиться».

«Тебе всего двадцать восемь. Можно сказать, вся жизнь... впереди... если не тратить ее... на ерунду...»

«По-твоему, семья - это ерунда? А больной ребенок - тоже ерунда?»

«Эх, Лёша, Лёша... Неужели тебе хочется прожить... свою жизнь в мелочных заботах и борьбе... с сиюминутными проблемами? Разве тебе не скучно... так жить? Разве не хотел бы ты... посвятить себя достижению великой цели?»

«Хм... Великая цель, говоришь? Вот эта твоя антихренитация и есть великая цель? А то, что я хочу жить нормально, - это, значит, не великая цель? Заботиться о жене и сыне, обустроиваться... Ходить в гости, смотреть футбол, выезжать на природу, выпивать с друзьями, наконец!.. И ты хочешь, чтобы я сам, сознательно, своими руками перечеркнул все это? Чтобы превратился в маньяка, которого никто и ничто не интересуется, кроме его долбаной великой идеи?!»

«Послушай, Алексей... Мне шестьдесят три года... было... Из них почти сорок... я потратил на... антигравитацию... Вот почему мне так не хочется... чтобы плоды моего труда... пропали втуне... Ты единственный, кто может мне помочь...»

«Не дави на жалость, профессор. Каждому свое. И то, что ты решил стать фанатиком, - твое дело. А я так жить не хочу, понимаешь? Разве я не имею права жить, как все нормальные люди?»

«Имеешь... конечно, имеешь... Только ты вот о чем подумай... Сейчас у тебя на первом плане стоит семья и всё, что с ней связано... Больной ребенок... А что ты будешь делать, если у тебя ничего от этого не останется? Чем, кстати, болен твой сынишка?»

«Врачи говорят - бронхиальная астма...»

«Тогда могу тебя огорчить, Лёша... Бронхиальная астма неизлечима. А это значит, что тебе всю жизнь придется с ним мучиться...»

«Ну и гад же ты, Кулагин! Заткнись, и чтоб я больше тебя не слышал!..»

«Извини, что я так прямо, в лоб... Но, по-моему, я имею право...»

«А вот хрен тебе, профессор!.. Никакого права ты не имеешь!.. И знаешь что? Я буду только рад, когда ты сдохнешь и наконец отвяжешься от меня!»

«Алексей...»

«Я всё сказал! А теперь - проваливай! Убирайся ко всем чертям!.. Я не хочу тебя больше слышать!»

* * *

Через пять лет от Сивякова ушла жена, обвинив супруга в том, что ни ребенком, ни семьей он не занимается вообще. И жизнь его окончательно рухнула, как здание, в конструкции которого была изначальная ошибка.

Алексей стал пить, и его уволили с работы.

За считанные месяцы он превратился в типичного алкаша с землистым лицом и трясущимися руками, ежедневно проводящего время в компаниях собутыльников и бомжей.

Про формулу Кулагина он теперь вспоминал только в состоянии сильного подпития. Обводя своих дружков мутным взглядом, он принимался рассказывать, при каких странных обстоятельствах ему удалось заполучить эту формулу. Собутыльники Алексею, конечно же, не верили и гоготали над ним.

Потом была драка в пьяном угаре, которой сам Алексей не помнил. Лишь от следователя он узнал, что покалечил человека.

Суд приговорил Сивякова к шести годам лишения свободы, но освободился он досрочно.

Выйдя из тюрьмы, Алексей первым делом поехал в Москву. Ему удалось найти клинику, в которой почти два года пролежал в коме, не приходя в сознание, Андрей Анатольевич Кулагин. Медсестра, которая тогда ухаживала за ученым, поведала Алексею, что, хотя надежд на спасение этого больного у врачей уже не оставалось, они вынуждены были поддерживать в его теле жизнь с помощью специальной аппаратуры, потому что энцефалограф до последнего дня регистрировал бурную деятельность мозга Кулагина. И только когда эта активность прекратилась (причем как-то резко, словно что-то ударило ученого по голове), врачебная комиссия приняла решение об отключении системы жизнеобеспечения. «Он и так каким-то чудом прожил больше, чем обычно бывает при таких травмах», - добавила медсестра. И Алексей, не выдержав ее взгляда, в котором ему почудился некий упрек, опустил голову...

А Дерковского Сивяков так и не нашел.

Зато ему удалось побывать в Институте физики Академии наук, где после неоднократных попыток его принял какой-то очкастый дядька с авторитетным пузом. Листки, на которых Алексей когда-то записал формулу, давно уже были им утеряны, но в свое время он заучил ее наизусть и теперь помнил, как человек, затвердивший до автоматизма в детстве какой-нибудь стишок, способен помнить его до самой смерти.

Очкастый долго вертел в руках листы бумаги, на которых Алексей воспроизвел по памяти формулу Кулагина, а потом хмыкнул и сообщил опешившему Сивякову, что предложенный им метод, конечно, довольно оригинален и даже остроумен, но, к сожалению, явно несостоятелен.

Потому что вот тут и тут (взяв красный фломастер, очкастый, словно школьный учитель, проверяющий контрольную работу двоечника, подчеркнул нужные места в тексте) допущены ошибки, ставящие под сомнение конечный результат.

Алексей не поверил ему.

Он почему-то никогда не сомневался в том, что Кулагин действительно сделал открытие. Не мог же человек, потративший всю жизнь на решение проблемы, так заблуждаться!..

- А эти ошибки можно как-то исправить? - вслух спросил он очкастого.

Тот опять хмыкнул и небрежным жестом вернул листки Алексею.

- Дело в том, что современная наука пришла к окончательному выводу: антигравитация в земных условиях недостижима, по крайней мере чисто практически. И поэтому ваш интерес к этой проблеме, конечно, похвален, но не более, чем попытки создать очередной вечный двигатель.

Потом он с любопытством оглядел Алексея поверх очков и осведомился:

- А вы проштудировали весь курс квантовой физики, прежде чем выдвинуть свою гипотезу?

Алексей бережно сложил листки и спрятал их во внутренний карман куртки.

- Пойду я, - сказал он. - Извиняюсь за беспокойство...

Через полгода Алексей опять загремел на зону - на сей раз за вооруженный грабеж.

Потом были еще «ходки»...

В сорок семь лет там же, в зоне, его покалечили так, что он оказался на больничной койке.

* * *

«Антигравитация... Антигравитация... Антигравитация!..»

«Это еще что такое?.. С чего вдруг меня зациклило на этом слове?»
«Ну, наконец-то ты меня услышал!..»
«Что за чертовщина!.. Ты кто такой?»
«Долго объяснять, братан... Лучше хватай бумагу и ручку и пиши, что я тебе буду диктовать!»
«А с какой стати я должен что-то писать? Мне сейчас некогда заниматься всякой ерундой!»
«Не будь идиотом. И не спорь со мной. Просто брось всё и пиши!»
«Да какое право ты имеешь мне приказывать?»
«Поверь, братан, имею. Я не знаю, кто ты и какой фигней там занимаешься, но я знаю одно: тебе выпало взвалить на свои плечи ту ношу, с которой я жил почти всю жизнь. Теперь это твой долг, братан!»
«Долг? Какой еще долг? Я никому ничего не должен!»
«Ошибаешься, дружок. Ты родился и живешь на Земле. И хотя бы поэтому за тобой должок перед человечеством... И заруби себе на носу: пока я жив, я от тебя не отстану. И не будет тебе ни сна, ни спокойной жизни, пока ты не исполнишь мой наказ... Клянусь: век воли не видать! Ну так что, готов писать?»

Видеодром

ХИТ сезона

ВЫКЛЮЧЕНИЕ электРОНИки

В эпоху Веб 2.0 каждый стремится поделиться с миром впечатлением от прочитанного или увиденного. Конечно, не всякую книжную новинку, теле- или кинопремьеру сопровождает лавина отзывов, однако в случае с последовавшим спустя 28 лет продолжением культового «Трона» желающих высказаться

оказалось более чем достаточно.

Реакция критиков - как любителей, так и профессионалов - весьма любопытна. Первыми «отписались» те, кто увидел в картине лишь великолепный визуальный аттракцион. Действительно, результаты 68 недель работы над уже отснятым материалом (сами съемки заняли 64 дня) впечатляют: гонки на светоциклах, воздушные бои, поединки на дисках, и все «по-настоящему», а не в 3D - просто дух захватывает.

Кому-то этого хватило, кому-то - нет. Те, кто оказался разочарован, старались рационально объяснить свое «не понравилось». Один из наиболее часто звучащих упреков - чересчур незамысловатый сюжет, особенно, если учесть, что для работы над ним пригласили сценаристов сериала «Остаться в живых». Тем не менее в истории 27-летнего Сэма Флинна, очутившегося в виртуальной реальности, ставшей тюрьмой для отца Сэма - Кевина, достаточно драматичных поворотов, любви, предательств, раскаяний и чудес.

Еще одна распространенная претензия к «Трону: Наследие» (как, впрочем, и к предыдущему фильму): «На самом деле программы так себя не ведут». Судя по обилию в интернете подобных «разоблачений», многие шли в кинотеатр на экранизацию учебника по программированию. Что ж, таковые действительно ошиблись сеансом.

За первой волной отзывов пришла вторая. Теперь за перо (точнее, за клавиатуру) сели те, кто смог разглядеть в сюжете сиквела коллизию «сын Творца является в сотворенный мир для спасения его обитателей» и счел фильм парафразом евангельского сюжета. Правда, их смутила концовка: отчего в финале жертвует собой не сын, а отец, сводя на нет все библейские параллели?

Все встанет на свои места, если вспомнить первый «Трон». Несмотря на то что его создателей консультировал спец в объектно-ориентированном программировании Алан Кей, компьютерные технологии в «Троне» - лишь антураж, Замена Мастер-контроля на Темного Властелина, его программ-приспешников - на каких-нибудь гоблинов, а порта ввода/вывода - на магический портал не нанесет никакого ущерба сюжету. Отчего бы не предположить, что сюжет фильма сам по себе результат подобной замены, аллегория: преследование программ за веру в создавшего их Пользователя, устроенные для казни верующих игрища, больше напоминающие гладиаторские бои, наконец, спасение гонимых путем явления в виртуальный мир самого Пользователя, принявшего вид наделенной сверхспособностями программы... Очевидно, что перед нами изложенный языком компьютерных терминов и образов рассказ о христианстве. Конечно, христианские постулаты воспроизведены не буквально, что-то опущено, что-то упрощено, а кое-что изменено в угоду занимательности повествования. В жанре фэнтези нечто

похожее проделал в свое время Клайв С. Льюис в цикле книг о Нарнии. Компьютерный мир «Трона» - своеобразный макет мироздания в масштабе, воплощающий идею: люди - это наделенные свободой воли «программы», пользователем и создателем которых является бог, В пользу такой трактовки говорит финал первого фильма; новый глава компании ENCOM встречает друзей словами «Привет, программы!», а мегаполис с наступлением ночи становится очень похож на виртуальный мир. Роль вочеловечившегося Спасителя в этой модели отводится оцифрованной личности программиста Кевина Флинна. Сиквел с появлением сына не превращает Кевина в бога-отца, а лишь дает ему возможность до конца исполнить миссию спасения. И Кевин Флинн, в полном соответствии с евангельским сюжетом, жертвует собой, чтобы открыть дорогу в мир людей, играющий для обитателей виртуальности роль рая.

Вполне вероятно, что сценаристы сиквела ничего подобного в виду и не имели, а просто следовали логике истории, рассказанной в первом фильме. Более того, может быть, что и Стивен Лисбергер, срежиссировавший «Трон» и выступивший одним из продюсеров «Трона: Наследие», хотел снять просто сказку про видеоигры с крутыми спецэффектами. Библейские же образы возникают исключительно в мозгу смотрящего. Или не возникают, уступая место другим вариантам прочтения. Собственно, многообразие возможных трактовок - одна из черт, отличающих искусство от имитирующих его поделок.

Сергей ЦВЕТКОВ

рецензии

РОБОТ

(ENDHIRAN)

Производство Sun Pictures (Индия), 2010.

Режиссер Саси Шанкар.

В ролях: Раджникант, Айшвария Рай, Дэнни Дензонгпа и др. 2ч. 35 мин.

Когда в мире резко подешевели услуги 3D-моделлеров и аппаратура для «моушн-кэпчур», над Болливудом нависла туча. Требовалось срочно снять фантастику при поддержке индийских программистов. И

вот результат - самый дорогой фильм в истории Индии.

Картина начинается с титров на черном фоне: «Курение и алкоголь опасны для здоровья». На этой оптимистической ноте и развиваются события. Умный профессор делает хорошего робота. Затем следуют танцы, почему-то в инкских одеяниях. А в это время плохой профессор рвет и мечет от зависти. Хороший профессор говорит своей любимой: «У робота нет чипа любви». И вставляет этот чип. Песни. Танцы. Робот немедленно влюбляется в подругу профессора. А тот разбирает робота на части и выкидывает на свалку. Танцы. Хороший профессор и его девушка счастливы. Плохой профессор приезжает на свалку, собирает обломки и оживляет робота. И вставляет ему, просто страшно сказать, прямо в кард-ридер красный чип! Если исходно робот должен был созидать, то красный чип заставляет его убивать, Танцы. Танцуют все, даже джедаи из «Звездных войн», непонятно откуда прилетевшие.

Очипленный робот делает тысячи своих клонов и, раздавив голову плохому профессору, начинает убивать всех. Время от времени танцуют и поют. Цель робота - внедрить в матку профессорской подруги свой эмбрион. Потому что любит он ее всеми сервоприводами и процессором. Почти внедрил, но тут надо танцевать. Хороший профессор все-таки отлавливает робота и вынимает красный чип. Все плачут, танцуют и поют. Робота осуждают на демонтаж, и он, омываемый слезами друзей, разбирает себя. Танцы и песни мешают рыдать.

Прошло сто лет. По музею ходят дети, а робот, представленный одной головой, пугает их слоганами. Поют.

Впрочем, у индийских фильмов своя вековая стилистика, от которой создатели не готовы отказаться даже в фантастическом кино. И упаси боже рецензента подвергать сомнению национальную традицию. Единственное, что он хочет заметить: аудитория супердорогого для страны фильма - это не любители фантастики, но поклонники индийского киноискусства.

Сергей Слюсаренко

ПУТЕШЕСТВИЯ ГУЛЛИВЕРА

(GULLIVER'S TRAVELS)

Производство 20th Century Fox (США), 2010.

Режиссер Роб Леттерман.

В ролях: Джек Блэк, Эмили Блант, Аманда Пит, Крис О'Дауд и др.

1 ч. 25 мин.

Надо сказать, в наше время пародийные экранизации классических

произведений едва ли не соревнуются в низкопробности. Как минимум, потому что сами первоисточники спародированы, процитированы и «проаллюжированы» тысячи раз. Ну а как максимум - по причине резкого сокращения числа начитанных подростков, из которых и состоит в основном аудитория данных фильмов. А как им показывать, скажем, пародию на Шекспира, если они его не читали и будут смотреть подобное кино в качестве первоисточника?

В картине «Путешествия Гулливера» от самого Свифта остался только фон. Остров, лилипуты да имя Гулливер... за сим Джонатан отклонялся. А сценарист продолжил творить и пародировать.

В самом начале фильма социальный статус главного героя обозначен вполне - он занимает место неудачника. Вернее сказать, так выглядит место неудачника по мнению американцев. Гулливер работает в отделе писем. К нему нанимается новичок и уже к концу дня становится его начальником. А девушку, в которую влюблен Гулливер, он боится куда-нибудь пригласить. Дальше опять же никаких новых приемов и ходов: герой завоевывает интерес суженой, наврав ей, что много путешествует и на основе своих впечатлений пишет статьи.

Так споем же об извечной проблеме «маленького человека»!

Нет, извините, не споем. Кино не то. Ведь девушка, впечатлившись ложью главного героя, отправляет его к бермудскому треугольнику. Кораблекрушение. Остров. «Только бы не огненные муравьи!» Нет. Это лилипуты.

Конечно, практически все американские неудачники наделены грешком Пиноккио. Они врут. Много, часто и, как правило, гротескно. И вот эти моменты нашей, русской, хлестаковщины радуют зрителя более всего. Герой и с Пушкиным на дружеской ноге, и на «Титанике» плавал, тонул, спасал прекрасную Розу, и сам магистр Йода у него на посылках... А Гулливер - разумеется, главный обитатель Белого дома.

Пожалуй, это тот самый случай, когда лучший фильм - трейлер.

Анастасия Шутова

ВРЕМЯ ВЕДЬМ

(SEASON OF THE WITCH)

Производство компаний Atlas Entertainment и Relativity Media (США), 2011.

Режиссер Доминик Сена.

В ролях: Николас Кейдж, Рон Перлман, Стивен Кэмпбелл Мур, Кристофер Ли и др.

1 ч. 35 мин.

Устав от крови, насилия и бесконечных битв в Крестовых походах, два

рыцаря нарушают присягу и пускаются в бега по Европе. Но вскоре дезертиров ловят и бросают в тюрьму. Чтобы избежать казни, опальные крестоносцы соглашаются выполнить задание Святой церкви. Они должны доставить милую девушку, обвиняемую в колдовстве, в далекое аббатство, где над юной ведьмой проведут ритуал...

«Время ведьм» - это фэнтези в антураже европейского Средневековья. Причем фэнтези темная, с элементами хоррора. В Европе свирепствует чума, полным ходом идет охота на ведьм, кто-то все время гибнет от болезни, костра инквизиторов или удара меча. При этом оператор не стесняясь показывает язвы, гной, кровь и грязь крупным планом, нагнетая мрачную атмосферу. И ему это удается. Как и режиссеру удается оставаться самим собой от фильма к фильму. Доминик Сена («Угнать за 60 секунд», «Пароль: рыба-меч», «Белая мгла») предпочитает словам действие. Неспешных сцен в картине просто нет. С героями постоянно что-то происходит: то штурмуют замок, то бьются с волками, то пытаются перебраться через пропасть по хлипкому мосту. Словом, любители экшена останутся довольны. А вот ценители исторической достоверности, масштабных битв и убедительной актерской игры испытают разочарование. Совершенно неясно, каким образом два друга-крестоносца уничтожали на Востоке врагов Церкви в XIV веке (а именно в это время разворачивается действие фильма), если Крестовые походы в этом регионе завершились в 1270 году?.. Показанные в эффектных рекламных роликах эпические битвы остались всего лишь нарезкой кадров схваток, умело сделанных на компьютере. Ну и самое большое разочарование - актерская игра. Такое ощущение, что актеры снялись не в фильме с бюджетом в 65 миллионов долларов, а в сотой серии среднестатистического фэнтези-сериала.

Степан Кайманов

ЛЕГЕНДА ОСТРОВА ДВИД

Производство студии «А-фильм» (Россия), 2010.

Режиссер Анарио Мамедов.

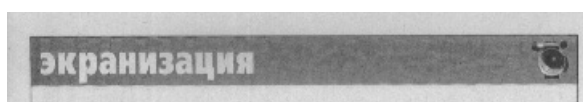
В ролях: Даниил Спиваковский, Алексей Князев, Альберт Филозов, Владислав Гетце, Владимир Бегунов и др. 1 ч. 48 мин.

Повесть Владислава Крапивина «Дети синего фламинго» появилась на свет в 1981 году и мгновенно завоевала популярность у любителей фантастики. Достаточно сказать, что по результатам опроса КЛФ повесть была признана лучшим произведением года, а чуть позже, в 1983-м, Владислав Петрович получил за нее «Аэлиту». И вот, спустя

почти тридцать лет, режиссер Анарио Мамедов попробовал перенести культовое произведение на большой экран. На большой - не получилось. Проката у картины почти не было; пробежавшись по детским фестивалям, картина стала доступной зрителю лишь на DVD. Увы, такова судьба почти всего нашего детского кино...

Для фантастической сказки бюджет оказался явно маловат. Историю о мальчишке, призванном в параллельный мир на остров Двид с целью спасти его от огромного ящера, надо было бы снимать с несколько большим количеством спецэффектов, А здесь - даже компьютерная Синяя Фламинго напоминает куклы из фильмов Роу или Птушко. Но дело даже не в этом. Создатели фильма попытались «осовременить» сюжет, перекроив его. Порыв понятный, но в результате не удалось пройти по бритве Оккама и снять свое, не обидев оригинал. Недаром реакция Крапивина на фильм была очень резкой - к допремьерному показу на «Росконе» Владислав Петрович написал резкую отповедь аж на пяти страницах и потребовал зачитать со сцены перед показом. Авторы часто обижаются на изменения сюжета, но со многими посылами писателя нельзя не согласиться, Пусть главный герой любит интернет, телек и жалеет, что с друзьями с Двида нельзя общаться по аське. Дело не в этом. Повесть Крапивина была о дружбе, предательстве, чести и отваге, Фильм Мамедова - о том, как вести себя «попаданцу» в ином мире. Да, за тридцать лет многие нравственные императивы сместились, и, вполне вероятно, фильм современным детям, воспитанным на голливудских стандартах, понравится. Тем более что есть и приключения, и неплохой актерский состав (один Спиваковский там пяток ролей исполняет, правда, чуть переигрывая), и хорошая музыка. Да и сам факт выхода фильма не может не радовать. Когда же количество перерастет в качество?

Тимофей Озеров

экранизация

ЧЕЛЮСТИ ПОД ЁЛКОЙ

Масштабная киносказка от известного российского режиссера. Этого ждали давно. Точно этого?

«Щелкунчик и Мышиный король» - пожалуй, самая популярная и экранизируемая сказка Гофмана. Однако работа с ней представляет немалые трудности для художников. Причин много, но две лежат на поверхности. Первая - как раз та самая популярность. «Щелкунчика» ставили и снимали десятки раз, правда, в основном это были анимационные картины. Сказать что-то новое очень сложно. Вторая - тень Чайковского. Едва ли найдется серьезная полнометражная экранизация сказки, где не звучала бы музыка из знаменитого балета, и решения визионеров поневоле будут сравнивать с достижениями композитора. Собственно, до недавнего времени более или менее известных игровых постановок для большого экрана было всего две, и обе представляли собой именно фильмы-балеты на музыку Чайковского. В 1983 году увидела свет версия Кэрролл Боллард, в свое время работавшей над «Звездными войнами», а в 1993-м - Эмиля Ардолино, примечательная тем, что главного героя здесь сыграла тогдашняя детская суперзвезда Маколэй Калкин.

Мультипликационные фильмы отличались сравнительно большим визуальным разнообразием. Великолепен опять же «балетный» отечественный мультфильм Бориса Степанцева 1973 года, благодаря которому не одно поколение советских детей впервые прикоснулось к классическому сюжету и музыке. В ключе диснеевской анимации создан канадский «Принц Щелкунчик» (1990), где Принца озвучил Кифер Сазерленд, будущий Джек Бауэр из сериала «24». А в самом конце XX - начале XXI века до сказки Гофмана добралась и трехмерная компьютерная анимация.

В 2004 году увидел свет полнометражный мультфильм «Щелкунчик и Мышиный король» Татьяны Ильиной. Для западного проката эту совместную картину перемонтировал Майкл Джонсон, а Мышиный король заговорил голосом покойного Лесли Нильсена. Главное достоинство фильма - сочная графика, а «человеческие» персонажи прорисованы в духе «Тайны третьей планеты».

В конце нулевых годов по сюжету Гофмана начали снимать игровое фэнтези со спецэффектами. Сперва вышел канадский «Секрет Щелкунчика» (2007), а под занавес 2010 года зрители увидели претенциозный фильм «Щелкунчик и Крысиный король» Андрея Кончаловского.

Еще Ролан Быков мечтал о детском кино, которое совместило бы «русский фольклор и манеру съемок американского режиссера Спилберга». Попытки следовать этой формуле уже делались. У

Кончаловского появился шанс совместить русский материал в виде балета Чайковского и западные технические возможности, а снимать действительно «голливудское» кино пока удавалось только ему и Бекмамбетову. Бюджет в 90 миллионов долларов вполне выдерживает сравнение с фильмами того же Спилберга. К тому же новый «Щелкунчик» вписался в модную тенденцию превращать классику литературы в легкое развлекательное кино с обязательным 3D. Так, в начале года Тим Бартон представил свое прочтение «Алисы в Стране Чудес», а одновременно с фильмом Кончаловского вышла модернизированная версия «Путешествий Гулливера».

Кончаловский утверждает, что замысел «Щелкунчика» возник еще 40 лет назад, и первый набросок сценария они сделали вместе с Андреем Тарковским. Трудно сказать, на что была бы похожа картина, если бы ее сняли в те годы. А в современном виде получился красивый и дорогостоящий капустник, вроде тех, что выпускают центральные телеканалы для показа в новогоднюю ночь.

Да, оригинальность видения заметна невооруженным глазом. То есть бьет наотмашь. Прежде всего, вопиющей несогласованностью картины, из-за чего та выглядит набором эстрадных номеров. Больше всего досталось сюжету Гофмана. Кончаловский решил усилить конфликт по сравнению с балетом и книгой. В поисках более серьезного противника для Щелкунчика он отбросил мышей и остановился на крысах. Само собой, появилась параллель с метафорой фашистской «чумы» из романа Камю. И крысы надели узнаваемые серые мундиры и каски.

Идея столкнуть на контрасте волшебную сказку и тоталитарные ужасы далеко не нова. Такой эпизод есть в фильме «Андерсен. Жизнь без любви» Э.Рязанова. Даже действие упомянутого «Секрета Щелкунчика» происходит в годы Второй мировой, а героиня совершает вылазку в концлагерь, только гитлеровских карателей символизируют не крысы, а волки. Лучшим же решением темы пока остается «Лабиринт Фавна» Гильермо дель Торо. Правда, Дель Торо и не думал творить на этом материале семейное кино. А Кончаловский будто смонтировал два фильма в один, и непонятно, чего получилось больше - рождественской сказки или памфлета пополам с антиутопией.

Конечно, были и удачные комедии про нацистов, от «Великого диктатора» до «Продюсеров». Но «Щелкунчика» из комедии бросает в натурализм с крематориями и «звериным оскалом» фашизма в образе крысиных челюстей а-ля Чужой.

Черной краски подлила и локализация, когда в Вене 20-х годов прошлого века общаются и даже поют на теперешнем сленге. Не хочется думать, что такой «русский текст» тоже мог написать автор сценария Кончаловский. Дополнительные ассоциации с новогодним капустником придает озвучивание короля крыс и его матери голосами

Киркорова и Пугачевой (хотя им не откажешь в умении поиронизировать над собой),

Режиссер не ставил детского кино со времен дебютного короткометражного фильма «Мальчик и голубь», и, возможно, именно в этом причина отсутствия чувства меры. Тот же Бартон в небесспорной «Алисе» сумел куда более элегантно совместить атмосферу сказки и отрубленные головы. А здесь опереточный Крысиный король отрывает голову ребенку прямо перед камерой. И пусть ребенок - ожившая кукла, а голову вернут на место, но «осадок остается», как после манипуляций кота Бегемота над Жоржем Бенгальским.

Однако даже в таком варьете попадаются блестящие номера и находки. Балетный эпизод, где танцовщицы буквально сотканы из снежинок. Декорации Вены и волшебного мира Щелкунчика. Песенные вставки местами вызывают в памяти лучшие образцы отечественных музыкальных фильмов для всей семьи. Любопытна детально и с выдумкой проработанная машинерия крыс в эстетике «дизельпанка»: механические «крысопсы», мотоциклы, реактивные ранцы, вертолет на «курьих ножках». Столкновение бесчеловечной механики и хрупкого мира детства придает картине отдельное измерение: недаром псы спиливают рождественскую ель, а крысолет терпит аварию в груди мягких игрушек. Культурных ассоциаций в ленте в избытке,

Есть и несколько моментов, отчасти искупающих промахи стиля и вкуса. Несомненная удача - юная актриса Элл Фаннинг в роли главной героини Мэри. Своей органикой она ухитряется склеить распадающиеся эпизоды фильма. Актуальна простая, в сущности, краеугольная идея о том, что нужно уделять больше внимания ребенку, в том числе и своему внутреннему. От глухоты родителей страдают и малолетние герои, и сам Крысиный король. И, конечно, прекрасна музыка, плод «совместного творчества» Чайковского и Эдуарда Артемьева. Она-то и демонстрирует: уважительная адаптация классики для современного восприятия возможна. Было бы желание.

Аркадий ШУШПАНОВ

СТИВЕН БАКСТЕР

ЗЕМЛЯ-3

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

I

Она не пришла бы сюда, если бы не захотела - не пожелала быть с ним.

Он осмелился взять ее за руку, коснулся в первый раз, и она вздрогнула, как от удара током.

- Пойдем, - мягко сказал он. - Мы зашли достаточно далеко. Давай просто взберемся на стену и будем ближе к Звезде, чем кто-либо в мире.

- Ведь это священо! Поэтому нельзя!

- Но если поспешить, мы сможем успеть на заседание Конференции, прежде чем нас хватятся. И кто вообще узнает?

- Никто не сумеет скрыть тайну от Сим-Контролеров!

- Надеюсь, что хотя бы это - неправда.

Похоже, она была искренне шокирована.

- Брод!

По ее мнению, он слишком далеко зашел в своей ереси... Он пробормотал все полагающиеся уверения.

Брод вырос на теологии Дизайнеров и Контролеров - тех странных безмолвных фигур, которые создали здесь мир и людей и пристально

наблюдали за тем, что происходит сквозь невидимые стеклянные стены в небе. И Брод вроде бы в это верил. Такая идея казалась куда разумнее, чем альтернатива, иногда обсуждаемая в пивных. Будто люди пришли в этот мир откуда-то еще.

Но сейчас единственной реальностью была стоявшая перед ним женщина: ее нежный аромат, океанский ветер, шаловливо играющий ее молочно-белым одеянием и длинными прядями рыжих волос. Она почти не отбрасывала тень, поскольку этот остров, названный Нэйвл^{*30} - единственный на всей Земле-3, - находился прямо под Звездой. Так было всегда. Так будет всегда.

Вале исполнилось двадцать Великих лет - на пару лет меньше, чем самому Броду. Как дочь Главного Спикера и как Сапфир она была оранжерейным цветочком. И все же он воцарился над ней с того момента, когда увидел впервые. Как никогда не желал пресыщенных шлюх порта Уилсон или тех женщин, которых мог уболтать и затащить в постель во время своих бесшабашных шатаний по островам Среднего океана. Тот факт, что Сапфир обречена на целомудренную жизнь, делал ее мучительно желаннее.

И он знал, что при всех церемониальных танцах вокруг да около и пустых словах она чувствует к нему столь же сильное влечение.

Поэтому он продолжал уговаривать:

- Еще немного - и мы там. Представь, какие истории ты станешь рассказывать другим Сапфирам...

- А, им...

Она состроила гримаску. И тут ее настроение, похоже, резко изменилось.

- Я это сделаю!

Она схватилась за кольца и стала подниматься так неожиданно и порывисто, что он изумленно вытаращился ей в спину, гадая: кто кого тут соблазняет? Но тут же опомнился и поспешил за ней, наслаждаясь видом крепких ягодичек под развевающимися складками полупрозрачного одеяния.

Вскоре они добрались до верха лестницы и ступили на деревянную платформу - неструганые доски, настланные на базальтовые блоки. До этой Конференции Брод никогда не был на Нэйвле и ничего не знал о его сокровищах. Теперь же увидел верхушку цилиндрической башни со вделанной в нее почти плоской чашей, примерно сотню шагов в диаметре, покрытой слоем того, что выглядело тонкой пленкой черной слизи.

И здесь они были не одни. Вдоль радиуса круглой чаши топтались массивные животные: он насчитал целых двадцать. И каждое

³⁰ * *От англ. Navel - пуп, центр, середина. (Здесь и далее прим. перев.)*

находилось в нескольких шагах от соседа. Они двигались по кругу, по часовой стрелке, идущие у края должны были шагать быстрее, чем те, кто оказался ближе к центру, чтобы линия оставалась ровной. Кроме того, они соскребали слой слизи, обнажая поверхность, сверкавшую, как крыло зеркальной птицы. Большие звери в толстых коричнево-черных шкурах шаркали и всхрапывали, усердно работая короткими ногами. Он узнал в них тракторов с большими, отвислыми челюстями и множественными лопатоподобными хвостами. Тракторы использовались в полях вокруг порта Уилсон для пахоты и рытья канав. Вот уж не ожидал он найти здесь этих примитивных животных! Впрочем, доставить их сюда само по себе было задачей нелегкой.

- Отсюда виден весь остров, - заметила Вала, поворачиваясь так порывисто, что ветер снова подхватил складки ее одеяния. - И другие острова за ним.

Брод равнодушно огляделся. Нэйвл был клочком земли в море, подобным отполированному щиту. Один из цепочки, тянувшейся к западу. В нем не было ничего особенного, если не считать, что прямо над ним находилась Звезда - это делало его святейшим местом на всей планете, куда каждый Великий год стремились десятки тысяч паломников. Поэтому, несмотря на малые размеры, изолированное местоположение и неудобные гавани, его склады, отели, рестораны, дворцы и церкви, ставшие частью индустрии святости, доходили прямо до стен центрального комплекса храмов и башен.

Прозвонил колокол, возвещая конец очередной восьмичасовой смены.

- Пора возвращаться, - нервно пробормотала Вала. - Брат будет меня искать.

Брат. Килли - звероподобный малый, еще больший собственник, чем ее священный отец.

- Но мы только что поднялись сюда, - запротестовал Брод. - И я даже не понял, на что смотрю. Как называется это место?

- Мы зовем его Глаз Главного Контролера, - пояснила она, показывая на блюдо. - Люди выстроили внешнюю стену и эту платформу. Но сама башня вместе с большим блюдом - это Основание. Сооружение, созданное здесь еще до появления людей, или часть спроектированной реальности, лежащей в основе эфемерных Симформ, - в зависимости от твоей веры. И в конце каждого Великого года, когда приходят корабли с десятиной, мы заставляем тракторов снимать слизь, затянувшую Глаз, как они это делают сейчас.

- И что потом?

Она игриво стиснула его пальцы:

- Тебе стоит подождать до конца следующей смены! Сам увидишь. Очередная чистка Глаза - это что-то! Здесь ничего интереснее все равно не найдешь!

- Неужели Сапфиры никогда не развлекаются? В Уилсоне мы здорово проводим время. Поедем со мной, сама посмотришь.

Что он мелет? В конце концов, она дочь Элиоса, Главного Спикера.

И снова Брод задался вопросом, кто на самом деле здесь главный, но что-то в ее поведении - смесь невинности и кокетства - неудержимо его заводило.

- Развлечения? Какие именно? Покажи, - потребовала она.

- Ладно.

Он огляделся.

- Дома у нас тоже есть тракторы. Иногда мы забавляемся с ними.

Брод сбросил куртку, открыв мускулистый торс, испещренный старыми шрамами - следами схваток.

- Держи куртку и смотри! - велел он. Спрыгнул со стены на поверхность Глаза и осторожно шагнул вперед. Хотя полосы слизи были неприятно скользкими и маслянистыми, устоять не составляло труда. А вот зеркальная поверхность оказалась такой же опасной, как и выглядела. Прыгая с полосы на полосу, он добрался до ближайшего трактора.

- Брод! Эй, Брод! - взволнованно окликнула Вала. - Что ты делаешь? Будет неприятности!

Брод только ухмыльнулся. Добравшись до зверя, он подпрыгнул, шлепнул по крупу ладонями, сделал сальто и приземлился обеими ногами на двойной хребет животного. Этот момент был самым сложным, и Брод едва не потерял равновесие, но все же ему удалось устоять и даже гордо выпрямиться. Зверь, безразличный ко всему, продолжал свое дело, и Брод ощущал сложный ритм движения, исполняемый шестью ногами и перекатами мышц под жесткой шкурой. Торжествуя завопив, он оглянулся на Валу.

Потрясенно разинув рот, она сжала щеки ладонями, но тут же взвизгнула, зааплодировала и запрыгала как ребенок. Он представил, как она рассказывает обо всем другим Сапфирам, таким же хорошеньким девственницам, собравшимся вокруг, словно цветы на клумбе.

Но тут снизу послышалось нечто вроде ворчания просыпающегося вулкана:

- Вала! Вала! Ты должна участвовать в подсчете десятины! Вала, ты где? Если узнаю, что ты опять валяешь дурака с этим идиотом-моряком...

Это Килли. Злобный брат.

Вала встревоженно посмотрела вниз.

Брод, сделав очередное сальто, прыгнул вниз и поспешил к ней.

- Тебе пора, - прошептал он.

- Знаю.

Но она не двинулась с места.

И они поцеловались.

Потом он никак не мог сообразить, кто потянулся первым.

II

- Вала! Вала!..

Ожидая прихода полярной женщины Трипп, Мариам слушала громогласный голос Килли, эхом отдававшийся по улицам оживленного города Нэйвла. Сын Главного Спикера, брат самой красивой из нынешнего урожая Сапфиров и бесчувственная скотина по природе, Килли был способен дать отпор любому, кто встанет на его пути. По крайней мере, так подозревала Мариам. И понимая, что надежды напрасны, все же надеялась: ее сын Брод не имеет никакого отношения к странному отсутствию Вала.

А пока она терпеливо ждала гостью. Для бесед с глазу на глаз Трипп-поляр, конечно, приходила в апартаменты Мариам, а не наоборот. Мариам и Брод прибыли из Уилсона - одного из основных портов высадки на южном побережье Себы, самого большого континента северного полушария.

С точки зрения Спикеров, Уилсон был важен не только из-за получаемой от него десятины, но он стал каналом, по которому поступало богатство разбросанных общин континента.

Поэтому Мариам отвели апартаменты из нескольких комнат на верхнем этаже этого Седьмого дворца Сим-Дизайнеров, обставленные прекрасной мебелью, с рядами фотомха, освещавшего каждый темный уголок. Отсюда открывался прекрасный вид на Нэйвл, со всей его оживленной жизнью и ровным светом Звезды, льющим на мир сверху. Прямо с неба.

А Трипп была всего лишь поляркой - женщиной, прибывшей с края бесконечной тени Темной стороны. Поэтому ее сунули в какую-то клетушку в глубинах грузной туши дворца: душную, без окон и света, с ванной, которую приходилось делить еще с какой-то беднягой.

Наблюдая, как суетится Трипп, Мариам подумала, что и в самой этой женщине есть нечто темное.

После традиционных приветствий полярка расстегнула тяжелое пальто. Опустилась в кресло и приняла бокал вина. Трипп была маленькой, крепко сбитой, мускулистой. Говорили, что кругленьким коротышкам легче переживать вероломный холод Севера. Поэтому она носила тяжелое пальто из шкуры трактора, подбитое овечьим мехом. На вид лет сорок, примерно на десять Великих лет моложе Мариам, с круглым обветренным лицом, сидящими черными волосами, откинутыми назад с высокого лба, и привычно суровым видом.

Мариам почти ничего не было известно о ней. Только обрывки слухов

о многочисленных мужьях там, дома. О детях. Трипп была слишком серьезной женщиной, чтобы тратить время на болтовню.

Она открыла принесенный с собой кожаный конверт и разложила какие-то документы на маленьком столике, искусно вырезанном из цельного базальта. Пришлось сдвинуть вазу с яблоками, чтобы освободить место. Мариам без особого интереса взглянула на бумаги, очевидно, древние или выглядевшие старыми: порванные, замусоленные, пожелтевшие и усеянные пятнами разной формы и размера. Некоторые содержали убогий текст на древнем языке, на других красовались загадочные схемы.

- Похоже, тебе выдалась тяжелая смена, - заметила Мариам, тоже садясь.

- А тебе? Переговоры о размере десятины становятся все труднее с каждым Великим годом.

Великий год включал двадцать четыре малых, каждый из которых продолжался сорок пять смен - время, необходимое Земле-3, чтобы обойти Звезду по орбите. По мере того как Мариам становилась старше, интервалы между Конференциями, на которых устанавливались и переустанавливались размеры десятины, казалось, с каждым разом укорачивались.

Трипп, очевидно, отвлекали постоянные вопли Килли: «Вала! Вала!».

- И агрессивная позиция Спикеров тоже не ободряет, - добавила она. - Молодой человек, который орет внизу в поисках сестры, - это сын Главного Спикера.

- Знаю.

- Для меня Килли символизирует все усиливающееся и не слишком скрываемое давление на нас со стороны Спикеров и их трусливых союзников, готовых пресмыкаться ради небольшого снижения десятины.

- Богатство порождает власть, что, в свою очередь, притягивает новое богатство.

- Да. И подозреваю: знай мы больше об истории человечества, поняли бы, что это старая, старая сказка.

Трипп свирепо улыбнулась, показав покрытые коричневым налетом зубы.

- По крайней мере, вы в Уилсоне теперь начинаете понимать, что значит попасть в лапы Спикеров. А у нас на Полюсе это терпит уже не одно поколение. Наше выживание зависит от торговли, которую контролируют Спикеры. Десятину мы выплачиваем металлами и минералами, которые добываем в шахтах. Но еду нам привозят, и на это уходит все, что остается от выплат Спикерам. Иначе нам не выжить.

Мариам коротко кивнула и огляделась.

- Мои слуги передали мне некоторые ваши предложения.

Поляры предлагали снизить влияние Спикерства, наладив тайную, но прямую торговлю между Уилсоном и Полюсом. Помимо прямых выгод для поляров, последние считали, что такая открытость приведет к быстрому росту экономики планеты, буквально задушенной контролем Спикеров.

- В этом дворце и у стен есть уши, так что не будем вдаваться в подробности, - тихо продолжала Мариам. - Многие мои, компаньоны боятся гнева Спикеров и Контролеров.

- Значит, они еще большие идиоты, чем я думала, - фыркнула Трипп. - Предаваясь подобным суевериям, они играют на руку Спикерам и укрепляют прутья собственных клеток.

Мариам, как всегда, почувствовала раздражение от общения с самодовольными, странноватыми полярами, спесивыми и самоуверенными.

- Возможно, для вас это только «верования», но мы действительно считаем, что живем в смоделированной реальности. И фактически, это основа религии глобального размаха и силы. Иначе мы не сидели бы во дворце, поклоняясь Контролерам.

Она пролиставала лежавшие перед ней бумаги.

- Очередные дополнения к документу Венеры, который вы пытаетесь купить?

- Да, это не те подделки, которыми меня собираются одурачить.

- А вы не противоречите себе? Ведь разыскивая подобные артефакты, вы против собственной воли признаете существование Хелен Грей, история жизни которой и есть ключевая часть всей легенды.

Трипп, в свою очередь, раздраженно поморщилась:

- Мы не отрицаем стандартного описания прошлого. Но следует считать наши мифы и легенды исходным материалом, к которому надо относиться скептически. Мы верим в существование Хелен Грей, Уилсона Арджента и Джеба Холдена. Но сомневаемся в том, что они были созданы из воздуха вместе с Тридцатью Семью Детями какими-то Сим-Дизайнерами. Все они прибыли сюда на чем-то вроде корабля и из иного мира, возможно, с Земли-1 или Земли-2. Я имею в виду космический корабль. Хелен, Уилсон и Джеб были единственными взрослыми. Мы считаем, что между ними вспыхнула рознь... вернее, Уилсон и Джеб ссорились из-за Хелен, единственной женщины. Не стоит принимать во внимание более сложные теории, потому что они убили друг друга всего через три Великих года после приземления и оставили Тридцать Семь Детей расти без присмотра и заботиться о себе, как придется. И мы - их дети. Только с тех пор прошла тысяча Великих лет. История сама по себе поразительная.

- Но если это так, откуда взялась легенда о Сим-Контролерах?

- Возможно, из отрывочных воспоминаний о космической миссии,

сохранившихся в памяти детей. В документе Венеры есть страницы, которые намекают на нечто вроде безумия, распространившегося среди команды этого корабля, десятилетиями запертой в металлической тюрьме, где жили и умирали целые поколения. Некоторые даже верили, что все это нечто вроде модели и что за ними наблюдают, как за сидящей в клетке зеркальной птицей. - Она махнула рукой. - И вся эта сложная, многослойная теология, эта доктрина власти и богатства имеет своим источником детские кошмары! Повезло еще, что перед смертью Хелен Грей сумела изложить историю своего мира и предпринятого путешествия. Она назвала это Наследием Венеры. Мы считаем, что Венера была ее спутницей на корабле. Со времени первых Спикеров документ считался еретическим. Его запирали под замок, копировали, уничтожали, сжигали, подделывали... мы подозреваем, что остались только фрагменты. Но даже они при тщательном исследовании могут служить доказательством.

- По крайней мере, к удовольствию полярков...

- ...что этот мир реален. Это не модель. И что люди прибыли сюда откуда-то еще.

- Я считала полярков людьми рациональными.

- Приходится ими быть. По нашему мнению, тот факт, что нам приходится зарабатывать на жизнь, трудясь в шахтах, делает нас более глубокими природными философами, чем вас, фермеров. Мы и астрономы тоже: отсюда редко видишь звезды меньшие, чем эта. Хотелось бы верить, что мы заново открыли науку.

- И все же вы миритесь с авторитетом такой давно усопшей и полумифической фигуры, как Хелен Грей.

Трипп рассерженно оттолкнула документы.

- Не только это, женщина. Всякий, кто пристально оглядит мир, где мы живем, увидит, что люди этому миру не принадлежат. Пойми, Мариам, здесь целые слои жизни, один на другом. И такие же противоречивые, как масло и вода. Мы - люди. Наши деревья, трава, коровы и овцы появились позже. До нашего прихода у вас были тракторы и туннельные кроты, зеркальные птицы и животные, которых, похоже, изобрели для выполнения определенных работ. А слизь - вроде бы бактериальная форма жизни, истинный уроженец этой планеты.

И под всем тем, что вы называете Основанием, могут отыскаться реликты, которые окажутся древнее, чем сама жизнь, во всяком случае те виды жизни, которые нам известны. Тракторы - и даже здешняя слизь - похожи на виды нашей жизни, зависящей от углерода, воды и азота. Но мы не способны есть тракторов, а тракторы не способны питаться слизью - один этот факт доказывает, что мы разные, даже если произошли из одного корня. И в связи с этим у нас появились кое-какие интересные идеи.

Мариам попыталась спровоцировать ее:

- Спикеры утверждают, что здания Основания - элементы гигантской Сим-Камеры, породившей мир.

- Чушь! Это явные реликты какой-то культуры, существовавшей задолго до появления людей. И все же они были притянуты к тому же центральному местоположению, как и мы, поскольку геометрия планеты не изменилась. Именно об этом я и пришла поговорить. У нас к вам другое предложение.

Мариам стало немного не по себе. Интересно, о чем она?

Трипп выбрала яблоко из вазы.

- Орбита Земли-3 находится близко к Звезде, которая, по словам Хелен, не только маленькая, но и холодная по сравнению с большинством звезд на небе.

Она сжала кулак, очевидно, изобразив звезду, и медленно пустила яблоко по его орбите.

- Эта планета вращается таким образом, что одно полушарие всегда повернуто к Звезде.

- Это элементарно.

- Да. Но благодаря этому факту наш мир наделен определенным количеством уникальных мест. Прямо здесь - субзвездная точка. Полюса нашего мира имеют оси, вокруг которых вращается планета, даже если вращение замкнуто, или по крайней мере ось имеет наш Северный полюс, потому что Южный представляет собой океан. Экватор - особенно точки на Терминаторе, восточная и западная, - находится между тьмой и светом.

Все эти места посещали строители Основания, привлеченные их местоположением. В документах Хелен имеются упоминания о зданиях, которые наблюдали строители как в разных геометрических точках рядом с планетой, так и на ней: местах орбитальной стабильности.

И они построили все это очень-очень давно. Можно определить это по слоям камня, сформировавшимся над некоторыми постройками. Возможно, даже миллиард Великих лет назад.

Пытаясь вернуть собеседницу к теме разговора, Мариам взяла у нее яблоко и надкусила:

- Оригинальная теория. Так в чем заключается ваше предложение?

Трипп улыбнулась:

- До сих пор я опускала один пункт в списке важнейших мест нашей статичной маленькой системы.

- Какой же именно?

- Эта точка называется Антистеллар. И находится точно напротив Нэйвла, Субстеллара. На другой стороне мира. В самом центре Темной стороны.

- Там нет ничего, кроме льда.

- Может быть. Мы ничего не знаем о нем. Если не считать кратких упоминаний в записях Хелен, которые многие отказываются считать аутентичными. - Трипп подалась вперед: - Но ведь строители Основания наверняка там побывали. И что-то там построили. Возможно, мы, поляры, вгрызающиеся в чрево земли, сможем понять, что именно. И даже использовать. Кто знает, что нового мы откроем о мире и о себе. И, конечно, лучше, чтобы мы добрались туда раньше Спикеров.

Мариам вскинула брови:

- Так вот что вы задумали? Нечто вроде путешествия на Антистеллар? Но это невозможно. Таких суровых холодов нет ни в одной точке Темной стороны.

- В этом Великом году далеко к югу произошло сильное извержение вулкана.

- Знаю. Мы сами слышали. Половина пепла и пыли планеты накрыла порт Уилсон.

- Извержение могло привести к глобальному потеплению воздуха. Потому предстоящая экспедиция, возможно, будет самой успешной за много Великих лет.

- И вы просите у нас помощи? Но какой? Деньгами, людьми, кораблями?

- Всем перечисленным. И ты понимаешь, почему мы хотим избежать участия Спикеров? Особенно, если что-то найдем на Антистелларе.

- Вы будете владеть священным местом - веское основание, чтобы оспорить их гегемонию, - выпалила Мариам, но тут же осеклась, вспомнив об опасности подслушивания.

- Значит, вы проникли в суть? Это всего лишь набросок плана, но вы, уроженцы Уилсона, все авантюристы.

- Нам часто приклеивают ярлыки и похуже.

- Вы нередко ведете себя похуже. Если кто-то и способен этого добиться - это только вы. Вместе с нами.

- Лесть тут не поможет.

- В таком случае что поможет?

- Время.

Мариам уронила на стол надкушенное яблоко и встала:

- Дай же и мне время подумать.

- Прекрасно.

Трипп поднялась и отряхнула пальто:

- Мне пора. Увидимся на открытии Глаза в конце Конференции. Возможно, нам удастся еще поговорить...

- Посмотрим.

После ухода гости Мариам повернулась к окну и рассеянно взглянула на город. Стало немного темнее: облака быстро сгущались, и в воздухе стояла серая дымка вулканической пыли. И все же Звезда, как всегда,

висела прямо над головой. Посмотрев на ее огромный лик, проглядывающий сквозь тучи, Мариам вдруг поняла, что он испещрен пятнами, как шрамами от долгой болезни, а плоть то и дело поражается электрическими вспышками, похожими на молнии.

Идеи Трипп не выходили у нее из головы. Мысль о том, чтобы пересечь Терминатор и пройти сквозь темноту к точному антиподу места, где она сейчас находится, была интригующей, хотя и пугала. Каково это - находиться в противоположной стороне от единственного источника тепла и света?

Но снизу, от города, донеслись отдаленные крики, тревожный звон колокола и треск, очень похожий на выстрел: порох, конечно, привозился с Полюса.

Мариам вернулась мыслями к более обыденным темам политики, торговли, власти и влияния. До открытия Глаза ожидался еще один раунд переговоров: церемония, которая завершит официальную часть Налоговой конференции.

«А Брод по-прежнему не появлялся», - напомнила она себе.

Ее сын и девушка-Сапфир.

Оставалось надеяться, что это всего лишь совпадение.

Она покачала головой и отправилась умыться и переодеться. Готовиться к последнему заседанию.

III

Ударили колокола, возвещавшие о конце смены. Налоговая конференция закончилась.

Элиос, Главный Спикер, вывел помощников и старших делегатов Конференции из Десятого Храма, где проходила встреча, и стал подниматься по широкой церемониальной лестнице, высеченной из розового базальта. Лестница вела на крышу здания, которое, как большинство грандиозных построек острова, примыкало к гигантской колонне Основания, венчавшейся Глазом.

Остальные следовали за ним молча и лишь иногда тихо переговаривались.

Мариам с растущей тревогой шла среди остальных, надеясь, что никто, кроме нее, не заметил ярко-красного платка, валявшегося у лестницы. Платок принадлежал ее сыну Броду, отсутствовавшему в продолжение всей смены... вместе с Валой, дочерью Спикера.

Они вышли на крышу. Пересекли резную платформу и очутились на центральной башне - сооружении в несколько длин человеческого роста, выстроенном вручную из базальтовых блоков, баюкавших загадочную башню Основания, известную как Глаз. Над ней поднимался дым сразу от нескольких костров.

У башни выстроилась очередь из важных лиц в роскошных одеяниях: все торопились взобраться по лестницам-кольцам, вбитым в стену. Почти ни у кого не возникло с этим трудностей.

- Добрая, крепкая полярная сталь, - пробормотала Трипп, обращаясь к Мариам. - И добрый, сильный народ. Мы стойкое племя, как тебе известно. Хелен Грей говорит, что все мы весим здесь больше, чем там, откуда прибыли. И с годами и поколениями мы стали приземистыми и коренастыми.

Мариам подобные разговоры раздражали.

- Как может человек весить больше или меньше в зависимости от того места, где находится? Иногда я задаюсь вопросом, действительно ли вы способны отличить мифы от какого-то подобия реальности!

Трипп только рассмеялась.

Дождавшись своей очереди, Мариам легко поднялась по лестнице на верх стены вслед за сановниками, собравшимися со всех концов планеты. Оказалось, что дым выходил из горшков с кипящим маслом, за которыми следили одетые в черное прислужники. Дым темным облаком висел над Глазом, закрывая его от висевшей в небе Звезды.

А сам Глаз впервые открылся полностью. Очищенный от жирной слизи, он блестел - вогнутое зеркальное блюдо, сверкающее, совершенное и, если верить Трипп, невероятно древнее.

Элиос, высокий, с чисто выбритой головой, поднялся на возвышение, устроенное у круглой стены. Его помощники встали на равном расстоянии друг от друга. Дальше растянулся ряд слуг Спикерства. Среди них стояли и Сапфиры - посвященные храму девы, прекрасные в своих белоснежных одеяниях, словно излучающие сияние. Рядом с каждой красовалась клетка с птицами, крылья которых переливались при малейшем взмахе.

- Зеркальные птицы, - пробормотала Трипп. - Еще один дар Полюса...

Но Мариам, не обращая внимания, пересчитывала Сапфиров. Одиннадцать. А должно быть двенадцать.

Она заметила оставшуюся без хозяйки клетку и неловко переглядывавшихся чиновников. Они явно нервничали. Потому что пропавшей девушкой была Вала. И отсутствовала она ровно столько, сколько и ее сын. Мариам начала всерьез волноваться.

Элиос продолжал свою речь. Голос его разносился над полированной поверхностью Глаза.

- Я, Элиос, сын Элиоса, Главного Спикера, и сорок второй Спикер, занимающий Креслолевой Руки, приветствую вас в этом месте. Как вам известно, мы проводим Налоговую конференцию каждый Великий год, содержащий двадцать четыре года Земли-3, измеренных астрономами, что соответствует циклам Дежурств Контролеров, наблюдающих за Моделированием, защищающим и поддерживающим всех нас. И сейчас в ожидании нового Великого года смоделированной

жизни, дарованной нам, давайте вознесем благодарения и позволим Глазу Контролеров открыться!

Резким, рубящим движением он опустил руку.

Прислужники залили огни водой из ведер, и дым стал постепенно рассеиваться. Девушки-Сапфиры открыли клетки, и птицы взмыли в воздух, сверкая крыльями. Остатки дыма беспокоили их, и они с тихим воркованием то поднимались выше, то ныряли вниз.

И тут началась какая-то суматоха. Среди собравшихся пронесся шепоток.

- С дороги! С дороги, кретин!

- Килли, - пробормотала Трипп. - Похоже, он сильно обозлен.

Мариам увидела, как сын Элиоса подошел к отцу. И повернулся: широкоплечий, сильный мужчина в черном. Массивные кулаки сжаты, лицо искажено гримасой ярости.

- Удрала! Она удрала! Вала - он увез ее на своем корабле в Уилсон, щенок проклятый! Украл! Мариам, мать Брода, где ты? Придется кое-что объяснить!

Трипп проворно втянула Мариам в гущу толпы.

- Лучше пока не показываться на глаза.

Дым окончательно рассеялся, и бледный розоватый свет Звезды лучами потянулся к Глазу, абсолютно вертикальному и сверкающему в мутноватом воздухе. Каждый раз, дотягиваясь до зеркала, лучи идеально фокусировались, высоко взмывая над людскими головами.

- Должно быть, зеркало параболическое, - размышляла Трипп. - Это моя четвертая Конференция, но впервые я была приглашена... что за зрелище?

Отклонившись назад, она подняла голову и ахнула:

- О, смотрите! Там, в небе!

Прищурившись, Мариам разглядела нечто вроде темной тени на широкой поверхности Звезды. Тень переливалась волнообразными, явно искусственно созданными узорами.

- Еще одно Основание! - воскликнула Трипп. - Говорила же я, что Хелен и остальные видели орбитальные сооружения. Возможно, они где-то там, наверху, и управляются этим Глазом. Но для чего они...

Зеркальные птицы, трепеща крыльями и воркуя, летели на свет, к отраженным лучам. Одна за другой они достигали заветной цели, влетали в ослепительное сияние и сгорали во вспышках пламени.

IV

Трипп нашла Брода в окрестностях Уилсона, где тот вспахивал вершину холма. Прошла почти половина Великого года после скандала на последней Налоговой конференции в Нэйвле, и почти столько же с

тех пор, как союзники Спикеров осадили порт Уилсон, развязав войну из-за того, что Брод умыкнул Валу-Сапфир.

- Никакого похищения не было, - заявил он и, выпрямившись, вытер пот со лба, хотя, по мнению Трипп, погода стояла прохладная.

Он был одним из десятков мужчин и женщин, работавших мотыгами и самодельными плугами на этом импровизированном поле. Найти Брода оказалось нелегко - как и остальные, он был с головы до ног покрыт грязью.

- Она хотела этого не меньше меня. А может, и больше. И неважно, что там утверждают Главный Спикер или это отродье трактора - Килли. Иногда я думаю...

- Что именно? - перебила Трипп.

По возрасту она была ближе к Мариам, чем к ее сыну. И явно забавлялась, наблюдая, как здоровый, сильный юноша-солдат вынужден трудиться на поле и при этом так очевидно сконфужен и озадачен происходящим и с ним, и с его страной.

- Ну, и что же ты думаешь, Брод?

- Иногда я думаю: все это время она знала, что делает, и крутила мною, как хотела, - выдавил он, поморщившись. Красивое, хотя и чумазое лицо исказила гримаса сожаления. - Иногда мне кажется, она просто играла мной. Чтобы получить желаемое.

- И чего же она желала?

- Конечно, не быть Сапфиром. Не быть живым религиозным символом, полностью зависимым от отца и брата. Знаешь, им полагается хранить не только целомудрие, но и молчание - целый Великий год! Ты на ее месте не попробовала бы скрыться?

- Возможно... Значит, она получила то, чего добивалась?

- Да. А я получил это.

Он махнул рукой в сторону поля.

Они стояли на склоне холма, высоко над Уилсоном, и Трипп подумала, что вид, открывавшийся на море и часть суши с севера, поистине великолепен. В этом месте побережье было неровным и словно покрытым складками: следы древней тектонической деятельности. Холмы теснились близко друг к другу, уступая место высокой, обрывавшейся прямо в море скале. Здесь река Уилсон пробивала себе путь в море, а порт был выстроен в ее дельте, где глубокая природная гавань укреплялась волноломом. К востоку и западу вздымались скалы. Но даже там, на террасах, люди ухитрялись строить дома.

К югу лежало море, а где-то далеко за горизонтом был Нэйвл. Гигантская звезда висела над планетой, и ее лучи по-прежнему имели слабый розоватый оттенок.

Отсюда просматривались корабли священной армады, стоявшие в гавани большой дугой и полностью блокировавшие всю торговлю, на

которой порт Уилсон делал деньги. Кроме того, они положили конец набегам и мелким стычкам - любимому занятию горячих голов. Стоило Трипп повернуться к северу, как в глаза бросался дым от костров осадившей город армии Килли.

Поразительным являлось то обстоятельство, что, хотя морскими и сухопутными силами командовали Элиос и Килли, Спикеры не несли никаких расходов по снабжению и содержанию войск. Война велась союзниками Спикеров, которым были обещаны награда от Сим-Контролеров, снижение десятины и, возможно, позволение разграбить город, а также долгосрочные коммерческие льготы.

И посреди всего этого хаоса оказывался Брод, причина всех бед. Сейчас он стоял, устало опираясь о мотыгу.

- Значит, осада уже сказывается, - заметила Трипп.

- Как видишь. Мы всегда импортировали большую часть продуктов. Спикеры положили этому конец. Вот мы и пытаемся вырастить картофель на этом бесплодном холме. Нам даже не хватает тракторов, приходится работать самим. А лошадей реквизируют для нужд армии.

- И потому ты здесь гнешь спину.

- Я больше времени гоняюсь за кроликами, чем пашу землю. Тот Дизайнер, что послал в мир этих маленьких ублюдков, заслуживает хорошего пинка.

Юноша с несчастным видом снова отер пот со лба.

- Мать говорит, что самые знатные семьи должны подавать пример.

Трипп нарочито внимательно огляделась.

- Однако Валы я что-то не вижу.

Брод насупил брови и отвернулся.

- Что же, - заметила Трипп, - может, пролито достаточно крови? А разрушения, вызванные этой войной, причинили немало вреда даже нейтралам. Большая часть нашей торговли ведется через Уилсон. Конечно, есть другие порты, другие торговые пути, но...

- Поэтому мать просила тебя приехать и попытаться начать переговоры?

- И потому я потратила целое состояние на подкуп и взятки, пробиваясь через кордон Килли. Пойду в город, узнаю, что скажет твоя мать.

Она поплотнее закуталась в плащ.

- Но, Брод, они могут потребовать отдать Валу. Ведь война развязана именно из-за нее.

- Я не отдам Валу, - сурово ответил он, но его лицо тут же смягчилось.

- И кроме того, она, возможно, сама не пойдет.

Отвернувшись, он снова взялся за работу.

V

- О, Трипп, конечно, она с самого начала все держала под контролем. У Мариам были прекрасные апартаменты на карнизе, врезанном в скалу, и соединенные крутой каменной лестницей с галереями и другими апартаментами. Витражные окна пропускали свет Звезды и выходили на гавань, но квартира располагалась достаточно далеко, чтобы, даже когда окна были открыты, любой шум превращался в неясный шорох. Впрочем, гавань теперь никто не Назвал бы чересчур оживленным местом. Корабли сгрудились с внутренней стороны волнолома. Но многие, очевидно, застряли там на долгое время. На палубах ни души. Команды распустили, трюмы опустошили. Некоторые суда немилосердно ободрали для нужд голодающего порта. Паруса пошли на одежду. Примитивные паровые двигатели использовались в сельском хозяйстве и армии. Даже деревянные палубы и мачты разобрали на топливо.

Наблюдая картину разрухи, Мариам терпеливо поливала цветы и говорила о Вале.

- Она всегда знала, чего добивается. Я поняла это в первую нашу встречу. Брод «похитил» ее, и мы попали в ужасную ситуацию. Элиос плевался огнем, Килли ревел, как бешеный бык. Брод, очевидно, был без ума от нее, таким и остался. Думаю, ее тоже влечет к нему. Возможно, это настоящая любовь.

Она мечтательно улыбнулась, провела рукой по коротко стриженным русым волосам и на минуту стала похожей на мать, а не на Старейшину города.

- Ты видела Брода. Разве его можно не любить? Но Вала уже половину Великого года попросту с ним играет. Вала - интриганка, манипулятор, умна, жестока и, очевидно, готова схватиться за любую возможность, чтобы избежать традиционной участи Сапфира.

- Она дочь своего отца, - философски заметила Трипп. - А мы на Полюсе говорим, что Элиос - самый крепкий орешек из всех, занимавших Креслолевой Руки на памяти у ныне живущих. Странно, если бы она не унаследовала его качеств.

- Поэтому она сбежала под защиту одного из самых могущественных государств. Под нашу защиту. Возможно, предвидела ярость отца и брата. Но вряд ли понимала, что станет причиной войны, вторжения Себы под знаменем Шаттла, осады, длящейся уже половину Великого года и приведшей к гибели сотен людей. И все из-за нее. Хотя дело, конечно, не в ней.

- Разве?

Мариам отставила лейку.

- Почему бы тебе не сесть, Трипп? Хочешь чаю?

Она хлопнула в ладоши.

- Иними наконец пальто.

- Уже сняла, - немного смутилась Трипп, неловко садясь на мягкий диван. - Мы, поляры, предпочитаем одеваться потеплее.

- Понятно.

Мальчик-слуга выслушал требование принести чаю и убежал.

- Боюсь, принесет настой сухой крапивы: введение ограничений привело к отказу от многих приятных вещей...

- Мы говорили о причинах войны.

- Совершенно верно, - вздохнула Мариам. - Видишь ли, Спикеры, очевидно, использовали «похищение» Валы как предлог для атаки с моря и суши. Чересчур резкая реакция на столь незначительный инцидент и к тому же вряд ли необходимая. Небольшого дипломатического и теологического давления было бы вполне достаточно, чтобы заставить большинство наших граждан отдать девушку.

Вернулся мальчик с кувшином чая и двумя чашками, поставил поднос на маленький столик и принялся разливать дымящийся напиток.

- Но, разумеется, у Спикеров иные цели. Они всегда старались ослабить мою власть, которая, по их мнению, угрожает их гегемонии. Мы, жители Уилсона, на протяжении всех последних поколений много трудились и теперь достигли того, что можем контролировать большую часть торговых сделок вдоль южного побережья Себы и между Себой и Нэйвлом. Конечно, наибольшую выгоду получают Спикеры, но и мы своего не упускаем. Поэтому мы представляем некую опасность для Спикеров, и они, возможно, давно ищут предлог дать нам по рукам. Под словом «давно» я подразумеваю века: теократы, сумевшие удержать власть на тысячу Великих лет, не могут не быть предусмотрительными и не обладать даром предвидения. Кстати, они сделали очень хитрый ход.

- Верно, заручившись поддержкой ваших врагов.

- Врагов, торговых партнеров... иногда трудно провести границу. Мы энергичная молодая нация, Трипп, и можем не церемониться с соседями. Конечно, им выгодно торговать с нами. Но если заодно приходится терпеть очередную нашу осаду или набег, волей-неволей затаишь обиду. И мой Брод угодил в самый центр арены политических игр и мстительных замыслов! Какую прекрасную возможность он с помощью и при содействии прекрасной Валы предложил этим морщинистым старикам, теснящимся вокруг Креслалевой Руки. Вот тебе и романтическая война, затеянная с целью спасения и мести. Но ирония в том, что в действительности Брод не виноват. Повторяю: Вала вовсе не была беспомощной девственницей, похищенной жестоким насильником.

Трипп кивнула и поднесла к губам чашку.

- И поэтому ты послала за мной?

- Да, и спасибо, что ты проделала такой путь. Подозреваю, у нас имеются общие интересы. Очевидно, мы хотим как-то уладить этот конфликт без дальнейшего ущерба для торговли и безопасности людей. А у вас свои планы на торговлю...

- Да, и если они не осуществляются, - напомнила Трипп, - мы будем попросту голодать, потому что рассчитываем на поставки продуктов из низких широт.

Мариам пристально изучала гостью. Под суровым взглядом Трипп почувствовала себя неловко.

- А ты, Трипп, как никто другой заинтересована в том, чтобы этот печальный инцидент был улажен.

- Я?

- Я не забыла твоих речей об экспедиции на Антистеллар. Полагаю, из-за войны проект отложен на неопределенный срок? Послушай, если сможешь нам уладить конфликт, мы, жители порта Уилсон, в свою очередь, поспособствуем достижению вашей цели. Материалы, продукты, тракторы, люди - все, что понадобится!

Трипп потерла щеку.

- Должна предупредить: большинство моих людей - из тех, кто постарше - не заинтересованы в путешествии к Антистеллару. Даже от нас этот путь неблизок. Придется пройти полмира.

- Но заинтересована ты, - отрезала Мариам. - И сидишь здесь тоже ты. Ты прекрасно умеешь вести переговоры. Предложи им сделку, особенно подчеркни, как сочувствуешь безутешным отцу и брату. Можешь пообещать наказание для Брода, возвращение Валы - все, что угодно. Если нам удастся разрешить главные проблемы, то дальнейшего конфликта можно будет избежать.

- Это может сработать, - кивнула Трипп.

- Думаю, стоит попытаться. Ради нас всех.

За дверью послышались шаги. В комнату ворвалась Вала.

- Доброго полудня, Мариам.

Она обернулась к Трипп, которая поспешно поднялась.

- Вала, это Трипп, с полярной станции, - улыбнулась Мариам. - Уверена, ты встречала ее на прошлогодней Конференции.

На Вале были короткая юбка, блузка, туфли на низком каблуке. В руке - ракетка. Девушка любезно улыбнулась Трипп.

- Простите, не запомнила вашего лица, мадам. Столько событий!

Трипп великодушно кивнула. Но она не забыла лица Валы. Да и кто мог забыть? Ее тонкие черты: прямой нос, высокие скулы, ярко-рыжие волосы и поразительно голубые глаза, казалось, еще больше подчеркивались неярым косым светом Звезды, типичным для средних широт. Вала сильно похудела после долгой осады, как и остальные жители Уилсона. Правда, она всегда была стройной. Говорили, что большинство населения Земли-3 выросло коренастым и приземистым,

потому что сила притяжения планеты была куда больше, чем в мире, из которого происходило человечество. Но люди с более эстетическими вкусами, похоже, предпочитали изящно сложенных женщин.

Трипп поймала себя на том, что в упор смотрит на девушку, чье вполне понятное желание стать хозяйкой своей судьбы навлекло на город так много бед. Девушка едва не разбила сердце молодого человека, который сейчас трудился на склоне холма, пытаясь вырастить картофель.

Вала, очевидно, привыкшая к такому вниманию, улыбалась, и смущенная Трипп поспешно отвернулась.

- Я хотела поиграть в ракетки с Роко.

- Ее тренер, - пробормотала Мариам. - Но Брод придет на ужин.

- О, я вернусь задолго до этого, - беспечно отмахнулась Вала. - Пока, и рада была познакомиться, Трипп с Полюса.

Весело размахивая ракеткой, она выбежала в коридор.

- Бедный Брод! - вздохнула Мариам. - Не думаю, что она испытывает какие-то чувства к Роко. Но молодых людей влечет к ней, как зеркальных птиц - к свету.

- Она прекрасна, - пробормотала Трипп. - Неудивительно, что из-за нее так много неприятностей. Дело не только в ее красоте, но и в дружелюбии, открытости... Я сама не могла оторвать от нее глаз.

- Я заметила, - сурово молвила Мариам. - Забавные вы люди, полярны... Но, полагаю, ты хотела бы получить постель на следующую сонную смену. Обратный путь через заградительные кордоны будет нелегким. Особенно, если захочешь повидаться с Элиосом.

VI

Несмотря на лишения, связанные с осадой, везде, по крайней мере в границах Уилсона, поддерживался гражданский порядок, и, если верить словам Мариам, в городе все еще оставались те, кто мог жить, не зная особой нужды. Не говоря уже о Вале и ее ракетках!

А вот ситуация в осаждающей армии складывалась куда более серьезно. Порядка почти не было, если не считать подчинения стандартным военным командам. Кроме того, армейским подразделениям приходилось самим о себе заботиться. Поэтому окрестности Уилсона на много километров вокруг регулярно подвергались разграблению, и до самой долины Уилсона простиралась одна голая утоптанная земля, где когда-то росли колосья и паслись овцы.

Некоторые солдаты провели здесь всю осаду, жили в лагере, около канав, которые вырыли сами, отводя воду от реки, и носили

невероятно грязные, потерявшие первоначальный цвет мундиры. В небо поднимались столбы дыма от бесчисленных костров, и Трипп своими глазами видела крысиные скелеты и подозрительные куски мяса, жарившиеся на вертелах. Все это творилось под флагами Спикерства - уныло трепетавшими на ветру знаменами с изображением подобия жирной птицы со сложенными крыльями, черным животом и на колесах.

- Ничего не меняется, - пояснил лейтенант из Нью-Денвера, пробиравшийся вместе с Трипп через весь этот кошмар. Его назначили сопровождающим и телохранителем Трипп. - Смена за сменой. Звезда так и висит на небе, а мы сидим в грязи и выжидаем. Иногда идем на штурм стен, иногда нас атакуют жители Уилсона. А потом снова сидим и ждем.

Трипп, прищурившись, глянула в небо. Перед пятнистым ликом Звезды висело кружевное облако.

- Мы, люди, пришли из вращающегося мира, где солнце садится или поднимается. Я иногда задаюсь вопросом: может, в глубине подсознания мне этого не хватает?

- Кажется, я пробыл под этими стенами всю жизнь, - жалко пробубнил лейтенант.

Далее оба замолчали, предоставив лошадям самим выбирать дорогу.

Главный Спикер, естественно, жил не в грязи вместе со своими солдатами. В маленькой бухточке, рядом с главной гаванью Уилсона, уже ожидала шхуна, чтобы провезти Трипп через пикеты участвующих в блокаде кораблей до яхты Спикера - роскошного судна, выкрашенного в блестяще-белый цвет и стоявшего на почтительном расстоянии от гавани и в стороне от линии огня.

Капитан шхуны оказался говоруном и сплетником и всю дорогу развлекал Трипп историями о том, как из Нэйвла дважды в день прибывают корабли с провизией и какие взятки берут те, от кого зависит распределение этих благ.

Трипп, усталая и измученная утомительным путешествием, нагруженная рюкзаками с одеждой и товарами для торговли, почувствовала себя убогой замарашкой в августейшем присутствии Главного Спикера, предложившего ей присесть на диван и подождать. Сам он был облачен в безупречно белые одеяния и величественно принимал отчеты советников-министров, поочередно входивших в каюту. Сидевшей рядом адъютант записывал каждое слово и что-то бормотал на ухо хозяину.

Стул, на котором сидел Спикер, сам по себе казался необычным: не троноподобным, а очень простым и практичным. Металлическое основание было обтянуто парусиной и снабжено ремнями, которыми Спикер в любой момент мог пристегнуться.

Элиос заметил ее взгляд. Похоже, в потоке посетителей образовался

перерыв, и Спикер поманил Трипп к себе.

- Я заметил, вы изучаете стул.

- Верно. Не могла не задаться вопросом... Мы, поляры, привыкли считать себя инженерами.

- А не может это быть самим Кресломлевой Руки?

Трипп смело обошла трон, чем вызвала легкую тревогу у помощников Элиоса.

- Легкий, но надежный. Специальные ремни, чтобы удержать того, кто на нем сидит. Это стул с корабля. Но предназначенного для того, чтобы плыть по воздуху. Совсем как в легенде Падения на Землю.

Элиос хлопнул по металлической раме.

- Жаль, оригинал находится в хранилище, где-то глубоко под землей Нэйвла. Нельзя, как вы понимаете, рисковать таким сокровищем. Однако говорят, что это точная копия, и сама по себе насчитывает тысячи Великих лет. Но легенда?.. - В резком голосе отчетливо прозвучали издевательские интонации. - Или вы не истинно верующая, мадам Трипп?

- Я не теолог, Спикер.

- Да. Каждому из нас лучше придерживаться того, что мы знаем: такова ваша философия? Полагаю, если бы мы все ей следовали, мир стал бы куда менее беспокойным. Мои советники доложили, что вы приехали с миссией, порученной вам Старейшиной Мариам из Уилсона.

- И в своих интересах тоже, Спикер.

- Конечно, конечно.

Он уставился на ее рюкзак:

- И поэтому привезли подарки, не так ли?

- Никакой попытки подкупа, Спикер. Всего лишь образцы товаров для торговли.

Она открыла рюкзак, где лежали изделия из закаленной стали, сверкающие стекла, новый механизм мушкетного курка и какое-то устройство в коробке, работавшее с применением доселе неизвестных свойств фотомха.

Спикер все тщательно исследовал и отдал советникам. Его заинтриговал фотомох. После облучения звездным светом его можно было запирать в коробке, и маленькое металлическое колесико, прикрепленное с внешней стороны, начинало вертеться.

- Это, конечно, всего лишь игрушка, - пояснила Трипп, - однако она красноречиво иллюстрирует основной принцип. Спикер, мы считаем, что фотомох - искусственно созданный организм. Хотя бы потому, что его свойства идут на пользу в основном потребителю. В этом он сходен с трактором, который с радостью роет каналы и рвы не для себя, а для того, кто этого требует. Мы считаем, что есть еще один сорт мха, предназначенный для вытяжки соли из морской воды.

Зеркальные птицы изобретены для того, чтобы рассеивать свет во тьме...

- Я, разумеется, знаком с этой идеей, - кивнул Спикер. - Животных создавали в помощь давно исчезнувшим людям.

- Таким же разумным. Да, именно так мы считаем. Они ушли или вымерли. С тех пор различные создания, эволюционировавшие по сравнению с исходными формами, все еще сохраняют следы прежних технологий, которые мы сейчас используем.

- Или они были созданы именно такими, - возразил Спикер. - Созданы теми, кто сделал этот мир. Правда, нам, бедным аватарам, еще предстоит определить цель этого деяния.

- Что ж, и такое возможно, - кивнула Трипп и заметила легчайшую улыбку, приподнявшую уголки его губ. Она поняла: теология значения не имеет. Сейчас они говорят о деле, ради которого она здесь.

- Что касается фотомха, - заговорил Спикер, - он явно поглощает энергию звездного света, но в отличие от наших травы и деревьев, а заодно и слизи, не использует большую часть этой энергии, чтобы стимулировать собственный рост. Вместо этого он испускает сияние, и мы употребляем его для освещения темных комнат.

- Но можно найти и другие способы применения.

Трипп открыла деревянную коробку и показала Спикеру сетку электродов вокруг пучка мха и маленький электромотор.

- Можно использовать поток этой энергии для работы двигателя. Уверена, если мы сумеем увеличить модель, вы сами увидите, какие в ней кроются возможности. Например, для создания надежных и дешевых двигателей, чтобы выполнять различные работы: копать канавы, строить дворцы, водить тележки без лошадей.

Советники восторженно ахнули.

- Или военные машины, - добавил по-прежнему улыбающийся Элиос.

- Но, полагаю, до подобных чудес еще далеко.

Трипп пожалала плечами:

- Я здесь, чтобы попросить вас финансировать разработку этих изобретений. И надеюсь, вы приобретете готовые модели.

Элиос небрежно отмахнулся от коробки с фотомхом, препоручая советнику.

- Полагаю, все это предисловие к переговорам, касающимся войны. Может, перейдем к сути вашей миссии, мадам Трипп?

Трипп снова села на диван.

- Вы не ошиблись. Старейшина Мариам просила меня поговорить с вами. Думаю, она надеялась, что голос нейтральной стороны, человека относительно незаинтересованного, поможет найти компромисс. Я не отрицаю, что в наших интересах погасить конфликт. Блокада жизненно важного торгового канала душит мировую торговлю.

- Да-да. И, полагаю, вам поручено предложить вернуть мою дочь.

Верно? И даже выдать этого шута Брода, который и послужил причиной всех неприятностей.

- По крайней мере, передать обещание наказать его.

- Я уверен, что Мариам объяснила вам пункт за пунктом, в своей занудливой манере, каким образом влюбленные дети стали единственной причиной этого конфликта.

Трипп изобразила улыбку.

- Вообще-то она употребила слово «предлог».

- Ха! Вполне в ее стиле. И вы согласились вести переговоры об улаживании конфликта, имеющего в своей основе весьма многообразные цели - политические, экономические и даже стратегические. Как по-вашему, почему она сделала посланницей мира именно вас? Вы размышляли на эту тему, поляр?

Трипп оскорбленно выпрямилась:

- Продолжайте, Спикер.

Элиос принялся загибать пальцы:

- Вы, жители Полюса, старые противники Нэйвла, учитывая ваше божественное расположение. Даже вы, атеисты, должны понимать это стратегическое преимущество. Полагаю, когда-нибудь вас придется призвать к порядку. Но пока нам выгоден ваш нейтралитет. И, конечно, мы нуждаемся в ваших стали и порохе. На это и рассчитывала Мариам.

Он откинулся на спинку сиденья, свирепо сведя выщипанные и выкрашенные брови, а затем перешел к следующему пункту:

- Каковы же предложения Мариам? Она велела вам заключить сделку с учетом главной причины войны: Брода и Валы. И если наши низколобые союзники услышат его, а они услышат - Мариам об этом позаботится, - тогда я не смогу с честью отказать вам. Потому что в этом случае союзники попросту разбегутся. Понимаете, они считают, что сражаются за мою фамильную честь, за святость религии. Считают, что это война героев и воинов и так далее, что дело не в гегемонии и не в стремлении сломить власть зарвавшейся правительницы. И если убрать флер лжи, они либо не поймут нашей геополитики, либо будут ею возмущены. В любом случае нам придется отступить. И Мариам победит.

Трипп молчала, обдумывая слова Спикера.

- Знаете, вообще-то я инженер. И не привыкла рассуждать в таком ключе. Ход ваших мыслей вызывает во мне ощущение собственной...

- ...наивности?

- Наверное... Но дело в том, Спикер, что предложение вернуть Валу уже прозвучало. Так что вы собираетесь предпринять?

Трипп вдруг обнаружила, что с некоторым интересом ждет ответа Элиоса.

Но ответа она так и не услышала, потому что в комнату ворвался

гонiec с известием о том, что сын Элиоса - Килли, устав от бесконечной осады, взял дело в собственные руки.

Элиос с белым от гнева лицом поспешил к выходу. Трипп понадобилось некоторое время, чтобы найти того, кто согласился бы благополучно вывести ее с яхты и доставить на берег.

VII

- Брод! Брод, сын Мариам! Я - Килли, сын Элиоса! Выходи на поединок! Брод, ты трус, похититель и насильник, и я отомщу за свою сестру!

...Покинув шхуну, Трипп увидела своего терпеливого провожатого, офицера из Нью-Денвера, который и провел ее назад, через лагерь осаждающей армии. Вопли Килли были слышны еще с пристани. Один, вооруженный только мечом и копьем, он слонялся под стенами Уилсона и орал оскорбления, вызывая Брода на бой.

Трипп покачала головой:

- Поверить невозможно! Один воин вызывает другого на поединок? Неужели мы дошли до такого?

Но вызов Килли взбудоражил весь лагерь. До Трипп донеслись одобрителный рев, клацанье копий и мушкетных прикладов о щиты.

- Что же, хороший способ положить всему этому конец, - заметил офицер. - Кстати, мадам Трипп, тут есть пара торговцев, которые хотят с вами потолковать.

- Торговцев?

- Из Холл-Сити. Утверждают, что знают вас.

Он показал на маленький продуктовый склад, где ожидали лошади, возле которых стояли два незнакомца, одетых в тяжелые, длинные плащи. Офицер протянул руку:

- Был рад познакомиться, мадам. Благополучного вам пути.

- Спасибо, лейтенант, - нерешительно покачала головой Трипп.

Подхватив рюкзак и сумку, она настороженно подошла к незнакомцам. Даже оказавшись совсем близко, она не смогла разглядеть их лиц под громоздкими капюшонами.

- Итак, вы из Холл-Сити?

- Конечно, нет, - прошипел тот, что повыше, и откинул капюшон ровно настолько, чтобы Трипп успела увидеть его лицо.

- Брод. И Вала, полагаю. Что происходит?

- Мать собирается выдать Валу отцу. И меня вместе с ней. Вот это и происходит. И ты прекрасно это знаешь, Трипп, поскольку сегодня побывала на яхте Спикера, чтобы заключить сделку.

- Я хотела остановить кровопролитие.

- Могла бы сказать мне.

- Очевидно, твои собственные шпионы не дремлют. А как насчет Килли?

- При чем тут Килли?

- Не собираешься ответить на его вызов?

- Шутишь? Я мог бы прикончить это отродье трактора, но его спутники разорвут меня на части. Нет, мэм, Килли может подождать.

- А я, - добавила Вала из-под прикрытия собственного плаща, - не вернусь в Нэйвл. Быть Сапфиром - довольно унылое занятие. Но стать обесчещенным Сапфиром и вернуться домой с позором - это не по мне.

- И что теперь? Чего вы хотите от меня?

- Мы едем с тобой, - просто ответил Брод. - Нам здесь делать нечего. Мы начнем новую жизнь на Полюсе.

Вот так просто?

- Ты нам обязана, Трипп, - веско заявила Вала.

- Ничем я вам не обязана, - отрезала Трипп. - И кроме того, вы забыли о преследовании? В Уилсоне наверняка полно шпионов твоего отца, а братец явно не из тех, кто легко сдается.

- Разберемся, когда настанет час, - заверил Брод.

- Да неужели? Ты и до сих пор прекрасно со всем разбирался. Не так ли? А как насчет самого путешествия? Мечтаешь о Полюсе, я не ослышалась? Да знаешь ли ты...

- Брод! Брод, сын Мариам! Выходи, чтобы я смог удавить тебя твоими же кишками...

- Терпение у парня на исходе, - заметил Брод и, отвязав лошадей, вскочил на ту, которая выглядела самой сильной.

- Ну что, вперед?

Вала усмехнулась и легко взлетела в седло.

Трипп мрачно, но спокойно смирившись с тем фактом, что дети понятия не имеют, во что ввязываются, взобралась на свою лошадь и повернула на север.

- Брод! Брод!..

VIII

На этой, первой смене лошадей им предстояло проехать только пятьдесят километров. Так сказала Трипп. После чего они найдут способ путешествия, более подходящий для долгого пути, который насчитывал не менее двенадцати тысяч километров. До самого Полюса.

В эти первые часы Брод был невероятно возбужден. Как же, он мчится по широкой дороге в неизведанные места, бок о бок с прекрасной девушкой и преследуемый разъяренным врагом.

- Мы делаем историю! - кричал он. - И последующие поколения будут из уст в уста передавать эту легенду!

Вала звонко смеялась. Но через некоторое время отстала и решила держаться рядом с Трипп, которая вела лошадь неспешной рысью, и вскоре Броду пришлось тоже придержать коня.

Трипп похвалила его благоразумие.

- У лошадей, должно быть, сохранились заложенные природой воспоминания о том мире, где их прабабушки были легконогими и стройными. Они всегда готовы пуститься галопом, если дать им волю. Но лучше подходят для спокойной, равномерной рыси. Если загнать их, сердце не выдержит, и они переломают свои длинные, тонкие ноги.

После такого мудрого совета Брод не находил себе места. Благоразумие?

Не в его натуре беречь лошадей. И не этого он ожидал от путешествия, которое представлял как напряженную погоню и схватку с Килли и его воинами.

Но Вала обескуражила его, необычайно быстро приспособившись к особенностям верховой езды. И даже вроде бы заинтересовалась болтовней Трипп об истории лошадей.

- Удивительно, что лошади, как и люди, могли быть привезены сюда откуда-то еще. Да и овцы с коровами, свиньи, куры...

- Верно. Вместе с травами, пшеницей и фруктовыми деревьями: все, что можно есть, привезено сюда на корабле Хелен Грей, поскольку слизь или тракторов есть нельзя.

- Вполне могу представить, как привозят ящик семян травы. Но как можно доставить лошадь? Я видела, сколько труда стоит переправить коня на пароме. А это всего несколько километров по морю. Отец говорит: это доказательство того, что мы живем в Сим-Реальности. Потому что на космическом корабле никогда не перевезешь лошадь.

Трипп пожала плечами:

- Мы слишком много не знаем о нашем происхождении. Знали бы больше, если бы твой отец и его предшественники не уничтожали любое доказательство или документ об этом давнем космическом путешествии. Наверняка живую лошадь можно везти в замороженном виде, как мясо. Или вынуть из матки в виде зародыша и переправлять таким образом.

Она хлопнула кобылу по холке.

- Но если эта кляча действительно аватар, почему она не приспособлена для этого мира намного удачнее?

- Вы, наверное, думаете, что и людям не мешало бы быть лучше приспособленными к жизни здесь.

- В общем, да. В этом случае здесь наверняка оказались бы места, где мы могли бы ходить голыми.

Вала покраснела. А вот Брод впервые за время пути явно

заинтересовался:

- Голыми?

- Естественно. Скорее всего, на экваторе, а возможно, и в Субстелларе. Таскаем на себе груз этих одежд... Ну почему мы не предназначены для того, чтобы гулять обнаженными, подобно животным?

Брод оглушительно расхохотался.

- Представляешь, Вала?! Если бы Элиос и Килли расхаживали по Нэйвлу нагие, как младенцы, они наверняка не выглядели бы столь впечатляюще.

- Как и ты, - парировала девушка и пустила лошадь вперед.

Но он сразу понял, что Вала его дразнит, и на сердце стало теплее.

После первых пятидесяти километров Трипп велела свернуть с главной северной дороги, которая даже на таком расстоянии от Уилсона все-таки еще была металлизированной, и провела своих спутников километра два по тропе до стоянки путешественников с маленькой гостиницей и большой конюшней.

- Великолепно! - воскликнула Вала, спрыгнув с лошади. - Ванна, смена одежды и хороший обед.

- Но мы не можем останавливаться, - возразил Брод, оглядываясь.

- Брод прав, - согласилась Трипп, медленно сползая с лошади и направляясь к убогому домишке. - Здесь мы сменим транспорт и поспешим дальше.

Вала надулась. Брод видел ее в гневе и знал, насколько это грозное оружие. Но подруга быстро оживилась, узнав, как они будут путешествовать дальше.

По пути в порт Уилсон Трипп оставила здесь соотечественника по имени Астив Пеллт, еще одного поляра. Старше Трипп, ниже ростом, он казался еще толще в своих многочисленных плащах. Он выглядел ужасно свирепым, пока не улыбался, открывая ряды обесцвеченных зубов. И назвался кузеном Трипп.

- Впрочем, все мы кузены, - добавил он, ухмыляясь. - Наша страна не слишком велика. У всех нас много мужей, жен, двоюродных и троюродных братьев...

Астив привел две повозки, крытые брезентом на меховой подкладке, и три упряжки лошадей.

- Мой зад не выдержит двенадцати тысяч километров в седле, даже если ваш на это способен, - пояснила Трипп. - И мы тяготеем к излишествам. Мы можем потерять целую упряжку - у нас есть лишняя. Астив запасся едой: все мы на Полюсе стали мастерами сушки, засолки и других методов хранения. И в пути мы можем собрать необходимую нам воду. У нас полно пальто, сапог, шапок и одеял. Две смены едем - на третью отдыхаем. Лошадям тоже нужно выспаться. А мы будем спать во время смен - по очереди. Двое спят, двое правят

повозками.

Брод, стараясь выглядеть так, будто знает, что делает, обошел фургоны, проверяя обитые железом колеса и кожаную сбрую. Он больше разбирался в кораблях, чем в наземном транспорте, но мог определить, когда что-то сделано на совесть. И сейчас явно впечатлился умелой подготовкой и очевидной компетентностью полярников.

А вот Вала казалась слегка разочарованной.

- Я была почти уверена, что мы помчимся в какой-нибудь волшебной колеснице, управляемой фотомхом или чем-то в этом роде. Как та безделушка, которую ты дала отцу. И сколько времени нам понадобится, чтобы добраться до места?

Астив пожал плечами:

- Триста смен. Может, немного больше.

- Триста? - ахнула Вала. - Но это двадцать малых лет!

- Что поделаешь, у нас огромный мир, и нам придется пересечь большую его часть.

К повозкам были прикреплены простые песочные часы. Трипп перевернула одни.

- Мы ждем ровно час, - предупредила она. - Идите мойтесь, ешьте, облегчайтесь, все что угодно. Но через час мы уедем, с вами или без вас.

Ландшафт был однообразным: неровная местность, усеянная выветренными холмами, клочками травы и леса, а также широкими озерами слизи, черной, как внутренняя сторона век Брода. Изредка встречались небольшие города, но путники останавливались там редко, разве что сменить лошадей. Все фермы теснились поближе к городам, хотя иногда попадались дикие лошади, скот и даже несколько тракторов, терпеливо прокладывающих борозды в несуществующих полях.

Трипп сказала, что континент Себа был самым большим на планете - огромным каменным щитом, покрывавшим четверть поверхности мира, хотя и рассеченным внутренними морями и озерами. И по мере того как проходили смена за сменой и все четверо привыкли к чередованию ролей - кучер, пассажир, спящий, - непостижимость и бесконечность этого мира начинали действовать на ограниченное воображение Брода.

К его досаде, он никогда не оставался наедине с Валой, да и сама мысль допустить нечто большее, чем легкий флирт, в присутствии приземистых крепких полярников казалась нелепой. Мало того, он начинал скучать по прежней жизни: своим друзьям, кораблям, приключениям, даже врагам. Конечно, он сделал благородный жест, отрекшись от всего, с чем вырос, и отправившись навстречу

неизвестному. Но при этом он и предположить не мог, каким испытанием для него станет отказ от привычного образа жизни. Из лидера он превратился в неопытного юнца, а иногда даже желал, чтобы Килли догнал их. Тогда он мог бы показать Вале, как ловок и отважен в битве.

Стало еще хуже, когда равнины, поросшие травой, и разбросанные повсюду рощицы сменились густым хвойным лесом, который постепенно делался все гуще. Дорога вилась между высоченными зелеными стенами. И Звезда, с каждой сменой спускавшаяся все ниже, посылала длинные лучи, плутовавшие меж тонких стволов. Трипп тихо пояснила, что здесь им может грозить новая опасность: собаки, кошки и даже давно одичавшие свиньи. Брод держал наготове саблю. Вала же оглядывалась вокруг с детским любопытством.

- Никогда еще не видела так много деревьев. Но почему их столько?

- Из-за широты, - ответила Трипп. Она вообще старалась говорить очень осторожно: уже в первых беседах выяснилось, что Вала, всю жизнь прожившая во дворцах Нэйвла, не совсем понимала, что мир, в котором они существуют, представляет собой шар.

- Здесь Звезда стоит довольно низко и дает нам меньше тепла. Эти деревья больше привыкли к холоду, чем кусты и травы нижних широт. Этот северный лес тянется через всю Себу, к востоку и западу, между равнинами, а также югу и северной тундре. И там, где в южном полушарии есть суша, вы можете видеть подобную растительность на равном расстоянии от Субстеллара. Если наблюдать мир из космоса, он немного похож на мишень лучника, с лентами растительности, окружающими всю местность Субстеллара и перемежаемыми только синими клочками океана.

Она даже набросала для Вала схему:

- Видишь? С любого места в этой ленте, обвивающей шар, Звезду будет видно на одной и той же высоте. И вся эта лента покрыта одинаковой растительностью.

- Как странно! - удивилась Вала. - И как прекрасно! А впереди еще много нового. И тундра, о которой ты говорила?

- О да, - улыбнулась Трипп, - и еще куча чудес.

Вала улыбнулась в ответ. А Брод раздраженно поморщился. Похоже, у этих двоих развиваются некие отношения: прилежный ученик и терпеливый учитель.

Стало еще хуже, когда пошел снег.

IX

С первым серьезным сопротивлением священная армия встретила на южной опушке большого лесного массива.

В нескольких километрах к западу от главной, вымощенной стволами дороги, идущей от Уилсона, разведчики Килли нашли общину лесорубов. В течение многих поколений они прорубали просеку в мировом лесу и построили настоящий город из деревянных зданий, крытых торфом или мхом. Зеленый город был на удивление многолюдным, и население жило хорошо, питаясь мясом полудикого скота и зерном, которое выменивало на шерсть у фермеров долинного юга.

До путешествия на север Элиос почти ничего не знал об этом месте. Сопровождая сына в его масштабной военной авантюре, он получил возможность оценить размеры этого мира и все яснее и с чувством нарастающей неловкости осознал, какая малая его часть находится под контролем Спикерства. Хотя, конечно, протяженность мира служила оправданием их затянувшегося армейского похода.

Килли, по заведенному обычаю, высылал вперед старших офицеров, занятых снабжением армии и требующих лошадей, провизии и людей. Старейшины лесорубов, обескураженные такими требованиями, вежливо отказывали. Лесорубы были влиятельной силой в этом районе. Они сами привыкли ставить условия, а не выполнять чужие требования. Побеждать, а не проигрывать войны.

Поэтому Килли сжег город.

Священная армия раскинула лагерь немного в стороне от дороги, на редком в стране лесов клочке земли, поросшем травой.

Элиос сопровождал сына в коротком обходе, осторожно шагая по голой, утопанной земле, кивая солдатам, которые отдыхали и жаловались на еду и погоду.

Килли установил в этом походе строжайшую дисциплину. Если армия останавливалась, пусть даже на несколько смен, он приказывал сержантам организовывать бригады для рытья окопов, отхожих мест и сточных канав. Все это время над их головами трепетали священные знамена Шаттла. Только потом солдатам позволяли расставить палатки, развести костры и отправляться на охоту и добычу необходимых припасов.

Элиос остановился у маленького полевого госпиталя, где лечились раненые после набега на город лесорубов, и заверил умирающих, что смерть - это не конец, просто возвращение в застывшие модели мыслей в Великой Памяти Сим.

Потом Килли сидел с отцом на крылечке их собственной роскошной палатки за украденной у лесорубов бутылкой густого, темного пива. Пламя горящего города поднималось высоко к небу, которое даже днем не бывало таким светлым: здесь Звезда висела слишком низко. В воздухе стоял резкий запах смолы.

- Надеюсь, огонь не распространится по лесу. Мы поджарим полмира.

Килли поднес к губам горлышко бутылки и громко глотнул:

- Твои Дизайнеры, конечно, не позволят, чтобы их Сим был уничтожен каким-то пожаром.

Откровенный цинизм в отношении отцовской религии стал не слишком приятной стороной поразительной трансформации Килли после похищения сестры.

- Твоим людям лучше не слышать подобных замечаний. Эту солдатскую многонациональную орду, которая, заметь, находится под твоим командованием, объединяет только флаг Спикеров.

- Принято к сведению.

- И так ли обязательно было сжигать город? Нам нужны верующие, помнишь? Мертвые не платят десятины, сын.

- Мы почти никого не убили. Эти лесорубы на удивление хорошо дерутся. Силы оказались неравны, особенно, когда они посмели выйти в открытое поле. Соотношение было один к двум. Мы пустили в ход и пехоту, и кавалерию. Когда армия ворвалась в город, местные быстро сдались...

Покинув стены Уилсона, Килли создал мощное войско из разношерстных солдат, поставленных платившими десятину союзниками Спикеров. Сердце Элиоса радовал сын-герой, который, пройдя через осаду Уилсона и сквозь пламя собственного гнева, стал настоящим генералом. Он быстро заключил не слишком выгодное перемирие с Уилсоном. Сняв осаду, по совету опытных солдат он провел целых пятьдесят смен, готовясь к экспедиции: начиная с составления карт и заканчивая формированием войск в однородную военную структуру, с обучением тактике боя.

И наконец армия вышла в поход, приблизительно следуя маршруту Валы и Брода. Это был не поспешно организованный марш, а спланированное, продуманное вторжение в глубь Себы с целью консолидировать мощь Спикеров по всему континенту. Даже само наступление армии должно было вселять в население страх и трепет. Войска снабжались тем, что могли награть и отнять. Подобно алчным муравьям, они уничтожали на своем пути все, оставляя разоренную землю. А те, кто противился этому «освободительному» мародерству, жестоко карались.

Элиосу казалось, что Килли буквально торжествовал, встретив сопротивление лесорубов. Еще бы, ведь это было почти настоящее сражение - первое, с тех пор как его войска оставили Уилсон.

И теперь хорошо отработанной комбинацией быстрого марша, артиллерийских бомбардировок, кавалерийских рейдов и ударов решительно настроенной пехоты он быстро добился победы над лесорубами.

- В городе нам тоже оказали сопротивление, некоторые поджоги

оказались делом рук самих жителей. Но моим людям было приказано убивать только в крайнем случае. Поэтому мы выгнали всю ораву в лес, включая женщин и детей.

- Всех женщин, кроме тех, которых твои люди оставили себе, полагаю.

- Нужно же как-то наказать их, - пожал плечами Килли.

- Но резня и издевательство над детьми, насилие... мы не должны допускать такого варварства.

- Варварство? Да я сделал все, чтобы те, кто остался в живых, рассказали своим детям, на какое варварство я способен! В конце концов, в наших интересах защищать целостность Сима, не так ли?

- Не читай мне лекций по теологии, мальчик!

Но Килли ничуть не устыдился. Наоборот, отхлебнул еще пива.

Элиос часто задавался вопросом, к добру ли такое преобразование сына. Его жена, мать Вала и Килли, умерла молодой, и Элиос бросился в объятия Церкви, взяв с собой детей. Здесь никому из них ничего не грозило, разве что некоторое ограничение свободы. Оказавшись в лоне Церкви, он постоянно чувствовал себя так, словно сидел на вершине горы, с легким пренебрежением глядя на человечество. Будущее сулило ему два пути: теология или администрирование, но если вы стремитесь получить высокую должность в Спикерстве, можно совместить оба вида деятельности.

У самого Элиоса хватило на это способностей, а вот у его детей, как выяснилось, не доставало терпения, что оставляло совсем небольшой выбор. Наконец, Элиос решил, что Вала, прекрасная и тщеславная, идеально подходит для привилегированной жизни девственниц-Сапфиров, воплощающих совершенство человечества, каким его видели Дизайнеры.

А вот с Килли было труднее. Сильный и упрямый, он с трудом усвоил упрощенный и урезанный вариант их веры, да и то из отцовских уст. Кроме того, он тренировал мышцы и агрессивные инстинкты, чтобы защищать отца и хрупкую сестру.

Элиос был вынужден с сожалением признать, что все обернулось не так, как было задумано. Даже Вала, хитрая интриганка, отвергла карьеру, выбранную для нее отцом. Элиос был уверен, что она не позволила бы увезти себя против воли. Правда, он не поделился своими соображениями с сыном. Едва отведав вкус кровавых битв, Килли обнаружил призвание солдата и стал строить планы завоевания мира.

Возможно, будь жива их мать, она смогла бы внушить немного больше нежности Вале и сдержанности - Килли.

Но она умерла. И теперь все происходившее было ответственностью Элиоса. Или его виной, если дело примет трагический оборот.

Но, возможно, еще ничего не потеряно, и все обойдется.

Из сообщений, передаваемых прибывающими гонцами, становилось

ясно: подчиненные Спикеры пока довольны продвижением войска и возрастающими потоками десятины, которые уже поступали в Нэйвл.

Но наблюдая за горящим городом, о котором он почти ничего не знал всего несколько смен назад, Элиос задавался вопросом, как долго будет продолжаться этот марш, несущий смерть и разрушение, и что станет с его людьми и миром.

И еще его заботило ожесточившееся сердце Килли.

Х

Со временем маленький отряд Трипп пересек северную границу лесной полосы, и повозки покатались по новым местам, где земля скудно поросла мхом, редкой травой, лишайниками и низкорослыми, причудливо изогнутыми деревьями. Трипп объяснила, что они едут по тундре, еще одной полосе флоры и фауны, опоясывавшей мир на этих широтах. Время от времени во впадинах, ямках и на скалах попадались лужи слизи: чернота, сочившаяся сквозь износившуюся кожу земли. Здесь почти не было видно людей, только время от времени встречались куполообразные хижины, покрытые звериными шкурами. Трипп пояснила, что здешние жители охотятся на диких овец, крупных, длинноногих, с большими рогами и жесткой шерстью. Но Броду так и не довелось увидеть этих экзотических животных, как бы пристально он ни вглядывался в горизонт, обычно затянутый серой туманной дымкой.

Прошло всего двести смен с тех пор, как они оставили Уилсон и углубились в северные болота. Но как же изменились все путешественники! Все, кроме Астива Пеллта, как всегда, невозмутимого, немногословного, с вечной жизнерадостной улыбкой. Даже Трипп казалась задумчивой и отрешенной более обычного.

Вала прошла все стадии привыкания. Первоначальный поверхностный интерес к разворачивающемуся перед ней миру сменился раздражением: в походе невозможно соблюдать гигиену, каждый день делать прическу, приводить в порядок ногти. Кроме того, девушке надоели постоянные лекции Трипп, тупое молчание Астива и ребяческие приставания Брода. Вскоре никто уже не осмеливался заговорить с ней, чтобы не стать причиной очередной истерики. Брод понял, что именно Вала, а не Трипп, держит все под контролем - эмоции, улыбки и хмурые гримасы людей.

Но Вала прошла и эту фазу, теперь она ехала молча и угрюмо, выполняла свои обязанности, иногда даже брала на себя больше требуемого и снова начала задавать вопросы Трипп. Брод подумал, что она взрослеет, и эта мысль показалась ему неприятной: Вала отдалялась от него, после того как он пожертвовал своим миром из-за

этой девушки.

Смена шла за сменой, а перед ними по-прежнему простиралась тундра, по-прежнему встречались убогие деревушки, и темноглазые дети в грязных шкурах все так же выходили навстречу путникам.

- Знаете, - заметил Брод, - по-моему, я еще не видел, чтобы кто-то в здешних местах мне улыбнулся. Никто, кроме Астива, а он идиот.

- Неудивительно, - пояснила Трипп. - Взгляни, как низко висит Звезда, какой мутный свет идет от нее. Светлее здесь почти никогда не становится.

- Обстановка действует угнетающе и на нас, - заметила Вала.

- Совершенно верно. Какие-то из этих лачуг и хижин ярко освещены внутри, и это немного помогает. Но на Полюсе еще хуже. В царстве вечной тьмы не редкость самоубийства.

- Но тебя эта мысль никогда не посещала, - сухо заметил Брод.

- О, для мыслящей личности мир слишком богат, чтобы так рано его покинуть, - улыбнулась Трипп. - И кроме того, всегда есть звезды поменьше, сокровища, целую вечность скрытые от тебя на экваторе - только подожди и увидишь! Проблема в том, что наш мир не меняется, Брод. Диорама, отмеченная наиболее значительными точками, как Субстеллар, Антистеллар и Полюса. Мир, где есть все условия для живых существ, включая людей, навсегда определен единственным параметром: угловым расстоянием от точки Субстеллара. Мир, в котором твоя судьба навсегда определена тем, где пришлось родиться.

- Но ведь всегда можно путешествовать, - рассудительно возразила Вала. - Или перебраться в другое место, как мы.

- Очень немногие на это решаются, покачала головой Трипп. - Несомненно, это как-то связано с учением Церквы, гласящим, что мы созданы именно в том месте, которое предназначали для вас Сим-Дизайнеры. Но я думаю, что в натуре здешних людей есть нечто вроде обреченности. Чувства полной беспомощности перед лицом огромной небесной структуры, которую мы населяем.

Разговор о предназначении, отчаянии и самоубийствах, к большому облегчению Брода, скоро смолк, и он снова вернулся к мечтам о набегах и путешествиях по ярко освещенным Звездой морям.

Но пока они все дальше углублялись в северные земли, смену за сменой наблюдая все более скудные и безлюдные ландшафты.

Вскоре все снова начало меняться. Снег шел гуще и чаще и ложился на землю толстым слоем. Теперь на земле возвышались целые сугробы, превращенные ветром и временем в причудливые скульптуры. Зелени почти не было: разве что мхи и лишайники, растущие у скоплений фотомха и, очевидно, питавшиеся сконцентрированным им светом.

Трипп указала на это как на редкий пример симбиоза между видами из

совершенно различных биосфер.

- Они не могут съесть друг друга, зато способны сотрудничать: фотомох питает зелень светом, а она, в свою очередь, разрушает скалы, чтобы дать мху место для роста...

Брод почти не понимал ее объяснений, и, собственно говоря, ему было все равно.

Но больше всего здесь было слизи, черной и скользкой. Покрывавшей голые скалы.

Наконец, во время одного из привалов Брод понял: вокруг нет ничего, кроме скал, снега, льда и слизи, - ничего, связанного с человечеством, если не считать их самих, повозок и животных.

- Никогда не был мыслителем, - признался он.

Вала фыркнула, но Трипп дотронулась до ее руки, и девушка успокоилась.

Брод нерешительно продолжал:

- Всю жизнь верил в Сим-Дизайнеров и Контролеров. Эта история изложена легким и понятным языком... да и все ей верили! Только не могу понять, почему Сим-Действительности необходимо иметь такую опустошенную, можно сказать, мертвую территорию. Какой смысл? Не говоря уже о *них*.

Он показал на усеянное бесчисленными звездами небо.

Трипп торжественно кивнула:

- Мы еще сделаем из тебя ученого.

- Во имя Контролеров, ни за что!

Трипп игриво ущипнула его за руку, но он почти не почувствовал боли сквозь плащ на толстой подстежке.

- О, брось! Взгляд ученого видит намного больше. Как по-твоему, Вала? Что ты об этом думаешь?

- Думаю, что вижу свет.

Вала указала на север.

Все повернулись в ту сторону. На северном горизонте действительно вспыхнул свет.

Трипп вынула подзорную трубу и всмотрелась.

- Это свет фотомха, усиленный кострами. Полюс! Мы почти у цели! Едем!

И они заставили усталых лошадей сделать еще несколько шагов по замерзшей земле.

XI

Путники остановились в паре километров от Полярной цитадели. Брод, Вала и Астив прижались друг к другу в своей крытой повозке. Трипп поехала вперед, чтобы испросить позволения войти.

- Мы двигались быстро, но новости о нашествии войска Килли разносятся еще быстрее. Нужно убедиться, что люди знают, кто мы, иначе нас не впустят.

Она ушла.

У Брода и Вала появилось время изучить загадочное сооружение Основания, которое Трипп назвала Точкой Опоры и добавила: это все равно что Глаз в Нэйвле - такая же цилиндрическая колонна. Хотя эта немного сужалась кверху и, если верить Астиву, не венчалась ничем, подобным зеркалу Глаза. К тому же в отличие от Глаза, окруженного рукотворной базальтовой стеной и царившего над храмами, Точка Опоры стояла гордо и одиноко, возвышаясь над жалкими домишками, теснившимися у ее подножия. Некоторые из этих лачуг можно было откровенно назвать иглу, поскольку они были сложены из ледяных блоков. У здешних людей не хватало энергии бросить вызов древней архитектуре.

- Смотри, - прошептала Вала Броду, показывая вверх. - Похоже на птиц. Вон на тех деревьях.

«Деревья», как они узнали от Астива, были разновидностью фотомха и других искусственно созданных форм. Их можно было найти в тонком поясе по всему Терминатору - неподвижной границе между тьмой и светом. Корни некоторых даже пребывали в постоянной тени; достаточно было и того, что верхние ветви видели свет Звезды. Стволы были покрыты фотомхом, а листьями служили зеркальные птицы, генерировавшие свет крыльями, чтобы питать деревья. Время от времени что-то пугало птиц, и они взлетали, переливаясь розово-белым светом, прежде чем найти новую ветку, на которую можно сесть. Зрелище было завораживающим, особенно на фоне черного, усеянного звездами неба.

Наконец показалась Трипп. Спотыкаясь, она шла по дороге. Ее пальто покрывал толстый слой инея. Женщина с трудом взобралась в повозку.

- Нас не хотят пускать! - объявила она.

После такого путешествия? Брод был не в силах это осознать.

- Но почему?

Трипп указала на юг.

- Из-за твоего друга Килли. Недаром я сказала: новости разлетаются быстро. Говорят, Килли идет, и не с каким-то небольшим отрядом, а с целой армией.

- Слишком долгий путь, - покачал головой Брод.

- Нет, - возразила Вала. - Мой отец всегда говорил о необходимости когда-нибудь разделаться с Полюсом. Может, он решил, что настало время.

- Но старейшины не хотят столкновения со Спикерством... пока, - задумчиво пояснила Трипп. - Дайте нам еще несколько Великих лет, и мы выйдем встречать этих едва волочащих ноги солдат в наших

бронированных машинах... но только не сейчас. И не из-за вас двоих. Поляры хотят, чтобы вы убрались отсюда. Чтобы Килли мог искать, сколько влезет, и не найти никаких следов. По крайней мере, это сведет неприятности к минимуму.

Вала взглянула на Брода. Тот схватил ее руку в толстой варежке.

- Но что же нам теперь делать? - спросила Вала. - Умереть на холоде? Подождать Килли и сдатьсь?

- Есть третий выход, - вздохнула Трипп. - Старейшины готовы снабдить вас лошадьми, свежей провизией...

- Чтобы мы могли бежать, - заключил Брод. - Но куда? Отсюда одна дорога - на юг.

- Ошибаешься. Не одна, - ухмыльнулась Трипп.

- Ты говоришь о путешествии к Антистеллару, верно? - догадался Брод. - Это центр Темной стороны?

Вала пришла в ужас:

- Еще одно путешествие, такое же длинное, только совсем без света Звезды?

Трипп начала объяснять, что путешествие будет совершенно безопасным, но Брод перебил:

- Ведь это с самого начала было твоей мечтой, не так ли, поляр? Наши испытания - всего лишь предлог...

- Вовсе нет, - мягко ответила женщина. - Я этого не планировала... по крайней мере таким образом. Я пришла к твоей матери, Брод, чтобы предложить совместную, хорошо снаряженную экспедицию. Но даже этот безумный рывок все же лучше, чем ничего, тем более в период снижения вулканической активности. Темная сторона - прекрасное укрытие, где можно переждать, пока энтузиазм Килли немного уляжется. Добравшись до границы света, он захочет поскорее вернуться домой. К тому же кто знает, что мы найдем? Каких преимуществ добьемся?

Трипп оглядела своих спутников.

- Ты со мной, верно, Астив? Я знаю тебя. Счастливее всего ты чувствуешь себя в пути. А по этой дороге раньше никогда и никто не проезжал. А ты, Вала? Брод? Хотите просто сдатьсь? Или всю жизнь бежать и прятаться? Или решите сами сделать историю, чтобы ваши имена запомнили на все последующие века, как имя Хелен Грей? Ну? Что вы решите?

Конечно, спорить никто не стал. Но нужно было ждать еще три смены, пока Трипп и Астив не посетят станцию, чтобы забрать продукты и ненадолго вникнуть в сложное переплетение дел своих больших полигамных семей, прежде чем снова пуститься в путь.

Еще одно путешествие, еще триста смен, и каждая отсчитывается поворотом больших песочных часов, укрепленных на крытых повозках Трипп. И все же теперь они продвигались через мир, который сам по себе был часами: над горизонтом больше не висела Звезда, зато звезды поменьше вращались над ними в цикле, длившемся сорок восемь смен - длина дня этого мира и его год.

Вала была совершенно очарована, рисовала затейливые схемы и пыталась измерить время, которое им требовалось, чтобы вернуться в то же положение на небе. Трипп всячески поощряла ее.

Брод мог только смотреть на запрокинутое лицо Вала, окутанное облаком пара, вырывавшегося у нее изо рта, и скрывать свои потаенные желания.

Если Вала привыкала к этой странной новой жизни, то Брод, напротив, все больше погружался в тоскливое недоумение. Какое ему дело до молчаливых звезд, даже если человечество могло прийти с одной из них? Они были холодными, далекими и абстрактными: еще хуже, чем застывший мир, по которому они путешествовали. И какое ему дело до Антистеллара, если тот вообще существовал? Еще одна груда непонятной древности, не имевшей никакого значения в его жизни.

Он занялся повседневными делами экспедиции. Здесь, по крайней мере, он был на что-то годен.

Брод любил работать вместе с Пеллтом. Астив, упрямый и молчаливый, несмотря на вечную, открывавшую плохие зубы улыбку, оказался тем цементом, который скреплял экспедицию.

У них снова были две повозки под тяжелыми тентами, нагруженные солеными и сушеными припасами. Им дали еще и свежих лошадей, на этот раз для надежности - четыре упряжки. Раньше Брод таких не видел. Скорее, не лошади, а пони: приземистые, раскормленные и покрытые толстым мехом - порода, выведенная полярами и способная выносить холод и темноту, привычные за границами Терминатора. У них даже копыта подбиты подковами с железными шипами: предстояло идти по сплошному льду. Но частью общего плана, не высказанного вслух, но очевидного для Брода, был тот факт, что не всем пони придется пережить обратное путешествие: они пожертвуют собой, чтобы поддержать жизнь в своих собратьях или седоках. Поэтому Брод, хоть и помогал Астиву поить и кормить животных, все же старался не слишком к ним привязываться.

Слабым местом были припасы. Путники всегда могли получить воду, растопив лед, но ничего живого, а тем более съедобного, не встречалось на замерзших просторах Темной стороны. Трипп терпеливо объясняла, что как в обычные времена воздух Земли-3 не давал атмосфере окончательно заморозить Темную сторону, так и

вулкан, бурно извергавшийся на юге, выбросил столько пепла, сажи и газа, что температура всего мира, даже в Темном полушарии, поднялась выше средних величин. И теперь она не упадет настолько низко, чтобы стать смертельной для людей, если они примут необходимые меры предосторожности. Но здесь нельзя встретить никакой жизни, ведь растения зависели от света Звезды и ее тепла, а животным для еды нужны растения.

В один из первых привалов, когда все сгрудились в повозке при свете фонаря из фотомха, Трипп объяснила, как собирается добраться до Антистеллара - путешествие, которое она обдумывала много Великих лет. Показала нарисованные от руки карты континентов и океанов Темной стороны. Карты трудно было назвать достоверными, тем более что основывались они на устных преданиях и отрывках из дневника Хелен Грей, которая, в свою очередь, описывала картины, увиденные из космоса перед Приземлением.

- Смотрите: большую часть северной области полушария занимает этот континент, который можно представить как продолжение Себы. На юге имеется множество разбросанных островов - в море, почти целиком покрытом паковым льдом. Вокруг Антистеллара, где холоднее всего в мире, застыла ледяная корка. Но на самом Антистелларе, похоже, находится большой горный массив. И мы считаем, что где-то имеется монумент Основания Антистеллара, свободный от льдов. Возможно, существование самих гор имеет какое-то отношение к их уникальному положению, прямо противоположному Звезде... возможно, это результат флексуры^{*31}, вызванной приливами.

Брод не понял ни слова из сказанного и проигнорировал заданные Валой вопросы.

Трипп обвела указательным пальцем предполагаемый маршрут.

- Здесь должно располагаться замерзшее озеро, очень обширное, можно сказать, внутреннее море. Поэтому, хотя мы и идем на юг, должны оказаться к западу от него. И я намерена следовать вдоль этой лощины.

Лощина оказалась гигантским оврагом, тянувшимся на тысячи километров.

- Должно быть, этот овраг вырыла река с очень сильным течением, - восхищенно прошептала Вала.

Трипп улыбнулась.

- Река из расплавленных камней. Хелен утверждает, что это место, где континент лопаются по швам. В этом отношении Земля-3 все еще активна. И, как можете представить, такая рана в земле будет теплее окружающего ландшафта, что должно помочь нам...

Она говорила о том, что континенты на Земле-3 когда-то плавали на

³¹ * *Изгиб в слоях горной породы.*

более глубоком жидком слое, будто пена на стоячей воде. Временами бурные течения могли разорвать или столкнуть вместе континенты - целые континенты, подумать только!

Брод с трудом представлял, что земля, которую он всегда считал неизменным фоном к развертывающейся драме человеческой жизни, сама по себе может претерпевать эволюцию, изменения и рост.

Но все эти рассуждения никак не влияли на путешествие. Они продолжали двигаться в полутьме, по твердой, замерзшей земле, освещаемой только полосами фотомха из фургонов и звездами на небе, когда оно прояснялось.

Все было странным в этом полумраке, где лежали густые, черные, угрожающие тени, и единственные звуки - это цоканье лошадиных копыт по земле и тихие голоса путешественников.

Возможно, самым странным открытием явилось свидетельство застывшей жизни. Они натыкались на полосы того, что могло быть фотомхом, или на стволы деревьев с зеркальными птицами, а также целые ковры слизи. И даже на то, что казалось останками животных, иссушенных, изломанных и вмерзших в землю. Ни один из видов они так и не определили.

- Как такое возможно? - пробормотала Трипп себе под нос. - Может, это свидетельства предыдущих экспедиций? Нет, конечно, так далеко никто не забирался. Свет Звезды сюда не доходит, другие звезды чересчур высоко, их свет ничего не дает...

Неразгаданная тайна этих останков сильно беспокоила Трипп, а Брод почему-то был доволен. По его мнению, поляр была слишком самоуверенна, слишком категорична, слишком поспешна в объяснениях устройства мира. До чего же приятно видеть ее сбитой с толку, хотя бы и ненадолго!

Вскоре они добрались до оврага и последовали вдоль него с осторожностью. Да, он казался теплее окружающего ландшафта. Но, по мнению Брода, здесь было немало странного: озера пузырящейся грязи, из которой поднимались столбы зловонного, удушливого газа, поля обломков, присыпанных красной и желтой крошкой, и даже равнины из белого камня, выглядевшего льдом, но бывшего на самом деле солью. Трипп объяснила, что этот новый ландшафт образован минералами, выброшенными из внутренностей земли, а соляные пространства - последствия вторжений океанской воды в эту глубокую рану.

Брод старался сосредоточиться на повседневных вещах. Например, как не позволить крепким полярным пони затащить их в очередное озеро смрадной, кипящей, смертоносной грязи.

По мере того как в бесконечной тьме шли смена за сменой, путешественники постепенно становились все более молчаливыми. А особенно Брод, который ощущал все усиливающееся разочарование,

грозящее перейти в отчаяние - словно выбрал неверную дорогу, и пути назад уже нет.

Причиной служили его отношения с Валой, вернее, отсутствие таковых. С самого начала их связь была чисто физической - секс и немного сверх этого. Даже в долгом путешествии на Полюс они умудрялись наслаждаться друг другом. Но теперь на это не было сил.

Однако в глубине души Брод знал: их отчуждение имеет гораздо более глубокие корни. Вала больше не выказывала к нему ни малейшего интереса. Он отчаянно тосковал по дому, а вот она была очарована новизной мира, который открывала для себя. Брод не находил себе места и утопал в тоске, в то время как разум Валу, глухой и слепой разум храмовой девственницы, теперь расцветал, будто цветок под солнцем.

Его мучила мысль о цели их долгого, утомительного путешествия за пределы Полюса. Да, они отправлялись туда, чтобы исследовать Антистеллар. И это было давней мечтой Трипп. Но ведь они к тому же бежали от Килли! Возможно ли, чтобы даже такой одержимый жаждой мести дикарь стал преследовать их за границами Терминатора? Или они бегут от призраков?

Подобные вопросы, казалось, не тревожили остальных. Поэтому каждые несколько смен он старался взобраться на какую-нибудь возвышенность, чтобы посмотреть, нет ли погони. Для этого он даже позаимствовал подзорную трубу Трипп. Но пока все было спокойно. Может, он зря тратит время?

Однажды, стоя в одиночестве на темном, жестоком холоде, он увидел свет. Крошечную точку. Словно упавшую на землю звезду. Крадущуюся медленно, но неуклонно - по направлению к ним.

Остальным он не сказал ни слова. Но после этого удвоил частоту наблюдений.

И вытащил оружие, спрятанное в самой глубине мешков с припасами. Попытался палить из мушкетов, чтобы проверить, влияет ли холод на спусковой механизм. Упражнялся с копьем и шпагой, дубинкой и ножом, несмотря на то что был укутан в тяжелую зимнюю одежду.

XIII

«Галактика стара...»

Сидя в одиночестве, в удобном экипаже сына, куда поставили легкую модель Кресла Левого Рука, Главный Спикер совершенно не страдал от холода: в экипаже была раскаленная железная печка. Кроме того, стенки были обиты мехом, поверх которого висели шпалеры. Свет от полос фотомха был достаточно ярким для чтения. Спикер предпочитал читать вслух, водя пальцем по нечеткому, много раз скопированному

тексту, стараясь понять значение архаичных слов, многие из которых ему были совершенно не знакомы.

«Пока Галактика формировалась из гигантского вращающегося облака пыли, газа и льда, внедренного в темную материю, первые звезды застывали, подобно льду. В первичном облаке почти ничего не было, кроме водорода и гелия, элементов, выделившихся в результате Большого взрыва. Первые звезды, собранные в центре Галактики, были монстрами. Они почти мгновенно подверглись цепным реакциям синтеза и, взорвавшись, превратились в сверхновые, выплевывая в пространство металлы, углерод, кислород и другие элементы, необходимые для жизни. По крайней мере жизни, подобной нашей. Образование сверхновых, в свою очередь, привело к появлению звезд в областях вне центра Галактики, и эти вторичные звезды были обогащены продуктами первых...»

Тяжелые занавески, закрывавшие вход в экипаж, откинулись, и в отверстии появился Килли, как нельзя более походивший на огромный сверток черного меха. Дерзкий. Суровый. И молча принялся стаскивать верхнюю одежду. Под ней оказался панцирь из отшлифованной кожи, усиленной металлическими пластинами: не слишком согревающие материалы. Сначала подобный костюм представлялся Элиосу излишней предосторожностью, учитывая тот факт, как далеко они находятся от любого врага, но вскоре он понял: Килли опасается предательского удара в спину от своих же солдат.

Прижав бумаги к груди, Элиос махнул рукой сыну.

- О, во имя Дизайнеров, задвинь занавески! Опять выпустишь все тепло.

Килли послушался, прорычав при этом:

- По-прежнему перебираешь старый хлам? Хватит читать! Сразу бы согрелся, если бы слез со своей кожаной подстилки и немного поработал!

Элиос поджал губы. Подобное высокомерное отношение к отцу последнее время стало постоянным. Мальчик чересчур агрессивен, чересчур независим. С этим рано или поздно придется что-то делать.

Но не здесь. И не сейчас.

- Судя по твоему настроению, все идет хорошо?

- Могло быть и хуже.

Килли уселся на диван, пошарил в поисках еды и вытащил фляжку с пивом.

- За последние три смены сдохли два пони. Один человек упал в ядовитое озеро. Следующая разгрузка повозок - через десять смен. Все идет по графику.

Элиос был уверен, что это правда. Несмотря на растущее между ними напряжение, Главный Спикер чувствовал, что вполне способен доверять компетенции сына-командующего.

Килли собрал достаточно большое войско, чтобы отправиться к Полюсу мира и подчинить своей воле тамошних обитателей. Откровенными угрозами Килли смог заставить поляров снабдить его провизией, необходимой для дальнейшего похода, а также фургонами и целым табуном крепких, нечувствительных к холоду пони. Кроме того, поляры, имевшие в своем распоряжении древние, вычерченные от руки карты, сумели показать ему возможный маршрут Трипп: вдоль оврага к экватору Темной стороны.

Килли хорошо спланировал свою миссию. Нет, рискованный рейд с парой экипажей и несколькими мешками солонины не для него. Но он понимал, что обычная стратегия мародерства и воровства в Темной стороне не сработает. Поэтому, заручившись поддержкой отца, он запланировал сложную последовательность различных этапов, словно одна экспедиция включала в себя еще несколько. Определившись с маршрутом, он выслал вперед несколько повозок с фуражирами. Хорошенько подготовившись, он взял с собой целую процессию повозок, нагруженных до отказа провизией, в поддержку авангарда. На заранее определенных привалах припасы перегружали на другие повозки, а пустые возвращали на Полюс, чтобы загрузить их вновь.

Пока все шло по плану. Килли был достаточно богат, чтобы покрыть расходы, вызванные непредвиденными потерями. Даже когда один груженный фургон провалился в трещину ледяного озера, это его не остановило.

А Элиос, стоя на монументе Основания, которое поляры называли Точкой Опоры, и наблюдая вращение звезд, не видимое с ярко освещенной экваториальной точки в Нэйвле, не мог противиться искушению отправиться с сыном. В конце концов, амбиции Главного Спикера простирались до желания править миром. Во время экспедиции к Полюсу он достаточно повидал, чтобы осознать один очевидный факт: он слишком мало знает о планете, на которой жил, чтобы как-то оправдать столь честолюбивые устремления. Разве мог он отказаться от возможности взглянуть на скрытую сторону мира? Когда еще в будущем какой-либо Спикер получит шанс сделать это?

И пока Килли действовал кнутом и пряником, то ободряя, то наказывая людей, пока солдаты жаловались на холод, недостаток еды, ноющие ноги и язвы, Элиос изучал странные колонны из обесцвеченного камня, окружавшие бурлящие грязевые бассейны, гадал, действительно ли океанские волны оставили соляные озера, и наблюдал вращение звезд над головой.

Кроме того, Элиос захватил с собой кое-что из прошлого. Пойдя на поводу у любопытства, вызванного картами поляров, он велел старейшинам показать все документы, относившиеся к древним временам. Старейшины согласились, правда, не слишком охотно, но в конце концов принесли бумаги, похоже, дополнявшие обрывки отчета,

написанного Хелен Грей и известного как Наследие Венеры. Несмотря на нескрываемую агрессивность Килли, старейшины не собирались выпускать из рук эти фрагменты, но позволили помощникам Элиоса наспех переписать копии.

Теперь Килли, набив рот пирогом с кониной, выхватил листок у отца и стал медленно читать, едва ворочая языком:

- «В центре Галактики имеется зона интенсивной активности, и волна образования звезд выплеснулась наружу вместе с металлами и другими тяжелыми элементами, выделившимися на фронте этой ударной волны, той, что расплескалась по солнечной области, возможно, пять миллиардов лет назад. Но Солнце провалилось в «дыру», а мы родились слишком поздно...»

Килли бросил на отца яростный взгляд.

- Что это за бред?

Элиос осторожно забрал у сына страничку.

- Считается, что это запись беседы, сделанная Хелен Грей. Она вспоминает о женщине по имени Венера, которая никогда не спускалась в этот мир, но использовала путешествие через космос, чтобы изучать миры и звезды и приходила к определенным выводам.

- А что такое «лет»?

- Полагаю, то же самое, что Великие годы.

- Неважно, - отмахнулся Килли. - Все это сказки.

- Может быть. Но послушай: «Пик образования звезд Галактики прошел миллиарды лет назад. Большинство звезд, способных рожать планеты со сложной жизнью, старше Солнца в среднем на два миллиарда лет. Это примерно в четыре раза больше срока появления многоклеточной жизни на Земле. Возможно, поэтому мы не видим здесь следов исчезнувших цивилизаций. Они, вероятно, существовали за миллиарды лет до нас».

- Что такое миллиард? - нахмурился Килли.

- Очень много. Слушай дальше: «Так или иначе, через миллиард лет их уже не найти. И если мы ожидали, что придем сюда и присоединимся к какой-либо развитой галактической культуре, этого не случится. Мы кажемся очень молодыми в столь древней Галактике. Как дети, осторожно пробирающиеся через разрушенный особняк. Или кладбище...»

- И какое нам до этого дело? - поморщился Килли.

Элиос отложил бумаги.

- Люди забыли почти все, что знали раньше об этом мире и других мирах, которые, возможно, существуют. Может, Трипп и остальные поляры правы, пытаюсь сохранить это наследие.

Он спокойно выдержал яростный взгляд сына и продолжил:

- Знание - сила. Если мы позволим знанию, содержащемуся в этих обрывках, попасть в чьи-нибудь руки, то очень об этом пожалеем.

Килли презрительно усмехнулся, вынул шпагу из ножен и стал демонстративно чистить оружие.

- Вот ЭТО - сила.

- Но шпага была изготовлена мастером-полярником. Думаю, твоя бандитская логика лишь подтверждает мою правоту.

- Да неужели? Тогда вот тебе мое мнение! Ты, Главный Спикер, погряз в ереси, рассуждая о Хелен Грей и космических путешествиях. Все это ложь и выдумки. То, что мы видим вокруг, - артефакты, созданные Дизайнерами. И понимаем мы только то, что необходимо понимать. Разве не в это ты должен верить?

Элиос нахмурился.

- Послушай, сын, любой человек, достаточно умный, чтобы наблюдать окружающий мир, и достаточно образованный, чтобы понять некоторые явления, не может не иметь некоторых сомнений относительно нашего символа веры или, по крайней мере, его истолкования. И в этом заключается парадокс: наиболее образованных и умных можно найти среди Спикеров, в самом сердце веры. В моем положении допустимо верить в две вещи одновременно. Я вполне способен твердо верить в истинность своей религии и в то же время не закрывать глаза на реальность противоречий. Это может показаться тебе циничным, но я вряд ли обладал бы такой властью, не замечая ограниченности веры, которую проповедую, или, выражаясь более уважительно, не обращая внимания на те ее аспекты, которые пока нам непонятны. Но ведь все дело во власти, не так ли? Если потрудишься более пристально наблюдать за мной, найдешь, чему поучиться.

Килли, к удивлению Элиоса, кивнул:

- О, я знаю, отец. Поверь, я слушаю и учусь. В конце концов, я просто обязан учиться, если мне предназначено когда-нибудь занять твое место. Не так ли? А теперь извини, я положил глаз на одну из шлюх, которых мы привезли с Полюса...

Он выбрался из повозки. Холодный ветер перелистал страницы журнала Хелен. Элиос, потрясенный, проводил сына взглядом.

XIV

Ледяная шапка, венчавшая точку Антистеллара, была гладкой и без всяких выпуклостей - идеально ровная площадка под вращающимися звездами.

Лошади на шипастых подковах бодро бежали по этой поверхности, фыркая, храпя и пыхтя. Белые клубы вырывались из их ноздрей. Только что выпавший снег смерзся со льдом. Трипп сказала, что здесь, наверное, редко бывают осадки и что лед очень старый. Ближе к

центру шапки лед был толстым, нетронутым и гладко отполированным ветром. Не тот неровный, с выбоинами и рытвинами, который они видели на краю шапки, где ледники разрушались и трескались. Но им предстояло пересечь пустое, безжизненное пространство. Брод испытывал почти облегчение, когда глаз останавливался на очередной глубокой трещине и он вовремя успевал окриком предупредить о смене курса. Хоть на что-то он годен!

По мере приближения к Антистеллару Трипп приходилось все чаще уточнять маршрут. У нее оказались инструменты из дерева, стали и стекла, которые она использовала, чтобы вычислить траектории звезд и определить, в каком месте они сейчас находятся.

Вскоре путники оказались у горного хребта, о существовании которого предупреждала Трипп. По серым склонам гор сползали языки ледников. Горная гряда тянулась на сотни километров, но Трипп, уверившись в правильности своих штурманских наблюдений, повела их через горы в поисках цели. Когда они останавливались на сонные смены, Брод с новой силой сознавал, насколько приятнее быть в окружении молчаливых, мрачных склонов, чем торчать у всех на виду на ровной, как столешница, ледяной равнине. По крайней мере будет, где укрыться, если явится Килли.

Наконец, когда минуло целых пятнадцать смен с той поры, как они оказались в горах, Трипп повела их в последний долгий переход, и все безошибочно поняли, что достигли точки Субстеллара. Монумент, свободный от льда и охраняемый высокими, величественными горами, стоял на подобном обрубку холме, который выглядел так, словно вершину намеренно срезали, сделав ее плоской.

У Трипп не хватило терпения ждать лишнюю минуту, отдохнуть хотя бы час, прежде чем исследовать свое открытие. К раздражению Трипп, Астив Пеллт настаивал на том, чтобы пойти с ней.

- Не хлопочи надо мной! - отрезала она. Но и Вала рвалась вперед с тем же пылом. Наконец договорились идти втроем.

Астив взял с Трипп обещание продвигаться крайне осторожно. Не хватало еще упасть и сломать шею в дюжине шагов от самого главного в ее жизни открытия.

С пони оставался один Брод, что вполне ему подходило. Его не слишком интересовали монументы.

Но Трипп с некоторым смущением обратилась к нему:

- Ты проделал с нами весь путь. Знаю я вас, молодых людей, вам обязательно надо быть первыми.

- Я могу и подождать. Монумент простоял здесь очень долго. И в следующую смену не исчезнет.

- Конечно, не исчезнет, - ухмыльнулась она и со спокойной душой поспешила вперед.

Склоны холма круто уходили вверх и поблескивали льдом в звездном свете. Вала уже начала подъем.

Прежде чем добраться до склона, Трипп прошла мимо Астива, почему-то повернувшего назад.

- Лестница, - коротко бросил он.

Поднявшись метров на тридцать к широкой вершине холма, она поняла: склон хоть и покрыт льдом, но достаточно выветрен и шероховат, чтобы подъем не казался слишком тяжелым. Главное - внимательно искать опору для рук и ног.

Наконец она встала на плоской вершине холма, скорее походившей на замерзшее озеро, чем на каменное основание, и, очевидно, имевшей искусственное происхождение. Здесь ее уже ждала улыбающаяся во весь рот Вала. Девушка протянула Трипп руку в толстой варежке.

Так, рука об руку, они приблизились к монументу Антистеллара - цилиндру, слегка сужавшемуся над их головами.

- И что ты думаешь? - выдохнула Вала.

- Я...

Трипп взмахнула руками.

- Потрясающе! Великолепно! Мы нашли его! И все же это похоже на сооружение на Субстелларе, если, конечно, убрать все наслоения, оставленные человечеством, и на тот монумент, что находится на Полюсе. Может, я надеялась на нечто более зрелищное... Конечно, мысль заманчивая, но вряд ли научная.

- По-твоему, на верхушке есть второй Глаз? Еще одно зеркало, как на Нэйвле?

- Понятия не имею. Как только явится Астив с лестницей, сами все увидим.

- Полагаю, столб должен быть такого же размера, что и остальные.

Вала подошла к колонне, почтительно коснулась камня и принялась обходить, считая шаги.

- Один, два, три...

Трипп довольно улыбнулась. Едва не с самой первой встречи она старалась пробудить в девушке инстинкт ученого, потому что увидела под налетом тщеславия неразбуженный интеллект. И ее усилия вознаграждены! Сейчас главное - измерения.

Она тоже подошла к монументу и стала отсчитывать шаги, двигаясь по часовой стрелке, в противоположную от Вала сторону. И только звезды наблюдали эту странную картину.

В результате выяснилось: их подсчеты разнятся всего на пару шагов, что легко объяснялось длиной самого шага.

- Все совпадает, - заключила Вала, - те же самые размеры, что у башни Глаза и Точки Опоры.

- А вот и Астив с лестницей.

Они в два счета установили складную деревянную лестницу, прислонив ее к стене башни. Вала, закутанная в черный мех, не спрашивая разрешения, вспорхнула на первую ступеньку и стала подниматься, энергично работая ногами. Трипп глянула на Астива и пожала плечами. Оба последовали за девушкой более осторожно.

Вала стояла на границе чаши тьмы.

- Не торопитесь, - предупредила она. - Края неровные, но здесь не так безопасно, как на деревянной дорожке, проложенной вокруг нашего Глаза.

Трипп ступила на камень и встала рядом с Астивом. Клубы пара от их дыхания смешивались в воздухе, образуя причудливые фигуры. Оба громко пыхтели после подъема в тяжелых пальто. Астив достал из кармана свернутую в рулончик полоску фотомха, перекинул через верх колонны, и мягкий свет усилил сияние звезд. Все дружно устроились в чашу тьмы, вделанную в цилиндрическую башню.

- Похоже, это еще один Глаз, - констатировала Трипп, встав на колени.

Чаша была покрыта темным веществом, которое крошилось от прикосновений.

- Слизь. Давно погибшая и вымерзшая. Но слой толстый.

Вала спрыгнула в чашу. От такой беспечности сердце Трипп громко забило. Но Вала принялась с энтузиазмом разбрасывать слизь. Под ней оказалась гладкая, зеркальная, отражающая звезды поверхность, на первый взгляд выглядевшая столь же безупречно, как и на Нэйвле.

- Еще одна загадка, - пробормотала Трипп Астиву. - Очевидно, слизь выросла на зеркале. Но откуда она взяла свет для роста?

- Даже не представляю, - пожал плечами Астив. - Мое дело - ухаживать за лошадьми. И мне кажется, ты прошла длинный путь, чтобы получить ответ.

- А нашла еще больше вопросов.

Вала продолжала отрывать огромные клочья погибшей слизи.

- Ну же, помогите мне! С этой штукой нелегко справиться! Если дружно взяться за работу, мы быстро очистим зеркало.

- Зачем? - рассудительно спросил Астив.

- А почему бы нет?

- Нравится мне эта девушка! - ухмыльнулся Астив и, спрыгнув в чашу, упал на бок. И тут же попал под душ черных хлопьев. Но сразу же встал и принялся методично отдиравать слизь, сворачивая ее, как ковер, и перебрасывая через верх башни.

Трипп, вздохнув, осторожно ступила вниз и присоединилась к ним. Слизь была настолько старой и высохшей, что легко отделялась от зеркала.

- Очевидно, она выросла здесь уже после постройки башни. Верно? - спросила Вала.

- Да. Но сама слизь здесь не так долго.

- А как долго?

- Я дам тебе ответ из дневника Хелен Грей. Четыреста пятьдесят миллионов Великих лет. Именно тогда слизь впервые появилась в этом мире. До нее здесь существовали только одноклеточные формы жизни того же вида.

- То есть углерод, вода и азот...

- Да, жизнь, более или менее похожая на нашу.

Трипп уже начала уставать и уселась на груды мертвой слизи. Но Астив и Вала, более энергичные, быстро очистили довольно большое пространство Глаза Антистеллара.

- Я открою тебе еще кое-что весьма странное. Хелен утверждает, что именно четыреста пятьдесят миллионов Великих лет тому назад на Земле-1 возникла многоклеточная жизнь, подобная нашей. Вполне возможно, она появилась именно из этого мира. А Земля-2 - тот мир, который Хелен посетила.

- Правда? Вот это да!

- Как ты понимаешь, все эти формы чем-то различаются. Но главное - эта эволюция от одноклеточных к многоклеточным формам произошла во всех трех мирах почти одновременно. И для жизни этим формам требуются одни и те же элементы - углерод, вода и азот. Скажу тебе кое-что еще: у нас есть спектроскопы - устройства, расщепляющие звездный свет и позволяющие увидеть, из чего состоят далекие звезды и миры...

Она отбросила носком сапога кусок слизи.

- Мы обнаружили фотосинтез такой же, как у нас, - фотосинтез углерода и воды - в других мирах, вращающихся по похожей орбите вокруг других звезд. И о чем это говорит?

- Что кто-то затеял *это* намеренно! Четыреста пятьдесят миллионов Великих лет назад кто-то посетил звездные системы и там, где находил следы жизни, основанной на углеродно-водном обмене, развивал ее до многоклеточных форм. Неизвестные сделали это на Земле-1, Земле-2 и Земле-3. Может, это была экспедиция. Как у Хелен. Или война. Завоевание. Вторжение. Как у Килли. Но они добрались до этих миров.

- Да, - согласилась Трипп. - Прекрасная мысль, не так ли? Война жизненных структур. Но здесь кто-то уже жил. Тот, кто построил Основание и эти монументы.

- Может, их вытеснили те создания, чья жизнь основана на углеродно-водном обмене? - предположила Вала. - Кто знает? Все случилось так давно!

«Мы кажемся очень молодыми в столь древней Галактике. Как дети, осторожно пробирающиеся через разрушенный особняк. Или кладбище...

Или поле битвы. Люди, выстроившие свою жизнь среди реликвий всемирных войн, боролись до конца. И от этих войн остались следы враждебных жизненных форм, рассеянных по всей Галактике».

- Слушай, а мы успели очистить больше половины, - обрадовалась Вала. - И, кажется, зеркало отражает звездный свет.

Она подбросила в воздух пригоршню черной пыли, которую пронизала искра туманного, едва видимого света.

- Пойдем, помоги мне доделать остальное.

Но тут Трипп услышала крик. Возможно, Астив Пеллт тоже его услышал, потому что, хмурясь, обернулся.

Кажется, она увидела внизу тень. Очень неопределенную, словно отброшенную источником рассеянного света над головой.

XV

Одинокий экипаж катился к монументу, до которого остался последний переход. Экипаж был куда роскошнее повозок Трипп, и влекли его четыре усталые лошади. Правил ими кучер, закутанный в меха. Путь освещался полоской фотомха, прикрепленной к высокой передней части.

Экипаж остановился недалеко от повозок Трипп, которые даже еще не были распакованы: так торопились путешественники подняться на монумент.

Брод шагнул вперед, проверяя оружие: шпага в одном глубоком кармане, мушкет - в другом. Кровь пульсировала в жилах, внимание было сосредоточено на приближавшемся враге. Брод рвался в битву. Вызов брошен, и он наслаждался этим. Он был создан для того, чтобы отвечать на вызов. Унаследовал это свойство от храбрых пионеров, которые пересекли космос, чтобы прийти в этот мир, или были запрограммированы Сим-Дизайнерами, обитавшими в Святом Вегасе. Все зависит от того, во что ты веришь. Но это уже не важно. Его час настал.

Когда он приблизился к фургону, кучер не спрыгнул на землю. Брод даже не видел его лица. А неизвестный (непонятно, мужчина или женщина), казалось, решил не реагировать на его присутствие. Даже лошади, выдыхавшие густые клубы пара, и то проявляли больше интереса. Но было очевидно, что от них он вызова не получит.

Брод обошел фургон. Ничего не видно. Парусина крепко прикреплена к дереву. Но ему показалось, что он чувствует идущее из фургона тепло. Значит, враг путешествует со всеми удобствами.

Он был готов.

И поэтому, отступив от фургона, прогремел:

- Килли! Килли, сын Элиоса! Я - Брод, сын Мариам! Выходи на

поединок. Или таись в своей повозке, как жалкий трус!

Занавески в задке фургона раздвинулись. Оттуда вышли двое. Один - приземистый, одетый в черное, со шпагой в руке. Голова покрыта капюшоном. Другой - выше, стройнее, он двигался более скованно и, хотя был закутан в тяжелый плащ, дрожал на холоде Антистеллара.

Брод вынул мушкет и шпагу, которая оказалась короче, чем у противника.

- Килли! Я польщен! Пройти такой длинный путь ради меня!

Килли откинул капюшон, обнажив бритую голову и шрам на щеке, уродливый и багровый даже в звездном свете.

- Не стоит. Я пришел, чтобы очистить мир от грязи - похитителя и насильника. Тем более что ты не посмел ответить на мой вызов.

- Я сбежал не от тебя, а от твоей армии. И я спас твою сестру от такого животного, как ты! И кроме того, вот он я, стою один! Или ты привез папочку, чтобы защитил тебя?

Второй мужчина тоже откинул капюшон с бритой головы. Это был Элиос, Главный Спикер, как и подозревал Брод.

- Я здесь только в качестве наблюдателя, - устало обронил он.

Но Броду было не до настроений Спикера.

- Собираешься наблюдать? За чем? Как умирает твой сын?

- За исходом поединка, Брод. И той истории, которая началась на другом конце света. По крайней мере, здесь она кончится.

- И кто-то обязательно умрет, - отрезал Килли. - Когда придут мои силы, мы снесем твой монумент, который давно следовало уничтожить, и оставим в этом мире единственный достойный и правильный объект поклонения - Нэйвл!

И тут наверху вспыхнул свет, достаточно яркий, чтобы ослепить. Брод, на секунду отвлекшись, глянул в сторону монумента.

В то же мгновение Килли бросился вперед. Брод поднял мушкет, но лезвие шпаги Килли сверкнуло, отсекая оружие, прежде чем оно успело выпалить. Вместе со стволом на лед упали два сустава указательного пальца Брода. Тот вскрикнул. Из раны фонтаном хлынула кровь. Брод, шатаясь, попятился и сжал кулак, пытаясь остановить кровь.

Килли громко рассмеялся:

- Одна схватка, один удар, а ты уже потерял главное оружие и не можешь пользоваться правой рукой! Сдавайся, насильник! Пади на колени и глотай мою шпагу. Я буду скор: ты едва почувствуешь ее в себе!

- То же самое утверждают все твои любовницы, - ощерился Брод. И бросился на врага: правое плечо вперед, шпага - в левой руке. Ему удалось сбить с ног Килли, поскользнувшегося на льду. Брод поспешно ударил шпагой сверху вниз. Но Килли, не сопротивляясь падению, откатился чуть дальше, и шпага Брода беспомощно ударилась о

землю. Килли подобрал свою шпагу, и Броду пришлось подпрыгнуть, чтобы не лишиться ног до колена. Но не успел Брод встать на землю, как Килли уже подскочил, и они снова схватились. Брод поднял шпагу, на этот раз обеими руками. Но Килли поднял кулаки, чтобы перехватить руки врага.

Они снова оказались лицом к лицу. Станный свет становился все ярче и исходил откуда-то сверху. Брод смотрел в глаза Килли, и оба напрягались изо всех сил, пытаясь вонзить шпаги в цель. Брод ясно видел лицо Килли, каждую отметину, каждый шрам.

- Клянусь всем святым, - прошипел он, - Сим-Дизайнеры сотворили тебя уродом.

- Значит, мои уродливые черты - последнее, что ты увидишь, прежде чем я вновь отошлю тебя в Память!

Он плюнул в лицо Брода и сделал выпад. Брод, ослабевший из-за потери крови, не смог сопротивляться. Лезвие шпаги скользнуло по лезвию, оба клинка ударились о землю и разлетелись на несколько обломков. Килли нагнул голову, ударил Брода по губам, и тот ощутил, как крошатся зубы. Он снова отступил. Толчок в грудь послал его на землю.

Килли оседлал его, держа кинжал обеими руками.

- Прощай, насильник.

Он выпрямился, готовясь нанести удар. И снова согнулся. По телу прошла судорога. Потрясенное лицо, широко раскрытый рот, невидящие глаза...

Изо рта хлынула кровь. Руки разжались, кинжал звякнул на льду. И тут Килли повалился навзничь, будто срубленное дерево.

Элиос стоял неподвижно, держа в руке окровавленный кинжал. На плаще остался плевок сукровицы его сына. Он долго, бесстрастно разглядывал Килли, прежде чем повернуться к Броду:

- Ты не мог победить. Под плащом он носил панцирь. Защита труса, я полагаю. Но я видел, как он одевается и раздевается, и запомнил расположение всех пластин и расстояния между ними.

Он поднял клинок, осмотрел багровое лезвие и уронил на землю рядом с Бродом. Снова послышался звон.

- Отец! - неожиданно окликнула Вала. - Это ты, отец? Отец... о, Брод!

Брод, лежа на земле и прижимая к груди руку, не мог повернуться к ней. Пытался заговорить, но только отплевывал кровь и кусочки зубов на землю, сверкавшую под ним отраженным от ледяных кристалликов светом.

Вала подбежала к нему, откидывая капюшон. Обозрела всю сцену: упавшего Брода, отца, труп Килли - и словно окаменела от шока. В какое-то мгновение Брод вдруг увидел сходство с братом, с его лицом в минуту смерти от рук собственного отца.

Но тут Вала упала на колени и прижала к груди голову Брода.

- Ой! Осторожнее - мои зубы!

- Прости! О, и твоя рука! Нужно перевязать, прежде чем ты истечешь кровью!

Она сунула руку в карман, вытащила шарф и обернула пальцы Брода. Похоже, ей не слишком хотелось смотреть на Килли.

- Мой брат...

- Он мертв, - коротко бросил Брод.

Элиос смущенно протянул руку и коснулся ее плеча.

- Все кончено, дитя мое. Теперь многое изменится. Ничто уже не будет прежним.

- Вы совершенно правы, Спикер, - кивнула подковылявшая Трипп, за которой следовал верный Астив. Женщина оглядела валявшегося на льду Килли, раненого Брода, запятнанного кровью Элиоса.

- Что бы ни случилось здесь... о, как ограничены, как ничтожны мы, люди, убивающие друг друга в свете ЭТОГО!

Она показала вверх.

Брод вскинул голову к небу и тут же прикрыл глаза, впервые увидев усиливающийся розовато-белый свет, заливший землю. Все равно что Звезда или ее частица, каким-то образом запущенная в небо над Антистелларом.

Вала погладила его лоб.

- Ну не поразительно ли? И мы это сделали! Когда убрали слизь! По крайней мере, Трипп так считает.

- Там тоже зеркало. Зеркало Основания, висящее в космосе, - пояснила Трипп. - Оно вращалось по орбите сотни миллионов Великих лет. Это его видели Венера и Хелен Грей, изучавшие орбитальную архитектуру вокруг здешнего мира. Похоже, зеркало имеет близнеца в небе над Нэйвлом, возможно, линзу, чтобы преломлять, а не собирать свет. Управляются они, вероятно, отраженным светом из этой башни на земле. Простейшим способом. Создатели планировали всё на много веков вперед. Систему, которая будет работать, даже когда их собственные дети забудут, что это такое. Но они не рассчитывали на слизь, появившуюся после войн из-за преобразования одноклеточных форм жизни в многоклеточные. Слизь уничтожила детей создателей и покрыла толстым слоем их огромные зеркала, питаясь тем самым светом, который закрывала! А когда зеркало в небе поворачивалось в другую сторону, слизь погибала, замерзая. И так продолжалось несчетное количество миллионов Великих лет. До сегодняшнего дня.

- Это зеркало согреет мир, - пораженно прошептала Вала. - Подумай только, Брод! Трипп говорит, что зеркало собирает тепло Звезды и отбрасывает на эту Темную сторону, освещая ее. Не всю, не сразу...

- Но бьюсь об заклад, этого будет достаточно, чтобы растопить шапку льда, - перебила Трипп, тоже подняв голову к небу. - Когда-то на Темной стороне существовала жизнь, та самая жизнь, которая давно

застыла, мертва. Теперь свет снова воссияет. Его будет достаточно, чтобы здесь появилась зелень, а потом и люди, постоянно живущие на Темной стороне. Все так, словно мы открыли новую планету.

Астив скептически фыркнул.

- Может быть. Если и так, то лишь благодаря работе этих создателей Основания, которые мертвы вот уже четыреста пятьдесят миллионов Великих лет. Мы не сделали ничего такого, о чем стоит кричать во весь голос!

Неожиданное появление отца, увечья Брода и чудесный свет в небе, казалось, ошеломили Валу и отвлекли от смерти Килли. Но сейчас она вдруг вспомнила. Отпустив Брода, она подошла к телу брата и осторожно коснулась пальцами щеки.

- Он пришел спасти меня. Будто я нуждалась в защите... И вот такой конец... - Она взглянула на отца. - Но я не вернусь с тобой, несмотря на принесенную им жертву.

До сих пор Элиос стоял неподвижно. Сейчас же подступил к Броду и показал все еще лежавший на земле кинжал, который Вала до сих пор не успела увидеть.

- Подними, если хочешь, - прошептал он. - Пусть она подумает, что это ты его убил. Так будет лучше.

- Она не дура. Правда выплывет наружу.

- Верно, - вздохнул Элиос, - и, полагаю, мне придется что-то с этим делать. Особенно, если она станет моей преемницей в качестве Спикера, ведь несмотря на все протесты, это ее судьба.

Брод потрясенно уставился на Элиоса:

- И ты можешь думать о подобных вещах в такую минуту?!

- Но ведь все было затеяно ради этого. В перспективе, конечно. Потому мне и было необходимо остановить Килли. Он изменил наш мир благодаря своей военной кампании. В каком-то смысле объединил его под флагом Шаттла. И теперь, как говорит Трипп, нам предстоит завоевать совершенно новую планету. Кто знает, какие чудеса нас ждут?

Он поднял лицо к отраженному лунному свету.

- Но Килли хотел заменить меня. И для этого не побоялся бы уничтожить. А вместе со мной - и веру, и сам мир. Поэтому мне пришлось разделаться с ним, это был мой единственный шанс.

- И ты им воспользовался.

- У меня не оставалось выхода. Ты должна это понять.

Брод услышал тихий плач Валу. Трипп подошла к ней.

Элиос, по-прежнему подняв лицо к небу, что-то тихо шептал.

- Что за странные слова, Спикер?

- Молитва Сим-Контроллерам. Молитва о прощении.

Он закрыл глаза, и розоватый свет омыл его лицо.

Перевела с английского Татьяна ПЕРЦЕВА

© Stephen Baxter. Earth III. 2010. Печатается с разрешения автора.
Повесть впервые опубликована в журнале «Asimov's SF» в 2010 году.

КРИСТОФЕР БЕННЕТ

ТОЧКА ВЫХОДА

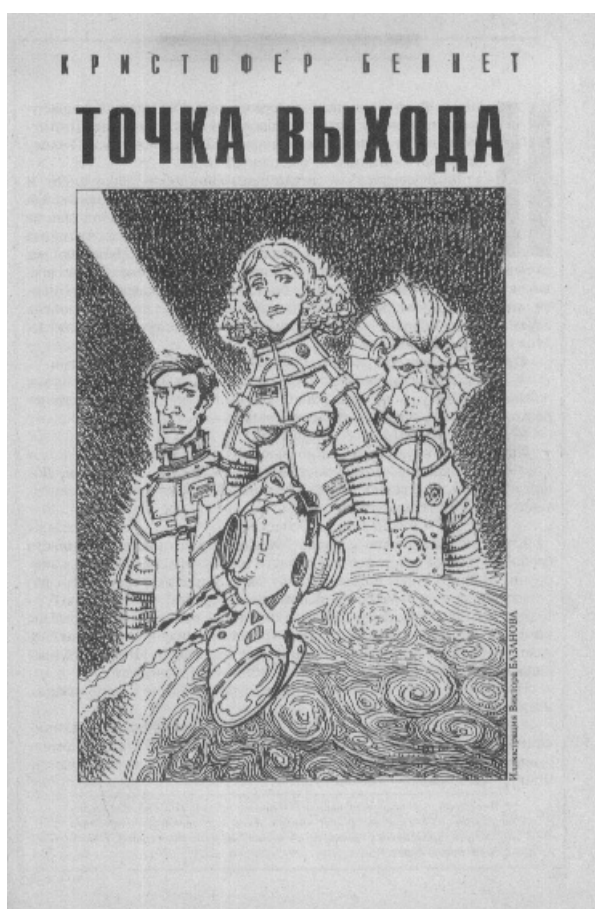

Иллюстрация Виктора БАЗАНОВА

Нашира Винг позвонила в дверь номера 47 и нервно затеребила бретельки облегающего платья. И едва из него не выпрыгнула, когда дверь номера приоткрылась, обнаружив голову огромного хищника со слюнявой пастью.

- Ты из сервиса? - осведомился хищник. - Наконец-то. Я с голоду помираю. - Несколько щупалец с раздвоенными, как змеиные языки, кончиками метнулись вперед и обнюхали ее руки. - Открытые части твоего тела - это те самые, что снова отрастут? Не волнуйся, мой яд

работает и как обезболивающее.

- Э-э... нет, - ответила Нашира, вновь обретая уверенность в себе. Она каждый день смотрела в лицо банальной и бессмысленной смерти, и зрелище огромной слюнявой пасти лишь слегка подняло уровень адреналина в ее крови. - Извините, наверное, я не ту кнопку нажала. Мне нужна четвертая комната.

Существо - кажется, хпонг - втянуло голову вместе с языками.

- О, так вы, наверное, сексуальная партнерша Дэвида! Конечно, я должен был сразу распознать, какой вид вы представляете. Но это нелегко, когда ваш запах так замаскирован.

- Да, мы забавны в этом отношении.

Хпонг снова изучил ее с ног до головы, теперь уже глазами:

- И столько обнаженных частей тела... Жаль. Но ничего. Мне Дэвид нравится. Такой вежливый гуманоид. А пахнет просто восхитительно. Вы счастливая самка.

- Правда? Гм... конечно. Ага, счастливая.

Хпонг побрел в свою комнату, бормоча что-то насчет паршивого сервиса и грозясь съесть кое-какие части тел обслуги, не прибегая к анестезии. Нашира снова нажала кнопку звонка, надеясь, что на этот раз сигнал попадет на нужную грань номера-тессеракта^{*32}. К этому дню благодаря лентяям-техникам отеля-клоповника все остальные жильцы номера были уже в курсе ее частых визитов к Дэвиду Ламачче, что сделало их объектом сплетен на станции Оси номер 3742. Дэвиду это нравилось, но Нашира обошлась бы без лишних раздражителей.

На сей раз пространственный интерфейс сработал как положено, и к двери подошел Дэвид.

- О, отлично, ты уже пришла! - Молодой светловолосый американец быстро впустил ее, закрыл дверь и включил в кубической комнатухе «поле уединения». Его глаза сразу нацелились на дамскую сумочку. - Он там?

Нашира пронзила приятеля взглядом:

- Что? И никаких комментариев по поводу моего платья?

- Платья? Да-да, ты шикарно смотришься, - рассеянно бросил он. - Ну, не томи, дай взглянуть на модуль.

Шикарно? Это настолько ошарашило Наширу, что она даже не сопротивлялась, когда Дэвид взял у нее сумочку и принялся в ней копаться, отыскивая модуль датчика гравитации, который она всю последнюю неделю тайком проносила на свой разведывательный корабль. Через секунду-другую она пришла в себя. Почему,

³² * *Тессеракт - четырехмерный куб. В нашем трехмерном пространстве каждая из его восьми граней одновременно является и гранью одного из восьми трехмерных кубов, из которых состоит тессеракт. (Здесь и далее прим. перев.)*

собственно, ее должно волновать, заметил ли ее наряд этот мужлан? Да она в любой день может найти себе кого получше! Вернее, могла бы, если бы ее соглашение с Дэвидом не требовало делать вид, будто их встречи наедине - это любовные свидания. Она вздохнула. Напрасная трата хороших духов...

Дэвида, разумеется, заботило только одно - желание разгадать секреты Оси и тем самым доказать, что человечество достойно называться межзвездной цивилизацией. Нельзя сказать, что Нашира не симпатизировала его стремлениям: если появится возможность предсказывать, какой вектор входа в эту зловещую «дырку реальности» выведет в конкретную точку Галактики, ей больше не придется рисковать жизнью, испытывая входные векторы наугад, надеясь отыскать среди них какой-нибудь полезный. Но то, что Дэвиду представлялось перспективой для нового и молодого вида разумных существ, Нашира полагала невежеством.

Однако даже оптимизм не мог увести Дэвида далеко. Вскоре он застонал и отбросил приборы:

- Опять ничего.

- Только не говори, что тебя это все еще удивляет, - предупредила Нашира. - Я в этом месяце сделала больше медленных погружений в Ось, чем прыгуны со скал на Фобосе, но переход все равно происходит фактически мгновенно. К тому же через Ось просачиваются сигналы от всех излучающих тел в пределах сотни килопарсеков. Из этого сплошно белого шума просто невозможно вычленить какие-либо данные. Думаешь, ты первый за шестнадцать тысяч лет, кто попробовал сделать подобное?

- Нашира, будь все настолько безнадежно, нам не пришлось бы разыгрывать эту комедию. Сам факт того, что досперхаги хотят нас остановить, подразумевает: такой способ должен существовать!

- Именно поэтому они пытались нас убить?

В целом, досперхаги были достаточно щедры, разрешив пользоваться открытой ими Осью и другим расам Большой Галактики. Но они могли себе такое позволить, учитывая огромную прибыль от монополии на единственный в известной Вселенной способ перемещений со сверхсветовой скоростью. Если кто-нибудь разгадает секрет Оси и использует его для создания альтернативного метода сверхсветовых полетов, досперхаги эту привилегию утратят. Поэтому у подобной благожелательности имелись пределы, в чем Дэвид и Нашира убедились на личном опыте.

Нашира вздрогнула, когда в дверь позвонили.

- Открой, пожалуйста, - попросил Дэвид. - Это Райнъян.

- Райнъян! - Нашира метнулась к двери и втащила сосирину в номер. - Ты что здесь делаешь? - прошипела она, едва дверь закрылась.

Рыжевато-коричневый сосирин с лвиным лицом рассеянно поправил

гриву из перьев:

- Дэвид пригласил.

- Надеюсь, тебя никто не видел?

- О, я только что мило побеседовал с хпонгом из пятой комнаты. Не волнуйся, нашу легенду я не провалил: мол, пришел к вам заняться сексом втроем.

Нашира поморщилась и негромко выругалась по-китайски. С Дэвидом и его закидонами вполне можно было примириться, но это означало, что придется терпеть и Райньяна. Неприлично богатая раса сосиринов гордилась своей щедростью, а ее представители безжалостно состязались в том, кто кого превзойдет в расточительности; особенно престижным считалось финансирование безнадежных предприятий - вроде затеянного Дэвидом. Нашира не возражала, когда Райньян направо и налево раздавал взятки, чтобы она могла пронести на борт приборы Дэвида, но прекрасно обошлась бы без высокомерия сосиринина и его беспрестанных попыток затащить ее в постель. И она все еще негодовала на него за то, что он перехватил заявку на величайшее открытие, сделанное Наширой, хитростью лишив ее шанса покончить с опасной работой разведчика. Лишь то, что при этом он случайно спас ей жизнь, останавливало Наширу от решительных действий против сосиринина. Однако Райньян, даже не представляющий, что такое неудача, продолжал отчаянно флиртовать. Неспособность Дэвида примириться с потерями хотя бы имела причиной обычный для людей самообман... впрочем, он назвал бы его надеждой.

Райньян оглядел Наширу.

- Ты выглядишь весьма аппетитно. Что скажешь, если мы смастерим маленького сосиринчика? И я предпочел бы, чтоб мы занялись этим делом вдвоем. В любом случае, мне нужны подробности, чтобы записать их в свой дневник.

Нашира подавила вопль.

- Все, с меня хватит... Рисковать своей задницей - одно дело, но репутация мне дороже! - Она решительно направилась к двери. - И больше никаких фальшивых свиданий. Если вы и впредь хотите сканировать Ось, вам придется летать вместе со мной.

Следуя вполне предсказуемой извращенной логике, Дэвид широко улыбнулся, услышав о такой перспективе, и вскочил с кровати:

- Отлично! Я уже весь извелся - так хотелось вернуться в космос! Мы сможем вылететь завтра?

- Если ты не против риска мгновенной и ужасной смерти - конечно.

- Ты говорила, что теперь перед каждым вылетом сканируешь корабль и проверяешь, не подстроил ли кто диверсию.

- Нас можно угробить и множеством других способов.

- Здесь столько свидетелей, что на станции они на такое не осмелятся. А после прыжка они уже ничего сделать не смогут. - Он

улыбнулся и взял ее за руку. - И, кроме того... я верю, что ты о нас позаботишься.

Сердце Наширы забило чаще, и она мысленно выругалась. Как всегда, он ухитряется пробить ее броню... Она повернулась к Райньяну:

- Понятно, ты тоже летишь с нами. Хотя мы можем не вернуться.

- О, расслабься, - успокоил ее Райньян. - Смерть - это нечто такое, что случается с другими.

* * *

Звонок с Доспа застал Моака Векреди в самый неподходящий момент. Если бы звонил кто-то другой, Моак ответил бы, что он в отпуске. Но его работа, а потому и выживание его большой и растущей семьи (растущей прямо в этот момент), зависела от благоволения начальства. Поэтому он позволил своим компаньонам (он приучил себя не думать о них как о собственных детях и лишь иногда проговаривался, признавая родственные отношения) помочь ему добраться до бака с квантилопой, а затем постарался завершить текущий процесс как можно тише - хотя при нормальных обстоятельствах именно Векреди производил бы больше всего шума.

- Я... я здесь, Морджепас, - кое-как выдавил он, пытаюсь стонать как можно тише.

Квантилопа повернула к Векреди прелестную мордочку, увенчанную тупыми рожками, и заговорила хриплым голосом досперхага, мгновенно донесшимся через световые годы с Доспа благодаря квантовой связи, соединяющей эту квантилопу с ее напарницей в офисе Морджепаса:

- Векреди, ты в порядке?

- В пол-ном! А-а-а!.. - Он был рад, что эти маленькие пурпурные существа могут воспроизводить лишь звуки, услышанные на другом конце линии, но не в состоянии передавать изображения. - У меня тут... ничего не... происходит! Не-е-ет!..

- Ты опять рожаешь, да?

- Что вы, босс! - выдавил он между схватками. - Понятия не имею... о чем вы. Я просто работаю... с документами. - Первый младенец появился на свет и начал пищать. - О, извините... мне тут... звонят... надо переключить вызов на ожидание. - Он отчаянно замахал одному из своих компаньонов, чтобы тот унес младенца в другую комнату.

- Не надо врать, - заметил Морджепас. - Все и так знают, что зегхрюки плодятся как сумасшедшие.

- Я вам для чего-то... понадобился, Морджепас?

- Дело подождет час-другой.

- Нет-нет... я не занят... ничем важным.

Квантилопа вздохнула:

- Ладно, будь по-твоему. Дело в твоём донесении. Тот человек, Ламачча, опять совершает погружения в Ось вместе с разведчиком Винг.

- Да... все правильно.

- И они получили твоё согласие?

- У меня не было... оснований для отказа. А-а-а! - Вторым ребёнком никак не выходил. Или, может быть, Векреди был сейчас слишком напряжён. Роды - событие весьма личное для зегхрюков. Даже взгляд квантилопы глубоко унижал Векреди.

- Верно, - через секунду признал Морджепас. - Полагаю, вряд ли их отношения действительно носят сексуальный характер?

Векреди съежился, но вовсе не из-за родовых схваток. Личное для зегхрюков должно быть личным для всех, особенно для таких отвратительно негермафродитных существ, как люди.

- У меня нет мнения на этот счёт.

- Что ж, зато мы уверены: это лишь прикрытие его исследований Оси. Стены в номере его отеля тонкие, и наш агент не слышал звуков, которыми сопровождается копуляция у людей.

- Понял. И как их остановить?

- Ну, Векреди, ты ведь знаешь, что официально досперхаги не возражают против исследований Оси. Значит, всё должно выглядеть естественно. Скажем, несчастный случай.

- Что же вы придумали?

- Когда разведчик Винг в очередной раз возьмёт на борт Ламаччу, дай ей задание проверить вот этот вектор. - Квантилопа произнесла набор цифр. Векреди вызвал их из своего имплантата дополнительной памяти и просмотрел информацию.

- Но, Морджепас... это же временно закрытый вектор! Там исчезли два разведчика - один за другим. И последний всего лишь двенадцать лет назад. - Если опасность сохранялась пять лет, разделяющие две разведки, то вряд ли точка выхода за это время ушла далеко от опасного места. Правила требовали выждать не менее двадцати лет перед третьей попыткой.

- Векреди, ты понял смысл задания?

- Да, Морджепас, - со вздохом подтвердил Векреди. - Я поручу разведчику Винг этот вектор.

- Мне тоже жаль, что приходится так делать, Мокак. Тебе нравится разведчик Винг?

Векреди поразмыслил над вопросом.

- Вообще-то, нет. Люди... от большинства из них не жди ничего, кроме проблем. И они все прибывают на мою чистенькую и ухоженную станцию. Они плодятся, как паразиты, вот в чём проблема.

Он содрогнулся, когда через родовой канал прошёл четвёртый

ребенок.

* * *

От станции 3742 до Оболочки, где находилась сама Ось, расстояние было немалым. Внутренние кольца поселения были зарезервированы для более известных или древних разумных существ Сети Оси, в то время как младшие миры, вроде Земли, довольствовались более удаленными внешними кольцами. Разведчики Оси имели приоритет для выхода на старт, но и кораблю «Энтропия» понадобилось добрых двадцать минут, чтобы добраться до Оболочки. Дэвид не возражал против задержки - она дала ему больше времени насладиться потрясающим зрелищем центрального балджа Галактики, заполняющего половину неба.

Внутри Оболочки вид был почти таким же впечатляющим - сферическое пространство километровой диаметра, заполненное сложной системой трасс и установок, запускающих корабли по рассчитанным векторам в расположенную в центре Ось. Дэвид не переставал изумляться точности, с какой работали механизмы Оболочки: а она была необходима, поскольку малейшая ошибка в расчете угла входа или скорости могла послать корабль и вовсе в другую галактику. Однако его задача - точнее, задача Наширы - нырять по тем неизвестным векторам, которых все прочие старались избегать. А это намного круче, чем придерживаться известных маршрутов. Ему лишь хотелось, чтобы и Нашира это оценила.

- Ну сколько я тебе уже твержу, что ничего эффектного в этом нет, - вновь заявила Нашира. Дэвид не произнес ни слова. Наверное, она увидела, с каким выражением он наблюдает, как она работает за пультом управления. - Я всего-навсего набираю координаты назначенного мне вектора и надеюсь, что мы не вынырнем внутри звезды. Я ныряю, возвращаюсь, снова ныряю. Как паршивый лифтер.

- Да, зато каков лифт!

Из рации донесся голос:

- Прошу хотя бы сегодня придерживаться назначенных векторов, разведчик Винг, - сказал Векреди. - Я снова получил жалобы насчет твоих... импровизаций. Если поступят новые, придется тебя наказать.

- А тебе разве не следовало уйти в декретный отпуск, Кред? - осведомилась Нашира.. - Твой офис - неподходящее место, чтобы нянчить детей.

- Работай по утвержденному графику, разведчик Винг! Это приказ! Конец связи.

Она набрала первый вектор, и пусковая направляющая послушно вывела «Энтропию» на стартовую позицию. На обзорном экране

головокружительно завертелись корабли и оборудование Оболочки, но сама Ось - эта странная и тускло светящаяся складка пространства-времени - оставалась фиксированной и неизменной точкой. Осью, вокруг которой вращались галактики - причем больше чем одним способом.

- Приготовь свои железяки, мы стартуем через шестьдесят секунд, - сообщила Нашира и оглянулась. Дэвид включил датчик гравитации. - А я уж было подумала, что ты сдался.

- Вчера вечером я думал об Оси: это центр масс нашей Галактики, ее галактик-спутников и ее ореола темной материи. Так вот, предметы ведут себя так, будто все их вещество сосредоточено в центре массы. И Ось ведет себя так, будто в ней сосредоточена каждая точка в Галактике. И я подумал: тут должна иметься какая-то связь. Нечто, связанное с массой.

- Поздравляю, - усмехнулась Нашира. - Ты только что наткнулся на первую, самую очевидную теорию Оси, которую выдвигали все цивилизации в истории. И ушло у тебя на это всего шесть недель.

- Ну, может быть, они слишком легко от нее отказались.

- Или же это тупик. Все согласны, что подобная теория частично объясняет существование Оси, но не выявляет связь между вектором входа и точкой выхода. Если там все спутано, то связи должны быть случайными, а не постоянными для одного и того же вектора. - Она взглянула на него. - Меня поражает, что ты хочешь узнать секреты Оси, при этом не понимая основ?

- Не желаю угодить в ловушку прежних догадок.

- Блестящее решение! Таким способом ты лишь повторишь все прежние ошибки.

- Или испробую нечто такое, до чего никто не додумался.

Дэвид смотрел на Ось, испытывая благоговение перед ее космической центральностью. Несмотря на внешнюю уверенность, слова Наширы его отрезвили. Ну как он мог поверить, что недоучка из колледжа с окраины Галактики может добиться успеха там, где потерпели неудачу многие цивилизации?

Потому что никаких окраин не существует, напомнил он себе. Каждая точка в девяти галактиках сейчас перед его глазами - все они едины, все равны. Ось внутри меня. Я внутри нее. Поэтому я могу разгадать ее тайну ничуть не хуже, чем любой другой.

- Отправляемся, - сообщила Нашира. - Последний шанс примириться с Вселенной.

Нашира затаила дыхание, когда корабль нырнул в центр всего... Загремел сигнал тревоги.

- Господи, мы в гравитационном колодце!

- Что? - воскликнул Дэвид.

- Неважно, пока мы сохраняем орбитальную скорость, - ответила она,

восстановив спокойствие опытного пилота.

Заработали термоядерные двигатели, перегрузка вдавила их в кресла. То, вокруг чего они пытались выйти на орбиту, находилось позади них, вне поля зрения, а Нашира была слишком занята, чтобы включить кормовые датчики. Дэвид взял это на себя.

- Порядок, - сказала Нашира через несколько секунд, глядя на дисплей переднего обзора. - Теперь корабль и сам... Боже праведный, и бантик сбоку!

Планета позади них была прекрасна. На ее освещенной половине блистали голубые океаны и ярко-зеленые леса. Ночную половину усеивали огни городов. Дисплеи показывали тысячи спутников и орбитальных станций. Населенная планета с космической цивилизацией - такая удача выпадает разведчику Оси раз в жизни.

- Нашира! - воскликнул Дэвид. - Это же...

- Помолчи. Это не может быть тем, чем кажется.

- Но посмотри же!

- Нет, ты не понял. Разведчику повезет, если он сделает хотя бы одно крупное открытие за всю жизнь. Но два за два месяца? Ни за что! Быть такого не может!.. Райньян! - Она резко повернулась к сосирину. - Не смей покидать кабину! Я тебе ноги переломая быстрее, чем ты украдешь у меня еще одну заявку!

Но Райньян всматривался в изображение планеты на дисплее.

- Дорогая, я думаю, что зиовры очень разозлятся, если я попытаюсь сделать заявку.

- А при чем тут зиовры? - удивилась Нашира. Дэвид слышал название этой довольно известной в Сети расы, но не смог припомнить подробности.

- Ну, сама знаешь, как они относятся к своей собственности. Они погубили мою благотворительную экспедицию на эту планету лет двадцать назад. Национализировали все мои пожертвования! Их бюро по миграции заявило, что они сами решат, кому и как их распределить. Поэтому, когда наступило время годовых подсчетов, я смог указать всего одного получателя пожертвований. И это после целой экспедиции! Представляешь, каково стать посмешищем для всего Райсоса. - Он улыбнулся. - К счастью, в следующем году на Внебнил упал большой астероид. Подвернулась замечательная возможность для пожертвований, и я стал одним из первых.

Нашира сверкнула глазами:

- Выходит, все эти люди вовремя умерли, чтобы ты смог поднять свой социальный статус!.. Но где мы находимся?

- Разумеется, возле родной планеты зиовров.

Нашира долго вглядывалась в экран. Потом села за пульт и несколько минут проверяла утверждение Райньяна.

- Нет, это... Так не бывает. В смысле... я просто не могла совершить

такое великое открытие!

Она расплылась в невольной улыбке, но Дэвид все еще не понял:

- Как это может быть великим открытием, если планета уже в Сети?

- Черт побери, ты действительно из какой-то глухомани. Как и выходная точка Оси для зиовров. Она расположена в их кометном облаке, в тысячах астрономических единиц отсюда. До нее лететь несколько месяцев.

- Ужасно неудобно, - согласился Райньян. - Анабиоз губит чудесный блеск моей гривы. Это еще одна причина, почему я не хочу делать заявку на данное открытие. А какой здесь сервис? Просто ужасный! Да, конечно, постройка мегаструктуры в точке выхода из Оси и мобилизация всего населения планеты на перемещение туда могут стать помехой, но никак не оправданием пренебрежения законами гостеприимства.

Нашира закатила глаза:

- В одном наш мистер Чувствительный прав. Такая далекая точка выхода зло подшутила над зиоврами. Выкорчевала всю их цивилизацию, высосала все их ресурсы на переезд. Это не жизнь. - Она просияла. - Можете представить, что для них будет означать вторая точка выхода практически на орбите их планеты?

- Да... - выдохнул Дэвид. Для каждой расы точка выхода из Оси становилась главным и единственным путем к богатствам и чудесам Галактики. Контакт с Осью преобразовал Землю, подарил ей ресурсы и технологии, обещающие такое процветание, какого человечество не знало никогда - хотя и очень постепенное, во всяком случае, до тех пор пока человечество не сумеет доказать, что может предложить что-либо взамен и стать настоящим торговым партнером, а не объектом благотворительности. Он вспомнил долгий и дорогой перелет к точке выхода чуть дальше орбиты Сатурна и понял, почему зиовры решили перебраться к своей гораздо более удаленной точке выхода, как это уже сделали многие другие цивилизации. - Нашира, так это же здорово! Ты станешь богатой! Нет, еще лучше - тебя назовут героем! - Радостно улыбаясь, он схватил ее за руку. - Человек наконец-то нашел что-то настолько важное... Нашира, да ты благодетель человечества!

Разведчица покраснела:

- Что ж... ты тоже получишь свою долю славы.

- Я не хочу славы для себя. Только для всего рода людского!

- Типичный случай. - Она усмехнулась, но, похоже, не торопилась высвободить руку.

И тут снова прозвучал сигнал тревоги. Нашира метнулась к панели.

- Приближается корабль! Это военный крейсер!

- Уводи нас отсюда, быстро! - закричал Райньян. - Особенно меня!

- Не могу! Мы слишком долго ждали, и возвратный луч отключился! А подавать сигнал, чтобы его снова включили, уже некогда! - Это

означало, что путь назад закрыт. И теперь они могли летать только за счет термоядерного двигателя «Энтропии», гораздо менее мощного, чем у боевого корабля. - Проклятье! - выругалась Нашира. - Так и знала, что добром это не кончится!

Прозвучал сигнал вызова. На экране появилось существо, похожее на человека или сосирину, но Дэвид разглядел на заднем плане других членов экипажа - четырехногих, причем передняя пара ног располагалась выше более коротких задних. Кожа у них была ярко-синей, а удлинённые головы в профиль напоминали молотки-гвоздодеры.

- Я Релнив, капитан «Мзилникса», корабля по поддержанию правопорядка, - заявил стоящий впереди офицер. - Ваше нахождение здесь незаконно, недокументированно и неавторизованно. Назовите себя и приведите оправдания вашего отклонения от процедуры.

- Я Нашира Винг, пилот корабля Оси «Энтропия». Я разведчик Оси, капитан.

- Нет, это не так. Прибытие каких-либо кораблей от точки выхода Оси не запланировано. А ваш корабль не имеет необходимого оснащения для полета такой дальности.

- Мы прибыли не из той точки, капитан. - Нашира трепетала от едва сдерживаемого возбуждения. - Наш разговор записывается, верно? Так вот, я официально заявляю: перед вами Нашира Винг, разведчик Оси с личным номером Синий 662 Красный 769...

- С Земли, - вставил Дэвид.

- ...и я только что открыла новую точку выхода Оси поблизости от орбиты Рензиова.

- Ничего подобного вы не обнаружили. Повторяю, приведите оправдания вашего отклонения от процедуры, или...

- Нет, мэм, клянусь. - Как Нашира догадалась, что капитан женского пола, оказалось выше понимания Дэвида. - Сейчас точка выхода закрыта, но если вы разрешите послать через квантилопу сигнал на Ось, они снова откроют вектор, и вы сами увидите возвратный луч.

- Любая неавторизованная связь запрещена. Я имею полномочия открыть огонь, если вы совершите такую попытку!

- Э-э... извините, - вмешался Дэвид. - Привет. Я Дэвид Ламачча с Земли. Вы понимаете, что это значит, э-э... мэм? Теперь у вас есть точка выхода рядом с вашей планетой!

- Нет! - отрезала Релнив. - Молчать. Немедленно прекратите эти абсурдные заявления.

- Не понял... - озадаченно произнес Дэвид. - Я думал, вы обрадуетесь. Райньян шагнул вперед.

- Позвольте мне. Я знаю, как разрулить такую ситуацию. - Он повернулся к зиоврийскому капитану и одарил ее сосиринским эквивалентом чарующей улыбки. - Здравствуйте. Меня зовут Райньян

Зайнара ад Суринууууя, и я лишь хотел сказать: какие бы жалкие гроши ни платило вам за службу правительство, этого явно недостаточно, и я буду счастлив компенсировать несправедливость в обмен на то, что вы не станете в нас стрелять. И позвольте мне также добавить, что вы выглядите очень сексуально в этой чудесной новенькой форме.

- Райньян! - Нашира оттащила его от экрана и заслонила собой. - Не обращайтесь на него внимания, он здесь случайно. Послушайте, никаких трюков, никаких взяток, просто разрешите мне послать одно короткое сообщение.

- Политика по отношению к тем, кто незаконно вторгся в орбитальное пространство Рензиова, предельно ясна - любая связь запрещена.

- Но почему? Разве это причинит вам вред? Если бы поблизости не было известной точки выхода, тогда...

- Подождите. - Релнив слушала имплантированный коммуникатор. - Я получила приказ конфисковать ваш корабль и эскортировать на планету. Не пытайтесь сопротивляться указаниям, или вас будет ждать суровое наказание.

- Хорошо, хорошо. Нам не нужны...

- И вы ни с кем не станете это обсуждать. - Релнив помолчала, снова вслушиваясь. - Что? Я? Извините, я думала, вы имели в виду... нет, конечно, я не буду обсуждать... но почему... - Она выпрямилась. - Понятно. Конец связи. - Она вздохнула. Вид у нее был озадаченный. Трудно прочитать выражение лица представителя незнакомой расы, но осторожность и нерешительность можно распознать в языке тела большинства разумных существ. Еще одним понятным действием стало испуганное подпрыгивание, которое Релнив совершила, заметив, что Нашира и остальные все еще смотрят на нее. - Вы этого не слышали! - рывнула она и отключила связь.

* * *

Нашира ожидала увидеть тюремную камеру. Поэтому когда капитан Релнив и ее солдаты доставили их в роскошный номер отеля, превышающий по размерам всю бытовку для разведчиков на станции 3742 и щедро оснащенный всеми мыслимыми приспособлениями для комфорта, это ее более чем удивило.

- Может быть, они наконец-то поняли, что мы принесли хорошую новость, и решили нас отблагодарить? - предположил Дэвид.

Иногда Нашира почти завидовала его идеализму. К сожалению, на практике это означало, что Дэвид погубит себя или других, если она не будет постоянно за ним присматривать.

- А ты не забыл, как они отрубили нам все контакты?

- Может быть, они хотят преподнести эту новость в качестве сюрприза?

Нашира лишь закатила глаза.

- А в чем-то он прав, - заметил Райньян. - Такие новости следует объявлять с должной помпезностью и церемониями. Музыка, парады, фейерверки, пиры... местные красотки, бросающиеся к ногам героических первооткрывателей... ах-х... Знаешь, когда я был здесь в последний раз, то узнал кое-что приятное: с четырьмя ногами возможны кое-какие очень интересные позиции.

- Это можно будет устроить, - раздался новый голос. В дверях стоял холеный и хорошо одетый зиовр, сопровождаемый Релнив и ее охранниками. Он производил впечатление существа, хорошо питающегося, ленивого, склонного к всевозможным излишествам и зависящего от новейших достижений медицины, облегчающих тяжелые последствия такого образа жизни. - Оставайся снаружи, - бросил он Релнив.

- Но, господин...

Зиовр повернулся к ней - удивительно живо для своих габаритов:

- Ты сказала «но»?

Релнив опустила голову:

- Нет, господин.

Толстяк вошел, дверь за ним закрылась.

- Приветствую вас. Я Керу Гамриос, и от лица Зиоврского союза приношу официальные извинения за столь холодный прием. Мы будем рады компенсировать причиненные неудобства. Однако должное выражение этой компенсации не будет столь... э-э... публичным.

- Что за черт? - удивилась Нашира. - Мы ведь только что открыли точку выхода Оси, мистер. Практически рядом с вашей планетой.

- Нет, разведчик Винг, вы ее не открыли. И позвольте заверить, - продолжил толстяк, - что вы будете щедро вознаграждены за это неоткрытие.

- Но с какой стати награждать нас за то, что мы вам не помогли? - спросил Райньян.

- Вы сами видели, как обезумела капитан Релнив от одного только намека на новую точку выхода, - возразил Гамриос. - А можете представить, какова будет реакция всего населения?

- Но, получив более удобную точку выхода, - заметил Райньян, - вы сможете избавиться от этих отвратительных долгих поездок на общественном транспорте, от этих жалких сараев, которые вы называете домами...

- И вам не придется зря тратить все ваши ресурсы на переезд, - вставил Дэвид, пока Райньян не ляпнул еще что-нибудь.

- Зря тратить? - переспросил Гамриос. - Целое поколение Союз организовывал самое эффективное и рациональное перемещение

населения целой планеты в истории Сети. Каждый шаг был точно рассчитан для оптимизации ресурсов и энергии. Вся экономика планеты, ее инфраструктура и социальный строй целиком подчинены единственной грандиозной задаче, и все выполняется с дисциплиной и решительностью, которые делают Рензиов объектом зависти всей Сети! Этой задаче наши сограждане посвятили свои жизни, не говоря уже о ресурсах. Чтобы систематически упаковать богатства, технологии, архитектуру, искусство, исторические документы, флору, фауну и даже кое-какие природные достопримечательности планеты, а затем плавно и экономично переместить все это на наш новый мир.

Если этот великий поток будет прерван, если мы попытаемся его остановить или обратить вспять, то потери окажутся непомерными! Это станет не только напрасной тратой энергии, времени и ресурсов, но и гордости и решительности наших людей! Только представьте, какое отчаяние их охватит! Бросить столь великую работу незавершенной...

- И поэтому вы продолжаете жить в полицейском государстве, не имея для этого причины? - спросил Дэвид.

- Наша дисциплина и самопожертвование - вот эти причины! Они дают цель каждому из нас, они назначают роль в этом великом труде. Если обнаружится близкая точка выхода, то и смысл, и структура, и чувство высшей цели будут вырваны с корнем... во что же тогда останется верить?

- А как насчет правды? - спросил Дэвид.

- Не надо, Дэвид, - предупредила Нашира. - На мой взгляд, каждый имеет право на свои убеждения.

- Нашира, они хотят подкупить нас, чтобы мы солгали!

- Никакой лжи, никакого подкупа, - радостно заявил Гамриос. - Вы ведь не открывали эту точку выхода. И вы окажете нашему народу большую услугу, не заявляя о ее открытии. - Он продолжил, не дав Дэвиду возразить: - Так же, как и я оказал ему услугу, не подав заявку на ее открытие.

- Что? - изумилась Нашира.

Толстый зиовр вздохнул:

- Когда-то я был молод. Меня раздражала дисциплина нашего общества, и я отправился на Ось в поисках новой жизни. Но будучи ограничен в средствах, не нашел иной работы, кроме разведчика Оси. И в один прекрасный день я прошел через Ось и оказался... дома. Да, Рензиов находилась в другой точке орбиты, поэтому я не появился прямо над планетой, как это произошло с вами, но я узнал родное солнце и созвездия.

- Погодите, - нахмурилась Нашира. - Меня не послали бы повторно по уже известному вектору.

- А они и не посылали. - Гамриос протопал к окну и любовался

видом на великолепный, залитый солнцем океан. - Сперва меня переполняло возбуждение. Какая удобная точка выхода для Рензиова! Она изменит все. Я уже направлялся к баку с квантилопой, чтобы послать сообщение - и тут до меня дошло.

- Что именно?

- Да сама невероятность того, что я выйду из прыжка возле родной планеты. Что из всех разведчиков именно зиовр открыл точку выхода возле Рензиова. Такое не могло оказаться случайностью. Это был приказ. Из всех разведчиков, которые могли открыть эту точку выхода, Вселенная выбрала единственного, кто понял важность того факта, что эта точка оставалась неоткрытой. Я не мог отрицать синхронности произошедшего. Я, Керу Гамриос, получил особую роль в Великой миграции. Даже попытавшись ей сопротивляться, я послужил грандиозной идее, сам того не подозревая.

И, признав это, я сразу же понял, как неправильно будет не выполнить приказ. Я осознал, насколько сильно наше общество зависит от этого великого организованного проекта, в котором каждому гражданину, включая меня, отведена своя роль. И что такое Сеть по сравнению с этим? Сеть слишком громадна, обширна и хаотична. Индивидуум теряется в ней, как песчинка. Но здесь все согласовано, все имеет смысл, и все до единого подчинены великой работе. И я не мог отнять все это у своего народа.

- А вы не подумали, что у вашего народа есть право высказать свое мнение по этому поводу? - осведомился Дэвид.

- О, они высказались. Когда я здесь вынырнул, луч связи с Осью заметили на пролетавшем мимо шахтерском корабле и на одном из патрульных. И оба, независимо друг от друга, связались со мной и умоляли подтвердить, что они не видели всего произошедшего... наша решимость и принесенные жертвы оказались не напрасны. А я с радостью подтвердил, что это была лишь мелкая неисправность лазера связи.

Гамриос выпрямился, насколько позволяло его грушевидное тело.

- Конечно, тогда передо мной встала дилемма, ведь я мог уже никогда не вернуться на Ось. Но, как вы сами видите, - продолжил он, обводя жестом роскошный номер, - патриотизм может весьма ощутимо вознаграждаться. Те, кто узнал о моей заслуге перед Великой миграцией, были рады компенсировать мне потерю работы. Мне предоставили новую личность и должность, соизмеримую с величиной моей заслуги. Я наконец-то достиг высокого положения, - гордо произнес он, - но внутри системы, а не вопреки ей. Хотя и Ось я тоже должен поблагодарить.

- Боже мой... - пробормотала Нашира. - Кред! Он подсунул мне мертвый вектор! Этот гад пытался нас убить! - Она знала, что второе открытие такого масштаба маловероятно. Как теперь выяснилось,

никакого открытия она и не совершала.

- Да, я был удивлен, что очередной разведчик появился здесь так скоро, - согласился Гамриос. - Это и есть моя работа в системе: заботиться, чтобы точка выхода и дальше оставалась необнаруженной. Да, это легкая работа, если учесть, сколько лет проходит между попытками, но ее важность невозможно переоценить. Второй разведчик появился примерно в ожидаемое время, поэтому мой департамент сумел перехватить его раньше, чем он успел предупредить Ось. Да, мы не зря получаем щедрые государственные субсидии. - Он разволновался. - Да, мы... э-э... еще долго не ожидали третьего, поэтому никто не сможет нас обвинить, что на этот раз мы реагировали недостаточно быстро. И весьма удачно, что вы материализовались в нашем орбитальном пространстве, поэтому вас смогли быстро перехватить.

- Вы имели в виду, удачно для вас, - уточнила Нашира.

- И для вас тоже, если вы следили за моей мыслью. - Он указал на вид за окном. - Взгляните на всю эту безбрежную красоту. Со временем на Рензиове не останется никого, за исключением очень немногих, кто решит оказаться в изоляции от Галактики. И эти немногие смогут разделить между собой ресурсы целой планеты. Они станут невероятно богаты.

- Значит, мы застрянем здесь, где никто не сможет нас отыскать, и будем купаться в роскоши до конца жизни?

- Совершенно верно. Вашему разведчику-предшественнику было сделано аналогичное предложение, и он его принял. До сих пор не жаловался.

* * *

Их номер действительно был обставлен роскошно. Райньян первым делом отправился испытывать бар, а Нашира залезла в ванну, близкую по размерам к олимпийскому бассейну. Дэвиду требовалось время подумать.

Когда Нашира вышла из ванной, обернувшись в полотенце (довольно маленькое, потому что большинство зиовров subtilнее людей), то с негодованием обнаружила Дэвида, подпирающего стенку возле двери в ванную.

- Ты что здесь делаешь?

- Стою на страже. На тот случай, если Райньян попытается к тебе залезть.

- А-а... - Ее взгляд смягчился. - Это... очень любезно.

Вроде бы она произнесла это искренне, но в то же время показалась Дэвиду слегка разочарованной, хотя он не мог понять из-за чего. Может

быть, ее огорчила утраченная возможность устроить скандал. Но Дэвиду хотелось верить: за последний месяц он сумел показать ей, что такое надежда. И сейчас она улыбалась чаще, чем в первые дни их знакомства.

Когда Нашира пошла к своей комнате, он преградил ей путь:

- Нашира, нам надо поговорить.

- Говори, - разрешила она.

Дэвид вдруг понял, что стоит ужасно близко. Он шагнул назад и отвел взгляд.

- Я имел в виду... когда ты оденешься.

- А-а... Конечно.

Опять это странное впечатление легкой досады. Как будто ее больше порадовало бы, если бы он остался в ее личном пространстве и дал повод для гнева. Она скользнула мимо него в свою комнату. Полотенце упало, и он быстро отвернулся. Он будет паршивым другом и партнером, если станет на нее пялиться.

Но, черт побери, фигура у нее классная.

- Ты что, действительно хочешь на такое согласиться? - спросил он Наширу, как только она вышла, облаченная в соблазнительное синее платье, наверняка изготовленное фабрикатором в номере.

- Оглянись, мальчик, - со смехом предложила она. - Вот что значит хорошая жизнь! Я могу получить все, что угодно, стоит лишь пожелать. Тут почти безлюдная планета, по которой можно путешествовать. А самое главное - я больше не рискую каждый день умереть. И Кред больше не станет изучать меня поперх своего крысиного носа.

- Но как же наша миссия? Как же человечество?

Нашира раскинулась на огромной кушетке.

- Твоя миссия оказалась фантазией. У человечества нет ничего нового, чтобы предложить Сети, и нам еще повезло, что в порядке благотворительности кое-что подбросили. Люди на Земле сейчас живут более или менее прилично, так зачем гнать волну?

- Потому что «прилично» - мало. Вокруг целая Галактика, полная чудес, и мы заслуживаем того, чтобы стать частью этого целого.

- Пусть так, но мы с тобой ничего не изменим. Ты сам не ведаешь, что творишь, а мне на все это наплевать.

Дэвид вздохнул:

- А на зиовров тебе тоже наплевать? Или ты получишь роскошь в обмен на то, что позволишь правительству и дальше лгать своему народу?

- Так поступают все правительства.

- Неправда. Посмотри на сосиринов. У них все свободны и равны.

- Это лишь означает, что они все участвуют в этой афере. Они обманывают себя, полагая, что их унижительные благотворительные акции придают смысл их пустым жизням, и обманывают простаков

вроде тебя, заставляя верить, будто благотворительность делает сосиринов значительно больше всех остальных. - Она покачала головой. - Благодетели - такие же эгоисты, как и все мы. Просто они вознаграждаются повышением своего эго. - Она откинулась на спинку и погладила бархатную обивку дивана. - Что касается меня, то я предпочитаю более осязаемые вознаграждения.

- Хм-м, - буркнул Райнъян, который присоединился к ним, услышав, как упомянули его соплеменников. - И ты называешь это вознаграждением? Мини-бар подает всего восемьдесят видов напитков. И тут лишь десять массажисток по вызову, причем только шесть из них соглашаются раздеться!

- О, привыкай к более суровой жизни.

- «Суровости» мне больше чем хватило, когда я прозябал на вашей паршивой станции. Я хочу домой!

- И у тебя есть план?

- Ты разве не заметила, как на меня смотрела охранница? - Райнъян взбил и без того пышную гриву. - Предоставь это мне, и я уговорю ее выпустить нас.

Нашира с некоторым трудом поднялась с дивана и вызывающе устаивалась на сосирине:

- Только попробуй!

- В этом мы должны быть едины, - согласился Дэвид. - Ты нужна нам, Нашира. Прошу тебя.

- Дэвид, не суетись. Погрузись в роскошь и позволь ей смыть твои паршивые идеалы. Тебе сразу полегчает.

- А ты действительно будешь здесь счастлива? А как насчет... общества? Человеческого общества?

Она взглянула на него сквозь полуопущенные ресницы, соблазнительно наклонив голову:

- Это можно будет устроить.

- Как? Закажешь фабрикатору мужчину?

- Да пошел ты к черту! - воскликнула она, собираясь уйти. - Валяй, попробуй сбежать, пусть тебя посадят в тюрьму - мне все равно!

- Мы уже в тюрьме. - Дэвид подошел к ней, развернул и сжал обнаженные плечи. - Послушай, ведь это ты всегда жаловалась, сколь тяжела жизнь разведчика. Как все безнадежно. А здесь, в этом сладком сиропе, многие согласны стать хоть разведчиками Оси, лишь бы сбежать отсюда. Подумай, Нашира, в Оси у тебя хотя бы имелся шанс. Ты правда готова от него отказаться?

Помедлив, она отвернулась и подошла к окну, за которым разгорался великолепный закат.

- Ты такой... чертовски... бескорыстный. Но ни слова о своих истинных намерениях! И не пытайся уговорить меня сделать это ради тебя. - Она резко повернулась. - Знаешь, так нечестно. Я начинаю стыдиться

своего эгоизма.

- Ты не эгоистка, Нашира. Тебе просто хочется лучшей жизни. Нам всем этого хочется. Включая зиовров.

Она зажмурилась и сжала кулаки.

- Ну, хорошо. Действуй, пока я не передумала. Или просто не придушила тебя.

- Отлично! - воскликнул Дэвид. - На свободу!

Она закатила глаза:

- Но это чертово платье я оставлю.

* * *

Соблазнение охранницы прошло на удивление успешно. Нашира не могла понять, почему уважающая себя самка любого вида так легко уступает примитивным ухаживаниям Райньяна. Однако сосирин очень быстро уговорил охранницу принять вместе с ним ванну и дать людям возможность ускользнуть.

Когда они подошли к двери помещения, где находились квантилопы, из-за угла коридора неожиданно появилась капитан Релнив и направила оружие в грудь Наширы.

- Почему вы здесь? - спросила Релнив.

- Мы? Да так... ничего особенного... просто ищем спортзал. - Нашира заткнулась, чтобы не ляпнуть что-нибудь еще более глупое.

Само собой, это за нее сделал Дэвид:

- Мы пытаемся сбежать, капитан.

- Нет, - сказала Релнив. - В смысле, почему вы здесь? - Она обвела жестом роскошные апартаменты. - Почему вас сюда привезли? - Нашира запоздало увидела испуг и смятение на лице капитана. - Если вы солгали насчет новой точки выхода, за что вас так наградили?

- Потому что мы не лгали, - ответил Дэвид. - Лгут они. И не хотят, чтобы мы об этом рассказывали. Никому.

- Нет! Скажите, что это не так. Скажите, что нет никакой точки выхода. И что вы здесь по другой причине. Это наверняка ложь.

- Зачем вам это? - нахмурился Дэвид. Релнив посмотрела ему в глаза.

- Наша система существует ради цели. У меня в ней своя роль, свои обязанности, и для всего этого есть причина. Должна быть причина. И если ее нет... если рядом имеется точка выхода и нам не нужно мигрировать... тогда все жертвы, которые я принесла... - Она отвела взгляд. - Все жертвы, которые я... заставила себя принести, окажутся напрасными. Ложь. Вся моя жизнь... бессмысленна.

Дэвид приблизился к ней:

- Совсем не обязательно. Вы можете придать своей жизни новый смысл. Лучший смысл. Для себя и своего народа.

Рука Релнив с оружием задрожала и опустилась. Нашира едва не бросилась к Релнив, чтобы выбить у нее оружие, оглушить и, перешагнув через тело, попасть к квантилопам. Но, сама не понимая почему, предоставила действовать Дэвиду.

- Но что тогда произойдет? - спросила Релнив. - Начнется хаос. Мы уже переправили столько людей, столько имущества!.. Если этот поток остановить, будет очень трудно повернуть его вспять, вернуть все на места.

- Именно это нам сказал господин Гамриос, - подтвердил Дэвид. - Но подумайте сами: есть точка здесь и точка выхода там. - Он пожал плечами. - И пусть вы разделены большим расстоянием в обычном смысле, но относительно Оси вы совсем рядом. Поэтому вам ничего не нужно останавливать или возвращать. Перебирайтесь и дальше, а потом вернитесь через заднюю дверь. Кто-то из вас может остаться там, а кто-то - здесь. И вас будут разделять всего несколько часов полета через Ось. Может быть, дней, если придется ждать своей очереди. Но ведь это лучше месяцев пути, как сейчас. И вам не нужно ссориться из-за выбора, где жить дальше. Вы останетесь единым сообществом.

Релнив все еще медлила с решением:

- Но у большой машины такая сильная инерция... И очень многие из нас не хотят перемен... или не знают, как их добиться. Они начнут сопротивляться...

- Не беспокойтесь! - вмешался подошедший сзади Райнъян. От него пахло чем-то непонятным - Нашира надеялась, что это сосиринская версия пота. - Мы будем рады приложить свое дипломатическое влияние для обеспечения гладкого перехода. Если ваши бюрократы столь же падки на взятки, как господин Гамриос, все произойдет достаточно легко. И я лично буду счастлив удовлетворить потребности любого зиовра, который пострадает от социальных потрясений. - Его грива трепетала от возбуждения. - Это более чем компенсирует мои потери во время предыдущей поездки сюда, - поведал он Нашире. - Я знал, что Вселенная рано или поздно восстановит справедливость.

К счастью для Релнив, она не обратила внимания на его последние слова, потому что стояла, зажмурившись. Наконец она взглянула Дэвиду в глаза:

- Не уверена, смогу ли я пойти на такое. всю жизнь я знала, какова моя цель и какое место мне уготовано. Если я встану на вашу сторону, то... даже не представляю, что ждет меня впереди.

Дэвид улыбнулся:

- Мне знакомо это чувство. Я испытываю его каждый день с тех пор, как покинул родной дом и прилетел на Ось.

- И... как вы его терпите?

- Терплю? Да я его обожаю! Какой интерес читать рассказ, если

знаешь, что будет дальше?

Его слова озадачили Релнив, но в энтузиазме Дэвида было нечто заразительное.

- Я нарушу столько законов... Меня пожизненно сошлют в шахту на астероиде.

- Можете отправиться с нами. Там вас ждет огромная вселенная.

Релнив едва не поддавалась искушению, но все же ответила:

- Нет. Здесь мой дом. Я рискну. И может быть, все эти законы отменят. - Похоже, ее шокировало, что она сумела сформулировать такую концепцию... и переживала восторг от того, что ей это удалось.

Дэвид взял ее за руку, и в комнату с квантилопами они вошли вместе. Однако Нашира не удержалась и спросила Райньяна:

- Ты так расписывал свои таланты... Я думала, вы с той охранницей дольше пробудете вместе.

Райньян напыжился и распушил гриву:

- Дорогая, когда некто столь же искушен в вопросах секса, как я, много времени на это не требуется.

* * *

Вскоре после того как Нашира сообщила на Ось о своем открытии и их затруднительном положении, через новую точку выхода на орбиту прибыл флот кораблей мкубниров - одного из видов, занимающихся поддержанием безопасности в Сети Оси. Беглецов быстро перехватили охранники Гамриоса, но к тому времени мкубниры уже предупредили толстого бюрократа, чтобы тот не смел причинять какого-либо вреда разведчице Оси или ее пассажирам. Нашира испытала истинное наслаждение, глядя, как тот лебезит, предлагая сопроводить их обратно на «Энтропию».

Еще большее наслаждение она испытала, увидев выражение на мордочке Мокака Векреди, когда ворвалась в его кабинет на станции. Гермафродит в тот момент нянчился со своими детишками и с писком нырнул под стол: то ли желая спрятать доказательства плодовитости зегхрюков, то ли укрыться от гнева Наширы.

- Разведчик Винг! Вам нельзя заходить сюда без приглашения!

- Заткнись, Кред. Твое счастье, что здесь дети, потому что только ради них я сдержусь и не выбью тебе все зубы. Когда я вернулась, то заглянула в журналы разведчиков, кое-что разузнала, чтобы выяснить, как в мое полетное задание попал этот вектор, - и угадай, чей код авторизации я обнаружила в системе доступа?

Кред трясся от страха и попискивал почти столь же жалобно, как и его потомство.

- Я только выполнял приказ, разведчик Винг!

- Конечно. Это единственное, что ты умеешь. - Она подошла к столу и грозно взглянула на сидящего на корточках босса. - Меня не особо волнует, что ты снова пытался меня убить. Это более или менее входит в твои должностные обязанности. Но посягнуть на жизнь гражданских - совсем другое дело.

Так что передай своим боссам-досперхагам вот что: я согласна молчать об их попытке убить нас. Все так рады открытию новой точки выхода для зиовров - не стоит омрачать эту радость скандалом. Но только если они оставят в покое меня и Дэвида. И Райньяна, пожалуй, тоже, - добавила она, чуть подумав. - Если с нами хоть что-то случится, все ваши грязные делишки тут же станут известны. Уяснил?

- Я... передам эту информацию.

- Хорошо. - Она уселась в кресло босса и положила ноги на его стол. - А теперь обсудим небольшой вопрос о моих премиальных за открытие. - Произнеся эти слова, Нашира ощутила почти сексуальный трепет. В новостях это уже называли «открытием века». И масштаб открытия, и возможность шантажа позволяли надеяться на получение суммы, которая навсегда избавила бы ее и от работы разведчика, и от необходимости терпеть Дэвида и Райньяна.

«Но ведь Дэвид без меня пропадет», - подсказал ей внутренний голос. «Заткнись. Я найму для него няньку».

Но Кред уже встал и на глазах обретал больше уверенности, чем ему полагалось иметь в этот момент. Более того, на его мордочке даже появился зегхрюкский эквивалент улыбки.

- О какой премии вы толкуете, мисс Винг?

- Не играй со мной, Кред!

- Поясните это официально, мисс Винг.

Она наклонилась к нему и произнесла медленно и громко:

- О моей премии за открытие новой точки выхода для зиовров.

Кред все еще улыбался:

- Насколько я понимаю ситуацию, эта точка уже была открыта разведчиком-зиовром примерно семнадцать лет назад.

- И он утратил свои права на открытие, не доложив о нем. А я доложила, поэтому получу вознаграждение!

- Э-э... понятно. Суть вашего недопонимания вот в чем: чтобы получить премиальные за открытие от администрации Оси, претендент на момент открытия должен быть штатным разведчиком.

Нашира уставилась на него с изумлением:

- Алло, контора? А кого ты все это время называл «разведчик Винг»?

- То была временная ошибка, мисс Винг, вызванная смятением чувств. Видите ли, когда вы вчера не вышли на связь после прыжка и не доложили о результатах, я, естественно, выполнил необходимые процедуры и объявил вас погибшей.

- Что? - Нашира ахнула. - Так я еще и мертва?

- В настоящий момент - да. - Он склонил голову. - Формально, мне не следовало даже разговаривать с вами. Это могли счесть доказательством либо психического заболевания, либо видений религиозного характера на рабочем месте.

- Кред!

- А поскольку вы не являлись штатным работником Оси в момент, когда было получено сообщение о новой точке выхода, его классифицировали как открытие зиовров, о котором они не сообщили по небрежности. Тогда досперхаги официально объявили его неожиданной прибылью. Все доходы от этого открытия перешли к администрации Оси. А та, естественно, выделит значительную их часть как инвестицию в восстановление экономики Рензиова. В конце концов, мы все в Сети соседи.

Нашира вскочила.

- Значит, я ничего не получу? Меня даже не признают первооткрывателем? - К своему удивлению, за Дэвида ей было обиднее, чем за себя. Тот факт, что это открытие сделали люди, значил бы меньше, чем полагал Дэвид - его способен был совершить любой идиот, сидящий в корабле-разведчике, - но мог стать хотя бы неплохой рекламой.

- Вы получили жизнь, мисс Винг, а досперхаги оставят вас в покое. Считайте, что вам повезло.

- А вдруг я вывалю весь компромат, если не получу то, что мне причитается?

Кред подался вперед, аккуратно прикрывая детишек руками:

- Поймите, мисс Винг. В распоряжении досперхагов все ресурсы Сети. Любые ваши улики они могут опровергнуть или уничтожить. Полагаю, их можно убедить, чтобы они оставили вас и ваших коллег в покое в обмен на избежание публичного скандала, но если вы такой скандал инициируете, они вас накажут, и в конце концов вы пожалеете о своем возвращении.

Эти слова отрезвили Наширу. Она потерпела сокрушительное поражение и охотно убила бы Дэвида, уговорившего ее покинуть Рензиов. Впрочем, она не сомневалась: Дэвид быстро оправится и обретет надежду, взявшись за очередной безумный проект. И Райнъян, как всегда, только выиграл от всей этой истории. Лишь Нашира Винг осталась у разбитого корыта.

Кред взглянул на нее с притворной симпатией:

- Понимаю, мисс Винг, для вас это тяжелая новость. И, если это вам по душе, вы всегда можете подать заявление на должность разведчика Оси, ставшую вакантной после вашей трагической гибели...

Перевел с английского Андрей НОВИКОВ

© Christopher L. Bennett. Home Is Where the Hub Is. 2010. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog» в 2010 году.

ДЖАСТИН СТЭНЧФИЛД

ПРИЗРАКИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

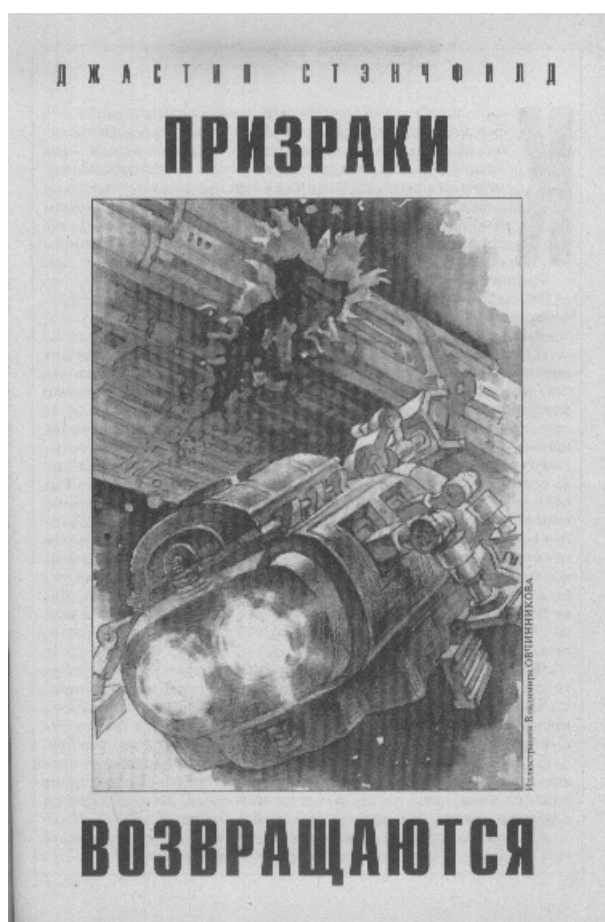

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

Кажется, что станция на экране поворачивается, когда Дэв Верлен подводит к ней шаттл. Ожидающие груза доки выглядят как колючий лес захватов, манипуляторов и подъемных кранов. Дэв повернул рычаги, направляя к станции помятый грузовой контейнер. Это был уже третий груз за сегодня, и он подумывал сделать четвертый заход, но в конце концов соблазн отправиться домой, в свою маленькую квартирку, где его ждет Лета, оказался сильнее. Он придвинул к губам микрофон.

- Стандарт 7748. Иду на посадку, с грузом. Запрашиваю курс.
- Роджер, Стандарт 48, - ответил женский голос. - Переход на

автоматическую навигацию через тридцать секунд.

- Вас понял.

Дэв с неохотой переключился на автопилот. Он был создан пилотом на генетическом уровне и несмотря на последние двадцать лет, проведенные здесь, на станции, его по-прежнему корежило каждый раз, когда приходилось передавать управление компьютеру. Он положил руки на колени и стал ждать, рассеянно блуждая взглядом между приборной панелью и открывающейся перспективой из стали и углерода под гордым названием Оазис. Станция была очень древняя, корявая и уродливая, как детский рисунок. Тысячи острых граней и углов выскальзывали на свет и исчезали по мере того, как она вращалась вокруг своей оси, навечно прикованная к орбите вокруг красного карлика. Она служила перевалочным пунктом, заправочной станцией на пути к настоящим отдаленным колониям - как Серафим, Аллегро или Новус, - с открытыми небесами и воздухом, дочиста отмытым дождем. Мирам, которых Дэву Верлену не увидеть никогда. После стольких лет борьбы с этой мыслью он наконец-то смирился: хорошо это или плохо, но здешняя станция - его дом.

Шаттл сбросил скорость, высоту и нырнул прямо к причалу. Вокруг взлетали и садились другие корабли, в темноте мерцали огни. В наушниках время от времени раздавался треск помех, переговаривались между собой пилоты и диспетчеры - нормальный транспортный поток, нестройная симфония в исполнении портового оркестра. Дэв особо не прислушивался: его внимание внезапно привлекло происходящее на экране. Впереди, нависая над зазубренным внешним краем станции, двигался такой огромный корабль, каких ему еще не доводилось видеть. Дэв присвистнул от восхищения.

- Красавец, правда? - заметила диспетчер, готовая поддержать восторг Дэва. - Пару часов как вышел из N-пространства.

- Откуда он? - спросил Дэв.

- С Порциуса. Везет беженцев.

- Вот как? - машинально отозвался Дэв. Было в этом массивном судне что-то манящее, проникшее в самые глубины его души и разбудившее желания, которые он старательно в себе усыплял. Корабль рос на экране, из-за блестящего белого корпуса он больше напоминал мифическое морское животное, нежели обычную конструкцию из углеродного волокна и титана. Когда шаттл прошел мимо, Дэв с трудом подавил желание переключиться на задний обзор: его тянуло к гигантскому судну, будто магнитом.

Злясь на себя, Дэв выудил из нагрудного кармана телефон. Пока Дэв ожидал ответа от Леты, экран светился жизнерадостным голубым светом. Несколькими секундами позже он был вознагражден размытым изображением их маленькой квартиры. Наконец в кадре появилась

сама Лета: она уселась перед экраном и наклонилась поближе к камере.

- Привет, пилот. - Даже на крошечном экранчике было видно, как сияют ее глаза цвета горячего шоколада. Улыбка сменилась надутыми в притворном недовольстве губами, отчего на ее пухлом лице появились ямочки. Темные волосы Леты были собраны сзади в короткий хвостик. - Домой собираешься сегодня?

- Через пять минут причаливаю. Сейчас пройду шлюзы, по-быстрому залезу в душ и уже через час - дома.

- Хотелось бы верить. - Она говорила, забавно растягивая слова, на местном наречии, таком же многоязычным, как и население станции. Улыбка вернулась на место, а потом исчезла: это Лета опустила камеру и направила ее на свой живот. Свободной рукой она похлопала весьма заметную выпуклость. - Мы тебя ждем.

Экран погас, и Дэв захлопнул телефон. Вздохнув, он сунул его обратно в карман. Одного взгляда на очаровательную беременную женушку оказалось достаточно, чтобы выбросить из головы образ белоснежного корабля, плывущего куда-то вдаль за его спиной.

* * *

С еще мокрыми после душа волосами Дэв шагал из ангара, где он поставил на стоянку свой шаттл, немного наклоняясь в сторону вращения станции. В глубине огромного комплекса, где они с Летой снимали свою конуру, вращение Оазиса было не так заметно - центробежные силы создавали тяготение чуть ниже стандартного земного, - но здесь, близко к поверхности, даже от резкого движения могла так; закружиться голова, что не выдержала бы и самая опытная станционная крыса. Дэв отыскал ожидающий пассажиров вагон трансрэйла, протиснулся внутрь и ухватился за поручень, когда платформа устремилась вперед.

Тысячи звуков и запахов проносились мимо, пока они спускались все ниже и ниже: острый запах горячего масла из придорожных кафе, озон от перегретой электроники и неизбежный дух от большого скопления человеческих тел в маленьком пространстве. Порой то здесь, то там мелькали клочки зелени - лимонные деревца в горшках или чахлые выюнки на стенах, но в целом станция имела весьма технологичный вид: стены цвета оружейного металла и крикливо оформленные витрины, лабиринты коридоров и переходов в состоянии вечного ремонта. Дэв не обращал на это внимания. По сравнению с кораблем, где он провел первые двенадцать стандартных лет жизни, Оазис казался настоящим раем.

Вагон повернул по широкой плавной дуге. Пассажиров качнуло, Дэв

нечаянно толкнул кого-то, стоявшего позади, и, почему-то смутившись, извинился. Обычно он почти не обращал внимания на попутчиков, но сегодня никак не мог избавиться от ощущения, что за ним наблюдают. Ему стало не по себе, но он списал это на усталость. Последнее время он работал в две смены, без выходных, решив, что когда появится ребенок, он позволит себе провести несколько недель дома, с семьей, пока скука или недостаток финансов не заставят его вновь взяться за работу грузчика.

Вагон затормозил, и Дэв ухватился за поручень, когда вагон накренился к центру станции, к ее оси. Еле волоча ноги, он сошел с платформы, в лицо ему ударил прохладный ветер от установленных под потолком вентиляторов. Внезапно его скрутил приступ боли в желудке, такой сильный, что он чуть не взвыл сквозь стиснутые зубы. Он остановился посреди тротуара, дожидаясь, пока боль утихнет. Людской поток обтекал его с двух сторон. Несмотря на прохладу, на лбу выступил пот.

- Какого черта? - пробормотал Дэв себе под нос. Вообще-то здоровье у него было железное - модифицированные гены защищали его от большинства недугов, кроме самых экзотических. Нахмурившись, он обернулся и замер с открытым ртом. На противоположной стороне платформы, на один уровень выше, стояла, держась за перила, стройная женщина с короткими светлыми волосами. Судя по ошеломленному выражению лица, их встреча была для нее таким же шоком, как и для него. Он вдруг почувствовал внутри такую пустоту, словно от него осталась лишь оболочка, заполненная пеплом. Дэв шагнул к женщине и свалился бы с платформы, если бы не ограждение. Он закрыл глаза и досчитал до десяти, затем снова посмотрел вверх.

Женщина, если она там была, исчезла.

* * *

Дверь обнюхала его ладонь и отъехала в сторону. Стоило Дэву шагнуть за порог, как его окутало голубоватое свечение - прохладная лазурь от настенных фресок с густыми зарослями толстых ветвей, колышущихся где-то в джунглях Серафима. Этот фон был у Леты одним из любимых - не только потому, что она действительно интересовалась инопланетной флорой и фауной, но и в результате пристрастия к приключенческим играм. Жена взглянула на него из-за кухонной стойки и улыбнулась.

- Привет, малыш.

Она обошла вокруг стойки (беременность делала ее движения какими-то преувеличенными) и встала на цыпочки, чтобы поцеловать мужа. Он

обхватил ее руками, и в него уперся тугой круглый живот. Дежурный поцелуй затянулся несколько дольше обычного - Дэву необходимо было почувствовать ободряющее прикосновение ее тела. Наконец, успокоившись немного, он осторожно поставил Лету на выстланный мягкой плиткой пол.

- Вау, - она сделала большие глаза. - Это ты к чему?

- К тому, что я балдею от моей красавицы-жены.

- Само собой, только не думай, что тебе удастся ко мне подмазаться. - Она шутливо его шлепнула. - Я слишком бедна, чтобы одолжить тебе денег, и слишком беременна, чтобы заниматься глупостями. Кстати, ужин на столе.

Она повернулась и пошла обратно в кухню. Стоя возле двери, Дэв залюбовался ею. Лета была на голову ниже него, с роскошными, щедрыми формами, которые к концу седьмого месяца стали еще отчетливее. Он влюбился в нее на первом свидании, но сейчас не смог удержаться от того, чтобы сравнить ее с грациозной блондинкой, которую увидел мельком на станции трансрэйла. Его пронзило чувство вины, и все-таки он не мог выбросить из головы образ той незнакомки.

Нет, возразил сам себе Дэв, слово «незнакомка» здесь не подходит. Он знал эту женщину, как самого себя. В конце концов, они были созданы друг для друга, рождены, чтобы быть вместе, чтобы дать жизнь следующему поколению пилотов корабля, которого давно уже нет. Двадцать лет разлуки исчезли, как будто они расстались только вчера - двое рыдающих двенадцатилетних подростков, которых разлучили друг с другом. Это воспоминание колело нутро, словно острый шип.

- Дорогой, что с тобой? - Лета поставила на стол пару пластиковых коробок и вопросительно посмотрела на мужа. - Здоров ли ты?

- Просто тяжелый день.

- Ладно, садись ужинать. Глядишь, полегчает. - Она снова чмокнула его. - И потом, я, наверное, малость преувеличила насчет того, что «слишком беременна для глупостей».

Дэв выдавил из себя улыбку и отправил в рот кусок обжаренного во фритюре крошечного красного перца. Язык мгновенно запылал огнем. Лета откусила кусочек, пожевала и подлила острого соуса. Дэв тихонько усмехнулся. Как и все уроженцы Оазиса, его жена была просто помешана на перце и карри - по принципу: чем острее, тем вкуснее. Несмотря на пожар во рту, Дэв почувствовал себя лучше и принялся за ужин с мыслью, что он все же счастливый человек.

- Да, кстати, - сказала Лета, подбирая остатки еды куском лепешки, - тебе сообщение из Ассоциации пилотов. Завтра общее собрание, в девять тридцать.

- Да? - Разрывающее изнутри чувство, которое, казалось, уже прошло, вернулось снова. - А зачем, не сказали?

- Не-а, просто автоматический звонок. Но это сто процентов по поводу того белого корабля, который нарисовался сегодня.

- Ты его видела? - Дэв попытался скрыть растущее беспокойство.

- По телеку показывали. - До беременности Лета работала в торговом отделе, занимаясь покупкой и продажей разнообразных контейнеров с грузовых кораблей, заходивших на Оазис. Несмотря на то что она ни разу в жизни не покидала пределов этой огромной станции, о пришвартованных здесь кораблях она знала, пожалуй, даже больше, чем многие пилоты. - Если верить декларации, у них на борту почти одиннадцать тысяч беженцев, в основном дети. Представляю, каково им там, в этих трюмах.

- Да уж, наверное, штабелями лежат, как пчелы в сотах, - согласился Дэв. - И снова в его голове мелькнул образ женщины у перил и предчувствие, что она каким-то образом связана с висящим возле станции сверкающим белым бегемотом.

- Ну что, - сказала Лета, дожидаясь, когда он встанет из-за стола, - может, телек посмотрим?

- Да нет, неохота, - отозвался Дэв.

- Ну ладно. Тогда пойдем баиньки. - Она поцеловала его в шею, пощекотав языком под подбородком, после чего повернулась и первой двинулась в маленькую спальню.

По стенам стекали капли дождя, нарушавшие гладь реки сапфирового цвета, а маленькое синее солнце садилось за деревья. Они осторожно занимались любовью, стараясь не потревожить ее живот, а потом лежали, переводя дыхание. Лета прильнула к его плечу и через несколько минут уже тихонько посапывала. Дэв вздохнул и обнял ее крепче, ненавидя себя за то, что, закрывая глаза, видел не ее лицо.

* * *

Оазис пришел в необычайное возбуждение: только и разговоров было, что о белом корабле под названием «Бланка Роза». Почтовые ящики наполнились слухами, причем в этом электронном наводнении встречалось всё: от совершенно абсурдных утверждений, будто с Порциуса этот корабль выслан в качестве авангарда вторжения, до вполне вероятных - что правительство умирающей планеты эвакуировало на корабле свои семьи, дабы спасти их от какой-то экологической катастрофы. До собрания еще оставалось время, и Дэв раздумывал, идти туда или нет, но в конце концов все же присоединился к толпе, тянувшейся к ремонтному ангару, который Ассоциация пилотов использовала для разнообразных мероприятий. Здесь уже стояли рядами пластиковые стулья, в прохладном воздухе густо пахло кофе и ракетным топливом. В одном конце помещения

высилась небольшая сцена, за ней светился настенный экран. Дэв нашел свободный стул и уселся.

Стоило ему взглянуть на сцену, как у него перехватило дыхание. Там, среди людей в одинаковых синих комбинезонах и стеганых куртках, сидела женщина, которую он видел на станции трансрэйла.

Она посмотрела в его сторону, и Дэв не сомневался, что, хотя он и сидел в пятом ряду, она его увидела - он вторично испытал тот же электрический импульс, только теперь гораздо сильнее. Он заерзал на стуле и даже хотел уйти, но тут на сцену поднялся пузатый человечек с редкими седыми волосами.

- Спасибо всем за то, что пришли, - загрохотали колонки голосом президента Ассоциации. Он настроил свой микрофон и продолжил: - Все вы, разумеется, читали сегодняшние сообщения. В моем ящике, например, их оказалось около тринадцати тысяч. - В толпе послышались вежливые смешки. - Как вы, возможно, уже догадались, мы собрались здесь по поводу «Бланки Розы» и событий на Порциусе. У них есть к нам очень важная просьба. Нет смысла ее пересказывать, пусть экипаж «Розы» изложит ее сам. Капитан Альварес? - И он кивнул кому-то, стоявшему возле невысокой сцены.

Высокий, атлетически сложенный мужчина с седеющими черными волосами поднялся на возвышение легкой, уверенной походкой. На нем тоже были синий комбинезон и стеганая куртка с голограммой в виде белой розы над именной нашивкой. Руки Дэва сжались в кулаки, когда Альварес, проходя мимо светловолосой женщины, мимоходом коснулся ее плеча.

- Доброе утро, - сказал он глубоким баритоном. - Я Фортино Альварес, капитан «Бланки Розы». Мы действительно перевозим детей и небольшое количество взрослых на Новус, где, надеемся, они найдут пристанище. Мой корабль отправляется завтра, но часть экипажа останется здесь и, я надеюсь, вернется на Порциус вместе с кем-то из вас.

Альварес замолчал, дожидаясь, пока гул голосов стихнет.

- Сто пятьдесят лет назад, когда зонды обнаружили планету, вращающуюся вокруг желтой звезды, подобной Солнцу, планету, где были и вода, и пригодная для дыхания атмосфера, а также примитивная растительность, это казалось невероятной удачей. Мы быстро терраформировали этот мир. Но, к сожалению, кое-кто на Земле счел, что колонизация уже сложившегося мира - кощунство по отношению к экологии планеты, и в качестве возмездия наслал на нас грибковую чуму, которая разрушает все завезенные с Земли растения. К тому времени, когда грибок был обнаружен, он успел распространиться до такой степени, что повсеместный голод стал уже реальным фактом. - Капитан помолчал. - Эвакуировать всех, пока люди не начали гибнуть от голода, уже не получится.

По рядам прокатился вздох, и снова Альварес дождался тишины. Дэв подался вперед, больше поглощенный взглядами, которыми обменивались капитан и блондинка, чем надвигающейся катастрофой.

- Однако, - продолжил Альварес, - мы можем попытаться остановить чуму и засеять наш мир заново. Мы разработали вакцину против грибка и устойчивые к болезни виды растений, которые можно сбросить в контейнерах с орбиты. - Темные глаза Альвареса оглядели толпу. - Но чтобы этот план сработал, необходимо много пилотов и кораблей-буксиров. Порциус - аграрная колония с весьма ограниченным космическим флотом. Вот почему мы здесь. Оазис - единственное место, которое находится не слишком далеко и где есть достаточно опытных людей, чтобы помочь нам. Пусть теперь главный пилот Камми Тьюл объяснит все более подробно.

У Дэва ёкнуло сердце. Если у него и оставались какие-то сомнения по поводу того, кто была эта блондинка, то Альварес их развеял. Он смотрел во все глаза, как Камми Тьюл встала и прошла к возвышению, а ее рука мимолетно пожала руку капитана. Мало кто из присутствующих заметил этот жест, но Дэва он взбесил невероятно.

- Здравствуйте. - Поднявшись на сцену, Камми нервно улыбнулась. - Мне почти нечего добавить к сказанному, кроме того, что нам нужны каждый пилот и каждый шаттл, какие только найдутся.

Хотела она этого или нет, но ее взгляд остановился на Дэве. Казалось, время застыло, прежде чем она заговорила снова.

- Я бы хотела пообещать вам, что это задание будет совершенно безопасным, но не могу этого сделать. Вам придется сбрасывать контейнеры с низкой орбиты, а это всегда связано с сопротивлением воздуха, к тому же нельзя исключать возможность саботажа со стороны тех, кто распространил эту чуму. Вот почему мы предлагаем по десять тысяч каждому добровольцу. - На губах женщины мелькнула легкая усмешка. - Что я могу точно обещать вам: операция, так или иначе, не займет много времени. Порциус всего в шести днях пути от Оазиса. Если все пройдет штатно, мы сможем сбросить все контейнеры за неделю. Ну, а если... если операция потерпит неудачу, - Камми вздохнула, - мы доставим вас обратно, прежде чем ситуация выйдет из-под контроля.

Она говорила еще несколько минут, но Дэв не слышал ничего: он не сводил с нее глаз, растворившись в ужасающей, прекрасной, опасной мысли: после двадцати лет разлуки она вернулась. Пот струился у него между лопатками, дыхание вырывалось с трудом, как будто кто-то стянул ребра тугим ремнем. Когда собрание подошло к концу, он поднялся и заторопился к выходу, но путь ему перекрыл поток людей. Протиснувшись наконец сквозь двойные двери в служебный коридор, он вздохнул с облегчением, радуясь, что оказался на свободе.

- Привет, Дэв.

Он замер, затем обернулся. Возле стены, скрестив руки на груди, стояла Камми Тьюл - так близко, что он чувствовал слабый, какой-то очень земной аромат ее кожи.

- Привет, Кам. - У него вдруг закружилась голова, и он пошире расставил ноги, чтобы удержать равновесие. - Рад тебя видеть.

- Когда мы пришвартовались, я не знала, что ты здесь. Честно.

Он пожал плечами.

- А если бы и знала - что это меняет?

- Могло изменить. - Ее лоб блестел капельками пота, зрачки темно-синих глаз так расширились, что казалось - пульсируют. Она потянулась к нему, но Дэв отпрянул. Ее рука безвольно упала вниз. - Мне тоже пришлось нелегко.

- Камми, я ни в чем тебя не виню. - И прежде чем он успел сказать что-то еще, за ее спиной появился тот высокий мужчина, что был на сцене. Пальцы Дэва сжались в кулаки, когда Альварес привычным жестом обнял ее тонкую талию. Он кивнул Дэву с теплой и искренней улыбкой.

- А я-то думаю, куда ты запропала? - сказал Альварес и обернулся к Дэву. - Вы один из добровольцев? Искренне на это надеюсь. Нам необходимы все пилоты до единого.

- Я... - слова застряли у Дэва в горле. От запаха ее кожи кружилась голова. Он заставил себя сделать шаг назад, чтобы не наброситься на Альвареса. - Мне пора.

Он резко повернулся и скрылся в потоке людей, все еще выбиравшихся из ангара. Борьба с желанием обернуться было настолько тяжело, что на висках пульсировали вены и сердце разрывалось так, будто Дэву снова было двенадцать и он видел, как уводят прочь единственного человека, которого он любил.

* * *

Утро прошло бестолково: рассудок Дэва окутывали темные тучи, которые никак не желали рассеиваться. Он подготовил свой шаттл и вылетел со станции, но сделал лишь один заход и чуть не отправил контейнер к местному солнцу из-за того, что забыл его закрепить. Сославшись на нездоровье, Дэв вернулся в порт, поставил корабль в ангар и ушел, даже не потрудившись переодеться и принять душ. Лета ждала его. Не успел он переступить порог и сказать какую-то дежурную фразу, как она остановила его поцелуем.

- Я все утро просидела на форуме, - заявила она, по-прежнему не отпуская мужа. - Мне кажется, ты должен лететь.

- Что? - Дэв уставился на жену с нескрываемым удивлением. Меньше всего он ожидал от нее услышать именно это. - Никуда я не полечу.

- Послушай, любовь моя... - На ее лице появилась смущенная улыбка.
- Я сегодня уже тысячу раз мысленно проигрывала эту сцену, так что будь добр, заткнись и дай мне договорить. Я же знаю, сейчас ты мне скажешь, что не отправишься вместе со всеми спасать Порциус, потому что я на сносях, потом я скажу тебе, что мне до родов еще два месяца и ты вернешься домой гораздо раньше, чем у меня начнутся схватки, а если и нет, то примут ребенка врачи, а не ты. Со мной все будет в порядке. - Лета перевела дыхание. - Миссия на Порциусе - хорошее дело. К тому же лишние деньги нам не повредят.

- Дело не в деньгах, - отрезал Дэв.

- Да, не в них. - Она уткнулась головой ему в грудь, и он обнял ее крепче. Запах ее волос, теплое дыхание на плече... И хотя Дэв не видел ее лица, он был уверен, что жена плачет.

- Давай-ка сядем. - Он потянул ее к маленькому диванчику в углу комнаты. Они опустились на ветхие подушки. Лета по-прежнему прятала лицо у него на груди. Дэв погладил ее руку, наслаждаясь мягкостью кожи и стараясь не сравнивать с Камми Тьюл. - Что ты знаешь о моем прошлом?

- Я знаю, что ты зря тратишь здесь время, - сказала она упавшим голосом. - Твое предназначение - управлять космическими кораблями, а не таскать туда-сюда контейнеры.

- Лета...

- Черт побери, дорогой, я изо всех сил пытаюсь проявить благородство. - Она откинулась назад и взглянула ему в лицо. - Может, это твой единственный шанс сделать что-то стоящее, что-то такое, о чем люди будут вспоминать не одно поколение, и я не хочу, чтобы ты потом говорил, что тебе помешала я!

- Я бы никогда такого не сказал.

- Это сейчас. А когда все остальные пилоты погрузятся на этот корабль, ты начнешь рвать на себе волосы, что оказался не с ними. Я не в восторге от перспективы остаться одной, но мысль, что ты будешь себя ненавидеть, мне нравится еще меньше. Так что отправляйся, слышишь?!

Компьютер звякнул - пришло новое сообщение, - но никто из них не потрудился даже взглянуть на экран. На обоях, словно они читали мысли хозяев, издали надвигалась буря, отбрасывая пурпурные отсветы на плиточный пол. Дэв покусывал губу, не зная, как подступить к разговору о том, чего он не рассказывал еще ни одной живой душе.

- В этом ты права, - начал он. - Но я должен открыть тебе кое-что еще и не думаю, что тебе это понравится. Ты ведь знаешь, моя семья принадлежала цыганскому кораблю...

- Ты говоришь так, будто вы были рабами, - слабо улыбнулась она.

- Это почти одно и то же. - Он пожал плечами. - Там, где мы летали,

не существует никаких ограничений на действия генетиков. Люди говорят, что я прирожденный пилот, и это правда. Я такой же генно-модифицированный организм, как мои родители и родители моих родителей. Я происхожу из рода космических пилотов, и само собой разумелось, что я останусь на нашем корабле или буду летать на другом по контракту. Но это еще не самое плохое. Мы были не просто генетически модифицированы, нас разводили, как скаковых лошадей.

- Ясно. - К Лете вернулась часть ее обычной самоуверенности. - Пока ты только подтверждаешь мои слова.

- Это еще не все. - Дэв с трудом сглотнул, во рту внезапно пересохло.

- Еще до моего рождения капитану и хозяевам корабля нужно было удостовериться, что я передам свои гены другому пилоту. Часть моей модификации заключалась в том, чтобы я гарантированно влюбился в того, кто им нужен. В результате я родился с физическим влечением к девочке по имени Камми Тьюл, чья мать была пилотом с другого корабля. Нас воспитывали вместе, как брата и сестру, только все знали, что, когда придет время, мы поженимся и продолжим род.

Он замолчал, чтобы дать ей осмыслить сказанное. Лета смотрела на него, и ее карие глаза были полны ужаса и боли, как будто она уже догадалась обо всем, что он собирался ей сказать. Дэв набрал в грудь побольше воздуха и продолжил:

- Когда нам было по двенадцать лет, хозяева корабля провернули несколько неудачных сделок и обанкротились. Чтобы рассчитаться с долгами, корабль продали с молотка, а его команда осталась на мели. Мои родители на попутном корабле улетели на Оазис. Камми вместе с матерью вернулась на корабль ее семьи. Когда мы расстались, жизнь для меня кончилась. Почти полгода я ни с кем не разговаривал, даже с матерью. Чуть не уморил себя голодом: меня положили в больницу. Казалось, я навсегда потерял интерес к жизни. Даже когда я получил права и начал летать, мне было на это наплевать. Я просто машинально совершал какие-то действия. А потом я встретил тебя.

Он поцеловал ее, но почувствовал, что вышло фальшиво. Лета отстранилась от него, глаза ее блестели от слез.

- Она здесь, да?

- Да.

- И это из-за нее ты не хочешь участвовать в операции?

Дэв медленно кивнул. Лета уставилась куда-то в сторону и провела рукой по своим густым темным волосам.

- Я люблю тебя. - Она повернулась к нему и крепко поцеловала, потом отодвинулась и улыбнулась дрожащими губами: - Я тебе доверяю.

Дэв держал жену в объятиях, вдыхая ее тепло и молясь всем богам о том, чтобы он мог доверять самому себе.

* * *

«Бланка Роза» стартовала на следующее утро, унося свой груз беженцев к Новусу. Несмотря ни на что, Дэв все-таки оказался в толпе зевак, желавших поглазеть на это историческое событие. Он видел, как прошли к шлюзу члены экипажа. Последним шагал Альварес. Перед тем как войти на корабль, капитан обернулся и поцеловал Камми Тьюл страстно, будто в сцене из какого-то старого сентиментального фильма: влюбленные, которых разлучила разразившаяся война, несчастные, но сильные духом. Толпа радостно взревела, когда Альварес прервал поцелуй, помахал на прощание публике и стал подниматься по трапу, пока тяжелые створки шлюза закрывались за ним.

Дэв стоял возле ограды, на первом уровне, и втайне трепетал, оттого что Альварес отбывает, а Камми остается здесь - набрать добровольцев для полета на Порциус. Она обернулась и перехватила его взгляд. На этот раз ни один из них не отвел глаз.

* * *

Для того чтобы доставить к Порциусу корабли-буксиры, был арендован вместительный контейнер, а также один из самых крупных кораблей с межзвездным двигателем «Элизабет Толанд» - для отбуксировки к Порциусу контейнера и размещения добровольцев. Следующие три дня Дэв был занят загрузкой в контейнер шаттлов и провианта. Обычный поток товаров через Оазис был на время приостановлен. К тому моменту, когда последний корабль был уложен в контейнер, а тот, в свою очередь, закреплен и готов к полету, Дэв чувствовал себя совершенно измотанным.

И все равно он не мог прогнать от себя мысли о Камми Тьюл.

На прощальном вечере ангар Ассоциации пилотов украшали экраны, где переливалось световое шоу и пронзительно гремела музыка. Направляясь к трансрэйлу, Дэв ощущал сквозь подошвы ботинок вибрацию басов. Станция будто вымерла - все от мала до велика собрались на празднике. Дэв скривился в усмешке, пробираясь к пустым вагонам. Ему чудилось, будто гипнотический ритм музыки подтверждает его решение остаться на Оазисе. Чувствуя себя абсолютно опустошенным, он сунул карточку в прорезь автомата, и воротца турникета, лязгнув, открылись. Дэв толкнул створку, чтобы пройти. Сзади слышались легкие, несмелые шаги.

- Дэв!

Секунду он раздумывал, стоит оборачиваться или нет.

- Привет, Камми. А я думал, ты там, на вечеринке.

- Я там и была. - На ней снова был летный комбинезон, синяя стеганая куртка подчеркивала стройные бедра и длинные ноги. Ее светлые волосы, словно слегка растрепанные, тем не менее лежали именно так, как надо, и отливали золотом в ярком свете ламп. - Что-то нет настроения для шумных сборищ.

- Да, у меня тоже. - Ноги его каким-то образом обрели собственную волю, и он оказался на расстоянии вытянутой руки от Камми. - Надеюсь, у вас все получится.

- Спасибо. - Она вздохнула. - Жаль, что ты не летишь с нами. Ты мог бы нам пригодиться.

- Не думаю, что это хорошая идея. - Дэв засунул руки в карманы куртки, чувствуя себя взволнованным подростком. - Я рад, что у тебя все хорошо сложилось. Я имею в виду, что ты служишь пилотом на «Розе». Ну, и то, что вы с Альваресом... - Он едва смог выговорить это имя.

- Спасибо. Удачи вам и малышу. - Улыбка на ее губах еле заметно дрогнула. - Должно быть, это здорово - иметь семью. Знаешь, я все время об этом думаю. - Она придвинулась ближе, но, едва не коснувшись его, остановилась. - Я бы хотела поцеловать тебя на прощание...

- Да, но... - Дэв запрокинул голову и уставился наверх, где открытые балки отбрасывали тени на серую поверхность потолка. Несмотря на холодный воздух в помещении, его спина взмокла от пота. Все его существо требовало обнять ее и прижать к себе, но вместо этого он выдавил из себя угрюмую усмешку. - Береги себя.

- Ты тоже.

Повернуться и уйти - ни один шаг в жизни не давался ему с таким трудом. Лишь сев в вагон и тронувшись с места, Дэв позволил себе обернуться, и сердце его едва не разорвалось от боли, когда Камми в последний раз помахала ему рукой на прощание.

* * *

Следующий день прошел как в тумане. Теперь, когда транспортный корабль отчалил, увозя с Оазиса большинство пилотов, жизнь на станции постепенно возвращалась в привычное русло. Дэв пытался найти какое-нибудь занятие, но в конце концов поймал себя на том, что просто слоняется по лабиринту коридоров, дожидаясь, когда транспорт покинет причал. И даже после этого он долго не мог решиться пойти домой, к Лете. Требовалось время, чтобы снова овладеть собой, время, чтобы снова начать забывать Камми Тьюл.

Когда шестью часами позже он наконец вернулся в свою квартиру, Лета сидела за компьютером. Она обернулась и посмотрела на него:

ее темные глаза были широко распахнуты от ужаса.

- Что случилось? - спросил он, бросаясь к ней через крошечную комнату. - Что-то с ребенком?

- Нет, - Лета покачала головой. - С нами все в порядке. Это... - Ее голос дрогнул. - Пришло сообщение: транспортный контейнер взорвался за тридцать секунд до включения межзвездного двигателя. Неизвестно, выжил кто-нибудь или нет.

Комната вокруг него вдруг начала растворяться. Пол уже не мог служить Дэву опорой. Он почувствовал, как у него подгибаются колени, и удержался от падения только благодаря тому, что ухватился за кухонный стол. Лета бросилась к нему на помощь. Где-то в затылке рокотал глухой шум, а его собственный пульс гремел как гром, пока комната продолжала терять плотность.

- Как? - только и смог он произнести.

- Неизвестно. - Лета буквально доволокла его до дивана. - Ничто не предвещало беды. А потом, как только они собрались уходить в прыжок, связь оборвалась. Через несколько секунд на экране радара мельтешила россыпь обломков. Официально пока ничего не известно, но все говорят: бомба.

На Дэва нахлынула волна холодной ярости, шок уступил место гневу. На борту этого корабля находились его друзья. И друзья Леты тоже. Люди, с которыми они проработали не один год. Почти половина пилотов станции погибла из-за того, что какому-то фанатику приспичило сделать политическое заявление. Кулаки Дэва сжались, мускулы на руках напряглись в попытке сдержать гнев и отчаяние, но все меркло перед одной мыслью, огнем пылавшей в сознании: Камми Тьюл мертва.

Он вскочил и бросился к двери. Лета окликнула:

- Куда ты?

- Туда. - Объяснять, куда именно, не было необходимости. - Мой корабль стоит наготове, с полным баком горючего. Если буксир не взорвался, то еще можно найти выживших. Я попытаюсь отыскать их и привезти.

- Дэв... - Она с трудом поднялась на ноги. - Пусть этим займутся власти.

- Плевал я на власти. - Он открыл дверь, и в комнату пахнуло немного спертым наружным воздухом. Дэв обнял жену, прижав ее круглый живот к своему. Он держал ее в объятиях и не знал, кто из них дрожит сильнее. - К тому времени, когда они соберутся выслать спасательные команды, уже нужны будут похоронные. Я окажусь на месте раньше, чем они заправят свои корабли.

- Не надо.

- Не надо что?

- Это ведь все из-за нее. - Лета произнесла это с утвердительной

интонацией, не как вопрос.

Дэв вздрогнул. Слова жены ударили его, словно пощечина.

- Так нечестно.

- Неужели? - Она пристально взглянула на него. - Будь по крайней мере честен со мной, если боишься быть честным с самим собой. Окажись на ее месте я, ты был бы так же поспешен?

Дэв закусил губу, удержавшись от грубых, бессмысленных слов.

- Я люблю тебя, - сказал он. - Мне плевать, что ты там себе навидумывала, но я люблю тебя.

Дэв распахнул дверь и вышел из квартиры. К тому времени, когда он, весь мокрый от пота, добежал до трансрэйла, мысли о Лете и еще нерожденном ребенке померкли перед одной: он должен добраться до Камми Тьюл, пока остается хоть какая-то надежда.

* * *

Он нырнул в море чисел: усовершенствованная нервная система рассчитывала курсы почти с такой же скоростью, что и компьютеры шаттла. Он пошел на риск и вместо спасательной шлюпки взял с собой дополнительный бак с топливом: инстинкт подсказывал ему, что если он доберется до поврежденного корабля и отбуксирует его обратно, то у выживших (если таковые окажутся) будет больше шансов на спасение. К тому же Дэв рассудил: в шлюпку не поместится весь экипаж вместе с добровольцами, и тогда ему придется обречь почти половину на верную смерть.

- Стандарт 48? - Диспетчерская уже в третий раз за неполные две минуты пыталась связаться с ним. Он продолжал их игнорировать. - Стандарт 48, вы меня слышите?

Он закусил губу, слишком хорошо понимая, какие у него возникнут проблемы по возвращении. Дэв всерьез подумывал отключить связь, но все же решил не торопиться. По крайней мере, официальные спасательные команды смогут проследить его сигнал. В наушниках шлема снова затрещало, и на экране эхом продублировались слова:

- *Стандарт 48! Мистер Верлен!* - Короткая пауза. - *Дэв, если вы нас слышите, учтите, что мы настоятельно рекомендуем вам не предпринимать ничего самостоятельно. По последним данным, в облаке обломков просматривается участок повышенной плотности в 11 градусах южнее и 14 градусах западнее солнечной оси, он удаляется от Оазиса на скорости примерно 38 километров в секунду. Мы не уверены, что это именно буксир, но сами высылаем спасателей в этот район.*

Дэв кивнул самому себе, мысленно поблагодарив безымянный голос за подсказку. Он слегка подкорректировал курс, направляя корабль в

сторону предполагаемого местонахождения буксира. Бортовой компьютер лишь подтвердил его собственные расчеты. Если буксир в момент взрыва почти достиг скорости гиперпрыжка, то Дэв израсходует почти все топливо только для того, чтобы его догнать. Сквозь крошечное лобовое стекло он посмотрел на закрепленный впереди грузовой контейнер, гадая, хватит ли горючего. Однако при любом раскладе выходило, что если и хватит, то едва-едва.

В какой-то момент он подумал, что надо бы отправить сообщение Лете, но не решился: оборудование связи на его шаттле было слишком примитивным, и его слова могли легко перехватить репортеры. У них с Летой сейчас и так все ой как непросто, не хватало еще, чтобы их перебранки транслировались в Сети.

Впереди виднелось размытое сияние - подсвеченные солнцем капельки разлитого топлива и воды из взорвавшегося контейнера. Пальцы Дэва судорожно стиснули подлокотники. Только сейчас до него начало доходить все безумие его затеи. Любой обломок, даже самый маленький, на такой скорости опасен не менее баллистической ракеты. Его губы мрачно сжались в тонкую линию, когда он начал перекачивать горючее из внешнего бака в свой корабль. И хотя горючая смесь в вакууме не воспламеняется, она находится под давлением, и, если обломки пробьют бак, произойдет взрыв такой силы, что мало не покажется.

Время зависло, простое понятие «минуты» больше ничего реально не значило сейчас, когда он несся в открытый космос. Облако впереди продолжало расти по мере приближения, становясь все менее отчетливым. Приборы показывали: он двигается со скоростью почти 60 километров в секунду - достаточно, чтобы догнать потерпевший крушение корабль. Пришлось выключить двигатели: надо поберечь топливо для обратного пути.

Слева, как раз по нижнему краю топливного бака, он заметил какое-то мерцание. Несмотря на ремни безопасности, Дэв подался вперед, затаив дыхание, не уверенный, что вообще что-то видел. И когда он уже решил, что принял желаемое за действительное, вспышка повторилась снова. Там, кувыркаясь и изредка мерцая отраженным светом, находилось нечто настолько крупное, что было заметно невооруженным глазом. Он сфокусировал радар на этом участке, установив сенсоры на максимум. На экране замерцало маленькое пятнышко - ярко-красное среди более холодных желтых и голубых.

- Это наверняка он, - прошептал Дэв, пытаясь убедить самого себя. Если он сейчас изменит курс, и этот объект окажется не буксиром, а чем-то другим, на второй шанс рассчитывать нечего. У него похолодело внутри, когда он немного подкорректировал курс. Направление изменилось так слабо, что Дэв едва ощутил это телом. Теперь все, что ему оставалось, - ждать.

Его взгляд устремился вдаль, не к облаку обломков, а дальше, к немигающим звездам. Впервые за много лет он снова размечтался о том, чтобы путешествовать между мирами, а не таскать с орбиты грузовые контейнеры. Он вдруг почувствовал тоску по опасности, по острым ощущениям - такую же настоящую, как потребность в сексе или пище. Внутри него что-то пробудилось, но было это связано с катастрофой, с его безумной попыткой кого-то спасти или же просто с тем, что в его жизнь неожиданно вновь ворвалась Камми, - этого он и сам не знал. Нет, поправил он себя: не хотел знать. Ведь могло быть и так, что все его чувства: и вина, и желание, и малодушный страх - всё это было запрограммировано теми же переплетениями генов, что и влечение к женщине, которой он никогда не будет обладать.

- Ты полный идиот, - пробормотал он себе под нос.

Дэв прикрыл глаза и попытался думать о Лете, но вместо этого перед ним возникла Камми Тьюл, и ее распахнутые от ужаса голубые глаза призывали его спешить. Он вздохнул и сдался, отпустив мысли на волю. Что-то тянуло его вперед, как будто невидимая рука забралась в грудную клетку и потащила за собой. Она жива. Она должна быть жива.

Он открыл глаза. Мерцание появилось снова, теперь намного ярче и ритмичнее. Дэв взглянул на радар и с удивлением обнаружил: он всего в 400 километрах от объекта и стремительно к нему приближается. Он включил маневровые двигатели и развернул шаттл на сто восемьдесят градусов, кормой вперед. Дэв наблюдал за таймером, все больше напрягаясь по мере того, как цифры дошли до нуля и основные двигатели с ревом ожили.

Его затрясло от вибрации, силы тяготения толкали в спину, ремни врезались в плечи, дыхание превратилось в рваные глотки воздуха. Дэв пытался следить за уровнем топлива, но приборная панель была как в тумане. Наконец, когда он уже стал опасаться потери сознания, двигатель отключился и наступила внезапная, пугающая тишина. Дэв потряс головой, чтобы та прояснилась, сделал глубокий вдох и посмотрел на панель.

Экран радара погас, после чего загорелся снова, показав объект, за которым он гнался, на расстоянии меньше трех километров. Дэв выглянул в окно, слегка опустив носовую часть шаттла, чтобы улучшить обзор. Кривая усмешка исказила его лицо, когда он заметил буксир. Дэв снова врубил маневровые двигатели и двинулся к израненному судну.

По мере приближения к буксиру его повреждения становились все заметнее. Корабль кувыркался в вакууме, соединительная платформа представляла собой скопище перекрученных балок и разорванных шлангов. В правом борту зияла длинная рана; там, где из корабля вытекали жидкости, на обгоревшем корпусе виднелись пятна изморози. Единственный уцелевший зеленый огонек мирно помигивал, пока

корабль крутился вверх тормашками, совершая кульбиты на фоне звездного неба. Дэв напрягся: зрелище не слишком обнадеживающее.

- Оазис, прием! - произнес он в микрофон, стараясь, чтобы голос звучал ровно. - Я нашел буксир. Корабль уцелел, но сильно поврежден. Выживших не наблюдаю.

Он переключился на связь между кораблями, и пока компьютер пытался связаться с искалеченным кораблем, его надежды постепенно таяли. Не получив автоматического ответа, он поднес микрофон поближе к губам.

- Стандарт 7748 вызывает торговое буксирное судно «Элизабет Толанд». Пожалуйста, ответьте. - Он подождал. - Буксир, это Стандарт 48, нахожусь в одной целой трех десятых километра от вас. Пожалуйста, отзовитесь.

Во рту разлился металлический привкус. Вероятность того, что на борту буксира не осталось живых, становилась все более реальной. Дэв прошептал вполголоса: «Камми, черт, подай же какой-нибудь знак».

Стараясь не поддаваться отчаянию, он подходил все ближе, сокращая расстояние между кораблями. Пролетая мимо, поблескивали в звездном свете куски льда и искореженного металла. Внезапно, когда буксир в очередной раз перевернулся, он заметил в одном из лобовых стекол вспышку света. Прежде чем он потерял его из виду, свет мелькнул еще два раза.

- Буксирное судно «Элизабет Толанд»! - произнес он, стараясь сохранять спокойствие, несмотря на колотящееся сердце. - Пожалуйста, при следующем вращении посигнальте три раза.

И, едва дыша, наполняя рубку едким запахом пота, он стал ждать, когда носовая часть буксира снова окажется в поле зрения. Дэв внимательно всматривался в окна корабля и громко вскрикнул, когда снова заметил маленькую, но яркую вспышку - должно быть, от карманного фонарика, - мигнувшую три раза подряд. К немалому своему удивлению, он вдруг почувствовал в кармане жужжание телефона. Трясущимися руками он открыл крышку.

- Не знаю, слышишь ли ты это, - произнес еле различимый женский голос. И хотя связь то пропадала, то появлялась вновь, Дэв не мог не узнать Камми Тьюл. - Наша параболическая антенна вышла из строя, поэтому мы соорудили самодельную. - Сигнал пропал, но через несколько секунд появился снова. - Электричества нет, давление воздуха падает. Сорок три выживших, все в скафандрах. Шесть в критическом...

И вновь голос в телефоне оборвался, на этот раз окончательно. Дэв вполголоса выругался. С ума сойти, он находился от буксира на расстоянии крика, и при этом вынужден связываться с ним через передатчик в сорока тысячах километров отсюда! Он передал новую

информацию диспетчеру на Оазисе, после чего подключил телефон к интеркому.

- Держись, Камми. Я попробую взять вас на бордаж.

Оставив телефон включенным, он прикрепил его на забрало шлема, после чего опустил стекло. Шлем захлопнулся, по стеклу пробежала цепочка огоньков, и в лицо Дэву дохнула струя сжатого воздуха. Дэв жадно вдохнул его, чтобы освежить голову чистым кислородом, перед тем как направить маленький шаттл к большому кораблю.

Он проверил расход горючего: в дополнительном баке оставалась почти тысяча килограммов сжатого топлива. Не слишком много, но должно хватить, чтобы остановить вращение буксира и начать торможение, возможно, даже подтолкнуть их назад, к Оазису. Он осторожно взялся за рычаги, потихоньку выводя шаттл на подходящую орбиту, чтобы вращаться вместе с буксиром. Сила тяготения прижала его к корпусу возле кубрика, и теперь звезды бешено крутились у него перед глазами, зато буксир замедлился и наконец остановился. Дэв зажег фары и выставил вперед захваты-манипуляторы.

- Почти готово, - произнес он, не зная, слышит ли его кто-нибудь на борту корабля. - Я попробую зацепиться примерно посередине, прямо перед платформой.

Теперь, когда до корабля оставались считанные метры и нужно было, маневрируя, привести шаттл в нужное положение, его вдруг наполнило странное спокойствие: опыт пересилил все остальное. С такой осторожностью, словно собирался почесать глаз, Дэв обхватил манипуляторами место сцепки. Раздался слабый щелчок, а затем низкое шипение - это встали на место гидравлические захваты. «Ну вот, - подумал Дэв, - теперь начинается настоящая работа».

- Держитесь крепче, - предупредил он, надеясь, что Камми его слышит. Дэв бросил последний взгляд на приборную панель, после чего дал газу, пытаясь сдвинуть «Элизабет Толанд» с места. В ответ на это вокруг словно разразилась гроза, и вибрация все нарастала.

Вцепившись в подлокотники, Дэв наблюдал за приборами и с удовлетворением видел, как цифры медленно меняются в его пользу. Сжигая горючее в невообразимых количествах, он включил основной двигатель. По лбу струился пот, вибрация становилась все сильнее. Вдруг в верхней части панели вспыхнул красный огонек и взвыла сирена - это датчики сообщили об отказе левого захвата.

Скрежет и треск согнувшегося манипулятора наполнили кабину. Рука Дэва метнулась, чтобы отключить двигатель, на миллисекунду позже, чем нужно. Он задохнулся от удара, впечатавшего его в ремни безопасности. Шаттл, все еще прикованный к буксиру оставшимся захватом, отбросило назад. Стекло пошло трещинами, воздух из кабины смешался с облаком гидравлической жидкости и топлива, вылившегося из баков. Голова Дэва ударилась о стену кабины, перед

глазами вспыхнули искры, и последнее, что он слышал, теряя сознание, - было шипение вытекающего в вакуум воздуха.

* * *

Голову пронизывала боль, ее глухая пульсация эхом отдавалась в правом плече. Рот наполнился липким металлическим вкусом, дыхание со свистом вырывалось сквозь запекшуюся в ноздрях кровь. Его окружала темнота: единственными источниками света были звезды да веселенький голубой экран телефона, каким-то чудом удержавшегося на потолке. Было холодно.

«Вот как, оказывается, умирают», - подумал Дэв без особых эмоций.

Вспышка молнии расколола мир перед глазами, исчезла, потом сверкнула снова. Дэв видел, как где-то наверху блуждало пятно света, размытое паутиной трещин на разбитом стекле. Другие огни, уже не белые, а красные и синие, переливались вокруг него, и шипели, задевая шлем, искры. Боль стала сильнее, он снова почувствовал, что отключается, и уже не был уверен, на самом ли деле он видел, как крыша кабины отлетела в сторону и кто-то в шлеме посмотрел на него снаружи.

* * *

Серые стены, изморозь на металле, искаженный свет. Дэв довольно долго с недоумением таранился на странные тени, пока до него не дошло: шлема на нем больше нет. Когда он попытался сесть, в голове застучало, и чья-то рука заставила его лечь снова.

- Осторожно, - сказал этот кто-то. - У тебя, возможно, поврежден позвоночник. Полежи спокойно, ладно?

- Где я?

- В шлюзе на борту «Элизабет Толанд». - Позади послышалось движение, зашуршала ткань комбинезона, и перед ним предстала Камми Тьюл. Взявшись за собственный шлем, она повернула его, и громоздкий головной убор с хлопком открылся. Ее волосы слиплись от пота, а левую бровь наискосок рассекала тонкая царапина, но, даже несмотря на боль в затылке, Дэв никогда еще не видел ничего прекраснее.

- Извини, что пришлось вытаскивать тебя таким образом, - продолжала она. От дыхания вокруг ее лица повисло облачко пара, кончики светлых волос сразу покрылись инеем. - Мы видели, как твой корабль разбился, но не знали, выжил ты или нет. Я и сама была не слишком уверена, пока не втащила тебя сюда и не сняла твой шлем.

Надеюсь, это было не слишком грубо.

- Не помню. Кажется, я был в отключке. - Дэв поморщился, садясь. Эта боль напомнила ему, как близок он был к смерти. - Выходит, ты спасла мне жизнь?

- Возможно. - На ее лице заиграла улыбка. - Ты спас нас, так что мы квиты.

- Я спас? - Он нахмурился, когда до него начал доходить смысл ее слов. - Я что, все-таки затормозил буксир?

- Да. Сейчас мы двигаемся со скоростью всего несколько километров в час. С Оазиса уже выслали спасательный корабль, ориентируясь на твой радиосигнал. Они окажутся здесь через пару часов. - Улыбка Камми стала шире, вокруг глаз появились тоненькие лучики, подчеркнутые светом единственной лампочки, вмонтированной в стену шлюза. - Ты не поверишь, они услышали, как мы говорим по телефону. Мы сами друг друга не слышали, но они смогли послать нам ответ.

- Это хорошо. - Дэв начал дрожать, ему вдруг стало невероятно холодно. Камми стянула перчатки, и они уплыли в сторону, пока она колдовала над настройками в левом рукаве его скафандра. Почти сразу же по телу разлилось тепло, обогрев, по-видимому, все еще работал. Он почувствовал себя, будто в теплой ванне. Дрожь, хотя и не сразу, но улеглась. Он закрыл глаза и уплыл в сон.

* * *

Кончики пальцев прошелестели по щекам, нежно очертили круги вокруг висков. Дэв вздохнул от удовольствия. Ее прикосновение. Прикосновение Камми. Его жизнь так долго катилась под откос, но теперь все будет в порядке. Камми вернулась. Они вместе, и больше ничто на свете не разлучит их. Левое плечо болело, но он ухитрился дотянуться до нее правой рукой и погладить ее пальцы, чтобы ответить на ласку, пусть даже их отделяют друг от друга скафандры.

Глаза Дэва открылись, и реальность хлынула на него обжигающим, беспрерывным потоком. Камми по-прежнему нависала над ним, пристально разглядывая его лицо. Кончики ее волос заledenели, в шлюзе стоял жуткий холод, но она, похоже, этого даже не замечала, а румянец на щеках делал ее еще красивее. Она улыбалась сквозь слезы.

- Они почти добрались. В смысле, спасательный корабль. - Камми все гладила его по лицу. - Через час мы будем в безопасности.

Он еще не успел понять, что происходит, когда она наклонилась и поцеловала его. Распухшую губу пронзила резкая боль, но ему было наплевать - лавина ощущений нахлынула столь мощно, будто Дэва разрывали на отдельные атомы. Женщина отодвинулась лишь чуть-

чуть, но была все еще так близко, что он чувствовал на своей щеке ее дыхание.

- Я люблю тебя, - прошептала она. - Я всегда тебя любила.

- Камми... - Ему хотелось многое ей сказать, но произнести смог единственное слово. Он снова попытался заговорить, но она приложила палец к его губам.

- Я знаю, - сказала она, и на ее глаза навернулись слезы. - У нас обоих есть другая жизнь. Но ведь это ничего не меняет, правда? - Она наклонилась ближе и снова поцеловала Дэва, касаясь его зубов языком. Солоноватый вкус ее губ пьянил сильнее любого наркотика. Вокруг них разлилась бесконечность, и время стало не реальнее облачков пара, растворяющихся в ледяном воздухе шлюза. Наконец она откинулась назад.

- Как ты думаешь, ведь они должны нам хотя бы это?

Дэв и рад был бы произнести в ответ что-нибудь значительное, однако отделался кивком и грустной, робкой улыбкой. Теперь им оставалось только ждать.

* * *

Она была там, среди встречавших, когда они приземлились. Затерянная в толпе маленькая фигурка за металлическим ограждением. Дэв увидел ее, когда его везли по трапу, помахал ей рукой и поднялся на ноги, невзирая на протесты целой армии медиков.

- Я в порядке, - сказал он и указал налево, где с борта «Элизабет Толанд» тянулась вереница раненых; по меньшей мере половина из них была пристегнута к носилкам. - Помогите им, а я могу идти сам.

Он сошел с трапа, подволакивая левую ногу. В плече еще пульсировала боль, но, благодаря убойным дозам обезболивающего, которым его напичкали за время полета, хотя бы голова перестала раскалываться. На шее болтался нелепый дутый воротник, но как бы Дэв ни мечтал снять эту ненавистную упряжь, он в то же время понимал, что тогда на него уж точно набросятся врачи.

Позади, так же явственно, как если бы в ее руках был конец веревки, привязанной к его желудку, он чувствовал Камми, которая смотрела ему вслед. Он постоял, борясь с искушением обернуться, после чего снова заковылял вперед. К тому времени, когда он добрался до встречающих, Лета уже перелезла через невысокое ограждение и неуклюже опустилась на металлическую палубу.

- Осторожно! - Увидев, как она споткнулась и чуть не упала, Дэв бросился к ней с той скоростью, на которую были способны его искалеченные суставы. Лета повернулась к нему.

- Можно тебя на пару слов?

Она смотрела на него, и в ее глазах стоял вопрос. Дэв потянулся к ней, но остановился. Ему надо было многое ей сказать, и чем скорее, тем лучше.

- Лета, я... - слова застряли в пересохшем горле. - Есть вещи, которые тебе нужно знать.

- Не надо, - прошептала она. Она стрельнула глазами в кого-то за его плечом, и Дэв даже не сомневался, что она смотрит на Камми Тьюл. - Пожалуйста, не надо. Не сейчас.

- Надо.

Он протянул руку и, не замечая боли, прижал жену к себе. За ароматом ее волос прятался густой, едкий запах страха. Дэв прижался щекой к ее щеке. Ни чувственных взрывов, ни потока неразбавленного желания он не испытал, но ему было все равно.

- Я тебя люблю, - прошептал он, и слезы покатались по его лицу. - Прости за все, что тебе пришлось из-за меня испытать... Я не обещаю, что ничего подобного не повторится. Но я люблю тебя. Я так сильно тебя люблю. Но когда-нибудь, когда все это кончится и наш малыш уже подрастет, я хочу снова водить космические корабли.

- Это я уж как-нибудь переживу, - сквозь слезы слабо улыбнулась Лета. - А теперь, может, ты уже заткнешься и отвезешь меня домой?

И они двинулись к пандусу. Медленно - из-за ее беременности и его ушибов, старательно делая вид, что не слышат окликов врачей. Дэв вновь ощутил тянущую боль, но когда оглянулся, Камми на трапе уже не было. И тут же почувствовал, как Лета легонько ткнула его кулаком в бок. По лицу Дэва разлился стыдливый румянец.

- Вот что я скажу тебе, кроха, - произнесла она отчасти в шутку, отчасти всерьез, похлопав себя по животу. - Если родится девочка, черта с два мы назовем ее Камми.

Дэв с улыбкой оперся на руку жены, и она повела его по коридору.

- Я не против, - сказал он. И, как ни странно, так оно и было.

Перевела с английского Зоя БУРКИНА

© Justin Stanchfield, Ghosts Come Home. 2010. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog» в 2010 году.

АЛЛЕН СТИЛ

ИМПЕРАТОР МАРСА

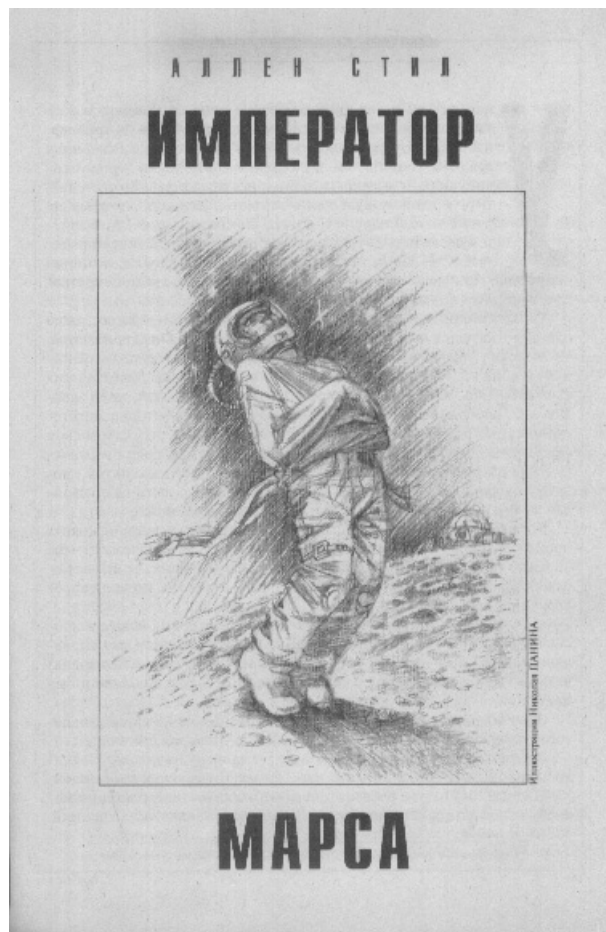

Иллюстрация Николая ПАНИНА

У нас тут есть много способов сойти с ума. Например, можно забраться в пассажирский модуль размером с трейлер, и к концу путешествия уже будет казаться, что Вселенная существует лишь в вашем сознании. Это некий вариант солипсизма, и я видел подобное несколько раз. Можно пустить в свой модуль пять-шесть попутчиков, которые не очень-то ладят друг с другом, и спустя три месяца вы начнете класть перед сном нож под подушку. Еще можно работать в две смены, почти не отдыхая, и тогда у вас начнется депрессия. Прибавьте к этому нехватку витаминов, и вы станете страдать от апатии и смертельной усталости.

Те, кто никогда не покидал Землю, думают, что в космосе люди слетают с катушек из-за чумы, завезенной с Титана. Они ошибаются. Чума может превратить ваш мозг в кисель и сделать маньяком-убийцей, но она встречается редко. Есть много других, куда более тонких факторов, способных свести человека с ума. Я видел, как люди заводят себе воображаемых друзей и часами ведут с ними долгие, бессмысленные разговоры. Или чистят с маниакальным упорством свои скафандры, даже если их не надевали. Наблюдал, как люди отправляются на обычную, повседневную прогулку, а затем приходится умолять их вернуться в воздушный шлюз. Некоторые просто не

созданы для жизни вне Земли, но понять это заранее невозможно.

Когда случается нечто подобное, я выполняю ряд стандартных процедур: прошу доктора прописать антидепрессанты, слежу, чтобы больные не подвергали опасности себя и окружающих, если могу - освобождаю их от работы и делаю все, чтобы они как можно скорее вернулись домой.

А иногда все проходит само собой. Какое-то время бедняга проявляет все признаки душевной болезни, а затем постепенно справляется со своими проблемами. Когда я встречаю его в следующий раз, он уже бродит как ни в чем не бывало по продовольственному магазину.

Обычно чокнутые доставляли мне много хлопот. Каждого двадцатого новичка мне приходилось отправлять обратно на Землю.

Однажды я видел, как безумие пошло человеку на пользу. Случилось это с Джеффом Хелбертом, и я собираюсь вам о нем рассказать. Тогда, в 2048 году, я работал генеральным директором станции Арсия^{*33} - самой первой и самой крупной из всех марсианских колоний. Это произошло за пять лет до того, как колонии объявили себя независимыми, поэтому все шесть марсианских поселений еще контролировались теми или иными земными корпорациями. Станция Арсия подчинялась компании «КонСпейс». К тому времени на станции жили около ста человек, большая часть работала по контрактам, и лишь немногие вроде меня оставили Землю навсегда.

Джефф к числу старожилков не относился. Подобно многим, он прилетел на Марс для того, чтобы заработать приличную сумму за относительно небольшой срок. Шесть месяцев от Земли до Марса на челноке, вылетающем дважды в год, два года на планете, затем еще шесть месяцев обратного пути. Через три года парень мог получить достаточно, чтобы купить дом, открыть свое дело, играть на фондовой бирже или просто не работать довольно долго.

В былые времена такие, как он, трудились на нефтяных скважинах, вербовались во флот или строили электростанции. Ну, а к середине века рискованная и высокооплачиваемая работа появилась на Марсе, поэтому отбоя от желающих тоже не было.

Джефф Хелберт относился к так называемым «марсианским мартышкам». На Арсии они занимались грязной работой, которую ученые, инженеры и прочие специалисты не могли или не хотели делать сами. «Мартышки» управляли бульдозерами или кранами на стройках, разгружали транспортники, чистили вентиляцию, чинили солнечные батареи или драили туалеты. Такие занятия не назовешь ни романтичными, ни сколько-нибудь интересными, но кто-то должен был все это делать, поэтому мальчишки вроде Джеффа ценились у нас на

³³ * *Гора Арсия - потухший вулкан на Марсе. (Здесь и далее прим. перев.)*

вес золота.

Да, Джеффа определенно можно было назвать мальчишкой. Жилистый, настолько высокий, что едва помещался в скафандре, в свои двадцать с небольшим лет он выглядел так, словно начал бриться только неделю назад. Он вырос в маленьком городке в Нью-Хэмпшире, и я не думаю, что ему доводилось удаляться от дома дальше чем на несколько сотен миль - до тех пор пока он не бросил учебу и не нашел себе работу в «КонСпейс». Я не очень-то хорошо его знал, но мне встречались подобные люди: беспокойные, жаждущие приключений - и клада, который позволит им потратить остаток дней на что-нибудь более увлекательное, чем чистка бассейнов. Он, наверное, и не задумывался о Марсе до тех пор, пока не увидел рекламу на каком-то сайте. Впрочем, он проучился два года в колледже и подошел по своим физическим данным: этого оказалось достаточно, чтобы сначала включить его в учебную программу, а затем обеспечить ему койку на челноке.

Перед тем как покинуть Землю, Джефф заполнил и подписал все необходимые документы. Среди прочего и форму 36Б - разрешение на получение сведений о членах семьи. Компания требовала, чтобы каждый решил, хочет ли он узнавать о тяжелой болезни или смерти близких, оставшихся дома. Большинство людей, попадавших на Марс, никогда не задумывались об этом, но тем не менее должны были ответить на этот вопрос. Если вы, например, выясните, что ваш отец вот-вот умрет, вы ведь все равно не сумеете ничего сделать, потому что находитесь более чем в тридцати пяти миллионах миль от дома. Максимум, что вы можете - послать короткое сообщение, чтобы кто-нибудь ему его прочитал. Вас не будет на похоронах, пройдет много месяцев, а скорее, несколько лет, прежде чем вы принесете розы папе на могилу.

Подписывая форму 36Б, многие размышляли в том духе, что лучше уж быть в курсе, чем оставаться в неведении вплоть до самого возвращения. Джефф тоже ее подписал, но позднее я выяснил, что сделал он это не глядя. Ну, еще одна бумажка, которую надо подмахнуть, прежде чем его посадят в челнок, и отнесся он к ней так же, как к отказу от ответственности за несчастные случаи или к форме, подтверждавшей, что не страдает венерическими болезнями.

Хотел бы он, наверное, отказаться от подписи, за которую ему потом пришлось поплатиться рассудком.

* * *

Джефф провел на Марсе всего семь месяцев, когда из офиса «КонСпейс» пришло сообщение. Я узнал об этом, потому что получил

копию. Едва прочитав текст, я бросил все дела и направился на второй уровень, где жили «мартышки», то есть находилась общая спальня неквалифицированных рабочих. Искать его койку мне не пришлось. Уже от входа я увидел людей, столпившихся вокруг парня, недоверчиво уставившегося в листок с факсом.

До того момента ни я, ни кто-либо еще на Арсии не знал, что Джефф оставил дома невесту - милую девушку по имени Карен, с которой познакомился еще в школе и которая согласилась выйти за него замуж примерно в то же время, когда он подал заявку в «КонСпейс». Джеффа приняли, и тогда они решили отложить свадьбу до его возвращения, даже несмотря на то что ждать придется три года. Джефф отправился на Марс, желая заработать деньги для их будущей семьи. Три недели спустя после отлета Карен сообщила ему о своей беременности и сказала, что дома его будет ждать ребенок.

Джефф сохранил это в тайне, в основном из-за того, что компания аннулировала бы его контракт, если бы стало известно, что он скоро станет отцом. Семьи Джеффа и Карен знали о ребенке и предпочли сделать вид, что Джефф все еще на Земле и просто уехал в долгую командировку. Они пообещали заботиться о Карен до его возвращения.

Месяца за три до родов семьи решили собраться на торжество в доме дяди Джеффа - из родственников он оказался единственным обладателем достаточно большого дома, вместившего всех. Родители Джеффа везли туда Карен на своей машине, когда произошла трагедия. Пьяница, научившийся отключать антиалкогольный блокатор своего автомобиля, оказался на дороге и врезался в них на полном ходу. Виновник аварии отделался растяжением шеи, но его жертвы были не настолько везучи. Карен, ее нерожденный ребенок, отец и мать Джеффа - все скончались по дороге в больницу.

Что можно сказать человеку, который только что потерял всю семью? «Мне жаль» - бессмысленно. «Я понимаю, через что тебе придется пройти» - просто смешно. «Знаю, что ты чувствуешь» - может обидеть. «Могу ли я чем-то помочь?» - бесполезно, если только у вас нет машины времени. Будь у меня машина времени, я бы одолжил ее Джеффу, дабы он вернулся на сутки назад, позвонил своим и сказал, чтобы они заехали за Карен на пятнадцать минут позже.

Люди все равно произносили все эти фразы, поскольку не знали, что еще можно сказать, а я дал Джеффу отпуск до тех пор, пока он не будет готов вернуться к работе: больше я ничего не мог для него сделать. До прибытия следующего челнока оставалось еще семнадцать месяцев, и к тому времени, когда Джефф вернется домой, с момента смерти Карен и его родителей пройдет уже два года.

На работу он вернулся уже через несколько дней. Возможно, Джефф понял, что больше ему нечем заняться, или просто устал сидеть в

четырёх стенах. В любом случае, однажды он надел скафандр, прошел через шлюз и вышел наружу, чтобы помочь другим «мартышкам» выкопать яму под новый отстойник. Джефф уже не был тем добродушным парнем, каким его знали раньше. Он не острил, не дурачился и даже не жаловался на то, сколько часов пришлось убить на эту дурацкую яму, за которую лучше бы получить сверхурочные. Он работал, как робот, молча вгрызаясь лопатой в красную почву, а потом отложил инструменты и вернулся в купол, так и не проронив ни слова. Там он выбрался из скафандра и двинулся в столовую.

Прошло несколько недель, но ничего не изменилось. Джефф почти ни с кем не разговаривал, только ел, работал и спал. Все смотрел куда-то вдаль. Я бы понял, если бы он сорвался, устроил истерику, но этого не произошло. Как будто он отключил эмоции и подавил все свои чувства.

К тому времени на станции уже имелась неплохая больница, вполне достаточная для того, чтобы обслуживать все колонии, и главный психолог Арсии начал проводить с Джеффом регулярные терапевтические сеансы. Три дня спустя после того, как Джефф вернулся к работе, ко мне в офис заскочил Карл Розенфельд. Его отчет оказался безрадостным: Джефф Хелберт страдал от сильной депрессии, едва поддававшейся лечению. Хотя бедняга и не заговаривал о самоубийстве, доктор Розенфельд не сомневался: эта идея уже приходила ему в голову. Я знал, что если Джефф захочет себя убить, ему достаточно будет просто выйти наружу, отключить подачу кислорода в скафандре и поднять забрало. Один глубокий вдох - и атмосфера Марса сделает все остальное. Джефф умрет быстрее, чем кто-нибудь успеет до него добежать.

- Хотите совет? - предложил Карл, сидя напротив меня с бокалом в руке. - Попробуйте отвлечь его от произошедшего.

- По-вашему, я об этом не думал? Я пробовал, уж поверьте...

- Знаю, он мне говорил. Но сверхурочные не помогают. Также не помогают ни фильмы, ни игры, - он помолчал. - Если бы я считал, что поможет секс, я бы попросил одну знакомую затащить его в постель, но от этого ему будет лишь хуже. Он никогда не любил никого, кроме своей невесты, и пройдет, наверное, немало времени, прежде чем он обратит на кого-то внимание.

- Так чего же вы от меня хотите? - вздохнул я. - Дайте хотя бы зацепку. Я пытаюсь помочь парню, но не знаю, как это сделать.

- Ну, я взглянул на график дежурств и заметил: на следующую неделю запланирована экспедиция. Куда-то на север, я полагаю.

- Хочу послать туда команду - может, они найдут новый источник воды. А один из инженеров собирался заодно взглянуть на старый зонд НАСА.

- Так пошлите туда Джеффа, - Карл улыбнулся. - Им все равно понадобятся несколько рабочих. Путешествие поможет ему немного

разветвляться.

Это предложение было не хуже других, так что я открыл список, удалил из него имя какого-то рабочего и вписал вместо него Джеффа Хелберта. Я решил, что ему это не повредит, и оказался прав. Но не совсем.

* * *

Джефф принял участие в двухнедельной вылазке и отправился за шестидесятую параллель, к Ваститас Бореалис - в субарктический регион, окружающий северный полюс Марса. Цель миссии заключалась в поиске места для нового колодца. Несмотря на то что большая часть воды на станции Арсия добывалась из атмосферного конденсата и наших парников, ее все равно не хватало. Поэтому мы бурили артезианские скважины в вечной мерзлоте северной тундры и выкачивали подземные воды в находящиеся на поверхности баки, которые, в свою очередь, собирали раз в месяц. Каждые два-три года один из колодцев истощался, и тогда нам приходилось посылать отряд на поиски нового места.

В вылазке участвовали два дирижабля - «Сэйджен» и «Коллинз». Джефф находился на борту «Коллинза», и капитан, который был начальником отряда, говорил, что он хорошо справляется со своими обязанностями. Десять дней дирижабли путешествовали по тундре, останавливаясь через каждые десять-пятнадцать миль, чтобы экипаж мог провести пробное бурение и посмотреть, что находится под красной каменистой поверхностью. В этом нет ничего сложного, и Джефф получил возможность взглянуть на северные края. Как правило, он молчал, и казалось, что эта поездка нагоняет на него тоску. Другие члены экспедиции знали о его судьбе и, конечно, пытались вытащить его из «раковины», но через некоторое время стало понятно: он не хочет ни с кем разговаривать, и его оставили в покое.

Затем, на одиннадцатый день миссии и за два дня до возвращения на Арсию, «Коллинз» нашел посадочный модуль.

Зонд НАСА «Феникс» еще в 2008 году подтвердил наличие на Марсе подземного льда. В отличие от многих европейских и американских зондов в нем не было ровера - его заменяла роботизированная рука, раскапывавшая рыхлую поверхность и собиравшая образцы, которые затем анализировала бортовая химическая лаборатория. Зонд работал всего несколько месяцев, пока его батареи не разрядились во время долгой марсианской зимы, но он стал одним из важных шагов на пути к колонизации.

Как и ожидалось, члены экспедиции нашли его в куче нанесенных

ветром песка и пыли, из которой торчала только верхняя платформа. Зонд тем не менее выглядел целым, и хотя поднять его целиком на дирижабль не удалось, экипаж забрал роботизированную руку, чтобы доставить ее в музей. Нашли они и еще кое-что - марсианскую библиотеку.

В девяностые годы прошлого века, когда полеты к Марсу находились еще только на стадии планирования, национальному агентству предложили поместить в зонд DVD-диск с книгами, изображениями и аудиозаписями, имеющими отношение к Марсу. Делалось это под предлогом создания библиотеки для будущих колонистов, а на самом деле для того, чтобы отдать дань уважения поколениям писателей, художников и режиссеров, работы которых вдохновили человечество на исследования Марса.

НАСА одобрило эту идею - диск изготовили из кварцевого стекла, чтобы обеспечить его долговечность, и включили в план миссии. Для записи отобрали восемьдесят четыре романа, рассказы, статьи и речи, авторы которых варьировались от писателей восемнадцатого века, как Свифт и Вольтер, до фантастов двадцатого века, вроде Нивена или Бенфорда. Также на диск записали галерею из шестидесяти изображений - от картин Боунстелла, Эмшвиллера и Уэлана до обложек комиксов. Попали на диск и четыре аудиозаписи, включая печально известную радиотрансляцию «Войны миров» 1938 года и запись дискуссии между Гербертом Уэллсом и Орсоном Уэллсом.

Диск, названный «Видения о Марсе», изначально поместили в посадочный модуль НАСА, который должен был высадиться на полюсе, но тот зонд упал в Атлантический океан, когда после запуска отказала ракета-носитель. Поэтому точную копию диска поместили на «Феникс», и в этот раз зонду удалось добраться до места. Таким образом, диск уже сорок лет лежал в Ваститас Бореалис, ожидая, пока кто-нибудь не извлечет его из «Феникса».

Вышло так, что достал его именно Джефф Хелберт.

Надо сказать, никто из участников экспедиции не знал об этом диске. К тому времени о нем позабыли, а сам факт его существования оказался погребен в недрах старых архивов НАСА, которые мне когда-то присылали с Земли, так что я не предлагал никому его доставать. К тому же экипаж «Коллинза» куда больше интересовался самим старым зондом, чем прикрепленным к нему DVD-диском. Поэтому, когда Джефф обнаружил диск и снял его с «Феникса», это не показалось членам экспедиции важной находкой. «А, ну да, здорово... отвези его домой и посмотри, что там», - примерно в таком ключе высказывались об этом участники.

Сказать оказалось легче, чем сделать. С тех пор как технология DVD устарела, минуло уже больше двадцати лет, а ближайшая барахолка, на которой можно было отыскать старый компьютер, находилась,

понятно, не на Марсе. Тем не менее Джефф пошарил по кладовкам и нашел несколько мертвых компов, оставшихся с первых экспедиций. Они, конечно, не функционировали, но с помощью руководства по эксплуатации он сумел набрать достаточно комплектующих, чтобы соорудить одну работоспособную машину. Когда компьютер включился, Джефф достал из поцарапанной коробки диск и осторожно вложил его в слот. Убедившись, что все данные уцелели, он скачал их на свой планшетник, выбрал первый попавшийся пункт меню - им оказался «Путь марсиан» Азимова - и начал читать.

Почему Джефф потратил на все это столько сил? Возможно, хотел в свободное время занять себя чем-нибудь, кроме траура по погибшим. Или желал доказать остальным участникам экспедиции, что они зря не уделили внимания диску. Я знаю лишь то, что этот диск сперва заинтересовал Джеффа, затем увлек его, а в конечном счете сделал одержимым.

* * *

Прошло немало времени, прежде чем я заметил изменения, произошедшие с Джеффом. У меня ведь и без него хватало проблем. Каждый день примерно дюжина дел, от проверки системы очистки воздуха, которую должны были починить прежде, чем мы все задохнемся, до заполнения очередной кучи документов, которые я отправлял в Хантсвилл^{*34}. Так что я думал о Джеффе далеко не всегда - если доктор Розенфельд какое-то время ничего мне не говорил, я приходил к выводу, что они сами со всем разобрались, и переключался на другие задачи.

И все же я заметил некие признаки, на которые поначалу не обращал внимания. Однажды я слушал переговоры «мартышек», прокладывая канализационные трубы в третьем куполе, и услышал, как Джефф представился лейтенантом Гулливером Джонсом. Бригадир приказал ему перестать дурачиться и использовать свой настоящий позывной. Ответ Джеффа показался мне странным:

- Есть, сэр. Я лишь размышлял о необычной среде, которая нас окружает.

Он даже изобразил британский акцент и произношение викторианской эпохи, что вызвало смех у других рабочих. И тогда я задумался: кто такой этот Гулливер Джонс и почему Джефф назвался его именем?

В другой раз Джефф работал на бульдозере - он очищал посадочную

³⁴ * *Город на северо-востоке штата Алабама, в котором находится центр управления космическими полетами НАСА. Административный центр округа Мэдисон.*

площадку от песка, нанесенного пару дней назад пылевой бурей. Всего лишь рутина, на которую я не обращал никакого внимания до тех пор, пока из командного центра ко мне не обратился начальник смены:

- Шеф, с Хелбертом что-то не так. Вы бы послушали.

Я включил связь и услышал Джеффа:

- Так точно, Комцентр. Я только что видел движение, примерно в полукилометре к северу от периметра.

- Вас понял, Тигр-4-О, - ответил его собеседник. - Не могли бы вы повторить описание?

Последовала пауза, а затем:

- Крупный зверь, примерно три метра в высоту, с восемью ногами. На нем ехала женщина... краснокожая и... - короткий смешок, - совершенно голая, насколько я сумел разглядеть.

В памяти что-то заворочалось, но так и не всплыло. Когда начальник смены заговорил, в его голосе послышались снисходительные интонации:

- Так, ладно... Тигр-4-О, мы только что просканировали окрестности, и на радаре нет никого, кроме вас.

- Они уже ушли. Скрылись за большим камнем и исчезли, - снова смех, уже почти радостный. - Но я их видел, клянусь!

- Вас понял, 4-О, - короткая пауза. - Если еще что-то заметите, дайте знать, хорошо?

И тогда я вспомнил. Джефф описал существо из романов о Марсе Эдгара Бэрроуза. А женщина? Это могла быть только Дея Торис. Почти каждый, кто летал на Марс, так или иначе читал Бэрроуза, но впервые на моей памяти кто-то утверждал, будто видел принцессу Гелия.

Джефф, очевидно, взялся за розыгрыши. Я решил, что надо с ним поговорить, но все было недосуг. Я ведь уже упоминал, что в день мне приходилось сталкиваться со множеством проблем, и потому парень, дурачивший своего бригадира, стоял в моем списке далеко не на первом месте.

На этом, впрочем, ничего не закончилось. Это было только начало. Несколько недель спустя я получил сообщение от начальника снабжения: кто-то подал заявку на переезд в отдельное помещение, несмотря на то что ему это не по карману. В те времена на Арсии еще шло строительство, и отдельные комнаты выделялись лишь в порядке вознаграждения. Обычно их оставляли для руководителей, старших научных сотрудников, семейных пар, стукачей компании и так далее. Но в данном конкретном случае заявка сопровождалась петицией, подписанной соседями. Сам начальник снабжения сообщал, что рекомендует выделить просителю отдельную комнату.

Увидев, что просителем является Джефф Хелберт, я не удивился. К тому времени я уже заметил, как он изменился. Люди, часто

надевавшие шлем, обычно предпочитали короткую стрижку, но он пренебрег этим правилом и отрастил волосы. В столовой он обычно сидел один, уставившись в свой планшетник. И еще Джефф стал разговаривать сам с собой по открытому каналу. Только теперь вместо сообщений о марсианских принцессах и восьминогих животных он стал произносить отдельные фразы, например: «Марсиане рассчитали все с поразительной точностью...» или «Долгое время марсиане молчали и пристально смотрели на них из воды...». Мало кто узнавал в этих фразах цитаты из Уэллса или Брэбери.

Неудивительно, что другие «мартышки» захотели от него избавиться. Прежде чем подписывать заявку, я решил зайти к доктору Розенфельду. Психолог не спросил, почему я к нему пришел, он лишь попросил закрыть дверь и высказал свое мнение о Джеффе.

- По правде говоря, - начал он, - я не могу сказать, лучше ему сейчас или хуже.

- Зато я могу. Послушайте, я, конечно, не специалист, но мне кажется, что это бред!

Карл покачал головой.

- Конечно, он ведет себя эксцентрично, но нам, по крайней мере, не нужно больше беспокоиться о возможности самоубийства. На самом деле сейчас он один из счастливейших людей на станции. Он уже почти не думает о трагедии, а когда я напоминаю, что его жена и родители умерли, он просто пожимает плечами, как будто это случилось давным-давно. В каком-то смысле он весьма доволен жизнью.

- А вам не кажется это странным?

- Конечно, кажется... особенно с учетом того, что он перестал принимать антидепрессанты, которые я ему прописал. Ничего хорошего в этом нет - возможно, он вышел из депрессии, по крайней мере по клиническим меркам, но продолжает страдать галлюцинациями.

Я с удивлением уставился на доктора.

- Вы хотите сказать, что... когда он утверждал, будто видит Дею Торис... то действительно ее видел?

- Думаю, да. И благодаря этому я догадываюсь, что происходит у него в голове. - Карл взял перочинный нож и принялся рассеянно крутить его в пальцах. - С тех пор как Джефф нашел DVD, этот диск сделался его навязчивой идеей. Поэтому я спросил, можно ли скопировать содержимое - он разрешил - и поинтересовался, что он читает. Вскоре я обнаружил любопытную закономерность: сильнее всего его привлекают рассказы, наиболее далекие от реальности. То есть рассказы о Марсе, но не о таком, каким мы его знаем.

- Что вы сказали? - я помотал головой. - Не понимаю.

- Много ли вы читали научной фантастики?

- Не очень.

- Что ж, к счастью для вас, ее читал я, - доктор осклабился. - Это одна из причин, по которой я здесь. Я подсел на фантастику, еще в детстве, а к окончанию колледжа уже твердо решил полететь на Марс, - он вновь посерьезнел. - Ладно, сейчас попробую объяснить. Хотя люди писали о Марсе еще в восемнадцатом веке, мы узнали, на что похоже это место, лишь в 1960-х годах, когда появились первые русские и американские зонды. Отсутствие знаний давало писателям и художникам простор для фантазии, и они заполняли пробелы плодами своего воображения... до тех пор пока не появились более точные сведения. Понимаете?

- Конечно, - я пожал плечами. - До шестидесятих годов марсиане могли существовать. После этого марсиане закончились.

- Хм... не совсем, - Карл взмахнул рукой. - Одно из лучших произведений на диске - «Роза для Экклезиаста». Роджер Желязны написал этот рассказ в 1963 году, и там есть марсиане. А во многих рассказах, созданных раньше, описания Марса, напротив, довольно близки к истине. Но в общем вы правы: представления о Марсе существенно изменились во второй половине прошлого века, и хотя стали ближе к реальности, но утратили большую часть своего романтизма.

Карл закрыл нож и положил его на стол.

- Такие рассказы Джефф не читает. «Кассета бессмертия» Артура Кларка, «Во дворце марсианских царей» Джона Варли... если картины Марса близки к тому, что мы знаем, он их игнорирует. Почему? Потому что это напоминает ему о том, где он находится...

- Значит, он читает более старые произведения?

- Точно, - Карл кивнул. - «Марсианская одиссея» Стэнли Вейнбаума, «Зачарованная деревня» Ван Вогта, «Воин Марса» Отиса Клайна - чем дальше от реальности, тем больше они ему нравятся. Потому что эти истории не об унылой безжизненной планете, а о территории коренных марсиан, затерянных городов, каналов...

- Ладно, я понял.

- Нет, не думаю, что вы поняли... потому что я и сам этого не понимаю. Могу сказать лишь, что Джефф отдаляется от нас. С каждым днем он уходит в свой мир все дальше и дальше... и я не рассчитываю на его возвращение.

Я не поверил своим ушам и удивленно посмотрел на доктора.

- Господи, Карл... И что же мне делать?

- А что вы можете сделать? - он откинулся на спинку кресла. - Не так уж много. Буду с вами откровенен: мне это не по зубам. Я не смогу вылечить его здесь, так что придется подождать, пока он вернется на Землю.

- До следующего корабля еще четырнадцать месяцев или около того.

- Знаю... я тоже улечу на нем. Но есть и хорошие новости: мой пациент доволен и не представляет угрозы... разве что произойдет несчастный случай, но чтобы этого избежать, я рекомендую освободить его от работы, связанной с выходом наружу.

- Договорились.

Не хватало мне только работника, страдающего галлюцинациями на поверхности планеты! Когда речь заходит о человеческом факторе, Марс всегда беспощаден. Одна роковая ошибка может стоить жизни не только вам, но и тем, кто находится рядом.

- Я так понимаю, вы тоже хотите, чтобы я обеспечил его отдельным жильем?

- Это не повредит, - доктор усмехнулся. - Пока он находится в своем мире, он счастлив. Не перечьте ему, дайте все, чего он попросит... по крайней мере в разумных пределах. И оставьте его в покое. Я наблюдаю за ним и дам знать, если его состояние изменится в ту или иную сторону.

- Надеюсь, оно изменится к лучшему.

- Конечно, но я бы на это не очень рассчитывал, - Карл посмотрел мне в глаза. - Смиритесь, шеф. Один из ваших парней превращается в марсианина.

* * *

Я отстранил Джеффа от работ на поверхности и проинформировал бригадиров, что ему запрещено выходить наружу без сопровождающих или специального разрешения. Затем я поручил ему оранжерею, отделку интерьеров и всякое такое. Это назначение я собирался объяснить дозой радиации, которая может превысить норму и вызвать у него лучевую болезнь, если он продолжит гулять по Марсу. Но он не стал оспаривать мое решение и принял его с той же спокойной, жутковатой улыбкой, которой в последнее время одаривал всех вокруг.

Также я выделил ему маленькую комнату на втором уровне. Как и ожидалось, это вызвало жалобы тех, кто все еще стоял в очереди, но в большинстве своем люди все-таки понимали, что Джеффу действительно нужно уединение.

После переезда он тут же сменил входной пароль, чем немало меня удивил. Этот поступок противоречил правилам станции: генеральный директор и служба безопасности должны были знать пароли от всех дверей. Впрочем, Карл заверил меня, что Джефф не желал никому зла. Он просто не хотел, чтобы кто-то входил в его комнату, и такая небольшая поправка вполне могла улучшить его состояние. Я согласился, хотя и неохотно.

Какое-то время Джефф не создавал проблем. Он безропотно принял

свои обязанности и с работой, судя по отчетам, справлялся прекрасно. Карл держал меня в курсе: его пациент не проявлял никакого интереса к окружающим, но и хуже ему не становилось. По крайней мере, он больше не рассказывал всем подряд о марсианских принцессах и не цитировал по рации отрывки из научной фантастики.

И тем не менее изредка что-нибудь да происходило. Однажды ко мне пришел с необычным запросом начальник снабжения: Джефф попросил несколько стопок конопляной бумаги и столько соевых чернил, сколько удастся выделить под его нужды. Поскольку и то, и другое являлось побочным продуктом оранжерей - как станции Арсия, так и других колоний, - эти расходные материалы не импортировались с Земли, и потому мы не испытывали в них недостатка. Но что Джефф собирался делать с таким количеством письменного материала? Я спросил у Карла, не ведет ли Джефф дневник, и доктор опроверг мою догадку. Он сказал, что просьбу его пациента лучше удовлетворить, если только бумага и чернила не являются редким товаром. Я согласился и на это, попросив, впрочем, начальника снабжения вычесть стоимость материалов из зарплаты Джеффа.

Вскоре после этого ко мне обратилась одна из связисток. Джефф попросил ее послать остальным колониям сообщение: его интересовали любые рассказы и романы о Марсе, какие только найдутся у колонистов. Особенно хотелось ему получить работы Брэдли, Бэрроуза и Брэккетт, хотя годились и Муркок, и Старджон, и Уильямсон. В обмен Джефф предлагал произведения с диска, который он снял с «Феникса».

В этом тоже не было ничего страшного. Тогда Солнце находилось между Землей и Марсом, поэтому он не мог послать запрос в Хантсвилл. Если он уже все имеющееся прочитал, вполне логично обратиться за помощью в другие колонии. Связистка сказала, что они получили примерно с полдюжины файлов: похоже, рассказы о Марсе пользовались не такой уж большой популярностью. Я попросил ее держать меня в курсе, после чего забыл об этом, сочтя просьбу Джеффа лишь еще одним звеном в длинной цепи его странностей.

Несколько недель спустя ему все-таки удалось вызвать мое раздражение. Как обычно, узнал я обо всем от доктора Розенфельда.

- У Джеффа есть еще одна просьба, - объявил он, когда я заглянул к нему. - Отныне и впредь он предпочитает, чтобы его называли «Ваше Величество» - из уважения к императору Марса.

Несколько секунд я оторопело смотрел на него.

- Вы, конечно же, шутите... - наконец сказал я.

- Боюсь, что нет. Теперь он - император Джеффри Первый, верховный правитель Великой Марсианской империи, военачальник и защитник Красной планеты.

Наступило молчание. Я все ждал, когда Карл улыбнется и подмигнет,

но этого так и не произошло.

- Кланяться в его присутствии не обязательно, - добавил доктор, - но он требует надлежащего уважения к короне.

- Понятно, - я закрыл глаза, потер переносицу и сосчитал до десяти. - И кто же теперь я?

- Премьер-министр, разумеется, - сухая улыбка. - Поскольку его титул наследственный, Его Величество не заинтересован в повседневных делах своей империи. Он оставляет их вам и обещает не вмешиваться.

- О, да я просто счастливчик!

- Конечно. С этого момента все вопросы, касающиеся короны, следует обсуждать с королевским врачом и старшим придворным советником, то есть со мной.

- Ага, - я поднялся. - Что ж, прошу меня извинить, но, похоже, Его Величеству пора надрать задницу.

- Присядьте, - Карл пристально посмотрел на меня. - Я серьезно. Садитесь.

Я остался стоять.

- Послушайте, я знаю, что он болен, но это уже переходит всякие границы. Я дал ему отдельную комнату, освободил от тяжелой работы, снабдил бумагой, чернилами - не знаю зачем, но он продолжает просить еще и еще... я, наконец, предоставил ему доступ к сетям других колоний. Но тот факт, что с ним обращаются как с королем, еще не делает его коронованной особой.

- О, я с вами согласен. Поэтому я напомнил ему, что этот титул, как и право наследования, является лишь почетным, а потому его королевские привилегии не бесконечны. Он это понимает. В конце концов, империя находится в упадке, с момента ее расцвета прошло уже более тысячи лет, и потому императору приходится идти на некоторые жертвы ради блага народа. Так что он не будет носить ни скипетра, ни короны и не станет требовать, чтобы для него изготовили трон. Он хочет, чтобы его запомнили как милостивого правителя.

Выслушав все это, я невольно сел.

- Ладно, давайте говорить прямо. Джефф думает, что теперь он король...

- Император. Есть разница.

- Король, император - не важно... он не собирается никем командовать и хочет, чтобы все оставалось как есть. Так?

- Да, за исключением того, что он просит обращаться к нему «Ваше Величество», - Карл вздохнул и покачал головой. - Давайте я попробую объяснить. Джефф столкнулся с реальностью, с которой не сумел справиться. Его родители, невеста, ребенок... они все мертвы, а он не мог ни предотвратить этого, ни даже пойти на их похороны, потому что был слишком далеко. От такой реальности нелегко убежать, поэтому он отгородился стеной... стеной галлюцинаций, если угодно. Сначала

все выглядело как одержимость фантастикой, потом, когда этого стало недостаточно, он сам захотел стать частью фантазии. Так и появился император Великой Марсианской империи Джеффри Первый.

- Вроде как самозащита?

- Да, это помогает ему поверить, что он контролирует свою жизнь, - Карл вновь покачал головой. - Он не хочет управлять Арсией, шеф. Он хочет лишь создать видимость. Если вы не станете ему мешать, с ним все будет в порядке. Поверьте.

- Ну... ладно. - Не то чтобы у меня был выбор. Раз уж в моей колонии завелся сумасшедший, я сделаю так, чтобы он никому не навредил. И если ради этого мне придется потакать ему, пока он не улетит на Землю, пусть будет так. - Я передам, чтобы с Его Величеством обращались с должным почтением.

- Спасибо, - Карл улыбнулся. - Знаете, а ведь люди поддерживают его. Я не слышал, чтобы над ним хоть кто-нибудь смеялся.

- Ну, вы же понимаете, как мы тут живем... нам приходится заботиться друг о друге. - Я встал и уже собрался уходить, но тут мне в голову пришла еще одна мысль: - Да, кстати. Он хоть когда-нибудь говорил вам, чем занимается в своей комнате? Он расходует кучу чернил и бумаги.

- Да, я замечал на его пальцах пятна чернил. И у меня нет ответа. Я спрашивал его об этом, но он отвечал лишь, что готовит подарок для своего народа и позволит нам увидеть его, когда придет время.

- Подарок? - я поднял бровь. - Есть идеи - какой?

- Ни одной... Но мы узнаем, что это, уверен.

Я сдержал свое обещание и передал всем, что Джефф Хелберт отныне и впредь известен как Его Величество император. Как и говорил Карл, люди в основном принимали это спокойно. Конечно, я слышал о небольших инцидентах, когда кто-то отвешивал ему шутовские поклоны или задавал опрометчивые вопросы о его королеве, но таким шутникам обычно быстро затыкали рот. Все жители станции знали: Джефф болен, и лучшее, что они могли сделать - подыгрывать ему как можно дольше.

Солнце к тому времени уже не отделяло нас от Земли. Планеты начали сблизаться, и через два месяца Джефф уже мог сесть на челнок и отправиться домой. Поскольку Карл улетал вместе с ним, я решил, что Джефф будет в надежных руках, по крайней мере, пока не погрузится в анабиоз, чтобы проснуться уже на Земле. А до тех пор все, что мы могли, не расстраивать Его Величество.

Сделать это оказалось нетрудно. Когда люди привыкли к идее, что среди них живет выдуманный император, большинству из них понравилась эта игра. Если он проходил мимо, все умолкали, кивали ему и говорили: «Ваше Величество». Его пропускали без очереди, и кто-нибудь всегда пододвигал ему стул. Я заметил, что он даже завел

пару фавориток - двух незамужних девушек, помогавших ему во всем: от стрижки волос, которые, как и истинно королевская борода, к тому времени здорово отросли, до работ в королевских садах (также известных как оранжерея). Они же сопровождали его и в субботних походах в кино. По словам одной из девушек, император оказался идеальным кавалером: всегда вел себя как подобает джентльмену и относился к ним с уважением. Чего, кстати, нельзя было сказать о многих мужчинах на станции.

Через некоторое время я разрешил ему выходить наружу с сопровождением. Джефф вспомнил, как надевать скафандр, - значит, он еще не утратил контакта с реальностью - и никогда не подавал виду, что хочет открыть шлем. Отойдя метров на двадцать от шлюза, он часто останавливался и смотрел вдаль. Он мог стоять так часами, повернувшись спиной к базе и не говоря ни слова.

Иногда я задумывался о том, что он там видит. Сухую красную пустыню, холодную и безжизненную, камни, разбросанные по унылой равнине под розовым небом? Или нечто, доступное только ему: заросшие лишайниками леса, древние каналы, по которым плавно скользили лодки, города, старые как само время? Джона Картера и Тарса Таркаса, стремившихся навстречу новому приключению, или тиранов, требующих голову Эрика Джона Старка? Или он думал о чем-то другом? О матери и отце, которые его вырастили, о женщине, которую он когда-то любил, о ребенке, которого никогда не увидит?

Не знаю. Император редко разговаривал со своим премьер-министром. Думаю, он избегал меня потому, что я обладал властью, способной пошатнуть его иллюзии. За все время, что он прожил у нас, мы едва обменялись несколькими фразами, вплоть до того самого дня, когда он наконец сел на челнок.

Тем утром я отвез их с доктором Розенфельдом на посадочную площадку, где уже ждал транспорт. Я не смог разглядеть лицо Джеффа через забрало шлема, но, похоже, радости он не испытывал. Его Величество знал, что покидает свою империю. Карл не стал смягчать удар и сказал ему правду: они улетают на Землю, и Джефф, скорее всего, никогда больше не увидит Марс.

К нашему прибытию багаж уже погрузили, и на поле стояла горстка пассажиров. Я пошел провожать Джеффа и Карла. Пожав руку доктору и пожелав ему счастливого пути, я повернулся в Джеффу.

- Ваше Величество... - начал я.

- Вы не должны меня так называть, - прервал он.

- Прошу прощения?

Джефф шагнул ко мне.

- Я знаю, что я не император. Уже давно это понял... просто не хотел никому говорить.

Я бросил взгляд на Карла. Он вытаращил глаза и покачал головой.

Для него это тоже оказалось новостью.

- Значит, ты знаешь, кто есть на самом деле?

Мой собеседник слабо улыбнулся.

- Джефф Хелберт. Со мной что-то не так, не понимаю, что именно... но знаю, что я Джефф Хелберт и возвращаюсь домой, - он поколебался, затем все же продолжил: - Мы с вами почти никогда не разговаривали, но... доктор Розенфельд рассказал, что вы сделали для меня, и я хочу вас поблагодарить. За то, что помогли мне все это время и позволили стать императором Марса. Надеюсь, я не доставил вам много хлопот.

Я медленно выдохнул. Сперва я подумал, что он выставил всех нас идиотами, но затем понял: его мания величия все-таки была настоящей, по крайней мере какое-то время. В любом случае, теперь это не имело значения. Он возвращался на Землю - делал первый шаг на долгом пути к выздоровлению.

Несколько месяцев спустя я получил письмо от Карла. Вскоре после возвращения на Землю Джефф согласился пройти лечение в частной клинике в Южном Вермонте. Процесс этот оказался болезненным. Как и предполагал Карл, разум Джеффа подавил воспоминания о гибели его семьи и заменил их фантастическими видениями из прочитанных им книг. Психологи согласились с доктором Розенфельдом: скорее всего, именно бегство в фантазии и спасло Джеффу жизнь. Его разум нашел защиту, которая помогла справиться с трагедией. В конце концов, когда он перестал нуждаться в иллюзиях, безумие отступило. Джефф больше не видел марсианских принцесс и не считал себя правящим монархом Красной планеты.

Но все это было впереди. А тогда, на посадочной площадке, я прикусил язык и протянул ему руку.

- Не беспокойся, Джефф. Надеюсь, у тебя все будет в порядке.

- Спасибо, - пожав мою руку, Джефф повернулся к Карлу и вместе с ним направился к трапу. Затем остановился и вновь посмотрел на меня. - Есть еще кое-что...

- Да?

- Думаю, вам стоит заглянуть в мою комнату. Перед отъездом я отключил замок, так что пароль вам не понадобится, - он замолчал.

- Но если что, пароль - «Тувия».

- Спасибо, - я посмотрел на него с любопытством. - Так что же там?

- Считайте это подарком императора, - ответил он.

Я отошел к краю посадочной площадки, дождался, пока транспортник взлетит, а затем направился ко второму куполу. Когда я добрался до комнаты Джеффа, там уже собрались колонисты. Несколько его друзей, фаворитки императора, кое-кто еще - они открыли дверь и вошли. Еще в коридоре я услышал изумленные возгласы, но лишь войдя в комнату понял, что их вызвало.

Комнату Джеффа едва ли можно было назвать просторной, но за

последние полтора года он проделал большую работу. Всю стену над его кроватью покрывали склеенные листы бумаги, на которых он нарисовал фреску. Фреска изображала Марс - владения императора: похожий на лодку летательный аппарат, парящий над городом, жуткие создания, крадущиеся по красным пустошам, герои с голыми торсами, с рапирами и радиевыми пистолетами, защищающие красивых женщин, и все это под двумя лунами, абсолютно не похожими на знакомые нам Фобос и Деймос. Рисунок не отличался изяществом, но нам никогда еще не доводилось видеть ничего подобного. Джефф выполнил его с потрясающей тщательностью.

И это еще не все. На столе рядом с компьютером лежал диск, снятый с «Феникса». А рядом располагался самодельный книжный шкаф, на полках которого лежали аккуратно сложенные стопки бумаги - одни потолще, другие потоньше. Каждую стопку соединяла конопляная веревка. Шкаф заполняли книги, написанные и переплетенные от руки.

Я выбрал одну наугад и посмотрел на название: «Эдисоновское завоевание Марса». Автор - Гаррет Сёвисс. Положил книгу обратно на полку, взял другую: «Сокровища марсианской короны» Пола Андерсона. Там были еще и еще - целое множество книг.

Вот чем Джефф занимался все это время: он переписывал содержимое диска с «Феникса», слово за словом. Несмотря на свое безумие, он понимал, что не сможет вечно жить на Марсе, поэтому хотел что-то оставить после себя. И он оставил библиотеку, чтобы другие смогли прочесть истории, помогавшие ему пережить тяжелые времена.

Библиотека до сих пор там, мы даже ее усовершенствовали. Кровать и комод убрали, поставив вместо них кресла и лампы для чтения. Фреску для сохранности поместили под стекло, а для книг сделали пластиковые обложки. Диска там больше нет - он теперь хранится в музее, но его содержимое переписали на сотню новых. Мы дополнили коллекцию очередными томами. Каждый раз, когда с Земли прилетает челнок, он привозит нам новые книги. Комната Джеффа стала для жителей Арсии одним из любимых мест отдыха. Почти все время кто-нибудь сидит там в кресле с книгой в руке.

Надпись на двери гласит: «Марсианская императорская библиотека» - местная шутка, которую не понимают новички и туристы. И, да: я и сам провел там немало времени.

Никогда не поздно приобщиться к классике.

Перевел с английского Алексей КОЛОСОВ

© Allen M. Steele. The Emperor of Mars. 2010. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Asimov's SF» в 2010 году.

ВАВИЛОНСКИЙ ПОДРЯД

Далия ТРУСКИНОВСКАЯ. ДУРНИ ВАВИЛОНСКИЕ. Снежный Ком

Все фантастические истории - отражение современности. Можно поспорить, но не в этом случае. Новый роман Далии Трускиновской погружает нас в библейские времена, обращаясь к легенде столпотворения, и тут же недвусмысленно отсылает вдумчивого читателя к насущным проблемам социума и государства. Главные герои романа - деревенские парни. Дружные, открытые, по-простецки сметливые, и все же каждый наособицу. Есть в этих симпатичных простаках что-то апостольское. И эпоха вполне подходящая.

Работать с многофигурными композициями Далии Трускиновской не впервой. Твердой рукой автор направляет шестерых «вавилонских дурней» из родной деревни Субат-Телль в столицу. Им предстоит принять участие в грандиозном строительном проекте, работая за еду и мелкую монету. «Нам платят - мы гоняем тачки. Выплатим долг - будем хорошо зарабатывать, снимем комнаты в городе...» Ничего не напоминает? Сколько таких Абадов и Гугудов ладят панельный новострой по окраинам Москвы?

Дальше - больше. Описывая устройство башни, Трускиновская не только предлагает остроумное объяснение неустойчивости этой внушительной конструкции, но отсылает читателя к современной общественно-экономической модели. Здесь вам и инфляция, и финансовое неравенство, и проблемы среднего класса, и непростые отношения автохтонов с «понаехавшими». Интересна также идея о точке невозврата - высоте, после которой башня начинает работать в убыток. Намерено или случайно, но писательница устами авантюристки-вербовщицы Ташахегаль вторит свидетельствам

ученых-исследователей высотного строительства, утверждающих, что сверхвысокие здания не окупают себя.

Строительство башен (а их в романе не одна и не две) - процесс не только инженерный, но и сакральный. Здесь и хрестоматийное стремление достучаться до небес, и одновременно желание вознестись над тварным миром, уподобившись небожителям. Созидание столпов также может интерпретироваться и как метафора любого делания. Ведь каждый из нас в каком-то смысле строитель собственной башни. Однако как бы высоко человек ни вознесся, бренное тело всегда напомнит о себе. В конечном итоге все высокие устремления упрутся в физиологию, а над тронами богов междуречья возникает всемогущий призрак золотого тельца. Башни рушатся, но рядом тут же возникают новые...

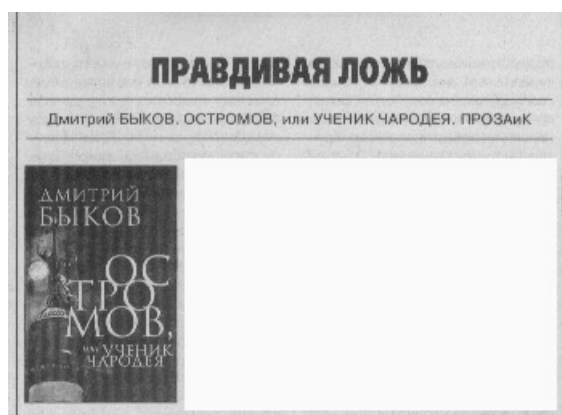
Сейчас у читателя может сложиться мнение, что роман представляет собой сплошные рассуждения и аналитические выкладки. Ну уж нет! Перед нами непрерывное действие. Линейная и последовательная цепь событий. Повествование ведется от лица Вагада - одного из «великолепной шестерки». Трускиновская мастерски стилизует текст. У читателя не возникает сомнений в том, что рассказчик - деревенский простак. Бесхитростный, но неглупый, а иногда по-своему поэтичный и мечтательный. Однако у столь безупречной стилизации есть и обратная сторона. Словно кто-то снимает фильм про Вавилон в добротных, но упрощенных декорациях. Много места уделяется элементам бытописания. И это также вполне логично, ведь гастарбайтерам, гоняющим тачки, не пристало рассуждать о высоком. Их окружает легко постижимый мир предметов и обязанностей. Однако автор не дает дурням спокойно трудиться.

Именно простота и небогатый кругозор втравливают Вагада и его односельчан в непростую ситуацию, из которой молодые люди выкарабкиваются только к развязке. Привычка держаться вместе позволяет парням из Субат-Телля стойко преодолевать сложности, которые они частенько создают сами. Постепенно главные герои приобретают полезный опыт, знакомятся с самым разнообразным людом - от простых рабочих до заносчивых жрецов и хитрых высокородных, затеявших сложную игру с необычной машиной, состоящей из веревок, воротов и глиняных табличек.

«Дурни...» - роман-постижение. Со свойственной аграриям неторопливостью бывшие крестьяне вникают в суть происходящих в большом мире событий и выносят собственное суждение. Наблюдая за эволюциями, которые проходят погонщики тачек, невольно начинаешь проводить параллели с нашим сегодня. Известная косность, присутствующая в народе, все так же легко используется сильными мира сего, а медленно зреющее недовольство выливается в бессмысленные и беспощадные бунты и погромы. Выработать свою

точку зрения, отличную от навязанной сверху, - это очень непростое дело. Особенно сейчас, когда средства массовой информации, агитационные и рекламные памфлеты легко делают из умнейшего человека вавилонского дурня.

Николай КАЛИНИЧЕНКО

ПРАВДИВАЯ ЛОЖЬ

Дмитрий БЫКОВ. ОСТРОМОВ, или УЧЕНИК ЧАРОДЕЯ. ПРОЗАИК

Во времена «жестоких чудес» разрывы и сломы былых человеческих отношений нарушают общую связность мира и открывают дорогу сверхъестественному... Роман «Остромов», продолжающий (или завершающий) «питерский» цикл, начатый «Оправданием» и «Орфографией», уже вызвал множество откликов - от восторженных до раздраженных. Раздражает в романе то, что рецензенты обычно называют «избыточностью»: здесь слишком много всего. Разговоров о судьбах мира и России, идей, действующих лиц, литературных аллюзий, словесной игры.

Что правда, то правда. «Остромов» и задуман как «большой русский роман», заведомо предполагающий избыточность. К тому же это исключительно живой текст. Читать его легко уже потому, что автору было легко его писать (это чувствуется).

Обширный «Остромов» описывает оккультные объединения околевающего общества и посвящен возникновению и разгрому ленинградского (уже ленинградского!) масонского кружка, организатор которого - веселый и циничный жулик Остромов (одновременно добровольный осведомитель Лубянки) - намерен всего-навсего немножко отъесть после голодных революционных лет, подкупить денег и удрать за границу. Удрать, однако, не удастся: кружок, где собираются несчастные и нелепые люди, выброшенные из привычной

жизни и хватающиеся за мистику как за последнюю соломинку, становится разменной монетой в сфере высших правительственных интересов и интриг. Участников арестовывают, потом выпускают, но жизнь их после этого уже никогда не будет прежней. Однако один из учеников Остромова - наивный и трогательный Даня - верит своему наставнику столь истово, что и впрямь превращается в визионера.

Тема неправды, которая в силу обстоятельств становится правдой, есть известный литературный мотив (вспомним хотя бы «Двойную звезду» Хайнлайна). и недаром современные фантасты раз за разом живописуют один из самых страшных и значимых историко-географических локусов XX века - предреволюционный и революционный Петербург (например, «Хрустальный мир» Пелевина). Обращение к «бездне мрачной на краю» тоже имеет свою почтенную традицию. Фантастика, собственно, и занимается такими граничными ситуациями. Дело даже не в том, что гибель старого и возникновение страшного нового дает писателю неисчерпаемый источник тем и сюжетов. Просто человеческое превращается сначала в сверхчеловеческое, затем в нечеловеческое, а потом и бесчеловеческое.

В коллективном бессознательном кровопролитие неизбежно сопряжено с прорывом в нижний мир. Гекатомбы 1920-х, выбросив каждого отдельного человека из привычного окружения и оставив его один на один с равнодушным и непонятым мироустройством, в массовом порядке порождали визионеров и пророков.

Даня Галицкий (легко угадывается его прототип - Даниил Андреев, автор «Розы мира») и стал таким пророком. И что за дело, если толчком к его преображению было лжеучение (в сущности, набор красивых и загадочных фраз и бессмысленных упражнений «в медитации») веселого жулика Остромова.

Но в быковском сюжете один обман вложен в другой, как матрешки, с той только разницей, что внутри не самая маленькая и неделимая деревянная фигурка, а пустота: визионерская, выстраданная «Роза мира» (у быковского героя она называется иначе) оказывается такой же обманкой, ложно-красивой завесой, скрывающей страшную машинерию, где человеческому места нет. Выбор героя в пользу «слезинки замученного ребенка» - единственное человеческое, что у него осталось, - закрывает ему дорогу в высшие сферы...

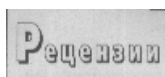
Добро и зло существуют только там, где обретается человек.

Это, казалось бы, очевидные истины - и роман полон таких истин, которые, сталкиваясь и вступая в сложное взаимодействие, порождают новые, неожиданные смыслы.

Конечно, «Остромов», как и всякий «большой русский роман», это книга о судьбе России, по поводу которой автор не испытывает никаких иллюзий (пассаж о гальванизированном ходячем трупе,

разлагающемся на ходу и требующем для своего призрачного существования все новых и новых жертв, приводят уже так часто, что цитировать его нет нужды). Но главное - это роман о тщетности мистических порывов, о простых смыслах, о том, как трудно их найти и как легко отнять, страшный и точный диагноз человеческому в человеке. Это очень неудобный роман. Иными словами, настоящий.

Мария ГАЛИНА

Рецензии

Александр ГРОМОВ
ЧЕЛОВЕК ОТОВСЮДУ
Москва: Эксмо, 2011. - 448 с.
(Серия «Русская фантастика»).
12 000 экз.

Новый роман Александра Громова продолжает его же «Ребус-фактор». Тот же главный герой - Ларс Шмидт с планеты Твердь, та же работа спецагента. Но на все прежние события своей жизни твердианин получает возможность посмотреть «с высоты птичьего полета». Сверхцивилизация Ореол берет его на работу в качестве «мусорщика» - агента, наделенного почти всемогуществом (по человеческим понятиям) и назначенного для выполнения заданий на планетах, заселенных людьми. Как если бы людены наняли обыкновенного человека для такого труда на Земле, который для самих люденов скучноват и грязноват. Шпионская деятельность и сражения с землянами - все самое яркое в биографии Ларса Шмидта, пока он не стал «мусорщиком», - выглядят какими-то тараканьими бегами на фоне могущества, дарованного ореолитами.

Сюжетный поворот придает всей книге принципиально иной смысл по сравнению с «Ребус-фактором». Она, в сущности, о кризисе среднего возраста. Мужчина печалится о тех славных временах, когда он был молод, глуп, бесстрашно лез в драку, не позволяя себе думать о том, что шансы на победу ничтожны. Тогда он знал, чего ему хочется в этой жизни. А потом он стал сильнее и умнее, но смысл жизни от него ускользнул. Иногда он все еще хочет кому-то помочь, кого-то спасти, и, кроме того, в нем жив анархический инстинкт «больше свободы!». Может быть, в следующем романе эта жажда заставит его бунтовать

против господства ореолитов, и мятеж наполнит его жизнь смыслом...

В «Человеке отовсюду» с Громовым произошла печальная история, последние годы нередко случавшаяся с лучшими нашими фантастами, название которой - утрата драйва. Никогда прежде в книгах А.Громова не хотелось перелистнуть страничку-другую, чтобы миновать полосу тягомотины. Но в этом романе поток переживаний и рассуждений центрального персонажа зашкалил за приемлемую величину.

Дмитрий Володихин

**ЛУЧШЕЕ ЗА ГОД
XXV/II: НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА, КОСМИЧЕСКИЙ БОЕВИК,
КИБЕРПАНК**

СПб.: Азбука, 2010. - 464 с.

Пер. с англ.

5000 экз.

Рассказы и короткие повести второго тома юбилейной антологии Гарднера Дозуа разнообразны по тематике: они простираются от вопросов происхождения жизни до природы Вселенной и всего остального.

Традиционно хорош Грег Иган («Лихорадка Стива»), сплетающий ткань повествования из нанороботов, виртуальной реальности и природы сознания. Второй фаворит антологии - знакомый читателям «Если» рассказ «Пророк с острова Флорес», написанный восходящей звездой «твердой» НФ Тедом Косматкой.

Неожиданная «собачья» тема связывает рассказы Роберта Рида и Нэнси Кресс. Удивительный тендерный кульбит: «Рокси» первого оказывается более лиричным, чем «Правила выживания» второй.

Очень интересны психологические детективы Пэт Кэдиган «Ничего личного» и Грегори Бенфорда «Темные небеса» - рассказ, также знакомый читателям «Если». Идеальное сочетание для НФ-детектива: убедительная психология героев и поистине фантастическая загадка преступления.

К сожалению, процент творческих неудач в этом выпуске выше, чем в предыдущих томах. В рассказе «О любви и других чудовищах» Ванданы Сингх, недавно выступившей в журнале с блестящей новеллой, нашлось место и сверхспособностям героя, и астрофизике, и национальному индийскому колориту, и инопланетной цивилизации, однако повествовательной логикой писательница не озаботилась. Получилась своеобразная болливудская переделка голливудского блокбастера. Неудачен и рассказ постоянной нашей знакомой Кристин Кэтрин Раш «Взрывные воронки», откровенно спекулирующий на теме

терроризма. Рассказ буквально переполнен махровым американским патриотизмом и фальшивыми эмоциями.

Разделение оригинальной антологии на два тома дает повод пренебречь авторским замыслом и сравнить книги между собой: первая не в пример сильнее укомплектована. Второй же том слишком неравноценен по качественному составу отобранных текстов.

Сергей Максимов

Сергей ЛУКЪЯНЕНКО

НЕПОСЕДА

Москва: АСТ - АСТРЕЛЬ, 2011. - 477 с.

120 000 экз.

Вселенные меча и магии, подобно зыбучим пескам, легко засасывают как читателей, так и авторов.

Новые приключения ждут юного мага Трикса Солье в песках Самаршана. Серьезная опасность угрожает столичному городу Дахриан, а заодно и всему миру. На пути к решению этой обычной для фэнтези, но, разумеется, непростой задачи Триксу приходится основательно потрудиться. Призвать новых союзников и примириться со старыми врагами.

Регулярно возникающая в фэнтезийном повествовании «пустынная локация» становится для героя отличной школой взросления. Трикс знакомится с новыми магическими законами и ограничениями, действующими в мире, где заклинания имеют свойство стираться от частого использования. Автор дополняет созданную им систему рядом важных пояснений. Оказывается, доскональное знание предмета или явления, которые стремится вызвать чародей, совсем не помогает, а наоборот, мешает настоящему магу. Главное - это сильное желание, выраженное верными словами. Если вспомнить о том, что волшебник в мире, созданном Лукьяненко, во многом схож с писателем (или, скорее, сказителем), то подобное пренебрежение техническими деталями становится вполне понятным.

Вторая книга о приключениях Трикса Солье читается столь же легко, как и первая. Видно, что автор от души повеселился, насыщая текст скрытыми и явными цитатами, литературными шарадами и знакомыми образами. Освещая предыдущий роман цикла «Недотепа», рецензент уже упоминал, что Лукьяненко избрал для вселенной Трикса нарочито традиционную форму, добиваясь оригинальности звучания за счет нестандартной трактовки привычных для фэнтези штампов и аллюзий на современность. Подобный метод использует, например, и великий Терри Пратчетт в цикле книг о Плоском мире. Кто-то может сказать,

что высмеянный штамп все равно остается штампом. Как бы то ни было, чтение «Непоседы» приятно развлечет вас, а это уже немало.

Николай Калиниченко

Майкл ФЛИНН

ЭЙФЕЛЬХАЙМ: ГОРОД-ПРИЗРАК

Москва - СПб: АСТ - Астрель, 2010. - 607 с.

Пер. с англ. А.Бодрова.

5000 экз.

Это НФ-роман «новой формации», пока что не имеющей российских аналогов. Нечто вроде «Ложной слепоты», уже прозванной в фэндоме «Сложной лепотой». Подобные книги отличает наличие нескольких относительно новых научных гипотез, обычно излагаемых в популярной форме, и солидная философская (в данном случае философско-религиозная) подкладка.

Молодой ученый-историк обнаруживает, что в Средние века с лица земли исчезла среднеевропейская деревня Эйфельхайм, а место, где она располагалась, с какого-то времени считается проклятым. Одновременно возлюбленная героя (физик по профессии) разрабатывает теорию перемещения в подпространстве, и, конечно же, эти два исследования оказываются тесно связаны между собой. Насекомоподобные пришельцы, посетившие Землю в Средние века и вследствие крушения вынужденные существовать бок о бок с жителями деревни, высокомерны и вспыльчивы, но, постепенно сближаясь с людьми и даже приняв христианство, учатся милосердию и самопожертвованию.

При всех промахах и неточностях (в том числе и переводческих) роман являет собой странный памятник, почти панегирик просвещенному Средневековью с его богословскими диспутами и мировоззренчески обусловленной политкорректностью: население Эйфельхайма, в конце концов, принимает «кузнечиков» как односельчан и единоверцев. К тому же Флинн ведет с читателем хоть и не слишком тонкую, но увлекательную постмодернистскую игру (например, местный священник Дитрих, когда-то обучавшийся в Сорбонне, для странных устройств и занятий пришельцев придумывает термины «микрофон», «фотография» и проч.). Самое интересное здесь не столько собственно фантастика, сколько исследование психологии средневекового христианина, готового принять чудеса, которые у нашего современника вызвали бы оторопь и культурный шок, и легко вступать в контакт с созданиями, каковые нам показались бы, мягко говоря, чуждыми.

**Уильям Хоуп ХОДЖСОН
ДОМ НА КРАЮ НОЧИ**

Москва: Энигма, 2010. - 560 с.

Пер. с англ. В.Кулагиной и В.Гришечкина.

(Серия «Коллекция Гримуар»).

2000 экз.

В книгу вошли три романа: «Путешествие шлюпок с «Глен Карриг», «Дом на краю» и «Пираты-призраки». Первый из них, самый крупный, публикуется на русском впервые. Итак, с выходом этого тома все основные труды классика мистической прозы начала XX века доступны отечественному читателю.

Сам Ходжсон определял эти романы как «своего рода трилогию, составленную из книг очень разных, но объединенных общей концепцией невероятного». Мир людей - в осаде. Из окружающих бездн в действительность вторгается непостижимое и ужасное. В «морских» романах воплощением невероятного выступает море, с коим автор был знаком не понаслышке. Здесь нет обширных картин мироустройства, как в «Доме» или «Ночной земле», но это тоже Ходжсон.

«Путешествие шлюпок с «Глен Карриг» - первый опубликованный и последний написанный роман Ходжсона. Успех побудил писателя издать и остальное. Именно в «Путешествии...» писатель нашел золотую середину между присущей ему страстью к стилизации (едва не погубившей позже «Ночную землю») и занимательностью сюжета. «Путешествие...» подражает морским приключениям XVIII века, однако было тепло принято публикой, да и нашему современнику стиль романа не покажется архаичным. Другое дело, что пассажиры шлюпок с затонувшего парусника «Глен Карриг» попадают не на «привычный» необитаемый остров, а в жуткий мир фантазии Ходжсона. На «необитаемых» островах они сталкиваются не с дикарями или пиратами, а с существами почти inferнальными. При этом «Путешествие...» - наименее мистический из романов Ходжсона, в том смысле, что природа угрожающих человеку монстров здесь может быть объяснена естественным образом. Однако от этого они не перестают быть воплощением потустороннего ужаса. Для борьбы с ними людям требуются все силы. И силы находятся, поэтому «Путешествие...» - еще и самый оптимистический из романов Ходжсона.

Вл. ГАКОВ

АФЕРА ВЕКА

Назвать Рона Хаббарда, столетие которого отмечается в этом месяце, выдающимся писателем-фантастом язык не повернется даже у истовых приверженцев созданного им учения. Хотя в свое время его сочинения занимали заметное место в американской SF, а возвращение Хаббарда в жанр в восьмидесятых годах ознаменовалось появлением сразу нескольких романов-бестселлеров. Но, как в известном анекдоте советских времен, любим (или не любим) мы его совсем не за это! Потому что другая ипостась Рона Хаббарда привела к результатам поистине фантастическим. Поучительным и не потерявшим актуальности по сей день.

Дело в том, что никому до Хаббарда не удавалось столь беззастенчиво превратить новый «религиозный культ» в сверхуспешное коммерческое предприятие. Об этом писателе-фантасте многие в нашей стране узнали сначала благодаря именно его второй - квазирелигиозной - деятельности. На Западе разразился скандал в связи с Церковью Сайентологии (которая на поверку оказалась обыкновенной коммерческой организацией, укрывшейся за сакральной вывеской для банального ухода от налогов), ну и мы здесь тоже отреагировали... Попутно отдельные осведомленные авторы припомнили Хаббарду и созданную им же ранее дианетику - квазинаучную теорию и практику «духовной терапии». То есть учения, обещающего всем страждущим все и сразу и без особых усилий. И, самое главное, не допуская какой-либо научной проверки.

Новый взрыв интереса к дианетике и сайентологии пришелся у нас на годы перестройки, когда наконец пали последние цензурные бастионы.

А в особенности - на ранние девяностые, когда из-за кордона хлынули и получили «высочайшую» поддержку многие прежде запрещенные учения и теории. Достаточно вспомнить заплонившего в те годы «ящик» слепого гуру из экзотической «Аум синрикё»... Не обошли своим вниманием новую Россию и сайентологи - благо денег и напористости последователям Хаббарда было не занимать.

В 1990-е мы, по мудрому высказыванию моего покойного деда - профессора-психиатра, - азартно воплощали в жизнь тезис «догнать и перегнать Америку». Многие хорошо помнят тогдашнее поветрие - стремительно плодившиеся центры «психологии управления по Хаббарду» и его же имени центры алкогольной и наркотической реабилитации. И помпезное открытие «библиотечного центра Хаббарда» - на журфаке родного МГУ! С обильным фуршетом и бесплатной раздачей только что выпущенного на русском языке романа последнего «Страх». Это не страх был - ужас и позорище.

Так что если не сами дианетика с сайентологией, то уж творец всего этого «шабаша на полстолетия» (перефразируя название истории НФ, написанной Брайаном Олдиссом), во всяком случае, заслуживает того, чтобы помянуть его в наступившем юбилейном году.

* * *

Рональд Лафайетт Хаббард родился 13 марта 1911 года в городе Тилдене (штат Небраска). Его отец был военным моряком, и благодаря ему будущий писатель в шестнадцатилетнем возрасте два года провел на экзотическом острове Гуам, где располагалась главная американская военно-морская база. На Гуаме молодой Хаббард познакомился с неким военврачом, только что вернувшимся из Вены, где тот изучал психоанализ под руководством самого Фрейда. Оттуда, с далекого острова, с заочно усвоенного фрейдизма, все и пошло...

А вот многочисленные путешествия будущего гуру по Индии, Китаю и Тибету, почерпнутая там «мудрость буддистских лам» - скорее всего, фантазии самого Хаббарда, безоговорочно поддержанные адептами. Когда он все это описывал в своих сочинениях и многочисленных интервью, за его плечами имелся уже изрядный стаж профессионального писателя-фантаста: немудрено было и приврать.

Зато доподлинно известно, что Хаббард учился на инженера в престижном Университете Джорджа Вашингтона. Учился спустя рукава (отличные оценки имел только по физкультуре), предпочитая скучным лекциям деятельность куда более увлекательную - активно писал в студенческую многотиражку. На второй курс Хаббард кое-как переполз с «хвостами», но по окончании учебного года бросил вуз. Его увлекли яхты и самолеты, и со временем он получил дипломы летчика и

матроса-рулевого - вместо университетского. Диплом «почетного доктора наук Университета Секвойя в Калифорнии», полученный в 1953-м, не в счет. Спустя тридцать лет «университет» (а на деле - контору, рассылавшую за деньги по почте любые дипломы) власти штата прикрыли. А еще позже выяснилось, что владельцем конторы был сам Хаббард - выходит, он присудил диплом самому себе...

В том же предвоенном десятилетии он стал отчаянным путешественником и совершил несколько «морских археологических» экспедиций по Карибам. А когда Соединенные Штаты вступили во Вторую мировую войну, записался во флот. Там поначалу служил в отделе общественных связей ВМФ. Все попытки перевестись с повышением в военно-морскую разведку оказались неудачными, и Хаббарда отправили служить на «морской охотник». Но и там не задалось - все опубликованные впоследствии воспоминания старого морского волка, как он выследил японскую субмарину у берегов Калифорнии, а после этого работал физиком-ядерщиком в некоем «секретном военно-морском центре» (хорошо хоть не участвовал в знаменитом «филадельфийском эксперименте»!), оказались сродни рассказам об учебе у тибетских лам...

Много позже, в 1984-м, во время очередного судебного процесса судья в своем вердикте назвал Хаббарда «харизматическим лидером, обладающим большими возможностями по части мотивации, организации, контроля и манипуляции своими последователями». Добавив, что «представленные доказательства рисуют мистера Хаббарда как патологического лжеца во всем, что касается его истории, происхождения и достижений в жизни».

Впрочем, к концу сороковых военных моряк-неудачник достиг безусловных успехов на ином поприще - литературном. Начиная с 1933 года Хаббард за пять лет «наваял» аж 138 романов - фантастических и приключенческих! Но рекорд Азимова, начавшего писать фантастику чуть позже, устоял - ибо львиная доля раннего хаббардовского творчества так и не увидела свет³⁵. И все же романы «Пишущая машинка в небе», «Окончательное отключение» или ранее упоминавшийся психологический хоррор «Страх» (все вышли в 1940 году), как и цикл произведений о космическом враче-долгожителе («старом доке Мафусаиле»), не прошли незамеченными. Во всяком случае, в истории американской science fiction и особенно ее «кэмпбелловского» поколения фамилия Хаббард стоит в одном ряду с

³⁵ * За всю жизнь Хаббард опубликовал не более двух десятков научно-фантастических романов. Тем не менее в 2006 году он оказался в «Книге рекордов Гиннеса» как «самый публикуемый и переводимый автор в мире», на счету которого 1084 произведения, переведенных на 71 язык, (Здесь и далее прим. авт.)

беспорными классиками - Азимовым, Хайнлайном, Саймаком...

* * *

После окончания войны Хаббард почти перестал писать фантастику. Его захлестнуло новое увлечение - им же изобретенная дианетика. Не случайно создатель новой «науки на грани фантастики», получив ожидаемые отказы из редакций серьезных научных изданий, решил опубликовать краткое резюме своей дианетики в журнале научной фантастики! Причем в самом авторитетном на ту пору «Astounding Science Fiction».

Его редактор легендарный Джон Кэмпбелл имел безошибочное чутье на талант - это общепризнанно. Менее известно, что он был еще чрезвычайно увлекающимся человеком. Поддержавшим многих экстравагантных чудаков, чьи безумные идеи и теории напрочь отвергались официальной наукой. Среди них - и дианетика Хаббарда, впервые представленная читающей публике на страницах журнала в 1949 году. Правда, уже два года спустя Кэмпбелл - дипломированный инженер - изменил свое отношение к дианетике на противоположное. Но лавина к тому времени уже набрала ход и неслась, сметая все на своем пути. Остановить эту стихию было не под силу никаким ученым скептикам^{*36}. Куда им - ведь новая «наука», как декларировал ее создатель, обещала исстрадавшемуся от многочисленных стрессов человечеству полную победу над нежелательными ощущениями и эмоциями, иррациональными страхами и психосоматическими заболеваниями!

По Хаббарду, причина всех перечисленных выше невзгод заключена в так называемых энграммах - особых «записях» в мозгу обо всех пережитых в прошлом физических и психических травмах. А предложенная психотерапевтическая практика («аудит», осуществляемый с помощью неких «электропсихометров») будто бы избавляет мозг человека от воздействия энграмм, возвращая индивиду здоровье и ясный («очищенный») ум, поднимая настроение и интеллектуальный потенциал.

Книга, излагающая основы нового учения, впервые вышла в 1950 году и сразу же стала бестселлером. Не помешали распространению нового

³⁶ * К слову, многие коллеги по фантастическому цеху с самого начала не скрывали своего отрицательного отношения к дианетике. Айзек Азимов отказывал ей в праве именоваться наукой. А Джек Уильямсон высказался еще резче: «Фрейдизм, переписанный лунатиком». Адекватной оценкой «Дианетики» стало посмертное присуждение ее автору «Игнобелевской премии» за 1994 год.

поветрия и предостережения специалистов во главе со знаменитым психологом Эрихом Фроммом, заявивших об отсутствии каких бы то ни было эмпирических доказательств как существования таинственных энграмм, так и благотворного воздействия описанной методики на пациентов.

Можно было бы говорить об очередном «заговоре спецов» против новатора, если бы Хаббард не пошел дальше, создав вслед за психотерапевтической практикой еще и настоящий квазирелигиозный культ. Причем отнюдь не бескорыстный - глава созданной в декабре 1953 года Церкви Сайентологии не скрывал от своих ближайших друзей, что главной целью являются материальные отнюдь не возвышенные. Ну, а для тысяч, а потом и миллионов рядовых новообращенных произносились все положенные случаю слова: «исцеление и обогащение человеческого духа», «победа духа над косной материей», «получение доступа к прежним жизням» и тому подобное. Все это якобы достижимо с помощью науки - той самой дианетики.

Сайентологические центры начали расти, как грибы после дождя, сначала по всей Америке, а потом и на всех континентах. Международная штаб-квартира сайентологов обосновалась в английском графстве Суссекс, в доме, которым некогда владел один индийский магараджа. Бизнес на вере рос и креп - росло и личное состояние самого «пророка». И со временем сей факт привлек внимание заинтересованного ведомства - американской налоговой службы. В результате многолетней проверки ее сотрудники пришли к заключению, что организация Хаббарда - никакая не «религиозная», а всего лишь успешное коммерческое предприятие, ловко избегающее налогообложения.

Последовали санкции и судебные иски. До этого правительства ряда англоязычных стран уже запретили деятельность сайентологов на своих территориях, но на другом основании - как тоталитарную секту. И в 1966 году Хаббард предпочел покинуть Штаты, где над его головой сгущались тучи. Переселившись в Родезию, он объявил себя реинкарнацией не менее знаменитого политика и бизнесмена прошлого, основателя алмазной монополии De Beers Сесила Родса. А чтобы поверили, предложил собственные инвестиции в местную экономику, находившуюся в упадке после санкций ООН (власти страны проводили политику апертеида). Но успеха не добился.

Отказы последовали и от других стран, где глава сайентологов пытался осесть, рассчитывая на спокойную и не бедную старость. Потерпев фиаско, Хаббард в конце концов решил перебраться на единственную территорию, не подвластную земным правительствам и их налоговым службам, - в нейтральные воды мирового океана. Новомодный капитан Немо до конца жизни скитался по морям-океанам на своих судах, не рискуя надолго заглядывать в акваторию какого-

либо государства и наслаждаясь всеми прелестями жизни, которые можно купить за деньги. Особый шок среди последователей гуру вызвало известие, что создатель «действенной методики по реабилитации алкоголиков и наркоманов» сам пристрастился к выпивке и «травкам»...

* * *

В 1980-х Хаббард неожиданно для всех «выстрелил» целой обоймой новых научно-фантастических романов. Это, конечно, чтение на любителя, но объективности ради нужно отметить, что декалогия «Миссия: Земля» и роман «Место битвы - Земля» стали настоящими бестселлерами. Хотя были подозрения, что сами сайентологи закупили «товарные партии» указанных романов, таким образом проталкивая их в «золотой список». Однако экранизация последнего романа, осуществленная известным актером, дипломированным летчиком и убежденным сайентологом Джоном Траволтой, уверенно возглавила другой рейтинг - «Худших фантастических фильмов всех времен».

...Подобно другому мессии и автору бестселлеров - Карлосу Кастанеде, остаток жизни Хаббард провел в добровольной изоляции. И хоронили его, как и Кастанеду, СМИ не единожды - но всякий раз «пророк», как и положено, «воскресал». Пока, наконец, в 1986-м врачи не зафиксировали смерть Рона Хаббарда от инфаркта.

За несколько лет до кончины он пообещал журналистам, что вернется на Землю в новой реинкарнации - политика. А в официальном некрологе Церкви Сайентологии было заявлено: «пророк» сам уничтожил собственную телесную сущность, дабы продолжить свои исследования исключительно в духовной ипостаси «на планете в далекой галактике».

Не жизнь - фантастика!

Курсор

Курсор

Очередной «Басткон» состоялся 21-23 января 2011 года. Это был «ретроконвент», почти полностью посвященный советской фантастике: о ней читались доклады, эта тема присутствовала на различных семинарах. Главным событием стал большой семинар «Титаны советской фантастики», в рамках которого выступили писатели из разных городов бывшего СССР: Геннадий Прашкевич (Новосибирск),

Далия Трускиновская (Рига), Андрей Балабуха (Петербург), Глеб Елисеев (Москва) и другие. Вел семинар Эдуард Геворкян. Всего в «Бастконе» приняло участие около 120 человек.

На конвенте было вручено немало премий. Вот главные из них: «Меч Бастиона» получил Геннадий Прашкевич за вклад в фантастику; «Чашу Бастиона» - Ярослав Веров и Игорь Минаков за повесть «Операция «Вирус»; приз «Иван Калита» достался Роману Злотникову за роман «Царь Федор: Орел взмывает ввысь»; «Бесобой» отдали Далии Трускиновской за повесть «Сиамский ангел», а премию им. В.Одоевского за интеллектуальную фантастику присудили Анне Семироль за рассказ «Мари».

«Матрица» возвращается? Таким вопросом задались поклонники культовой трилогии, узнав две важные новости. Во-первых, в октябре этого года в Лондоне, в Альберт-холле, состоится концерт для «Матрицы» с оркестром. На огромном экране будет показан фильм, а озвучит музыкальный ряд композитора Дона Дэвиса живой оркестр NDR Pops Orchestra... К тому же недавно Кеану Ривзу на встрече с поклонниками неожиданно заявил, что братья (или, по некоторым сведениям, уже брат и сестра) Вачовски собираются снять два фильма, действие которых будет происходить во вселенной «Матрицы». Пресс-служба актера поспешила опровергнуть это заявление, но нет дыма без огня...

Паоло Бачигалупи получил Приз им. Майкла Принца за постапокалиптический роман «Корабельное кладбище». Престижнейшая организация ALA (Американская библиотечная ассоциация) вручила этому хорошо известному читателям «Если» автору премию с формулировкой «За великолепную фантастику для юношества». Еще одну награду, также за детскую литературу, получил и Терри Пратчетт - Приз им. Маргарет Эдвардс, который вручается за достижения всей творческой карьеры.

Юбилейными датами отмечен январь сразу для двух ветеранов «цеха» периодических изданий - журналов «Знание - сила» и «Знамя». Один из лидеров научно-популярной журналистики, отметивший 85 лет с момента выхода в свет первого номера, в советские годы был главной журнальной площадкой для многих фантастов (напомним, что именно на страницах этого издания впервые была напечатана «закрытая» госчиновниками повесть АБС «Жук в муравейнике»). Но и известный член «клуба» литературного мейнстрима, которому исполнилось 80 лет, не чужд фантастике, рассматривая ее не обособленно, а в общем литературном контексте. Редакция журнала «Если» поздравила коллег с юбилеем.

Знаменитый голливудский режиссер Дэвид Финчер решил всерьез заняться масштабной кинофантастикой. На 2013 год запланирована премьера трехмерной экранизации романа Жюль Верна «Двадцать тысяч лье под водой» (в рабочем названии ленты присутствует подзаголовок «Капитан Немо»). А затем Финчер планирует «поднять» канувший было в Лету долгоиграющий проект по экранизации романа Артура Кларка «Свидание с Рамой».

Космическую НФ на российском экране пытается возродить Джаник Файзиев, известный по фильму «Турецкий гамбит». Режиссер совместно с продюсерским центром «Иван», выпустившим фантастическую дилогию Павла Санаева «На игре», готовится к работе над масштабным проектом «Арена». В основе сюжета фильма будут как космические приключения, так и боевые сцены - поединки между представителями различных внеземных рас, которыми зачастую решаются исходы галактических противостояний. Название и фабула вроде бы отсылают к одноименным и имеющим схожий посыл рассказу Фредерика Брауна и американо-итальянскому фильму 1989 года, но пока впрямую об этом не говорится.

Японские ученые, заручившись помощью российских и американских коллег, решили возродить... мамонтов. Международная научная группа во главе с Акирой Иритани из Киотского университета объявила о намерении клонировать древнее животное. Ядра клеток мамонтов возьмут из останков одного из представителей этого ископаемого вида, найденного в Якутии, и внедрят в слоновьи яйцеклетки. Получившийся эмбрион будет вынашивать слониха. Ученые рассчитывают, что проект завершится за пять-шесть лет. Правда, до сих пор подобные проекты проваливались потому, что ткани мамонтов были слишком сильно повреждены из-за холода. Однако в 2008 году японский биолог Терухико Вакаяма сумел клонировать мышь, используя клетки, которые пребывали в глубокой заморозке 16 лет. В том же году был расшифрован геном мамонта. Если мамонтенка удастся вывести, человечество воочию увидит одно из чудес, столь ожидаемых фантастами: мамонта в зоопарке.

In memoriam 21 января 2011 года скоропостижно скончался известный белорусский писатель и переводчик Николай Чадович.

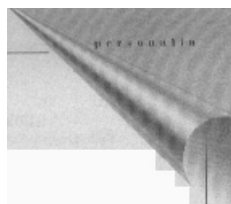
Николай Трофимович Чадович родился в 1948 году в Красной Слободе Солигорского района Минской области БССР. Окончил Московский институт связи, работал в троллейбусном управлении, в минском издательстве «Эридан», связистом на аэродроме - а также писал романы в стиле Чейза и Гарднера. В начале восьмидесятых

годов обратился к фантастике, приобретя друга и соавтора Юрия Брайдера. Первая совместная публикация - рассказ «Нарушитель» - появилась в минской газете «Знамя юности». Писатели стали активными участниками знаменитых семинаров в Малеевке и Дубултах.

Ранние произведения соавторов объединены в сборники «Поселок на краю Галактики» и «Ад на Венере». В 1991 году журнал «Фантакрим-МЕГА» напечатал первый их роман «Евангелие от Тимофея». Это произведение положило начало самому длинному авторскому сериалу - «Тропа». Кроме цикла о Тропе хорошо известны сериалы «Миры под лезвием секиры», «Трилогия об Олеге Намёткине» и «Особый отдел». Творчество писательского дуэта было неоднократно отмечено жанровыми премиями, в том числе «Странник», «Бронзовый кадуцей», «Зиланткон».

В 2007 году от рака умер Юрий Брайдер, после этого Николай Чадович почти ничего не писал...

Агентство F-пресс

personalia

БАКСТЕР Стивен (BAXTER, Stephen)

Один из ведущих представителей современной британской научной фантастики Стивен Бакстер родился в 1957 году в Ливерпуле. Он окончил Кембриджский университет с дипломом математика и Саутгемптонский с дипломом инженера. В 1991 году Бакстер записался в отряд космонавтов, возжелав первым из англичан слетать на советскую станцию «Мир». С 1995 года полностью переключился на литературную деятельность.

В научной фантастике Бакстер дебютировал в 1987 году рассказом «Цветок ксили», а широкая известность пришла к нему после публикации первого романа «Плот» (1991). Последующие романы из цикла о галактической цивилизации ксили - «Времениподобная бесконечность» (1993), «Поток» (1993), «Кольцо» (1994), «Вакуумные диаграммы» (1997, Премия имени Филипа Дика), «Пыль реальности» (2000) и «Верхом на скале» (2002) - составили одну из самых «долгих»

историй будущего. Бакстер описывает историю Вселенной от ее рождения (около 20 миллиардов лет назад) до смерти через 10 миллиардов лет.

Среди других произведений плодовитого английского писателя, опубликовавшего 30 романов и около полутора сотен рассказов и повестей, выделяется «паропанковый» роман «Антилёд» (1993), действие которого разворачивается в альтернативной истории. Роман-продолжение «Корабли времени» (1995) принес Бакстеру Британскую премию по научной фантастике, Мемориальную премию имени Джона Кэмпбелла и Премию имени Филипа Дика. Бакстер еще трижды награждался Британской премией по научной фантастике. Также его перу принадлежат серии «Седловина», «Многообразие», «Мамонт» и другие. В соавторстве с Артуром Кларком он написал трилогию «Одиссея во времени» (2003-2008).

В прошлом году на «Евроконе» по итогам голосования участников Бакстер был признан лучшим писателем Европы.

БЕННЕТ Кристофер (BENNETT, Christopher L.)

Американский писатель Кристофер Беннет закончил Университет Цинциннати с дипломом физика, а через девять лет получил в своей alma mater и второй диплом - историка. Беннет работал корректором, рекламщиком, редактором сетевого ресурса, библиотекарем, пока окончательно не посвятил все свое время литературному труду.

Проба пера в фантастике - рассказ «Автогеноцид с отягчающими обстоятельствами» (1998). С тех пор писатель опубликовал роман «Подвешенный вместе с Богом: Автобиография» (2005), несколько новеллизаций сценариев к популярным теле- и кинофильмам и сериалам (и оригинальные романы на темы последних) - «Человек-паук», «Звездный путь», «Люди-Икс» и другим, - а также рассказы и повести.

ИЛЬИН Владимир Леонидович

Московский писатель-фантаст и переводчик Владимир Ильин родился в 1957 году в городе Златоуст Челябинской области. После окончания московского Военного института (бывший ВИИЯ) работал военным переводчиком с португальского и французского языков, преподавал в родном институте, занимался научно-исследовательской работой. В 1998-м уволился в запас в звании подполковника. С 2000 года работает в Конституционном суде Российской Федерации.

В фантастике дебютировал в 1982-м, а первый авторский сборник «Самые странные существа» вышел в свет в 1995 году. Затем опубликовал романы «Реальный противник» (1996), «Враги по разуму» (1996), «Пожелайте мне неудачи» (1998), «Куб со стертymi гранями» (2000), «Люди феникс» (2002), «Профилактика» (2006) и другие. Его перу принадлежат также сборники повестей и рассказов «500 лет до катастрофы» (2000), «Сны замедленного действия» (2001), «Единственный выход» (2003).

Владимир Ильин хорошо известен в мире фантастики переводами новейших произведений испанских, португальских, латиноамериканских, французских и английских авторов. Он является основным консультантом и переводчиком журнала «Если» в области романоязычной фантастики.

МАКЬЮЭН Пэт (MacEWEN, Pat)

Американская писательница и судмедэксперт Патриция Макьюэн окончила университет с дипломом морского биолога. Однако переключилась на другую специальность - физическую антропологию и девять лет проработала в полицейском управлении города Стоктона, штат Калифорния, где проживает по сей день. Кроме того, Макьюэн участвовала в судебно-медицинских экспертизах, проводимым Международным трибуналом ООН по военным преступлениям в Югославии, в результате чего опубликовала научный труд.

Писать Макьюэн начала в конце 1980-х, а в жанре дебютировала в 1988 году рассказом «Зимняя ночь». С тех пор она опубликовала всего шесть НФ-рассказов. Чаще писательница выступает в жанрах хоррора и детектива.

МОЛОКИН Алексей Валентинович

Писатель-фантаст, бард и переводчик Алексей Молокин родился в 1950 году в городе Павлове Горьковской области. Закончил физфак Горьковского госуниверситета. В годы учебы молодой студент увлекся сочинением и исполнением рок-баллад и блюзов на русском языке. Впоследствии А.Молокин стал лауреатом фестиваля авторской песни «Москворечье-74».

После окончания университета в течение многих лет работал на предприятиях оборонной промышленности. С начала девяностых стал активно выступать в качестве переводчика англоязычной НФ. Тогда же, в 1990-е, в местной печати появились и первые рассказы самого

Молокина. Первой книгой писателя стал роман в жанре фантастической сатиры «Лабух». В 2009 году появился второй НФ-роман писателя «Злое железо».

Алексей Молокин - лауреат литературной премии «Признание». В настоящее время живет в Москве, работает в КБ, где занимается интеллектуальными системами управления движением.

СТИЛ Аллен (STEELE, Allen M.)

Американский писатель Аллен Мальерин Стил-младший родился в 1958 году в Нэшвилле (штат Теннесси) и закончил колледж Новой Англии в Бостоне с дипломом журналиста, после чего защитил магистерскую диссертацию в Университете штата Миссури. Проработав несколько лет по специальности, Стил окончательно переключился на литературную деятельность.

Впервые выступил в научной фантастике с рассказом «Операция «Голубой горизонт» (1988). Затем Стил опубликовал две серии романов и рассказов - «Вселенная Койота» и «Близкий космос», а также три одиночных романа и более полусотни рассказов и повестей, лучшие из которых составили четыре сборника. Рассказы Стила «Смерть Капитана Будущее» (1995) и «Где боятся ступать ангелы» (1997) принесли автору премии «Хьюго». Всего же на ведущие жанровые премии были номинированы десять произведений автора.

СТЭНЧИЛД Джастин (STANCHFIELD, Jastin)

Американский писатель Джастин Стэнчфилд родился в 1970 году и перепробовал много профессий; на сегодняшний день он сам определяет себя так: «профессиональный ковбой-скотовод, временами - водитель снегоочистительной машины, временами - пилот-любитель, временами - музыкант, и в свободное от всего перечисленного выше время - писатель». Типичный фермер из американской глубинки (он живет на семейном ранчо в штате Монтана с женой, трехлетней дочкой, двумя псами и кошкой), Стэнчфилд увлекся литературным творчеством в середине 1990-х годов, а в 1997-м напечатал в журнале для детей свой первый рассказ. Впоследствии опубликовал четыре с половиной десятка рассказов и несколько пьес для театральной труппы, в составе которой и сам играет на сцене. В основном это произведения для детей, но в ряде случаев автор «забирался» в другие жанры - фэнтези, вестерн, литературу «ужасов» и прочие.

В научной фантастике Стэнчфилд впервые выступил в 2001 году, опубликовав рассказ «К морю, и отольются нам наши слезы» (2001). С тех пор опубликовал еще два десятка рассказов и повестей, а также два романа - «Космический ковбой» (2008) и «Времяход» (2009).

**ФРЕДЕРИК Карл
(FREDERIK, Carl)**

Американский ученый-физик Карл Фредерик родился в 1963 году и закончил университет с дипломом физика-теоретика (он специализировался в квантовой теории относительности). После этого защитил диссертацию и работал в НАСА и Корнеллском университете, а в последнее время трудится в небольшой компании, занятой разработкой программного обеспечения. Фредерик посещал курсы для молодых авторов Odyssey и дебютировал в научно-фантастической литературе рассказом «Исследование жуков», опубликованном в 2003 году в журнале «Analog»; там же и в том же году вышел и второй рассказ Фредерика - «Инцидент с космическими мышками». Оба эти произведения были отмечены на ежегодном конкурсе молодых фантастов «Писатели будущего».

В последующие годы автор опубликовал более четырех десятков рассказов и повестей (большинство - в том же «Analog», где его произведения четырежды были номинированы на премию журнала). В настоящее время Карл Фредерик живет с женой, двумя детьми и домашним роботом в сельской местности в окрестностях Итаки (штат Нью-Йорк).

**ЭШБАХ Андреас
(ESCHBACH, Andreas)**

Один из самых популярных современных европейских фантастов А.Эшбах родился в 1959 году в Ульме (в ту пору - ФРГ). Закончил Штутгартский технический университет, где изучал аэродинамику. Позже работал программистом-разработчиком.

В 1991 году автор опубликовал в немецком компьютерном журнале «C't» свой первый рассказ «Dolls» (1991), повествующий о создании идеальных любовниц - синтетических женщин с внешностью фотомодели и интеллектом шимпанзе. В 1993 году основал собственную IT-консалтинговую компанию. В 1995-м написал рассказ «Ковровщик» (1995), на основе которого затем создал свой первый роман в жанре космической оперы. Книга получила самую престижную в немецком фантастическом сообществе премию SFCD-Literaturpreis, а

также НФ-премии Франции и Бельгии. Его романы «Солнечная станция» (1996), «Видео Иисус» (1997), «Железный человек» (2005), «Идеальная копия. Второе творение» (2002), «Один триллион долларов» (2001), «Нобелевская премия» (2005), «Выжжено» (2007), «Особый дар» (2004), «Экспоненциальный дрейф» (2003) и другие заслужили как восторги читателей, так и многочисленные жанровые премии. Большинство книг автора переведено на русский язык, и многие из них были отмечены рецензентами «Если». Рассказ «Квантовый мусор», опубликованный в этом номере журнала, в 2005 году был удостоен премии Deutsche Phantastik Preis Awards.

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ, Юрий КОРОТКОВ и Елена ПЕРВУШИНА

ФЭНТЕЗИ В «ЕСЛИ»

ПОВЕСТИ

Марины и Сергея ДЯЧЕНКО

**«ВКУС СЛОВА»
Марии ГАЛИНОЙ «СОЛНЦЕВОРОТ»**

**РАССКАЗЫ
Святослава ЛОГИНОВА,
Натальи РЕЗАНОВОЙ, Елены ВОРОН,
Дмитрия КАЗАКОВА**

КОММЕНТАРИЙ Юрия Бурносова к опросу на сайте «Если»

ЧИТАЙТЕ АПРЕЛЬСКИЙ ВЫПУСК

ТЕКУЩАЯ ПОДПИСКА

**Наш журнал вы найдете в каталогах «Пресса России» и
«Роспечать» (газеты, журналы).**

**Индекс 73118. Стоимость подписки на 1 месяц - 87 рублей,
включая почтовые услуги. Подписка ведется во всех отделениях
связи.**

